D 1/774
801-84
14797-5

Д 1/774. 801-81/14797-5

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ЛЕЙКИНЪ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ И ПЕРЕПИСКѢ.

Съ двумя портретами и приложеніемъ писемъ къ нему
Ан. П. ЧЕХОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1907.

Разрѣшены Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Находятся въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Москва, Саратовъ, Одесса и Харьковъ) и у всѣхъ книгопродавцевъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ

СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ЛЕЙКИНА:

ВЪ ЛЮДИ ВЫШЕЛЪ. Повѣсть изъ событій 1904 и 1905 годовъ. Цѣна 1 руб.

ГОСПОДА И СЛУГИ. Разсказы. Ц. 1 р.

ГОЛЬ ПЕРЕКАТНАЯ. Разсказы. 320 стр. Ц. 1 р.

КУПЕЦЪ ПРИШЕЛЪ. Повѣствованіе о разорившемся дворянствѣ и о разбогатѣвшихъ купцахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ВНѢ РУТИНЫ. СЧАСТЬЕ ПРИВАЛИЛО. Двѣ повѣсти. 259 стр. Ц. 75 к.

МЕЖЪ ТРЕХЪ ОГНЕЙ. Романъ изъ актерской жизни. 426 стр. Ц. 1 р. 20 к.

ПОДЪ ЮЖНЫМИ НЕБЕСАМИ. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Біарицъ и Мадридъ. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 50 к.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ. Юмористическіе очерки подгородной дачной жизни. Изд. 5-е. 476 стр. Ц. 1 р. 50 к.

ВОСКРЕСНЫЕ ОХОТНИКИ. Юмористическіе разсказы. Изд. 3-е. 335 стр. Ц. 1 р.

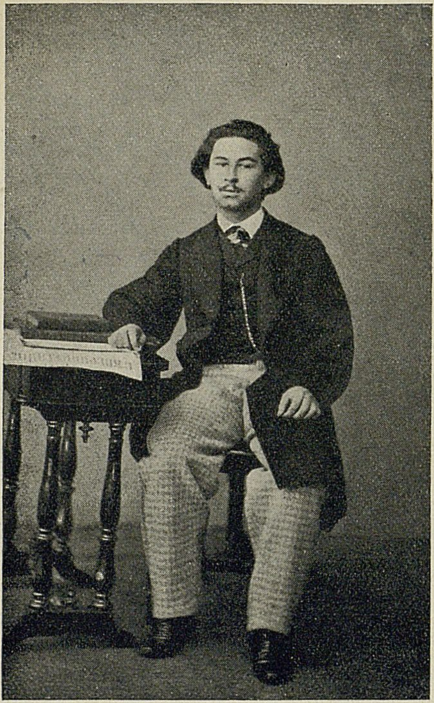
ЗАДУШЕВНЫЯ ПИСЬМА. Юмористическіе разсказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРОКЪ. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ черезъ Славянскія земли въ Константинополь. Изд. 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

ГДѢ АПЕЛЬСИНЫ ЗРѢЮТЪ. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ по Ривьерѣ и Италіи. Изд. 16-е. Ц. 1 р. 50 к.

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Изд. 25-е. Ц. 1 р. 25 к.

НА ЗАРАБОТКАХЪ. Романъ изъ жизни чернорабочихъ женщинъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 20 к.

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

Въ началѣ его литературной дѣятельности.

1860 г.

Д 1/774
14797-5

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ЛЕЙКИНЪ

ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ И ПЕРЕПИСКѢ.

Съ двумя портретами и приложеніемъ писемъ къ нему
Ан. П. ЧЕХОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1907.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

ф 21643-37

2007084346

Помѣщая ниже воспоминанія Н. А. Лейкина, начатыя имъ въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“ и сожалѣя, что они прерваны его смертью почти въ самомъ началѣ, на изображеніи первыхъ шаговъ его литературной дѣятельности обѣщая въ дальнѣйшемъ много интереснаго въ смыслѣ изображенія массы литературныхъ лицъ и цѣлую эпоху, которую покойному пришлось пережить,—мы, на основаніи оставшихся послѣ него дневниковъ, писемъ къ нему разныхъ лицъ и нашихъ личныхъ о немъ воспоминаній, въ особой статьѣ, посильно постарались дорисовать его литературный обликъ.

N. N.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Родился я въ Петербургѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е декабря 1841 г., по тогдашнему наименованію въ Грязной улицѣ, нынѣ Николаевской, во дворѣ, въ деревянномъ домѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ большой каменный домъ подъ № 10. Родился я, по разсказамъ моей матери, недоношеннымъ и долго былъ совсѣмъ хилымъ ребенкомъ. Дабы я дошелъ, меня, по совѣтамъ разныхъ старухъ-кумушекъ, завертывали въ кудель и ежедневно ставили въ корзинѣ на шестокъ русской печи. Грудью кормила меня сама мать. У родителей моихъ было до меня два сына, но эти дѣти умерли, не доживъ и до году послѣ рожденія. Я былъ третьимъ, и росъ первенцомъ. Естественно, что на меня было обращено самое усиленное вниманіе. Меня холили, нѣжили, держали подъ мѣхомъ въ тонкомъ бѣльѣ, батистовыхъ чепчикахъ, гарусныхъ шапочкахъ и шерстяныхъ башмакахъ, такъ какъ мать моя, когда-то портниха, учившаяся

ремеслу у своей тетки, имѣвшей модную мастерскую, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, была большой рукодѣльницей. Эта-то тетка моей матери— Варвара Сергѣевна Шведова, помнившая нашествіе французовъ въ Москву и любившая разсказывать, какъ она отъ нихъ, будучи уже взрослой, спасалась въ 1812 г., была моей крестной матерью. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ дядя мой, братъ отца, Иванъ Ивановичъ Лейкинъ, служившій приказчикомъ въ одной иностранной купеческой конторѣ въ Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, дружившій съ приказчиками-иностранцами и всегда восхищавшійся нѣмцами, англичанами и голландцами.

Мать крестная также отдавала мнѣ все свое вниманіе и задаривала меня, какъ портниха, самыми разнообразными нарядами своей работы. Ребенкомъ одѣтъ я былъ, по словамъ матери, всегда, какъ куколка. Родившись хилымъ, я очень скоро сталъ говорить, но долго не могъ пріучиться ходить и даже стоять на ногахъ. Чтобы придать ногамъ моимъ скорѣе больше крѣпости, меня ставили въ четверикѣ и засыпали овсомъ или горохомъ. Въ овсѣ или горохѣ я пріучался стоять. Отъ груди я былъ отнятъ очень рано, такъ какъ у матери пропало молоко, и меня пересадили на манную кашу, протирая мнѣ десна обручальнымъ кольцомъ, дабы скорѣе выходили у меня зубы, и для этой же цѣли давали кусать солодковый корень. Молочной кашей я питался лѣтъ до трехъ, на горе моихъ родителей, отказываясь отъ другой пищи, такъ что къ супамъ и мясу меня при-

шлось пріучать силой, хотя зубы у меня вышли въ свое время, и говорить я началъ рано.

Такъ разсказывала мнѣ моя мать.

Я—коренной петербуржецъ. Въ Петербургѣ родился я, въ Петербургѣ родился мой отецъ, въ Петербургѣ родился мой дѣдъ—отецъ отца. Прадѣдъ же былъ крестьянскаго происхожденія. Онъ пріѣхалъ изъ деревни, изъ Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ половинѣ XVIII столѣтія сначала въ Ораніенбаумъ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ. Родъ нашъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ купеческихъ. Изъ справочныхъ книгъ Петербургской купеческой управы о лицахъ, платившихъ гильдейскія повинности, видно, что родъ Лейкиныхъ состоялъ въ петербургскомъ купечествѣ съ 1784 г., записавшись изъ ораніенбаумскихъ купцовъ. Въ той же купеческой управѣ имѣются свѣдѣнія, что прадѣдъ мой былъ пирожнаго торга, а дѣдъ галантерейнаго торга. Отецъ разсказывалъ мнѣ, что прадѣдушка мой имѣлъ пирожный курень. Отъ него ходили по улицамъ пирожники-разносчики съ корзинами пироговъ, останавливались около кабаковъ и на мостахъ и выкрикивали: «съ сижкомъ, съ яичкомъ!» Дѣдъ мой уже имѣлъ лавку въ Гостиномъ дворѣ по Большой Суровской линіи, торговалъ кружевами, лентами, вообще товаромъ, который называется прикладомъ для портнихъ и модистокъ. Онъ сильно пострадалъ во время наводненія въ 1824 г. Отецъ мой былъ во время наводненія уже восемнадцатилѣтнимъ юношей и впослѣдствіи очень часто вспоминалъ объ этомъ

бѣдствіи. Онъ даже тонулъ, и его спасли будочники, разъѣзжавшіе на лодкѣ. По его разсказамъ, когда вода сбыла, по улицамъ было очень много труповъ утонувшихъ, которые долго не убирались. Люди ходили по улицамъ и отыскивали своихъ пропавшихъ родственниковъ. На трупахъ лежали мѣдныя деньги, положенныя прохожими на погребеніе. Такихъ труповъ въ особенности было много на набережной Фонтанки, на тротуарѣ, около рѣшетки. Когда вода сбывала, рѣшетка задержала трупы и не дала имъ сплыть въ рѣку.

Также любилъ отецъ разсказывать, какъ онъ во время холеры въ 1831 г. былъ схваченъ на Чернышовомъ мосту стоявшими тогда на набережной Фонтанки и взбунтовавшимися ломовыми извозчиками, искавшими поляковъ, будто бы отравлявшихъ воду. Его приняли почему-то за поляка, обыскали и нашли у него въ карманѣ банку ваксы. Дабы доказать, что это была не отрава, отецъ долженъ былъ отхлебнуть изъ банки малую толику ваксы и тѣмъ спасся.

Вспоминается мнѣ и разсказъ моего отца о государѣ Николаѣ Павловичѣ, также во время холернаго бунта въ 1831 г. усмирявшемъ на Сѣнной площади народъ одними площадными ругательствами. Государь пріѣхалъ на Сѣнную въ самый разгаръ народнаго волненія, поднялся на ноги во весь ростъ въ коляскѣ и сталъ ругать народъ направо и налѣво, а когда усталъ, то, указывая на Спасосѣнновскую церковь, грозно воскликнулъ: «На колѣни!»

— И весь народъ упалъ на колѣни и началъ креститься на церковь,—заканчивалъ отецъ.

Дѣдъ мой не одѣвался по-русски, какъ большинство тогдашнихъ купцовъ, и не носилъ бороды, что я знаю по гипсовой маскѣ, снятой съ него послѣ его смерти и хранившейся у моего отца. Вообще, онъ былъ то, что называлось купцомъ полированнымъ, былъ прилично грамотный, носилъ фракъ, служилъ по выбору въ сиротскомъ судѣ и состоялъ даже членомъ Нѣмецкаго клуба, куда ходилъ очень часто играть въ карты въ ламушъ и бостонъ. Въ этомъ Нѣмецкомъ клубѣ онъ и захворалъ во время игры. Ему сдѣлалось дурно. Его привезли домой, и онъ тотчасъ же умеръ. Дѣда я не помню и записываю это со словъ отца.

Послѣ смерти дѣда торговля въ Гостиномъ дворѣ досталась моему отцу, Александру Ивановичу, и братьямъ его, дядьямъ моимъ, Ивану, Василію и Николаю. Всѣ они, какъ и при жизни дѣда моего, оставившаго послѣ себя вторую жену, продолжали жить вмѣстѣ при мачехѣ, но торговля въ лавкѣ была уже настолько плоха, обременена долгами и разстроена, что не могла питать ихъ всѣхъ, и дяди мои уступили лавку отцу моему, какъ старшему и къ тому же семейному, а сами, какъ холостые, поступили на службу приказчиками, и замѣчательно,—всѣ трое къ купцамъ-иностранцамъ.

Отецъ мой женился по любви. Мать моя, Любовь Ивановна, живя у своей тетки, портнихи и модистки, и работая вмѣстѣ съ ней, будучи молоденькой дѣвуш-

кой, ходила къ отцу моему въ лавку за покупками приклада для платьевъ и шляпъ. Отцу моему она очень понравилась, и онъ женился на ней, довольно, впрочемъ, долго выпрашивая позволеніе на это у своего отца, не соглашавшагося на бракъ.

Мать моя, Любовь Ивановна, родилась въ крѣпостной крестьянской, или, лучше сказать, дворовой семьѣ. Родилась она въ Тульской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Парахинѣ, о которомъ упоминается у Тургенева. Отецъ ея, мой дѣдъ, былъ егеремъ, мать — птичницей. Тетка моей матери, портниха Шведова, сама вольноотпущенная, выкупила мать мою еще дѣвочкой у господъ за 700 рублей ассигнаціями, взяла къ себѣ и стала учить портному и шляпному мастерству. И выйдя замужъ за моего отца, мать продолжала работать. Она шила крестильные чепчики и рубашечки ему въ лавку, а онъ продавалъ. Приготовляла она также для лавки дамскія головныя наколки на каркасѣ, блондовые и кружевные чепцы и украшенія для платьевъ. Я очень хорошо помню тѣ картонные болваны, на которыхъ мать моя мастерила наколки. Они мнѣ, маленькому, служили игрушками. Я углемъ и карандашомъ подрисовывалъ имъ усы и пугалъ ими сестру мою. Болваны эти носили у меня названіе черкесовъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія происходило завоеваніе Кавказа, постоянно были битвы съ горцами, носившими у насъ общее названіе черкесовъ, и даже слово черкесъ было какимъ-то страшнымъ словомъ.

Отецъ мой не имѣлъ никакого капитала для торговаго оборота, кредита тогда почти совсѣмъ не было, торговалъ онъ плохо, хотя жилъ очень скромно. Лавка оказалась ему не подъ силу. Онъ передалъ ее, уплатилъ кое-какіе долги и поступилъ приказчикомъ въ контору Герике, имѣвшаго кладовую съ иностранными товарами въ Гостиномъ дворѣ, на верхней линіи. Онъ поступилъ на сто рублей въ мѣсяцъ, по-тогдашнему очень большое жалованье, которое только и платили иностранцы. Контора Герике находилась на Васильевскомъ Островѣ, въ одной изъ дальнихъ линій, а мы жили на Владимірской улицѣ, въ домѣ барона Фредерикса, который и понынѣ принадлежитъ лицу той же фамиліи, и отцу каждый день приходилось ходить или ѣздить черезъ Исаакіевскій мостъ въ контору. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ. Конокъ тогда и въ проектѣ не было, дилижансы или омнибусы по улицамъ тоже не ходили, и отцу, въ большинствѣ случаевъ, приходилось ходить пѣшкомъ. Въ особенности это было трудно въ ледоходъ, когда разводились Невскіе мосты, которые тогда были всѣ деревянные. Приходилось переѣзжать черезъ Неву на яликахъ и ялботахъ, такъ какъ перевоза черезъ Неву на пароходахъ не было. Я помню разсказъ отца, какъ ему вмѣстѣ съ другими пассажирами случалось застревать во льду, какъ ихъ несло въ ялботѣ по теченію, какъ перевозчики выбивались изъ силъ, ломали объ ледъ весла. Помню, что мать моя въ дни ледохода всегда очень тревожилась объ отцѣ, зажигала у образовъ

лампады, молилась Богу и заставляла насъ, дѣтей, молиться. Уходя въ 8 часовъ утра въ контору за ключами отъ гостинодворской кладовой, отецъ долженъ былъ къ 11 часамъ утра уже явиться въ Гостиный дворъ и отворить эту кладовую для покупателей. И вотъ, въ дни ледохода, сейчасъ же послѣ 11 часовъ утра, мать бѣжала въ Гостиный дворъ узнать, благополучно ли мой отецъ сдѣлалъ свою поѣздку черезъ Неву на Васильевскій Островъ и обратно.

О самомъ себѣ я могу вспоминать съ возраста шести-семи лѣтъ. Въ это время мы жили въ томъ же домѣ на Владимірской, въ квартирѣ о 6 комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ и платили за эту квартиру 30 рублей въ мѣсяцъ безъ дровъ. Осталось у меня въ памяти, что говорили о дороговизнѣ квартиры. Помню, что комнаты были маленькія, окрашенныя клеевой краской, съ панелью другого цвѣта, и по стѣнамъ были выведены фризы, а въ углахъ бѣлыхъ потолковъ намалеваны по трафарету какія-то цвѣтныя вазы. Бумажные обои тогда только еще входили въ моду и были очень рѣдки и дороги. Мебель была потемнѣлаго краснаго дерева, мягкая, но не пружинная, потертая и въ чехлахъ. На окнахъ висѣли кисейныя занавѣски, передъ простѣночными зеркалами на ломберныхъ столахъ съ бронзовыми ободками стояли подсвѣчники съ никогда не зажигавшимися восковыми свѣчами. Стеариновыхъ свѣчей тогда не было, и жгли только сальныя свѣчи, снимая нагаръ съ ихъ свѣтиленъ щипцами. Восковыя свѣчи

передъ большими праздниками всегда мыли съ мыломъ, такъ какъ онѣ до того засиживались мухами и покрывались копотью, что дѣлались пестрыми. Въ углахъ каждой комнаты было по нѣскольку старинныхъ иконъ въ серебряныхъ окладахъ, съ серебряными же лампадами. Иконы эти были родовыя, отъ прапрадѣда, прадѣда и дѣда, и каждая имѣла свою исторію, которыя такъ любилъ разсказывать отецъ. Одна икона Тихвинской Божіей Матери въ натуральную величину называлась старообрядческой. По разсказамъ отца, она досталась прабабушкѣ моей изъ разоренной полиціей старообрядческой моленной. Прабабушка была старообрядка безпоповщинскаго толка, Косцова согласія. Послѣ нея осталось много старинныхъ эмальированныхъ мѣдныхъ складней и старообрядческихъ мѣдныхъ крестовъ. Эти складни и кресты висѣли на иконахъ. Одинъ изъ такихъ складней находится теперь у меня. Покойный Н. С. Лѣсковъ, знатокъ мѣдныхъ складней, опредѣлялъ его древность слишкомъ въ 400 лѣтъ.

Помню, что икона Тихвинской Божіей Матери висѣла въ столовой. Она была въ темномъ кіотѣ. Ликъ иконы былъ коричневый съ преувеличенно большими глазами и настолько необычайными морщинами, что я, мои братья и сестры питали къ ней непреодолимый страхъ, и когда по вечерамъ въ столовой бывало темно, боялись въ нее входить. Помню и то, что когда мы, дѣти, по постамъ украдкой ѣли что-нибудь скоромное, мы завѣшивали ликъ этой иконы, чтобы она не видѣла, что мы дѣлаемъ.

Въ кіотѣ этой иконы, среди кусочковъ артоса, стружекъ отъ мощей, хранилась маленькая рукописная книжечка «Сонъ Пресвятой Богородицы», къ которой мать наша питала суевѣрный страхъ и ни сама ея не читала, ни намъ читать не давала.

Семья у насъ была большая, жили мы тѣсно, но сравнительно чисто. Тараканы и клопы водились, считаясь неизбѣжной принадлежностью жилья, но ихъ, время отъ времени, морили бурой, скипидаромъ, ошпаривали кипяткомъ. Это была своего рода эпоха для насъ, дѣтей, и развлеченіе. Помню, что полы у насъ въ квартирѣ были простые, крашеные, и по субботамъ происходило генеральное мытье ихъ, послѣ чего разстилались половики, полотняныя дорожки, а вечеромъ, во время всенощной, зажигались у иконъ всѣ лампады. И мы, дѣти, бродя по слабоосвѣщеннымъ теплящимися лампадами комнатамъ, чувствовали, что завтра праздникъ, воскресенье. Воскресенье ощущалось и по пирожной опарѣ, которая ставилась въ субботу въ кухнѣ въ большомъ горшкѣ. Безъ пирога въ воскресенье или въ какой-либо праздникъ за столъ не садились. А пирогъ всегда былъ громадный, такъ какъ накормить нужно было много ртовъ. Дабы угодить на разные вкусы, его пекли съ двумя, а иногда и съ тремя разными начинками по концамъ. Пирогъ былъ всегда гордостью кухарки и хозяйки. Въ то время кухарка и цѣнилась въ нашей семьѣ по пирогу. О пирогѣ говорили съ вечера и въ день, когда его ѣли. Въ особенности цѣнились постные пироги. А постное мы ѣли не только по

постамъ, но даже въ среду и въ пятницу. Впослѣдствіи какъ-то среды и пятницы отпали, но посты остались, и я помню, что на первой и на послѣдней недѣляхъ Великаго поста не ѣли даже рыбы. Вотъ въ эти-то недѣли пироги ужъ царили ежедневно, и я теперь удивляюсь тому разнообразію постныхъ начинокъ, которыя тогда намъ предлагались. Пеклись пироги съ капустой, съ лапшой, съ грибами, съ зеленымъ лукомъ, съ гречневой кашей, съ рисомъ, съ манной крупой, съ солеными груздями и т. д., а сладкіе пироги, помимо ягоднаго варенья, съ моченой брусникой, съ сушеной малиной, съ миндалемъ и коринкой, съ изюмомъ и т. д. Каждый день къ столу подавалась какая-нибудь каша. И вотъ поэтому-то у меня и до сихъ поръ сохранилось влеченіе къ пирогамъ и кашамъ.

Вообще мучного и въ скоромные дни ѣли больше, чѣмъ мяса. Помню масленую. На масленой недѣлѣ мясо совсѣмъ исчезало со стола и замѣнялось рыбой, а блины пекли, начиная съ сборнаго воскресенья, каждый день по два раза. Блинная опара заготовлялась такого объема, что въ ней ребенку утонуть было можно. Всю недѣлю квартира наша была пропитана блиннымъ чадомъ. А когда масленица кончалась, у насъ выжигались сковороды отъ скороми. Для этой же цѣли выпаривали горшки, вываривались кастрюли въ щелокѣ, а остатки скоромной ѣды отдавали кучеру, татарину, служившему у кого-то на нашемъ дворѣ. Не говоря уже о масленой и Пасхѣ, когда въ изобиліи пеклись куличи на всю

недѣлю, усиленной мучной ѣдой отмѣчались и другіе праздники. Такъ, напримѣръ, на Крестовоздвиженіе пеклись изъ тѣста кресты, на 40 мучениковъ жаворонки, а во всѣ родительскія субботы — блины и приготовлялся кисель. Кисели ѣли, помимо ягодныхъ, миндальные, гороховые, овсяные. Думаю, что такой перевѣсъ мучной пищи надо приписать относительной дороговизнѣ мяса, потому что помню жалобы матери, что къ говядинѣ «приступа нѣтъ, сдѣлалась 10 коп. фунтъ». Это было въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. А къ этому времени семья уже увеличилась и состояла изъ матери, отца и шестерыхъ дѣтей. Кромѣ того, съ нами жили старуха-бабушка, мачеха отца, Марія Алексѣевна, холостой дядя Василій Ивановичъ, служившій приказчикомъ въ кладовой Франца Боненблюста въ Гостиномъ дворѣ, и тетка моя, родная сестра матери, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Ольга Ивановна, выкупленная изъ крѣпостной зависимости отцомъ моимъ и нашими родственниками въ складчину и взятая изъ деревни. Въ общемъ за столъ садилось 11 человѣкъ, и очень часто приходила къ обѣду мать крестная моя, тетка матери, Варвара Сергѣевна. Кромѣ того, было двое прислугъ: кухарка и нянька. У меня осталось въ памяти жалованье этой прислуги. Онѣ получали по 4 рубля въ мѣсяцъ, обѣ были крѣпостныя и высылали своимъ господамъ оброкъ, помогая и роднѣ въ деревнѣ и посылая деньги только съ оказіей, съ земляками. Такое жалованье тогда считалось хорошимъ. Впрочемъ, ходили онѣ всегда

босикомъ, имѣя обувь только на выходъ. Чулки вязали себѣ сами изъ присланныхъ изъ деревни въ подарокъ отъ родныхъ нитокъ или шерсти.

За покупкой провизіи мать сама ходила или ѣздила въ Ямской мясной рынокъ, находящійся недалеко отъ Владимірской улицы, гдѣ мы жили, и очень часто брала меня съ собой, какъ старшаго. Извозчики были тогда дешевы, проѣхать такой конецъ зимой на саняхъ мать платила пятачокъ, да и лѣтомъ извозчики на дрожкахъ-гитарахъ возили также за пятачокъ. Отъ пятачковой платы извозчики не отворачивались, и мы, дѣти, ѣздили съ отцомъ даже въ баню въ Лештуковъ переулокъ за пятачокъ. Отъ Гостинаго двора, мѣста очень бойкаго, до Владимірской извозчики охотно брали гривенникъ, а зимніе возили за пятачокъ.

Я хорошо помню даже фирмы лавокъ въ Ямскомъ рынкѣ, въ которыхъ мы покупали провизію. Онѣ существуютъ и понынѣ: мясная лавка Степановыхъ и зеленная и курятная съ лабазомъ Любимова. Остались въ памяти и кое-какія сцены конца сороковыхъ годовъ. Въ лавки я ѣздить любилъ, потому что меня тамъ баловали. При появленіи нашемъ въ лавкѣ, старикъ-хозяинъ Любимовъ тотчасъ же лѣзъ въ банку съ паточными леденцами и преподносилъ мнѣ леденецъ. Эти леденцы продавались во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ четыре штуки за копейку. Они были со стихами на всунутыхъ въ нихъ билетикахъ, совсѣмъ не дѣтскаго содержанія, хотя раскупались дѣтьми. На билетикахъ было напечатано:

«Лучше въ морѣ утопиться,
Чѣмъ въ несклонную влюбиться»,

или:

«Мила ты мнѣ, мила
И будешь, и была»,

а то:

«Катя, ангелъ, какъ не стыдно
Сердце взять и не отдать».

Иногда подносился мнѣ Любимовымъ пряникъ, изображающій конька, на головѣ котораго былъ прикрѣпленъ кусочекъ сусальнаго золота. Помню, что пряники того времени, изображавшіе какіе-либо предметы (сердце, лѣстницу, конька, рыбу, бабу, упершую руки въ бока, и т. д.), непремѣнно были украшены маленькимъ кусочкомъ сусальнаго золота.

Лавочникъ-старикъ, о которомъ я упоминаю, былъ очень популярнымъ человѣкомъ въ Ямскомъ рынкѣ и въ самой Ямской. Онъ лѣчилъ глаза, употребляя какую-то примочку собственнаго издѣлія, и заговаривалъ зубную боль, давая проглатывать бумажку съ написанными имъ таинственными словами, которыя читать не позволялъ. Помню, что къ нему обращалась за помощью наша прислуга и нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ и, какъ разсказывали, получали исцѣленіе. Носили къ нему и дѣтей съ гноящимися глазами и трудно прорѣзывающимися зубами. Дѣтямъ давалась опять та же примочка для глазъ, а для скораго выхожденія зубовъ вѣшалась на шею какая-то ладанка. Ладанки эти мать моя называла симпатическимъ средствомъ и говорила, что въ нихъ

положены «рачьи жернова», что секретъ этого лѣченія передается у лавочника изъ рода въ родъ. Лѣчилъ онъ даромъ и только требовалъ, чтобы была поставлена свѣчка Петру и Павлу, такъ какъ самъ онъ носилъ имя Петра. Свѣчка тогда не была обременительна, потому что въ церквахъ продавались свѣчки желтаго воска даже за копейку. Нянька моя, Клавдія, крестьянская дѣвушка-ярославка, очень часто лѣчившаяся у него отъ зубной боли, говорила, что лѣченіе онъ знаетъ по «чернымъ книгамъ», которыя читаетъ, что читать эти книги—великій грѣхъ, такъ какъ нужно это дѣлать ночью при свѣчкѣ изъ человѣчьяго сала. Мать моя пробовала ее убѣждать въ противномъ, но она стояла на своемъ, увѣряя, что у нихъ даже въ деревнѣ есть такіе, которые читаютъ черныя книги. Замѣчательно, что эта неграмотная дѣвушка и крѣпостная подросткомъ была у себя въ деревнѣ въ старообрядческой моленной клирошанкой. Она крестилась старымъ крестомъ, пѣла иногда какую-то пѣсню о прелести скитской жизни бѣлицъ, но когда жила у насъ, то ходила въ нашу церковь и исповѣдывалась у священниковъ.

Вообще, когда я былъ ребенкомъ, знахарей-лѣкарей, подобныхъ купцу Любимову, было много въ Петербургѣ. Лѣчилъ отъ разныхъ болѣзней сторожъ Владимірской церкви, давая пить какой-то настой травъ на водкѣ, лѣчили странницы-богомолки, переходя изъ дома въ домъ, лампаднымъ масломъ съ камешкомъ и стружками отъ мощей, спрыскивали водой съ семи углей изъ семи печей «отъ сглазу».

Лѣчилъ будочникъ, полицейскій стражъ, хохолъ, будка котораго находилась около ограды Владимірской церкви въ Колокольной улицѣ. Онъ лѣчилъ отъ вередовъ и ломоты «снадобьемъ», которое самъ составлялъ и давалъ въ видѣ мази. Онъ же приготовлялъ и нюхательный табакъ зеленаго цвѣта, который продавалъ любителямъ. Помню, что большую практику медицинскую имѣлъ коновалъ въ Ямской. Про него говорили, что онъ—настоящій скрипинскій коновалъ и лучше всякаго доктора. Лѣчилъ онъ заговорами, натиралъ больное мѣсто паціента лошадиной дугой, отворялъ жильную кровь, накидывалъ горшки и банки, а также снабжалъ и лѣкарствомъ, которое самъ приготовлялъ. Пріемъ этихъ лѣкарствъ сопровождался обрядами, и мнѣ кажется теперь, что эти-то обряды темнымъ людямъ и нравились. Такъ, передъ тѣмъ, какъ принять лѣкарство, нужно было продѣть его между спицъ колеса трижды, пить изъ берестяного стакана, пить на зарѣ, наливать непремѣнно лѣвой рукой, стоять при этомъ не на полу, а на землѣ, и т. п. Коновала этого самъ я не видалъ, но слышалъ объ немъ множество разсказовъ, и эти-то разсказы впослѣдствіи и послужили мнѣ для написанія повѣсти «Коновалъ».

Успѣхъ знахарей того времени я объясняю малочисленностью врачей, почти отсутствіемъ амбулаторій и плохой славой, которой пользовались тогдашнія больницы. Простого человѣка въ больницу можно было отправить только силой. Ходили разсказы въ народѣ, что въ больницахъ нѣмцы-лѣкаря морятъ

голодомъ (діэта), сажаютъ въ кипятокъ (ванна), потрошатъ кишки. Поэтому простой народъ и предпочиталъ лѣчиться у знахарей, въ баняхъ растираніемъ мазями, правленіемъ костей, накладываніемъ банокъ и горшковъ. Въ баняхъ всегда были цырюльники, занимавшіеся кровопусканіемъ всѣхъ родовъ и вообще лѣченіемъ, а иногда продѣлывали это и простые мужики-парильщики, а въ женскихъ баняхъ бабки-сторожихи. Больной прислугѣ стоило только намекнуть о больницѣ, какъ она бросалась въ ноги и умоляла не отправлять ея въ больницу. Помню, что кровь бросать, банки себѣ ставить и сухіе горшки накидывать очень многимъ изъ лицъ того времени, которыхъ я знавалъ, очень нравилось. При какомъ-либо нездоровьѣ говорили, что это «кровь нудитъ», «кровь наружу просится», «кровь въ вереда пошла», шли къ цырюльнику и бросали себѣ жильную кровь. У насъ былъ дальній родственникъ, старикъ, приказчикъ - гостинодворъ, который бросалъ себѣ кровь каждый мѣсяцъ. Разрѣшительныхъ записокъ отъ врачей, насколько мнѣ помнится, тогда не требовалось, а цырюльники имѣлись чуть ли не на каждомъ перекресткѣ. Обыкновенно цырюльное ремесло объединялось вмѣстѣ съ парикмахерскимъ, и въ нижнихъ этажахъ домовъ то и дѣло виднѣлись вывѣски, гласившія: «здѣсь стригутъ и бреютъ, рвутъ зубы и кровь отворяютъ». Вывѣски эти были всегда иллюстрированы. Сидѣла, напримѣръ, дама въ платьѣ декольте и въ цвѣтахъ на головѣ съ вытянутой рукой, опершейся на палку, и изъ руки фонтаномъ

била кровь въ тарелку, которую держалъ въ рукѣ мальчикъ въ синемъ фракѣ и желтыхъ панталонахъ. На окнахъ этихъ цырюленъ стояли банки съ піявками, и я помню, мы, маленькіе, проходя мимо, всегда останавливались и ихъ разсматривали. Такихъ цырюленъ было особенно много на Разъѣзжей улицѣ и въ Чернышевомъ переулкѣ. Объясняется это тѣмъ, что этотъ районъ былъ мѣстомъ жительства торговаго класса, и купцы и приказчики, проходя въ лавки Апраксина, Щукина и Гостинаго дворовъ, заходили сюда для бросанія крови. Была такая же цырюльня и на углу Владимірской и Невскаго проспекта, гдѣ трактиръ Палкина. Мѣстность эта называлась Вшивой биржей. Нижній этажъ дома былъ подъ арками, въ немъ помѣщались лавки, и около нихъ всегда толпились носильщики-поденщики съ веревками за поясами, а также была стоянка ломовыхъ извозчиковъ и легковыхъ лихачей, гдѣ зачастую можно было видѣть сцены исканія другъ у друга въ головахъ насѣкомыхъ. Тутъ же шныряли разносчики, продававшіе рубецъ и печенку, сайки, сбитень, пироги, гречневики, пряники, и происходили игры сшибанія гречневиковъ и ломанія пряниковъ, составлявшія забаву этихъ носильщиковъ и извозчиковъ. Игра происходила на мѣдныя деньги, и выигравшій, кромѣ того, пользовался пряниками и гречневиками.

Помню также, что въ дѣлѣ лѣченія была слабость къ ношенію фонтанелей, что дѣлалось въ большинствѣ случаевъ не по указанію врачей, а по

совѣту опять-таки «свѣдущихъ людей», то-есть цырюльниковъ, знахарей, знахарокъ. Мой дядя, братъ отца, Иванъ Ивановичъ, носилъ фонтанель горошину на рукѣ около плеча и растравлялъ себѣ рану въ теченіе многихъ лѣтъ. Знахари ставили отъ ломоты, сыпей или вередовъ заволоки подъ кожу изъ шелковой ленты, что при передвиженіи ленты для удаленія накопившагося гноя производило страшное мученіе. Я наблюдалъ это на нашихъ родственникахъ и знакомыхъ, которые, впрочемъ, выносили эти мученія стоически. Прибавлю, что противъ грыжи многіе мужчины носили въ ухѣ серебряную серьгу, а противъ какой-либо заразы непремѣнно мѣдный крестъ на шеѣ, который часто вѣшался рядомъ съ золотымъ, а также и ладанку съ головкой чеснока. Также отъ заразы у входныхъ дверей квартиры вѣшали открытую банку съ дегтемъ и пучокъ чесноку. Это была тогдашняя дезинфекція.

Такіе мѣдные кресты и ладанки съ чеснокомъ носили на шеѣ и мы, дѣти. Висѣли у насъ и деготь и чеснокъ у дверей въ квартирѣ. Въ домѣ у насъ вѣрили въ «симпатическія средства», въ ладанки, но для лѣченія насъ отъ недуговъ приглашали доктора М. М. Моргуліеса, имѣвшаго небольшую лѣчебницу въ нѣсколько кроватей въ своемъ домѣ въ Грязной, нынѣ Николаевской, улицѣ. Это былъ обрусѣвшій, крещеный еврей, толстенькій, маленкаго роста, гладкобритый, веселый человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и всегда въ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ пожилой холостякъ, но онъ очень любилъ

дѣтей, и когда пріѣзжалъ насъ лѣчить, всегда былъ съ запасомъ леденцовъ, которые назывались ячменными, и ими одѣлялъ насъ. Помню, что когда я былъ мальчикомъ лѣтъ десяти и уже учился въ приготовительной школѣ, Моргуліесъ подарилъ мнѣ маленькую готовальню. Отецъ платилъ ему за визитъ по трехрублевому, то-есть, по 75 коп. (тогда и монета такая была), и эта плата считалась очень хорошею. Когда онъ пріѣзжалъ лѣчить, его всегда угощали мадерой. Подавалась бутылка, онъ выпивалъ рюмку, осматривалъ больныхъ и уѣзжалъ, непремѣнно прописавъ лѣкарство. Безъ лѣкарства лѣченію не вѣрили. Помню, что мы, дѣти, болѣли очень часто горловыми болѣзнями. Лѣченіе заключалось въ прижиганіи горла ляписомъ, полосканіи шалфеемъ съ ромашкой и молокомъ, и внутрь прописывался луковый и фіалковый сиропы. О хининѣ я что-то не помню. Для пониженія жара поили потогоннымъ: малиной, бузиной, липовымъ цвѣтомъ. Температура тѣла не измѣрялась. Какъ слабительное, давался настой александрійскаго листа. Піявки были въ большомъ употребленіи, для постановки которыхъ приглашался цырюльникъ. Онъ же ставилъ и клистиры. Піявки сохранялись у насъ дома въ банкѣ съ водой, и про нихъ говорили, что онѣ «отдыхаютъ».

Но независимо отъ приглашенія доктора насъ лѣчили и домашними симпатическими средствами. Отъ кашля надѣвался на горло шерстяной чулокъ съ лѣвой ноги, натертый сѣрымъ мыломъ, а на грудь накладывался нагрудникъ изъ синей сахарной бу-

маги, пропитанной свѣчнымъ саломъ. Свѣчнымъ же саломъ смазывали и носъ отъ насморка и даже давали сало пить, накапанное въ ромашку, отъ грудной боли. Отъ горловыхъ болѣзней на шею вѣшали также кольцо, свернутое изъ хряща гусинаго горла. Подчасъ насъ, больныхъ дѣтей, спрыскивали и водой съ углей, такъ какъ большинство болѣзней приписывалось глазу. Дѣлали спрыскиваніе изо рта, внезапно, такъ чтобы испугать больного. Водка-перцовка считалась также лѣкарствомъ и внутреннимъ и наружнымъ.

Микробовъ, бактерій и бациллъ тогда не знали, но все-таки предугадывали ихъ, и при заразныхъ болѣзняхъ окуривали помѣщеніе больныхъ можжевельникомъ и уксусомъ, ставили деготь на блюдечкахъ, дѣлали ванны съ сѣрнымъ цвѣтомъ и мыли зеленымъ, калійнымъ мыломъ. Дезинфекціей это, впрочемъ, не называлось, да тогда и не знали этого слова. Также не слыхалъ я тогда въ нашей семьѣ и слова дифтеритъ, хотя онъ, несомнѣнно, въ нашей семьѣ бывалъ.

II.

До двѣнадцатилѣтняго моего возраста семья наша на дачу въ лѣтнее время не переселялась. Въ сороковыхъ годахъ дача была достояніемъ людей со средствами, а въ купеческомъ быту ею очень мало пользовались и люди состоятельные. Лѣтнюю природу я впервые созерцалъ въ маленькомъ садикѣ на дворѣ барона Фредерикса, на Владимірской улицѣ

гдѣ мы жили. Въ этотъ миніатюрный садикъ посылали насъ гулять съ нянькой Клавдіей. Садикъ этотъ прилично содержался, и въ немъ росли только три сорта насажденій: сирень, желтая акація и бузина, которую мы называли волчьими ягодами, и красныя ягоды которой намъ строго запрещалось ѣсть. Помню, что съ акаціи я собиралъ червей, то-есть гусеницъ, и хранилъ ихъ у себя въ коробкѣ въ дѣтской, давая имъ листочки. Также ходилъ я съ нянькой гулять въ ограду Владимірской церкви, гдѣ росли кое-какія убогія деревца и прилегалъ прудъ сосѣдняго двора, огороженный рѣшеткой. Въ прудѣ плавали гуси. Предпринимали мы и болѣе дальнія прогулки въ Владимірову рощу, которая находилась на Лиговкѣ, близъ строившейся тогда Николаевской желѣзной дороги. Березовая роща эта занимала тогда все пространство, гдѣ теперь находится колонія Санъ-Галли и каменные дома его, и простиралась вплоть до Кузнечнаго переулка. Ходили мы гулять и на огороды, которыхъ было нѣсколько на Кабинетской, Большой и Малой Московскихъ (тогда Гребецкихъ) и на Грязной (Николаевской) улицахъ. Огороды эти, обнесенные заборами, были промысловые; тамъ у моей няньки, ярославки, были знакомые ярославскіе мужики-огородники, и насъ тамъ иногда одаривали рѣпкой, морковкой, огурцами, горшкомъ резеды или левкоя. На эти же огороды ходилъ я съ матерью и за покупкой овощей, имѣя возможность съ дѣтства наблюдать, какъ растутъ капуста, огурцы, корнеплоды.

Помню, что иногда въ воскресенье семья наша ѣздила и за городъ, на Крестовскій или въ Екатерингофъ. Дѣлалось это такъ: пекли дома пирогъ, забирали съ собой закусокъ, самоваръ, чай, сахаръ, посуду, садились въ ялботъ на Фонтанкѣ на углу Графскаго переулка и всей семьей, съ двумя перевозчиками, отправлялись пить чай «подъ елки». По пріѣздѣ на мѣсто, ставили самоваръ, согрѣвая его еловыми шишками, собиравшимися нами, дѣтьми, тамъ же, располагались на коврѣ, пили, ѣли и возвращались домой въ сумерки. Такого же рода выѣзды дѣлали и на Волково кладбище на могилки, гдѣ у насъ за рѣшеткой были похоронены дѣдъ, бабка, прадѣдъ и другіе родственники. На Волково отправлялись въ четырехмѣстной каретѣ, которую тогда можно было нанять для такой поѣздки за рубль или рубль съ четверью. На могилкахъ располагались также съ самоваромъ и съ ѣдой. Кто-нибудь снималъ съ ноги сапогъ и голенищей раздувалъ самоваръ, что намъ, ребятишкамъ, очень нравилось. Поѣздка эта иногда объединялась нѣсколькими родственными намъ семьями. Служили литіи по покойникамъ. У мужчинъ не обходилось и безъ возліяній.

Помню и двѣ поѣздки на лошадяхъ — одну въ Петергофъ, въ царскій день на фейерверкъ, другую въ Колпино, на богомолье, въ Николинъ день 9-го мая. Ѣздили также съ провизіей и самоваромъ. Кареты были набиты биткомъ, сидѣли и на козлахъ съ извозчикомъ, а на крышахъ каретъ были привязаны корзины съ провизіей и посудой.

Помню также, что ходили мы весной справлять семикъ въ Ямскую на Лиговку. Ямская того времени жила деревенскою, подгородною жизнью. Дѣвушки въ семикъ ходили по улицѣ съ березками въ рукахъ, пѣли пѣсни, водили хороводы, заплетали вѣнки и опускали ихъ на воду въ Лиговку. Тамъ, въ Ямской, у насъ жили родственники и знакомые: тетка моя, сестра отца, Анна Ивановна Крупенкина, мужъ которой имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, и многосемейный купецъ Страховъ, содержатель постоялаго двора и извоза. Онъ перевозилъ товары изъ Петербурга въ Нарву, Ревель, а также привозилъ и оттуда. Страховъ жилъ въ своемъ домѣ и имѣлъ у себя на дворѣ садъ съ яблонями, вишнями и кустами смородины. Въ этомъ саду былъ прудъ съ карасями, и на берегу его стояли вырѣзанныя изъ листовъ желѣза и раскрашенныя фигуры оленя, медвѣдя, лисицы и двухъ охотниковъ: одного съ рогатиной, а другого—стрѣляющаго изъ лука. Семья Страхова была очень гостепріимная. Страховъ ходилъ по-русски, въ длинной сибиркѣ, съ бородой, но, какъ часто посѣщавшій Нарву и Ревель и имѣвшій тамъ дѣла, хорошо говорилъ по-нѣмецки. Страховы придерживались старообрядства. Отецъ мой и дядя у нихъ не курили. Знакомство съ Ямской послужило мнѣ впослѣдствіи для написанія очерка: «Ямская въ праздники и въ будни».

Домовъ съ садами и прудами въ Петербургѣ въ центрѣ города было тогда довольно много, стало быть, земля не требовалась подъ застройку и дорого

не цѣнилась. Были садъ и прудъ на Загородномъ проспектѣ у Пяти угловъ.

Изъ увеселительныхъ садовъ въ эту эпоху въ Петербургѣ существовала только одна «Королева дача» на Выборгской сторонѣ, близъ Черной рѣчки.

Тамъ игралъ оркестръ музыки, была лотерея аллегри, разыгрывавшая цвѣты и стеклянную посуду. Раза два меня, маленькаго, выряженнаго въ красную рубашку съ золотымъ поясомъ, возили туда на музыку.

А затѣмъ музыку слушали мы у себя на дворѣ. Въ то время, помимо самыхъ разнообразныхъ шарманокъ, ходили по дворамъ цѣлые оркестры, и жильцы всего двора усердно кидали имъ за игру мѣдныя деньги изъ оконъ. Вмѣстѣ съ шарманками ходили по дворамъ «петрушки» съ ширмами, ученыя собаки въ костюмахъ давали свои представленія, ходили акробаты, и плясали дѣвицы въ балетныхъ костюмахъ по проволокѣ. Большимъ успѣхомъ пользовался на дворахъ обезьяній циркъ съ маленькой лошадкой, угадывавшей среди столпившихся зрителей пьяницъ. Возили показывать и звѣрей: тюленя въ бадьѣ, барсуковъ, медвѣжатъ, лисицъ. Ребятишки толпами сопровождали ихъ со двора на дворъ.

Вотъ лѣтнія развлеченія, которыми пользовалась наша семья и я до моего школьнаго возраста.

Зимой развлеченія были еще скромнѣе. Холостой дядя, Василій Ивановичъ, жившій вмѣстѣ съ нами, ходилъ иногда по театрамъ и въ Нѣмецкій клубъ, увлекался Мартыновымъ въ Александринскомъ

театрѣ, Бозіо и Лаблашомъ въ Большомъ театрѣ, гимнастами Віолемъ и Пачифико и много и восторженно разсказывалъ намъ о нихъ, но мой отецъ и мать позволяли себѣ ходить въ театръ только на Рождествѣ и на масленой, и при этомъ брали и насъ, маленькихъ дѣтей. Помню, что ложа третьяго яруса стоила тогда не дороже трехъ рублей, а четвертаго — еще дешевле. Кресла были за рубль, а мѣста за креслами 75 копеекъ. До отправленія въ театръ разговаривали объ этомъ цѣлую недѣлю и цѣлую недѣлю говорили о видѣнной пьесѣ послѣ посѣщенія театра. Обыкновенно бралась ложа во второмъ или третьемъ ярусѣ и заполнялась совершенно: отецъ, мать, дядя, тетка моя и насъ, ребятъ, двое или трое. Съ собой брали для насъ холодный чай въ бутылкѣ, пирожки, бутерброды. Первою пьесою, которую мнѣ пришлось видѣть, была: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока». Актеровъ я не помню, но пьеса произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не спалъ ночь, бредилъ, крича о пожарѣ, а на утро сейчасъ же самъ сталъ устраивать въ дѣтской сцену за пологомъ дѣтской кровати, нарядившись для чего-то въ красную фуфайку и изображая героя пьесы.

Помню, что я всему подражалъ, что впервые видѣлъ. Это видѣнное оставалось у меня надолго въ впечатлѣніи. Когда меня свели въ деревянный циркъ Віоля, находившійся у Александринскаго театра, и когда я увидалъ Віоля, прыгавшаго по сценѣ лягушкой и висѣвшаго на трапеціи, я самъ сталъ воображать себя акробатомъ, старался научиться

прыгать лягушкой и сдѣлалъ себѣ трапецію въ дверяхъ. Увидавъ фокусника, который, взявъ у музыканта трубу, началъ выбивать изъ нея пухъ и набилъ цѣлую гору пуху, я самъ распоролъ дома подушку, высыпалъ изъ нея пухъ и сталъ продѣлывать нѣчто подобное же съ игрушечной трубой, заполонивъ пухомъ всю дѣтскую. Помню, что мнѣ жестоко за это досталось. Мать выдернула изъ вѣника прутъ и высѣкла меня. Подражательность у меня была во всемъ. Попавъ въ театръ на водевиль съ переодѣваньемъ, которые тогда были въ большомъ ходу, я дома самъ навьючивалъ на себя всевозможныя свои одежды и одежды сестеръ и изображалъ передъ нашими домашними переодѣваніе, убѣгая для сбрасыванія съ себя костюма за альковъ въ спальнѣ отца и матери. Красная фуфайка и красная турецкая феска съ кисточкой, которую кто-то подарилъ дядѣ, были у меня въ большомъ ходу.

А наказывала насъ, дѣтей, мать довольно часто, хотя и любила насъ горячо. Въ спальнѣ ея, за туалетнымъ зеркаломъ, всегда торчала розга, и эта розга всегда ходила по насъ, когда мы упрямились, дерзничали или портили какія-либо вещи. При приготовленіи къ экзекуціи я всегда прятался подъ кровать или подъ диванъ, но меня оттуда вытаскивали и стегали. Послѣ экзекуціи я опять прятался подъ кровать и долго лежалъ тамъ. Мать была горяча, но отходчива. Когда гнѣвъ ея проходилъ, она выманивала меня изъ-подъ кровати уже гостинцами. Отецъ былъ мягче матери, и когда мать наказывала,

отнималъ меня отъ нея, но и онъ раза два отхлесталъ меня подтяжками. Сѣкли, обыкновенно, поваливъ на четвереньки и ущемивъ голову между колѣнъ. Тогда это было въ обычаѣ и составляло непремѣнную суть воспитанія дѣтей. Семейныя дамы, приходя другъ къ другу въ гости и перецѣловавъ всѣхъ дѣтей, хвалили ихъ за умъ и тотчасъ же спрашивали, часто-ли ихъ наказываютъ и чѣмъ именно. Хозяйки удовлетворяли любопытство и въ свою очередь задавали вопросъ о наказаніяхъ. Въ большомъ ходу были ременныя плетки, продававшіяся въ игрушечныхъ и щепенныхъ магазинахъ, и эти плетки даже дарили дѣтямъ на елку. Такъ, мой дядя, теткинъ мужъ, А., смотритель Биржевого гостинаго двора на Васильевскомъ Островѣ, человѣкъ многосемейный, имѣвшій дѣтей отъ двухъ женъ, устраивая на Рождествѣ елку для своихъ дѣтей и для насъ, племянниковъ, каждому ребенку дарилъ по плеткѣ. Розга и плетка ходили и по дѣвочкамъ. У моего дяди и отца крестнаго, Ивана Ивановича Лейкина, женатаго на рижской уроженкѣ, старовѣркѣ безпоповскаго толка, были только дочери, но въ ихъ семьѣ и по дѣвочкамъ ходили розга и плетка. Мать моя тоже не дѣлала исключенія для моихъ маленькихъ сестеръ. Плетка имѣла гражданственность, была какой-то непремѣнной принадлежностью воспитанія и ученія. Когда меня дома посадили за азбуку, о чемъ будетъ рѣчь впереди, прежде всего положили на столъ плетку. Дѣлалось это добродушно, безъ злобы, но дѣлалось. Была даже поговорка о

плеткѣ при ученіи: «азъ, буки — бери указку въ руки, ѳита, ижица—плетка ближится». Были случаи, когда насъ, дѣтей, стегали ласково, ради обычая, напримѣръ, въ Вербную субботу, возвратясь отъ всенощной съ освященной въ церкви вербой. Дѣлали вербой три удара и приговаривали: «верба—хлестъ, бей до слезъ, третье — на здоровье». Затѣмъ верба ставилась къ образамъ, за кіотъ, а одинъ ея прутъ отдѣлялся и помѣщался въ бутылку съ водой на окнѣ; весной же, когда онъ давалъ корни, его въ день радоницы, во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, отвозили на кладбище и сажали въ землю на могилкахъ, христосуясь съ покойниками. Такъ было заведено у насъ, у нашей родни и знакомыхъ нашихъ изъ купечества.

Я не упомянулъ еще о всѣхъ масленичныхъ и святочныхъ развлеченіяхъ, которыя доставлялись намъ, дѣтямъ. Балаганы, горы и карусели въ то время на масленой строились на Исаакіевской площади. И вотъ, въ одинъ изъ дней масленицы нанимались извозчичьи четырехмѣстныя, такъ называемыя поповскія сани, куда сажали насъ, дѣтей, и возили вокругъ балагановъ и горъ, гдѣ въ то время бывало народное гулянье. Катанье это было въ большой модѣ у купечества. Богатыя купеческія семьи показывали дорогіе мѣха, рысаковъ, парадную упряжь. Да и не однѣ купеческія семьи. Этими катаньями не брезговалъ и высшій свѣтъ. Въ придворныхъ каретахъ возили вокругъ горъ воспитанницъ-смольнянокъ въ красныхъ гарусныхъ капорахъ, воспитан-

ницъ изъ Екатерининскаго и Николаевскаго институтовъ въ зеленыхъ салопахъ. Кареты и другіе экипажи тянулись въ нѣсколько рядовъ, а между рядами стояла и бродила военная и статская чиновная молодежь и перемигивалась съ хорошенькими юными питомицами. Катали и насъ среди этой вереницы и раздирающей уши смѣси звуковъ оркестровъ и шарманокъ, прислушивались съ восторгомъ къ грохоту стрѣльбы въ балаганахъ. Тогда балаганныя представленія были всѣ съ пальбой. Сдѣлавъ три-четыре круга, сани останавливались около какого-нибудь балагана, и насъ вели въ мѣста смотрѣть представленіе. Помню, что лучшій балаганъ былъ балаганъ Легата съ арлекинадой, превращеніями, съ чертями. Арлекина рубили и рѣзали на части, онъ оживалъ нѣсколько разъ, билъ всѣхъ линейкой и къ концу представленіи при освѣщеніи краснымъ бенгальскимъ огнемъ и при выстрѣлахъ возносился на облака подъ потолокъ вмѣстѣ съ дѣвицей въ трико и тюлевомъ платьѣ. Помню, что послѣ такого представленія я долго задавалъ себѣ вопросы, какъ это дѣлается, что арлекина изрубятъ на глазахъ, разбросаютъ его голову, руки и ноги, а онъ потомъ живъ. Мать говорила мнѣ, что это дѣлается машинами, а нянька увѣряла, что глаза отводятъ.

На Рождествѣ намъ устраивали елку, и елка эта зажигалась по-нѣмецки, непремѣнно наканунѣ Рождества, въ сочельникъ. Отецъ и дядя мои служили приказчиками у нѣмцевъ и съ нѣмцевъ брали при-

мѣръ. Сначала взрослые сходятъ ко всеощной, вернутся и зажгутъ для насъ елку. Помню, что мать тщательно оберегала насъ отъ скороми и не давала намъ наканунѣ Рождества ѣсть съ елки пряниковъ, которые ей казались скоромными. И мы слушались, оставляя эти лакомства до Рождественскаго утра. Въ Рождественскій сочельникъ у насъ въ домѣ былъ постъ строгій, и женская половина до звѣзды, т.-е. до вечера, ничего не ѣла, а мы, дѣти, питались только булками съ постнымъ чаемъ и не имѣли даже супу, такъ какъ даже постный супъ безъ масла не сваришь, а въ этотъ день до вечера и постное масло изгонялось. Да и сахаръ считался скоромнымъ, такъ какъ онъ, какъ объ немъ тогда у насъ говорили, бычьей кровью и костями очищается, а потому къ чаю вмѣсто сахара давали желтый изюмъ или красный медъ.

Игрушекъ на елку намъ дарили много, такъ какъ тутъ были дары отца и матери, двухъ дядей, матери крестной, но игрушки эти были дешевыя: куклы съ головами изъ чернаго хлѣба, выкрашенными краской, а то изъ тряпокъ съ нарисованными физіономіями и съ пришитой куделью вмѣсто волосъ, но мать и мать крестная, какъ портнихи, одѣвали этихъ куколъ по-своему, въ болѣе роскошные наряды и шили имъ костюмы. Затѣмъ, неизбѣжными игрушками были барабанъ, бубенъ, дудка, труба изъ жести. Гостинцы, украшавшіе елку, были самые дешевые. Ихъ покупали въ пряничномъ куренѣ братьевъ Лапиныхъ въ Чернышевомъ переулкѣ. Конфекты, завернутыя въ

бумажкахъ съ картинками, были изъ смѣси сахара съ картофельной мукой и до того сухи, что ихъ трудно было раскусить. Картинки изображали нѣчто въ родѣ слѣдующаго: кавалеръ въ желтыхъ брюкахъ и синемъ фракѣ и дама въ красномъ платьѣ и зеленой шали танцуютъ галопъ и внизу подпись: «Юлій и Амалія»; пастушка въ короткомъ платьѣ и барашекъ, похожій больше на собаку, и подпись: «Пастораль». Картинки эти раскрашивались отъ руки и очень плохо. Пряники были нѣсколько лучше конфектъ. Они были изъ ржаной и бѣлой муки и изображали гусаровъ, барынь, упершихъ руки въ бока, рыбъ, лошадокъ, пѣтуховъ. Ржаные были покрыты сахарной глазурью и расписаны, бѣлые тисненые и отдавали мятой или розовымъ масломъ. Золоченые грецкіе орѣхи, украшавшіе елку, всегда были сгнившіе, и я помню, что торговцы продававшіе, ихъ, въ оправданіе свое всегда говорили: «помилуйте, да вѣдь свѣжихъ-то и не вызолотишь, позолота не пристанетъ».

Припоминая теперь дни своего дѣтства, я долженъ сказать, что ни у насъ, ни у нашихъ родныхъ никогда ничего изящнаго не было. Все было самое примитивное, грубое, простое. Двоюроднымъ братьямъ моимъ Крупенкинымъ, отецъ которыхъ имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, какой-то пріѣзжій иностранный агентъ торговаго дома за хорошую выписку ихъ отцомъ товара привезъ изъ за-границы и подарилъ двѣ игрушки: маленькаго зайчика съ пружиной, бѣгавшаго по полу, и музыкальный ящи-

чекъ, наигрывающій двѣ пьесы. Эти двѣ игрушки такъ цѣнились и казались настолько рѣдкими, что какъ только у Крупенкиныхъ бывали гости, сейчасъ же вынимались эти игрушки и показывались гостямъ. Зайчикъ заводился и бѣгалъ по полу, музыкальный ящичекъ пиликалъ пьески, а гости смотрѣли, слушали и умилялись. А по нынѣшнему игрушки были самыя простыя и заурядныя.

Елка, зажженная въ первый разъ наканунѣ Рождества, продолжала у насъ стоять въ украшеніяхъ вплоть до Новаго года и зажигалась нѣсколько разъ. Устраивалась на святкахъ всегда вечеринка и, большей частью, въ Новый годъ, когда дядя Василій бывалъ именинникъ, на которую приглашались родственники, пріѣзжавшіе съ ребятами, и маленькихъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и сестеръ у насъ собиралось на елкѣ человѣкъ до двадцати. Взрослые садились играть въ лото, а мы, дѣти, рядились во что попало и бѣгали по комнатамъ въ «уродскихъ» и «арапскихъ» маскахъ. На святкахъ обыкновенно намъ дарили каррикатурныя маски съ длинными уродливыми носами, вывернутыми острыми подбородками, съ нарисованными волдырями на лбу и на щекахъ. Были и черныя маски негра съ красными губами. Дѣвочки рядились всегда цыганками въ пестрые платки, а мальчики, большей частью, выворачивали шубы мѣхомъ вверхъ и, надѣвъ ихъ, ползали на четвереренькахъ, рыча и изображая медвѣдей и волковъ. Угощеніемъ для дѣтей были пряники, мармеладъ, пастила и орѣхи. Орѣхи давили дверьми. Тре-

скотня шла по всей квартирѣ. Играющимъ въ лото взрослымъ подавались пуншъ, мадера, варенье. Помню, что блюдцевъ не полагалось къ варенью. Варенье подносилось въ вазочкѣ, въ ней была положена одна дессертная ложка, и всѣ гости ѣли варенье по очереди съ одной ложки. Варенье подавалось разныхъ сортовъ. Подавались яблоки, нарѣзанныя на четвертинки, синій изюмъ и миндаль. Вечеринка заканчивалась ужиномъ, въ которомъ играла главную роль ветчина съ горошкомъ и клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ и желе изъ бѣлаго вина съ вареньемъ и восковымъ зажженнымъ огаркомъ внутри. Иногда во время этихъ вечеринокъ приходили неизвѣстные намъ ряженые, «на огонекъ», какъ тогда говорилось. Эти ряженые въ большинствѣ случаевъ были также въ самодѣльныхъ костюмахъ, пищали и ревѣли басомъ, называли хозяевъ и гостей по именамъ, и хозяева и гости старались угадать, кто бы это были подъ масками. Такихъ ряженыхъ впускали въ домъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ и тщательно слѣдили за ними, чтобы они чего-нибудь не украли. Ряженые эти всегда являлись съ своимъ музыкантомъ—гитаристомъ или скрипачемъ, тоже ряженымъ. Они плясали, напивались и уходили. Среди нашей родни не было музыканта, хотя у насъ въ домѣ и было старое разстроенное фортепіано.

Сестра моей матери, тетка моя Ольга, тогда молодая дѣвушка, а вмѣстѣ съ ней и наша прислуга, гадали на святкахъ про суженаго, спрашивали на улицѣ имена, смотрѣли въ зеркало, подслушивали у

дверей чужихъ квартиръ. Удавалось или не удавалось имъ что-либо видѣть во время гаданья въ зеркалѣ, я не знаю, но разсказывали они потомъ много фантастическаго, въ которомъ большую роль игралъ «военный съ усами». Тетка впослѣдствіи вышла замужъ, но не за военнаго съ усами, а за бородача купца-рыночника, торговавшаго обувью.

Къ Крещенью, въ крещенскій сочельникъ маски отъ насъ отбирались и сжигались. Считалось, что послѣ Крещенья грѣшно было держать ихъ въ домѣ. Являлись приходскіе священники съ крещенской водой, пѣли, кропили квартиру, а по уходѣ ихъ мы, дѣти, ставили мѣломъ кресты на всѣхъ дверяхъ и окнахъ «отъ нечистой силы». Святки съ ихъ «бѣсовскими» играми считались законченными.

Послѣ Крещенья опять тянулись длинные зимніе вечера, ничѣмъ не отмѣчаемые. Отецъ и дядя Василій, приходя домой со службы изъ конторъ обѣдать въ 5 часовъ, тотчасъ же надѣвали халаты и туфли и послѣ обѣда ложились соснуть. Въ 9-мъ часу, послѣ запора лавокъ въ Гостиномъ, приходилъ пить чай служившій въ голландскомъ магазинѣ дядя Николай, сидѣлъ часа два и уходилъ. Онъ жилъ у хозяевъ-голландцевъ, ѣлъ по постамъ скоромное и очень осуждался за это женской половиной нашего семейства. Иногда онъ приносилъ намъ для просмотра картинокъ номеръ «Иллюстраціи» Фурмана или «Художественнаго Листка» Тимма, получавшагося имъ и его товарищами-приказчиками въ складчину. Сами мы въ то время журналовъ и

газетъ не получали, и только во время крымской кампаніи я припоминаю у насъ въ домѣ номера «Полицейской Газеты» и «Сѣверной Пчелы». О всѣхъ происшествіяхъ въ городѣ получались свѣдѣнія изъ Гостинаго двора отъ покупателей, и, придя домой, отецъ и дядя сообщали намъ о нихъ. Въ особенности сообщали о пожарахъ, которые тогда были очень часты вслѣдствіе обилія деревянныхъ построекъ. Пожары, освѣщая по вечерамъ Петербургъ заревомъ, производили переполохъ. Отецъ и дядя и сами ѣздили на пожары. Пожары были тогда какимъ-то спортомъ. На нихъ съѣзжалась аристократія, бывали лица царской фамиліи и самъ государь. Большимъ любителемъ ѣздить на пожары былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Помню разсказы о немъ, какъ о воодушевлявшемъ пожарныхъ молодецкими выкриками отборныхъ ругательствъ. Увѣряли, что пожарные очень цѣнили это изъ его устъ и лѣзли прямо въ огонь.

Также помню, что въ зимніе вечера у насъ иногда происходило и литературное чтеніе. Дядя Василій, любитель стиховъ, читалъ по рукописнымъ экземплярамъ «Евгенія Онѣгина» Пушкина и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Печатные экземпляры были тогда очень рѣдки. Читались и «Мертвыя души» Гоголя. А всѣ домашніе сидѣли и слушали. Чтеніе происходило въ маленькой гостиной при двухъ сальныхъ свѣчкахъ, съ которыхъ то и дѣло снимали, нагаръ свѣтиленъ. Помню, что читали и «Ивана Выжигина» Булгарина, который тогда имѣлъ большой успѣхъ,

читали «Тысячу одну ночь»—арабскія сказки Шехерезады. Мать крестная, старуха Варвара Сергѣевна впослѣдствіи пересказывала ихъ намъ, дѣтямъ. Разсказывала она и эпизоды изъ романовъ Купера и Вальтеръ-Скотта, которые читала, а читала она много и памятью обладала замѣчательной.

Отецъ и дядя знали наизусть много цитатъ изъ «Евгенія Онѣгина» и «Горя отъ ума» и очень часто употребляли ихъ въ разговорахъ. Переписаны экземпляры этихъ сочиненій были самимъ дядей Василіемъ. Помню, что у него въ комнатѣ висѣла даже гипсовая маска Пушкина, а подъ ней двѣ рапиры крестъ-на-крестъ и маски для фехтованія, хотя фехтованіемъ у насъ никто не занимался. Висѣла и турецкая шашка на стѣнѣ. Разсказывали, что это оружіе было оставлено дядѣ кѣмъ-то за долгъ. Комната эта была пропитана табакомъ настолько, что въ ней даже мухи не могли жить. Дядя курилъ тогда табакъ Жукова изъ трубокъ на длинныхъ чубукахъ, которыхъ у него было много, и стояли онѣ въ углу въ мѣдномъ тазу.

Комната была меблирована замѣчательно просто. Не было въ ней ни ковра ни драпировки. Дядя не имѣлъ даже кровати и спалъ на сафьяновомъ диванѣ. Не было письменнаго стола, а въ простѣнкѣ стоялъ только карточный или ломберный столъ, какъ тогда ихъ называли, и на немъ банка огнива, зажигавшагося при нажатіи пружины, и ящикъ съ табакомъ, выложенный свинцомъ, да два подсвѣчника. Зеркальце висѣло самое убогое въ полъ-ар-

аршина, хотя дядя самъ брился и по-тогдашнему считался франтомъ, носилъ плащъ-альмавиву и сѣрую шляпу. На пальцѣ у него было чугунное кольцо съ вставленнымъ въ него гранатомъ, а въ галстухѣ была булавка съ адамовой головой. Онъ ходилъ съ длинными волосами, въ усахъ. Дома у насъ говорили, что онъ «знаетъ массонскіе знаки».

Скажу кратко, какъ у насъ проходилъ первый день Рождества, и перейду къ Пасхѣ. Утромъ всѣ ходили къ ранней обѣднѣ въ церковь Владимірской Божіей Матери, а, вернувшись домой, разговлялись ветчиной и пили кофе со сливками. Зажигалась елка. Приходили мальчики-славильщики со звѣздами изъ бумаги и славили Христа передъ образомъ. Это были дѣти дворниковъ, водовозовъ, ремесленниковъ съ нашего и сосѣднихъ дворовъ. Ихъ приходило партій пять-шесть. Принимали ихъ всѣхъ и давали имъ копейки по три, по пятачку. Также являлись христославы-будочники и тоже пѣли передъ иконами. Будочники у насъ были знакомые и поставляли намъ швабры и банныя мочалки, которыя сами выдѣлывали. Они приходили, какъ изъ будки съ Владимірской улицы, такъ и отъ Гостинаго двора. Ихъ угощали водкой и давали имъ деньги. Затѣмъ приходили поздравлять дворники, водовозы, трубочисты, сторожа изъ церкви, парильщики изъ бани, сторожа изъ Гостинаго двора, сторожихи и бабки изъ бани, просвирни, богадѣленки, звонари съ колокольни, мусорщики и проч. Хорошо, что тогда рубль имѣлъ цѣну большую, и отецъ давалъ всѣмъ не

болѣе, какъ по 20 — 30 копеекъ. Впрочемъ, всѣмъ поющимъ, кромѣ того, подносили водки, и этого добра тогда къ праздникамъ покупалось много. Припоминаю, что откупная водка тогда была препротивная, и дома ее у насъ не могли пить иначе, какъ съ прибавленіемъ какихъ-то капель, пріобрѣтаемыхъ въ аптекѣ. Отецъ крестный мой носилъ эти капли даже всегда съ собой въ карманѣ. Для того, чтобы не сбиться, сколько выдано поздравителямъ, и потомъ записать въ расходъ, отецъ мой держалъ большіе счеты на подоконникѣ и послѣ каждой выдачи прибавлялъ сумму къ костяжкамъ. Христославіе заканчивалось священниками изъ прихода, которые приходили уже часовъ около трехъ дня и непремѣнно оставались выпить и закусить. Христа славили они уже навеселѣ. Затѣмъ отецъ надѣвалъ фракъ и ѣхалъ дѣлать необходимые визиты и въ этотъ день обѣдать домой ужъ не пріѣзжалъ, а обѣдалъ у своего патрона, г. Герике. Дядя, служившій у швейцарца Боненблюста, обѣдалъ также у своего хозяина. Дома у насъ въ этомъ день обѣда съ супомъ не было, но мы ѣли съ утра до вечера съ праздничнаго стола, который такъ и не убирался.

Такой же порядокъ былъ и въ первый день Пасхи, съ тою только разницею, что всѣмъ приходилось христосоваться разъ по сту, какой бы мужикъ ни приходилъ. Отказываться считалось не по-христіански, не въ обычаѣ. У насъ въ домѣ говорили, что даже и царь въ этотъ день христосуется съ солдатами. Со всѣми непремѣнно обмѣнивались яйцами.

Яица брали съ собой, отправляясь съ визитами. Нѣкоторые приспособливали у себя особые мѣшечки у пальто для яицъ.

Заутреню въ Пасху вся семья отстаивала въ дни моего дѣтства въ церкви Владимірской Божіей Матери — мужчины въ алтарѣ, женская половина на клиросѣ за рѣшеткой, и чтобы пройти туда, въ церковь забирались рано, далеко еще до начала полунощницы. Ко всенощнымъ въ дни Страстной недѣли и къ Свѣтлой заутрени начали меня брать съ 6-ти лѣтъ, и часто случалось такъ, что я, уставъ, тамъ и засыпалъ, сидя на верхней одеждѣ, которую семья наша, снимая съ себя, складывала вмѣстѣ. Свѣтлую заутреню стояли съ нами вмѣстѣ дяди мои даже и тѣ два, которые не жили съ нами, Николай, холостой, и Иванъ, женатый, но въ церковь послѣдній пріѣзжалъ всегда одинъ безъ жены. Жена его, старообрядка безпоповщинскаго толка, и его двѣ свояченицы, жившія съ нимъ вмѣстѣ, нанимали карету и ѣздили къ заутрени въ молельную на Волково кладбище, для чего передъ отправленіемъ туда переряживались въ сарафаны и коты, расчесывали волосы, уничтожая свои модныя прически покрывались платками и запасались подручниками и лѣстовками. Дядю очень огорчало, что жена его не бывала съ нимъ вмѣстѣ у заутрени. Онъ всячески склонялъ ее принять православіе, но тщетно. Ярой старообрядкой осталась она до своей смерти, и на ея похоронахъ ее отпѣвали старообрядческіе старики-наставники. Православные священники не ходили

къ дядѣ въ домъ, жена не допускала. Крестили рождающихся дѣтей не на дому, а въ церкви.

III.

Не помню хорошо, но, должно быть, къ исходу седьмого года начали меня учить грамотѣ. За это дѣло взялась мать. Кубиковъ съ буквами для игры прежде не было, а потому, играя, я не могъ ознакомиться съ буквами, такъ что пришлось начинать прямо съ азбуки. Дѣлалось это не безъ нѣкоторой торжественности. Обрядная сторона у насъ въ семьѣ всегда играла роль. Прежде всего купили азбуку и указку—палочку изъ кости, которая тогда продавалась въ игрушечныхъ магазинахъ. Азбука была тоненькая съ картинками для каждой буквы: азъ, а, ананасъ; буки, б, барабанъ; вѣди, в, волкъ. Но на ѳиту составитель не могъ придумать, какого-либо предмета, и стоялъ мужикъ съ кувшиномъ, а подпись гласила «Ѳома съ квасомъ». Начали меня учить 1 ноября, въ день Косьмы и Даміана — патроновъ всѣхъ учащихся, а передъ началомъ ученія сводили въ церковь и поставили имъ свѣчку. Передъ полуднемъ усадили за азбуку. Помню, я плакалъ. Сестры и братья мои недоумѣвающе и съ сожалѣніемъ смотрѣли на меня, оторваннаго отъ игръ, но ихъ выгнали вонъ изъ комнаты.

Замѣчательно, что событія дѣтства я лучше помню, чѣмъ событія въ дни юности и даже зрѣлыхъ лѣтъ. Такъ и начало моего ученія запечатлѣлось у меня

въ памяти. Мать сказала мнѣ, что если я буду прилежно учиться, то мнѣ къ Рождеству на елку купятъ театръ (картонный театръ съ опускающими и подымающими декораціями и актерами на подставкахъ былъ моей мечтой). Если же буду лѣниться, то по мнѣ будетъ ходить розга. И мать торжественно указала на зеркало, изъ-за котораго всегда торчала розга. Ученіе пошло успѣшно. Черезъ мѣсяцъ я уже читалъ по складамъ и зналъ цифры. А 1-го декабря, въ день пророка Наума, меня опять повели въ церковь, поставили свѣчку и заставили молиться, чтобы «батюшка пророкъ Наумъ навелъ меня на умъ». Черезъ мѣсяцъ еще я уже читалъ многосложные склады: «свя-тѣй-шій», «пра-ви-тель-ствую-щій», «вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство», «ар-хан-ге-ло-город-скій» и т. п. Одновременно съ чтеніемъ учили и писать. Сначала я обводилъ по карандашу перомъ буквы и цифры, которыя писала мать, хотя писала плохо и сама. Затѣмъ сталъ списывать съ прописей, сначала въ карандашныхъ линейкахъ, а затѣмъ по транспаранту. Готовыхъ линованныхъ тетрадей тогда не продавалось, и тетради нужно было линовать самимъ. Линейка была принадлежностью учащагося. Ею часто и наказывали, били по пальцамъ за плохое письмо. Прописи у меня были всякаго рода письма: прямого, косого, готическаго. Онѣ состояли изъ изреченій въ родѣ слѣдующихъ: «Ничего не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». «Что острѣе меча? Языкъ злого человѣка». «Столицу нашу спасаетъ отъ наводненія множество каналовъ».

Былъ у меня и транспарантъ, на которомъ ничего, кромѣ черныхъ линеекъ, не находилось, а между тѣмъ внизу была подпись: «Печатать дозволяется. Цензоръ Обертъ».

Когда мать моя бывала занята по хозяйству, въ дѣлѣ ученія ее замѣняла тетка Ольга, ея сестра, молодая дѣвушка, сама только кое-какъ научившаяся читать и писать и начавшая это ученіе 16-ти лѣтъ, когда была выкуплена изъ крѣпостной зависимости и привезена изъ деревни. Училась она тоже у моей матери.

Должно быть, я учился хорошо, потому что картонный театръ у меня къ Рождеству явился. Помню, что я ужасно обрадовался, когда, выйдя изъ воротъ вмѣстѣ съ матерью на прогулку, могъ прочесть висѣвшую на углу Колокольной улицы вывѣску «Трактиръ купца Ротина». Очень радовало меня и то, что я при знакомствѣ съ цифрами могъ уже играть въ лото, когда старшіе члены семьи садились за него.

На слѣдующій годъ осенью я былъ отданъ для продолженія ученія въ начальное училище, находившееся на той же улицѣ, гдѣ мы жили. Его содержала жена инженернаго офицера Бѣляева и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ обучала дѣтей всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и танцевъ. Законоучителя священника или дьякона мы не видѣли. Учащихся было немного—человѣкъ 15. Были мальчики и дѣвочки. Партъ не было. Сидѣли за столами съ откидными полами на подставленныхъ

ножкахъ. Помню, что полы эти иногда, если дѣти расшалятся и отодвинутъ ножку, падали, съ нихъ все летѣло, и полъ заливался чернилами. Насъ наказывали: ставили въ уголъ, иногда на колѣни. Былъ и дурацкій колпакъ съ ослиными ушами, какъ наказаніе, сдѣланный самимъ Бѣляевымъ. Дѣвочки и мальчики были подѣлены по разнымъ комнатамъ, и мы, мальчики, учились въ комнатѣ, гдѣ за ситцевой занавѣской стояли двѣ кровати и спали двѣ старухи, тетки Бѣляевой. Бѣляевы были очень бѣдны, дѣтей не имѣли, но были обременены престарѣлыми родственниками. Кромѣ двухъ старухъ, на ихъ попеченіи былъ еще сумасшедшій братъ Бѣляевой, бывшій офицеръ. Онъ иногда прибѣгалъ въ классы въ халатѣ съ раскрашеннымъ клюквой и жженой пробкой лицомъ и декламировалъ монологи изъ трагедій, но Бѣляевы тотчасъ же его выгоняли. Помѣшанъ онъ былъ на театрѣ. Одна изъ тетокъ Бѣляевой, вѣчно вязавшая чулокъ, изображала иногда у насъ въ училищѣ въ отсутствіе учительницы Бѣляевой нѣчто въ родѣ классной дамы и разсказывала намъ, что она когда-то имѣла тысячу душъ крестьянъ и ѣздила на четверкѣ въ каретѣ, но мужъ ея проигралъ все въ карты. Прислугой у Бѣляевыхъ была ихъ крѣпостная дѣвушка—высокая, рябая, съ попорченнымъ оспой глазомъ. Она ходила всегда босая, въ затрапезномъ платьѣ и часто жаловалась намъ, что она живетъ впроголодь, и выпрашивала у насъ себѣ на булку. Бѣляевъ и его жена были буквально красавцы, молодые, свѣжіе, онъ брюнетъ,

она блондинка. За ученье они брали по 3 рубля въ мѣсяцъ и совсѣмъ не дѣлали лѣтнихъ каникулъ, дабы не лишиться въ лѣтніе мѣсяцы платы за ученіе. Бѣляевъ отлично рисовалъ и былъ превосходнымъ каллиграфомъ. Къ поздравленьямъ, которыя заставляли насъ, учениковъ, писать и подавать родителямъ къ Пасхѣ и Рождеству, онъ дѣлалъ сверху замысловатыя виньетки перомъ. За это и мы отблагодаряли его. Было принято приходить поздравлять ихъ съ праздниками и приносить сладкіе кондитерскіе пироги. Такіе же пироги подносили имъ и въ дни ихъ именинъ. Меня и сестру мою Бѣляевы учили французскому и нѣмецкому языкамъ, но были въ училищѣ ученики и ученицы, которые отъ обученія иностранныхъ языковъ отказывались. Составъ учащихся былъ самый разнообразный. Были дѣти купцовъ, ремесленниковъ, духовенства и была даже дочь полицейскаго хожалаго. Судьба такъ устроила, что у Бѣляевыхъ учился и сынъ того купца Ротина, чью вывѣску надъ трактиромъ я прочелъ, впервые научившись читать. Этотъ сынъ трактирщика Ротина сдѣлался моимъ школьнымъ пріятелемъ. Онъ умеръ недавно.

Вторымъ школьнымъ пріятелемъ былъ Саша — сынъ мелкаго кухмистера, проживавшаго въ одномъ съ нами домѣ и отпускавшаго съ своей кухни кушанье, а иногда устраивавшаго свадебные столы и похоронные поминки. Саша былъ юркій и способный мальчикъ. По праздникамъ у насъ въ приходской церкви онъ подпѣвалъ дьячкамъ на клиросѣ,

помогалъ церковнымъ сторожамъ растапливать въ ризницѣ печку для кадила, убиралъ по ихъ указанію и тушилъ огарки изъ подсвѣчниковъ, а иногда выносилъ и свѣчу въ подсвѣчникѣ передъ Евангеліемъ. Все это мнѣ очень нравилось, и я стремился подражать ему. Такъ какъ въ церковь меня водили каждый праздникъ ко всенощной и къ обѣднѣ, то познакомиться черезъ Сашу мнѣ было очень нетрудно и со сторожами и дьячками, и я также сталъ подпѣвать на клиросѣ и собирать огарки. Пѣвчихъ тогда при нашей церкви не было, и пѣла «сборная братія», какъ тогда называли. Козлилъ теноромъ купецъ-яичникъ, былъ басъ—приказчикъ мужа моей тетки, пѣли братья-фруктовщики Н., мой двоюродный братъ Саша Крупенкинъ, мальчикъ моихъ лѣтъ, пѣлъ посудникъ Щ. и какой-то безбородый, испитой скопецъ въ длиннополой сибиркѣ съ жирно смазанными волосами на головѣ. Помню, что Щ. хорошо читалъ часы и Апостола, куда лучше дьячковъ. Усердствующіе прихожане изъ купцовъ ходили и за сборомъ съ кружками по церкви во время богослуженій, а кружекъ, блюдьевъ и кошельковъ носили тогда куда больше десятка. Впереди всѣхъ шелъ съ блюдомъ приказчикъ старосты, звонилъ въ колокольчикъ и расталкивалъ народъ, за нимъ двигалась вся вереница. На кошелькахъ также были колокольчики. И вотъ въ этой процессіи участвовалъ иногда и я съ кошелькомъ или блюдомъ, и это мнѣ очень нравилось.

Также во время крестныхъ ходовъ въ Пасхальную недѣлю вокругъ церкви я, Саша-кухмистеръ,

какъ мы его звали, и Саша Крупенкинъ каждый день носили зажженныя свѣчи передъ образами, а иногда и самые образа, если не было на это желающихъ изъ взрослыхъ. Держать блюдо съ кусочками антидора или святой водой, когда священникъ кропилъ богомольцевъ, подходившихъ ко кресту, считалось для меня также высшимъ удовольствіемъ, а когда меня кто-то изъ нашихъ родственниковъ сводилъ на колокольню, и я увидалъ, какъ тамъ трезвонятъ, я былъ на верху блаженства. Подтягиваніе на клиросѣ заставляло меня учить кондаки, тропари и ирмосы, что я и дѣлалъ по молитвеннику. Два Саши и я, сходясь вмѣстѣ, даже репетировали передъ службами, дѣлая спѣвку.

Вскорѣ я такъ сжился съ церковью, что зналъ всѣхъ нищихъ на паперти, а нищихъ тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукіе отставные солдаты, бабы съ ребятами за пазухами, слѣпые, распѣвающіе Лазаря, разслабленные, привозимые въ колясочкахъ, ныли ребятишки въ отрепьяхъ, протягивая руки и причитая, стонало множество старухъ въ капорахъ и съ лукошечками для сбора, монахини и сборщики на церковь съ книгами, странники, подвязанныя лица въ замасленныхъ фуражкахъ съ кокардами, которыхъ всѣ звали «чиновниками». Помню, что про одного нищаго въ синихъ круглыхъ очкахъ всѣ говорили, что у него есть «капиталъ», но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую разсказывали, что она выдала дочку замужъ за иконо-

писца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видѣть развѣ въ провинціальныхъ монастыряхъ. Полиція нищихъ тогда не разгоняла. Это былъ ея доходъ. Подавали милостыню почти всѣ, такъ какъ благотворительныхъ обществъ почти не было. Милостыня была непремѣнною принадлежностью посѣщенія церкви. Купцы и купчихи являлись въ церковь съ кожаными кисами, наполненными мѣдными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здравіе, произнося при каждой подачкѣ по пяти, по шести именъ. Многіе нищіе грубили прихожанамъ, говорили дерзости, плевались, грозили за малую подачку, но ихъ считали юродивыми, и успѣхъ ихъ былъ еще большій въ дѣлѣ сбора милостыни.

Кромѣ нищихъ, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшіе дешевыя иконы, крестики, ладанки, книжки житій святыхъ, освященныя стружки, камешки, деревянное масло въ пузырькахъ. Были и разносчики съ квасомъ, сбитнемъ, пряниками. И все это раскупалось охотно. У насъ говорили, что весь нищій, а также и торговый людъ, стоявшій у церкви, дѣлился тогда съ церковными сторожами, и отецъ мой и дядя въ шутку называли сторожей откупщиками.

Занесу первое мое говѣнье. Къ причастію мнѣ сдѣлили новую синюю курточку съ бронзовыми пуговицами и сизосѣрыя брюки. Дѣлалъ дѣтскій портной Альвангъ, и наши домашніе долго потомъ вздыхали, сколько онъ съ нихъ содралъ; это было, впрочемъ

только одинъ разъ. Въ домѣ у насъ привыкли къ экономіи, костюмы для дѣтей шили дома сами, суконныя вещи всегда непремѣннно изъ стараго, изъ отцовскаго, изъ спорковъ шубъ. Для суконныхъ вещей призывался портной Николай Алексѣичъ (фамиліи мы его не знали)—старикъ въ длиннополомъ сюртукѣ, сѣдой, съ клинистой бородкой и въ круглыхъ оловянныхъ очкахъ. Бралъ онъ очень дешево и считался очень выгоднымъ портнымъ. Про него говорили, что онъ былъ такой искусникъ, что и изъ старой шапки ухитрялся сдѣлать жилетку. Снималъ онъ мѣрку бумажной мѣркой, которую дѣлалъ тутъ же, прося бумажки, и отмѣчалъ на ней нарѣзами. Его всегда просили, чтобы онъ шилъ дѣтямъ платье «на ростъ», то-есть рукава и полы длиннѣе, чѣмъ нужно. Рукава иногда засучали. Дѣлали складки и на штанишкахъ. Фантастическихъ костюмовъ у насъ не было никакихъ. Экономія въ домѣ была во всемъ. Даже и передѣланное изъ спорковъ платье носилъ я одинъ, какъ старшій, а братьямъ моимъ почти всегда платье переходило отъ меня, когда я выросталъ изъ него.

Говѣли мы всегда всѣмъ домомъ сразу, и для говѣнья всегда намѣнивалось новое мелкое серебро, преимущественно пятачки и гривенники, чтобы расходовать въ церкви. Исповѣдывались всѣ у отца настоятеля Владимірской церкви, протоіерея Михаила Малеина, дряхлаго старика, совершенно глухого, но все-таки ѣздившаго въ Рождество и Пасху славить и взбиравшагося къ намъ въ четвертый этажъ.

Онъ вѣнчалъ отца и мать, крестилъ меня и другихъ дѣтей. Помню, что первая моя исповѣдь заключалась въ разспросахъ со стороны священника: чей ты такой, не обманываешь ли родителей, не таскаешь-ли украдкой сахаръ изъ сахарницы, не оскоромился ли, не грубишь ли родителямъ? Отвѣтовъ моихъ онъ не слыхалъ, да и не интересовался ими. Помню, что, когда я послѣ исповѣди положилъ ему на блюдо блестящій пятачокъ, онъ досталъ его съ блюда и, передавая его мнѣ обратно, сказалъ: «возьми себѣ на пряники». А про него говорили, что онъ былъ очень скупъ, и я помню, что онъ ходилъ всегда въ потертой, выцвѣтшей лиловой рясѣ, совсѣмъ отрепанной, тогда какъ другіе священники нашего прихода одѣвались франтовато и во всю душились розовымъ масломъ.

Прибавлю, что протоіерею Михаилу Малеину въ день его ангела всегда посылали отъ насъ сладкій кондитерскій пирогъ. Это было принято у прихожанъ.

Мать наша была богомольна, молилась дома утромъ и вечеромъ по молитвеннику, равно, какъ и тетка ея, моя мать крестная, которую, когда мнѣ минуло лѣтъ десять, пришлось за старостью лѣтъ взять въ домъ, и у насъ уже стали жить двѣ старухи—мачеха отца и тетка матери. Живя въ одной комнатѣ, эти старухи всегда ссорились. Мачеха отца была не совсѣмъ въ здравомъ умѣ и дѣлала много чудачествъ. У нея были деньги, до 10.000 рублей, полученныя ею по наслѣдству отъ какого-то родственника, были и брильянтовыя вещи, какъ ея приданое,

но она денегъ не тратила, вещей никому не давала и держала ихъ въ комодѣ, а ключъ отъ комода на крестѣ. Впослѣдствіи эти деньги у нея выманила обманомъ ея сестра, привела ее чуть не къ окончательному умопомѣшательству, и она впала въ дѣтство. Мачеха отца почти никогда не выходила изъ дома, и ее чуть не силой водили въ церковь говѣть и раза три въ годъ возили въ баню. Теткѣ матери она очень часто дѣлала самыя дѣтскія озорничества: то и дѣло гасила «неугасимую» лампаду передъ ея образомъ, умышленно плевала на полъ передъ тѣмъ, какъ той надо молиться и дѣлать земные поклоны, сажала ей въ коробку съ зубнымъ порошкомъ таракановъ и мухъ, а также и въ молитвенникъ ея. Съ этого и начиналась перепалка.

Отецъ и дядя не были богомольны, но соблюдали всѣ церковные обряды и наканунѣ праздниковъ и въ праздники посѣщали церковь. Ходить наканунѣ воскресенья и праздниковъ въ гости и принимать у себя гостей считалось у насъ грѣхомъ. Впослѣдствіи это стало измѣняться, но, когда мы были дѣтьми, было такъ. Насъ, дѣтей, мать заставляла утромъ, когда мы вставали отъ сна, и вечеромъ, ложась спать, читать передъ образомъ «Отче Нашъ», «Богородицу», «Вѣрую», поминать на молитвѣ всѣхъ членовъ семьи, и при этомъ мы дѣлали земные поклоны. Пока мы не знали молитвъ, мы повторяли ихъ за матерью. Будучи уже мальчикомъ лѣтъ 12—13, я безъ угрызенія совѣсти не могъ лечь спать, не прочитавъ всѣхъ этихъ молитвъ, хотя бы наскоро,

бормоткомъ; кромѣ того, я молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ знать завтра уроки и получить хорошую отмѣтку, при чемъ крестилъ книгу и клалъ ее подъ подушку. Помню, что даже молился, чтобы нашлись потерянныя вещи, въ родѣ перочиннаго ножика, чтобы нашелся нашъ большой сѣрый котъ, котораго мы, дѣти, такъ любили, и который часто пропадалъ на два-три дня.

Кстати о котѣ. Съ самаго ранняго дѣтства мы жили среди животныхъ. У насъ всегда были два-три кота, двѣ-три собаки, и я очень любилъ ихъ и мальчикомъ бралъ кота спать въ постель. Кромѣ того, у насъ всегда бывали морскія свинки или кролики. Кошекъ и собакъ мы всѣ очень любили и даже кормили пришлыхъ бродячихъ кошекъ, которыя всегда во множествѣ сидѣли у насъ на черной лѣстницѣ, около нашихъ дверей. Ихъ мы называли «нищими» и выносили имъ подаяніе.

Въ дѣтсвѣ, въ отрочествѣ, въ юности я всегда имѣлъ при себѣ собаку или кошку, спалъ съ ними, и любовь къ этимъ животнымъ у меня сохранилась и понынѣ. Будучи ребенкомъ и отправляясь съ нянькой гулять въ церковную ограду, я всегда захватывалъ съ собой хлѣба, чтобы кормить бѣдныхъ бродячихъ собакъ, которыя ютились тамъ, получая отъ рѣзвящихся дѣтей кусочки пряниковъ, покупаемыхъ у разносчиковъ, расположившихся въ оградѣ.

Въ Благовѣщенье въ этой оградѣ появлялись продавцы птицъ съ садками, и богомольцы усердно раскупали этихъ птицъ на выпускъ. Выпускалъ и я

па волю такихъ птичекъ, выпросивъ у матери нѣсколько копеекъ. Помню, когда былъ ребенкомъ, жила у меня галка, выпавшая изъ гнѣзда и привезенная съ кладбища, которую я воспитывалъ, кормя говядиной. Галка эта сдѣлалась ручной, но, вполнѣ окрѣпши, улетѣла и не возратилась, что меня очень огорчило; я долго плакалъ и на молитвѣ дѣлалъ земные поклоны, чтобы галка вернулась.

Съ особеннымъ удовольствіемъ кормилъ я голубей и воробьевъ, которые прилетали ко мнѣ на подоконникъ. Мы, дѣти, отмѣчали болѣе смѣлыхъ воробьевъ; они носили у насъ названіе знакомыхъ и назывались Кузьма, Матрена и т. п.

Кстати сказать, кормленіе птицъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, было связано съ благочестіемъ. Почти каждый лавочникъ занимался этимъ, вынося поутру изъ лавки зерна и хлѣбъ для голубей и воробьевъ, высыпалъ кормъ и при этомъ крестился. Часто можно было видѣть лавочниковъ, къ которымъ голуби садились на голову, на плечи. Гнѣздо птицы, свитое въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно даже мѣшало, никогда не разорялось взрослыми и считалось благословеніемъ Божіимъ. Въ радоницу, при поминовеніи усопшихъ, кормили птицъ на кладбищахъ. Члены нашей семьи возили на кладбище грачамъ, галкамъ и воронамъ даже говядину. Гостиный дворъ былъ переполненъ голубями. На углахъ Гостинаго двора стояли ряды саечниковъ и калачниковъ, выкрикивая «сайки горячи» и прямо всовывая ихъ въ руки прохожихъ. Отъ зазыванія покупателей выкрики висѣли въ воз-

духѣ, и, не взирая на это, голуби летали надъ головами саечниковъ, садились къ нимъ на плечи, на лотки съ товаромъ. Голубь считался птицей священной. Отецъ мой разсказывалъ, что какой-то англичанинъ, торговавшій внутри Гостинаго двора въ кладовой, вздумалъ стрѣлять тамъ изъ духового ружья голубей на жаркое, такъ ломовые извозчики, всегда стоявшіе внутри Гостинаго двора, до того этимъ возмутились, что чуть не убили англичанина, нанеся ему жестокіе побои.

IV.

Въ приготовительномъ училищѣ Бѣляева пробылъ я два года, и отецъ отдалъ меня въ Реформатское училище, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста, которое и понынѣ существуетъ при французской, голландской и нѣмецкой реформатскихъ церквахъ въ Петербургѣ. Нѣмецкой реформатской церкви тогда еще на Мойкѣ, близъ Морской построено не было, она построена въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и нѣмцы отправляли богослуженіе по реформатскому обряду, вмѣстѣ съ французами-гугенотами въ церкви на Большой Конюшенной улицѣ. Выборъ такого училища, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на нѣмецкомъ языкѣ, былъ сдѣланъ отцомъ послѣ долгихъ обсужденій и былъ не безъ вліянія со стороны нѣмцевъ и голландцевъ, у которыхъ служили отецъ и дядя, принадлежавшихъ къ реформатскому вѣроисповѣданію. Кромѣ того, въ

тѣ времена дѣтей купцовъ принимали не во всѣ гимназіи, и при пріемахъ были большія затрудненія. Для дѣтей купцовъ было коммерческое училище, но это училище въ то время было закрытое, исключительно съ пансіонерами, и тогдашняя плата въ 300 рублей въ годъ была для отца не по средствамъ. Существовалъ на Васильевскомъ Острову коммерческій пансіонъ Гирста, но тамъ плата была еще выше. Реформатское же училище брало за ученика только 60 рублей въ годъ. Также отецъ и дядя, служа у иностранныхъ купцовъ, гдѣ обращеніе со служащими было неизмѣримо лучше, чѣмъ у русскихъ купцовъ, и проча и меня на службу въ подобную же контору,—они видѣли, какой недостатокъ представляло имъ по службѣ незнаніе иностранныхъ языковъ, а потому и хотѣли, чтобы я научился нѣмецкому и французскому языкамъ. Отецъ очень часто говорилъ, что товарищъ его бухгалтеръ, знающій по-нѣмецки и по-французски, получаетъ вдвое больше его, и работы у него менѣе.

И вотъ я въ Реформатскомъ училищѣ. Опредѣленъ я былъ туда почему-то не въ началѣ учебнаго года, а въ октябрѣ. Отецъ привелъ меня рано утромъ къ инспектору Реформатскаго училища Гордаку, жившему при училищѣ. Гордакъ—сѣдой старикъ нѣмецъ, давно небритый, съ щетинистымъ подбородкомъ, небольшого роста, краснолицый, съ длинными волосами, принялъ насъ у себя въ кабинетѣ, но оказался почти неговорящимъ по-русски. Меня поразилъ костюмъ его. Одѣтъ былъ въ застегнутое на

всѣ пуговицы пальто, безъ признаковъ бѣлья и былъ въ резиновыхъ галошахъ. Прибавлю, впрочемъ, что на шеѣ его была намотана косынка. Помню, что отецъ объяснялся съ нимъ чуть не пантомимой. Говорили довольно долго, не понимая другъ друга, Гордакъ по-нѣмецки, вставляя русскія и французскія слова, отецъ—по-русски, перемѣшивая разговоръ съ нѣмецкими и французскими словами, какія зналъ. Гордакъ четверть вѣка прожилъ въ Петербургѣ и не научился по-русски. Онъ развернулъ книгу, далъ мнѣ прочитать по-нѣмецки. Дрожа всѣмъ тѣломъ, чуть не плача и заикаясь (въ дѣтствѣ я сильно заикался), я прочиталъ нѣсколько строкъ. Затѣмъ я прочиталъ по-французски. Гордакъ сталъ спрашивать меня таблицу умноженія по-нѣмецки. Я спутался по-нѣмецки и не могъ отвѣчать. Онъ взялъ грифельную доску и началъ задавать мнѣ вопросы изъ таблицы умноженія, ставя цифры на доскѣ. Я отвѣчалъ также письменно. Онъ покачалъ головой, вынулъ изъ кармана леденецъ и, подавая его мнѣ, сказалъ: «Im ganzen gut. Da hast du». Я былъ принятъ. Отецъ заплатилъ деньги за ученіе, получилъ квитанцію и сталъ прощаться со мной, я заплакалъ. Изъ кабинета мы вышли вмѣстѣ. Гордакъ взялъ меня за руку, повелъ въ коридоръ. Большіе часы въ коридорѣ показывали девять. Около часовъ висѣлъ большой колоколъ. У колокала стоялъ школьный сторожъ (Schuldiner). Гордакъ сдѣлалъ ему знакъ и крикнулъ: «Zum Gebet!» (Къ молитвѣ!). Сторожъ зазвонилъ. Распахнулись двери, выходившія въ коридоръ, и изъ

нихъ толпами стали выскакивать ученики всѣхъ возрастовъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Всѣ бѣжали на молитву, куда повелъ и меня Гордакъ.

Молитва происходила въ самомъ большомъ изъ классовъ училища—въ Secund'ѣ, во второмъ этажѣ, куда собирались ученики всѣхъ классовъ. Здѣсь стоялъ большой органъ въ ясневомъ чехлѣ. На классной доскѣ были написаны по-нѣмецки стихи псалма. Гордакъ сѣлъ за органъ и сталъ играть мелодію. Ученики запѣли псаломъ. Вотъ псаломъ пропѣтъ. Старичекъ гладкобритый съ крючковатымъ носомъ, въ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, сталъ читать «Отче нашъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ законоучитель училища для нѣмцевъ лютеранъ и реформатовъ, пасторъ Клиппъ.

Молитва кончилась. Учителя и воспитатели стали разводить учениковъ по классамъ. Я, новичекъ, никогда не видѣвшій такой церемоніи, стоялъ оробѣвшій и не знавшій, что мнѣ дѣлать. Инспекторъ Гордакъ взялъ меня за руку и повелъ въ классъ въ нижнемъ этажѣ. Когда мы туда входили, я прочиталъ надъ дверями надпись «Quarta».

Гордакъ остался въ классѣ и началъ преподавать ариѳметику. Урокъ начался съ того, что онъ заставилъ весь классъ писать въ черновыя тетради, которыя, кстати сказать, назывались «олляпотридами» (ollepotrida), таблицу умноженія на 11, 12, 15 и 16. Всѣ ученики писали и при этомъ хоромъ пѣли по-нѣмецки, что пишутъ. Самъ Гордакъ ходилъ въ это время по классу, мягко ступая ногами въ рези-

новыхъ галошахъ и при этомъ усиленно нюхая табакъ. Когда таблица умноженія была написана, онъ вызвалъ одного изъ учениковъ къ доскѣ, велѣлъ писать задачу и затѣмъ рѣшать ее въ слухъ. Остальные ученики молча дѣлали это же у себя въ тетрадяхъ.

Гордакъ стоялъ около доски и при малѣйшей ошибкѣ ученика ругалъ его осломъ, поросенкомъ, обезьяной. Наконецъ, посыпались затрещины, подзатыльники. Нѣсколько разъ дергалъ онъ ученика за вихоръ, за ухо и, когда задача была кончена, уже ласково наградилъ его щелчкомъ въ носъ (Stieber-nase), при чемъ велѣлъ благодарить. Начался осмотръ тетрадей съ задачами, и здѣсь затрещины, сопровождаемыя ругательствами. Однако, какого-то ученика за замаранную тетрадь онъ выслалъ изъ класса, сказавъ: «Spazier... Десять на рукъ». Онъ любилъ вставлять въ нѣмецкую рѣчь русскія слова. Ученикъ заплакалъ, удалился и вернулся, дуя въ кулаки. Школьный сторожъ, шульдинеръ, отбарабанилъ его по рукамъ розгой. Былъ высланъ и еще ученикъ съ приказаніемъ получить пять ударовъ по штанамъ.

— Bekomm fünf auf die Hosen,—сказалъ Гордакъ спокойно.

Такія наказанія меня поразили. Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ и при этомъ слышалъ, какъ въ коридорѣ раздалось пять рѣзкихъ ударовъ. Ученикъ вернулся заплаканный. Я и самъ чуть не плакалъ.

Сдѣлавшихъ вѣрно задачу (припоминаю, что это было что-то изъ именованныхъ чиселъ) и подавшихъ ее, чисто написанную, раньше, чѣмъ ее окончилъ ученикъ на большой доскѣ, Гордакъ записалъ въ классный журналъ въ отдѣлъ «Lob» (похвала). Потерпѣвшіе тѣлесное наказаніе были записаны въ въ отдѣлъ «Tadel» (порицаніе). Урокъ кончился.

Гордакъ преподавалъ ариѳметику, алгебру и геометрію во всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительнаго, а было ихъ всѣхъ пять: квинта, кварта, терція, секунда и прима, а черезъ годъ послѣ моего поступленія сдѣлали шесть, подѣливъ терцію на клейнъ-терцію и гроссъ-терцію.

Гордакъ былъ превосходный преподаватель ариѳметики, съ отличной системой (рѣшеніе большихъ задачъ въ головѣ), но необычайно жестокій даже и для того времени учитель. Затрещины, удары по затылку, удары по щекамъ, дранье за волосы и за уши, наказанія розгой по рукамъ и «по штанамъ» (ударяли обратной стороной розги, окомелкомъ) отъ него такъ и сыпались. Не освобождались у него отъ этихъ наказаній и ученики старшихъ классовъ, юноши 17—18 и болѣе лѣтъ. Тѣлесное наказаніе тогда существовало во всѣхъ училищахъ духовнаго, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, даже въ Пажескомъ корпусѣ и Училищѣ Правовѣдѣнія, но оно примѣнялось въ исключительныхъ случаяхъ, Гордакъ же расточалъ наказанія каждый день во время каждаго урока, при чемъ онъ и самъ собственноручно билъ и дралъ учениковъ за волосы. Часто за не-

большія провинности онъ заставлялъ провинившихся учениковъ самихъ таскать другъ друга за волосы и наслаждался этимъ зрѣлищемъ. Другіе учителя били сдержаннѣе, были такіе, которые совсѣмъ не употребляли тѣлесныхъ наказаній, но онъ, какъ инспекторъ училища (директора училища при моемъ поступленіи не полагалось), являлся въ классъ на урокъ для наблюденій и производилъ отъ себя свою жестокую расправу. Иногда онъ наказывалъ за одну и ту же вину три раза: во время урока, по субботамъ, когда дѣлалась сводка «лобовъ» и «таделей», и при третныхъ отмѣткахъ.

По субботамъ воспитатель представлялъ Гордаку сводку «лобовъ» и «таделей», и онъ самъ надписывалъ и выдавалъ билеты за прилежаніе (für Fleiss) зеленые за три лоба, синіе—за четыре и красные—за пять. Удостоившихся же быть записанными въ теченіе недѣли три раза въ «тадель» приказывалъ отбарабанить шульдинеру десятью ударами розги по штанамъ. Экзекуція эта происходила въ комнатѣ, носившей названіе «конференціи». Въ ней собирались учителя во время перемѣнъ, стояли шкафы съ книгами, съ физическими инструментами и кое-какими предметами по зоологіи и минералогіи. Здѣсь же въ отдѣльномъ шкафчикѣ находились и розги въ ведрѣ. При субботнихъ экзекуціяхъ Гордакъ обыкновенно присутствовалъ самъ. По окончаніи классовъ въ субботу сюда сгонялись всѣ ученики, получившіе три «таделя». Иногда ихъ было 10—15. Шульдинеръ Петръ—русскій, отставной солдатъ, или То-

масъ, финляндецъ, наказывали ихъ поочередно. Ученикъ ложился животомъ на табуретку, шульдинеръ натягивалъ одной рукой штаны, а другой производилъ удары розгой по штанамъ. Когда ученикъ уже получилъ опредѣленное число ударовъ, Гордакъ часто глумился и спрашивалъ его:

— Ну, что, сладко (süss)?

Порядки и бытъ Реформатскаго училища, существовавшіе полъ-вѣка тому назадъ, впослѣдствіи были у меня описаны въ отдѣльномъ очеркѣ подъ названіемъ «Учебный день въ нѣмецкой школѣ», помѣщенномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, а затѣмъ изданномъ отдѣльно въ сборникѣ разсказовъ «Ребятишки», но тамъ не говорится, какое это было училище, и не называются по фамиліямъ учителя.

Въ квартѣ я просидѣлъ всего два-три дня. Должно быть, знанія мои оказались выше преподаваемаго тамъ. Гордакъ явился въ классъ въ первый урокъ, поманилъ меня пальцемъ, велѣлъ слѣдовать за собой, привелъ въ классъ терцію и посадилъ на заднюю парту.

— Сиди теперь тутъ, и ты будешь терціанеръ,— сказалъ онъ мнѣ по-нѣмецки.

Я былъ переведенъ въ терцію, тогда еще не раздѣленную на два класса—клейнъ-терцію и гроссъ-терцію. Помню, что здѣсь было мнѣ учиться трудно. Программа этого класса была слишкомъ обширная, что сознало и школьное начальство, подѣливъ классъ на два класса. Преподавалась физика, физическая

географія, зоологія, исторія, кромѣ ариѳметики, алгебра и геометрія — и все на нѣмецкомъ языкѣ, а знанія мои изъ нѣмецкаго языка, при поступленіи моемъ въ это училище, ограничивались только тѣмъ, что я умѣлъ читать и писать и зналъ сотни двѣ словъ.

Первое время приходилось мнѣ въ терціи сидѣть, слушать и хлопать глазами, ничего не понимая. Пробовалъ я учить географію вмѣстѣ и по нѣмецкому учебнику и по русскому Арсеньева, а исторію читалъ по Кайданову, но не могъ отвѣчать уроковъ по-нѣмецки и получалъ худыя отмѣтки, попадалъ въ тадель, хотя мнѣ, какъ русскому и къ тому же заикавшемуся, дѣлали снисхожденіе. Начались наказанія—битье по рукамъ, стеганіе по штанамъ хотя я подвергался наказаніямъ сравнительно съ другими рѣдко. Кончилось тѣмъ, что въ терціи я провалился на экзаменахъ и долженъ былъ остаться на другой годъ.

Пребываніе мое въ Реформатскомъ училищѣ надо раздѣлить на двѣ эпохи: первую—при инспекторствѣ Гордака и вторую, когда послѣ его смерти былъ приглашенъ инспекторомъ извѣстный преподаватель французсккго языка, составитель знаменитаго учебника французскаго языка, Давидъ Марго, учебника, который въ употребленіи еще и теперь.

Эти эпохи одна на другую совсѣмъ не похожи. Варварство старонѣмецкаго гордаковскаго режима смѣнилось просвѣщенными реформами Марго, уроженца французской Швейцаріи. Марго былъ тогда

красивый, высокій, среднихъ лѣтъ брюнетъ съ бакенбардами, очень франтоватый. Находясь у приходовъ на частной службѣ, онъ все-таки любилъ ходить по классамъ въ вицмундирномъ фракѣ, такъ какъ состоялъ въ то же время преподавателемъ гдѣ-то въ казенномъ училищѣ. Принявъ управленіе училищемъ, инспекторъ Марго, по соглашенію съ церковнымъ совѣтомъ, смѣнилъ почти всѣхъ учителей гордаковской эпохи. Повѣяло новымъ духомъ, свѣжимъ воздухомъ. Началась чистка. Реформы эти застали меня въ секундѣ.

Сдѣлаю, однако, характеристику учителей и преподаванія гордаковской эпохи.

Учитель нѣмецкаго языка, Шульце, былъ докторъ философіи и теологіи, какъ значилось на дверной дощечкѣ его квартиры, находившейся въ домѣ училища. Въ мое время онъ преподавалъ уже лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ, и такъ же, какъ и Гордакъ, нисколько не научился говорить по-русски. Это былъ пожилой человѣкъ съ зачесанными назадъ длинными волосами, въ очкахъ, съ полнымъ бритымъ лицомъ. Ходилъ въ длинномъ пасторскомъ сюртукѣ и былъ всегда въ бѣломъ галстухѣ съ громадными острыми воротничками сорочки. Преподавая въ трехъ старшихъ классахъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую литературу, увлекался Шиллеромъ и Гете и часто даже на урокѣ грамматики заставлялъ насъ декламировать «Валленштейновъ лагерь» и другія драмы, для чего каждому назначалъ роль. На задней скамейкѣ сидѣлъ хоръ-народъ. Декламировалъ онъ иногда и

самъ «Фауста» на распѣвъ, съ жестами, съ выкриками, какъ старинные трагики. Изъ насъ, кто сильнѣе кричалъ, вращалъ глазами, подражая ему, тотъ и удостоивался «лоба». Шульце былъ большой комикъ, человѣкъ не злой и тѣлесныхъ наказаній придерживался только по обычаю, любя при этомъ оправдывать себя фразой:

— У насъ въ Германіи насъ и не такъ еще драли.

Самъ онъ не дрался, хотя ругалъ лѣнтяевъ. Ученики его любили. На урокѣ онъ часто упоминалъ, что онъ — бывшій гейдельбергскій студентъ, дрался на дуэляхъ и прибавлялъ:

— Heidelberg! Das ist die Sache!

Онъ любилъ выпить и на уроки иногда являлся выпивши.

Учитель физики и естествознанія — Зееценъ, худой, высокій старикъ съ гладко бритымъ лицомъ. На урокъ всегда являлся въ вицмундирномъ фракѣ, на шею наматывалъ черную косынку, изъ-за которой вылѣзали необыкновенно острые воротнички сорочки, торчавшіе впередъ. Табакерка постоянно бывала у него въ рукахъ. Онъ съ присвистомъ нюхалъ табакъ и сморкался въ громадный красный фуляровый платокъ. Любилъ упоминать, что онъ Hofrath — надворный совѣтникъ. Кромѣ нашего училища, преподавалъ что-то въ гимназіяхъ, но по-русски говорилъ очень плохо. Во время уроковъ физики опытовъ дѣлать не любилъ и всегда говорилъ:

— Когда-нибудь въ другой разъ покажу. Ключи

отъ шкафа съ машинами у инспектора, а онъ, кажется, спитъ.

Учитель русскаго языка и литературы—Нувель, совсѣмъ больной старикъ. Иногда приходилъ въ классъ, садился и засыпалъ, и мы затихали, давая ему спать. Часто, придя въ классъ, принималъ порошки, накапывалъ себѣ капель на сахаръ. Онъ былъ почти всегда въ дремотѣ. Грамматику преподавалъ по Гречу «отсюда и досюда», и спрашивалъ въ зубряжку. Книжкой для чтенія была книга «Другъ дѣтей». О Пушкинѣ, Гоголѣ, Грибоѣдовѣ мы ничего отъ него не слыхали. Помню, онъ что-то мѣсяца два диктовалъ намъ по частямъ стихотвореніе «Умирающій Тассъ» и заставлялъ его учить. Нувель почти никого не награждалъ ни таделемъ, ни лобомъ, не дрался и тѣлесныхъ наказаній не назначалъ. Очевидно, ему было не до нихъ. Тоже являлся въ вицмундирѣ и страшно нюхалъ табакъ. Грудь сорочки его была усыпана имъ.

Преподаватель французскаго языка — Лезгилье, онъ же и классный воспитатель. Тоже больной старикъ, разслабленный на ноги, маленькій, худой, плѣшивый. Ходилъ въ классъ въ пальто съ поднятымъ воротникомъ и въ плисовыхъ сапогахъ. Пансіонеры инспектора Гордака про Лезгилье разсказывали, что онъ ночью спалъ въ мѣховомъ мѣшкѣ и мѣховомъ колпакѣ. Про его преподаваніе у меня въ памяти ничего не осталось, но помню, что, когда преподавать французскій языкъ сталъ Марго, онъ ужаснулся на то, что увидѣлъ. Даже въ тер-

ціи нѣкоторые ученики едва умѣли читать по-французски.

Фишеръ—учитель исторіи и географіи. Среднихъ лѣтъ человѣкъ въ вицмундирѣ, съ бакенбардами, въ золотыхъ очкахъ. Отлично зналъ свой предметъ, умѣлъ заинтересовать учениковъ, у него прекрасно учились и любили его. Преподавалъ по-нѣмецки, но для русскихъ иногда объяснялъ и по-русски. По-русски онъ говорилъ отлично. У него была превосходная манера преподаванія географіи. Онъ заставлялъ на память чертить карты частей свѣта, разставлять на нихъ крестиками главные города, и ученикъ долженъ былъ дѣлать «путешествіе». Такъ, напримѣръ, по картѣ Европы отправляясь изъ Бѣлаго моря въ морское путешествіе вокругъ Европы, ученикъ, указывая палкой, называлъ попутно всѣ моря, заливы, впадающія въ нихъ рѣки, острова и доходилъ до Чернаго моря. Карты государствъ задавалъ онъ чертить на домъ въ особыхъ тетрадяхъ. На это дѣло были замѣчательные искусники и раскрашивали карты акварелью. У нѣкоторыхъ учениковъ собирался такимъ образомъ географическій атласъ, сдѣланный ими самими. И у меня былъ такой атласъ. Заниматься рисованіемъ картъ я любилъ. Фишеръ былъ врагъ зубряжки, что тогда представлялось особенностью, рѣдкостью между учителей. Исторію онъ преподавалъ, читая по своимъ запискамъ, какъ въ высшемъ заведеніи, читалъ съ интересными подробностями, внятно, останавливаясь и дѣлая комментаріи. Ученики старшихъ классовъ всегда успѣвали

записывать, что онъ читалъ, и уже во время урока запоминали, что писали. Спрашивалъ прочитанное онъ очень рѣдко, двухъ, трехъ учениковъ и всегда награждалъ ихъ лобами. Фишера очень любили, называли его справедливымъ человѣкомъ и хорошо у него учились. О немъ я сохранилъ лучшія воспоминанія. Онъ былъ противникъ тѣлесныхъ наказаній, но иногда ему ихъ все-таки приходилось примѣнять вслѣдствіе давленія инспектора Гордака.

Учитель чистописанія, Мессеръ, худой и длинный старикъ въ вицмундирѣ, въ парикѣ. Прописи чистописанія его были тогда приняты чуть ли не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На чистописаніе тогда обращалось огромное вниманіе. Онъ также училъ и чинить гусиныя перья и ставилъ за это отмѣтки. Часто, написавъ на доскѣ каллиграфически какое-либо изреченіе, онъ заставлялъ его списывать, при чемъ ученики писали и при каждомъ утолщеніи буквы пѣли: un, deux, trois, quatre. На урокахъ каллиграфіи во время моего поступленія въ училище у Мессера писали гусиными перьями, хотя стальныя перья были уже достаточно распространены и употреблялись нами во время другихъ уроковъ. Стальныя перья онъ допускалъ только для писанія готическими буквами, курсивами, буквами съ завитками, что также преподавалъ. Ученики, особенно успѣшные въ каллиграфіи, писали къ экзаменамъ на листахъ ватманской бумаги различными почерками и буквами «Отче нашъ» на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, «Боже, царя храни» и оды Державина.

Лучшіе изъ этихъ образцовъ гравировальнаго письма вставлялись въ рамки подъ стекломъ и вѣшались въ классахъ на стѣнахъ, гдѣ висѣли также лучшія географическія карты, сдѣланныя учениками. Мессера любили, хотя онъ, иногда раздраженный неряшливостью учениковъ при чистописаніи, колотилъ особенно неряшливыхъ линейкой по пальцамъ. Зато никто не расточалъ ученикамъ столько лобовъ, какъ Мессеръ. Помню, что у насъ изъ училища выходили замѣчательные каллиграфы.

Пасторы Клиппъ и Иккенъ преподавали по-нѣмецки Законъ Божій для протестантовъ, но и мы, русскіе ученики, а также поляки, нѣмцы и французы-католики сидѣли тутъ же въ классѣ и слушали преподаваніе, хотя и не учили задаваемыхъ ими уроковъ. О пастырѣ Клиппѣ я уже упоминалъ. Онъ былъ лютеранинъ и преподавалъ «Religion» во всѣхъ классахъ, всѣмъ протестантамъ. Это былъ человѣкъ, мало уступавшій въ жестокости Гордаку. Иккенъ преподавалъ только катехизисъ ученикамъ реформатскаго исповѣданія. Онъ состоялъ пасторомъ при нѣмецкой реформатской церкви, былъ человѣкъ молодой, но отличался болѣзненностью, сильно кашлялъ съ страшными приступами и умеръ отъ чахотки.

Законъ Божій для православныхъ преподавалъ священникъ изъ Михайловскаго инженернаго замка, о. Гавріилъ Розовъ, маленькій дряхлый старичокъ, очень неряшливый, въ сильно засаленномъ на груди подрясникѣ и всегда съ отшлепаннымъ подоломъ рясы. Задавалъ онъ священную исторію Ветхаго и

Новаго Завѣта «отсюда и досюда» и требовалъ, чтобы учили въ зубряжку, говоря ученикамъ:

— Что-жъ, книга-то глупѣе тебя, что ты своими словами разсказываешь? Ты говори, какъ въ книжкѣ написано. Ее умные люди писали.

Учились у него очень плохо. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ очень добрый и таделей не расточалъ, зная, что послѣ трехъ таделей въ недѣлю всегда въ субботу слѣдовало тѣлесное наказаніе отъ инспектора. Преподаваніе имъ Закона Божія происходило внѣ класснаго времени, всегда по окончаніи всѣхъ уроковъ. Полагаю, что это было такъ за неимѣніемъ въ училищѣ свободныхъ комнатъ. Очень комичная сцена происходила всегда, когда нашъ законоучитель встрѣчался съ пасторомъ Клиппомъ. Клиппъ не говорилъ по-русски, а Розовъ не зналъ нѣмецкаго языка. Клиппъ при встрѣчѣ всегда подносилъ ему табакерку. Оба они нюхали, улыбались, хлопали другъ друга по плечу, справлялись каждый на своемъ языкѣ о здоровьѣ, при чемъ Клиппъ твердилъ:

— Gesund? Gut?.. Recht gut... Карашо, карашо.

А Розовъ на это ему тоже въ видѣ привѣтствія отвѣчалъ:

— Благодареніе Создателю, не жалуюсь. Да и вы вѣдь не жалуетесь. Вотъ нюхаемъ вмѣстѣ табачокъ. Да, да... дружески нюхаемъ. Хоть вѣроисповѣданія-то у насъ разныя, но Богъ-то вѣдь одинъ. Одинъ Богъ-то... указывалъ онъ въ потолокъ.

Въ внѣклассное время преподавались у насъ и приватные языки—англійскій и латинскій, за ни-

чтожную плату—одинъ рубль въ мѣсяцъ, а учениковъ голландцевъ училъ голландскому языку пасторъ голландской церкви.

Впослѣдствіи, находясь уже въ секундѣ, я сталъ посѣщать классы языковъ латинскаго и англійскаго.

Англійскій языкъ преподавалъ мистеръ Бишопъ, отличавшійся необыкновеннымъ чудачествомъ. То онъ зимой отворялъ въ классѣ форточки для освѣженія своей головы, то сообщалъ, что сегодня у него геморой разыгрался, поэтому онъ долженъ дѣлать гимнастику и начиналъ ее дѣлать тутъ же, во время урока, прыгая, размахивая руками и ногами, заставляя при этомъ дѣлать то же самое и учениковъ. Являлся онъ всегда въ классъ съ леденцами и во время урока сосалъ ихъ или ѣлъ шоколадъ. Зимой онъ ходилъ въ холодномъ даже не наваченномъ пальто, и только на шеѣ у него были навернуты въ нѣсколько рядовъ бывшіе тогда въ большой модѣ женскіе мѣховые хвосты-боа. Всѣ говорили, что онъ былъ сумасшедшій... Да онъ былъ больной, страдалъ хореей. По временамъ все лицо его подергивалось, и онъ дѣлалъ такія гримасы, что ученики часто не могли удержаться отъ смѣха, да не одни ученики, а и шульдинеры. За этотъ смѣхъ онъ записывалъ учениковъ въ тадель, а иногда и шульдинеровъ. Разъ онъ записалъ въ тадель даже пуделя инспектора Гордака, Каро, всегда сидѣвшаго на лѣстницѣ около квартиры Гордака, бросившагося на него съ лаемъ. Не взирая на такія чудачества, онъ преподавалъ тогда англійскій языкъ и въ коммерческомъ училищѣ,

а также и въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ, о чемъ всегда любилъ повѣствовать намъ, ученикамъ, но повѣствованія эти заключались, главнымъ образомъ, въ перечисленіи тѣхъ роскошныхъ блюдъ, какими его кормили во время обѣда въ домѣ его учениковъ. По-русски онъ говорилъ, хотя и ломанымъ языкомъ, но недурно.

Латинистомъ былъ у насъ нѣмецъ Шуманъ, очень угрюмый, косматый, пожилой человѣкъ, ходившій въ вицмундирномъ фракѣ съ необычайно замасленнымъ бархатнымъ воротникомъ и штопанными локтями, съ какой-то круглой серебряной луковицей въ видѣ часовъ, которую вынималъ изъ жилетнаго кармана и клалъ во время урока передъ собой на столъ. Являлся онъ въ училище съ большой фарфоровой трубкой на выгнутомъ короткомъ чубукѣ, и мы часто видѣли его, какъ онъ курилъ ее, сидя въ ожиданіи урока въ конференціи—комнатѣ, о которой я уже упоминалъ.

Перечисливъ почти всѣхъ учителей, бывшихъ въ училищѣ во время инспекторства Гордака, и ихъ манеру преподаванія, упомяну о преподаваніи исторіи Россіи. Исторія Россіи преподавалась въ то время, какъ это ни странно, на французскомъ языкѣ и учителемъ этого языка. Говорили тогда, что это для практики во французскомъ языкѣ. Помню и учебникъ этой русской исторіи, изданный въ Парижѣ. Это была маленькаго формата книжечка, но довольно объемистая, въ концѣ которой были вырѣзаны странички, описывающія царствованіе Павла I.

При плохомъ знанiи французскаго языка, исторiю Россiи никто изъ учениковъ такъ и не могъ себѣ усвоить и ничего изъ нея не зналъ. Прибавлю, что французскiй учебникъ, по которому проходили исторiю Россiи, былъ учебникъ всеобщей исторiи, и изъ него дѣлали выборки, только касающiяся Россiи.

Въ первый разъ, когда я вернулся домой изъ реформатскаго училища, дома у насъ было буквально торжество. Къ обѣду былъ испеченъ клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ, и вечеромъ пили шоколадъ, а шоколадъ у насъ пили только въ дни семейныхъ торжествъ. Меня старались пичкать самыми лакомыми кусками, засыпали разспросами объ училищѣ, спрашивали, что я ѣлъ въ училищѣ. Дѣло въ томъ, что никто не ожидалъ, когда отецъ мой повелъ меня въ училище, что я въ тотъ же день въ немъ и останусь, а потому и не дали мнѣ съ собой завтрака. Отецъ водилъ меня просто на показъ и для экзамена, но Гордакъ, не отпустивъ меня домой, сейчасъ же и засадилъ въ классъ. Отецъ, прощаясь со мной, сунулъ мнѣ въ руку мелочи и сказалъ, чтобы я послалъ кого-нибудь купить мнѣ что-либо съѣстное. Помню, что въ большую перемѣну въ полдень, когда насъ, учениковъ, выпустили на дворъ гулять и для завтрака, меня, какъ новичка, окружили со всѣхъ сторонъ мальчики-товарищи и просили дать имъ «пожрать». Я отвѣчалъ, что ѣды у меня нѣтъ, но если можно купить, то у меня есть деньги. Сейчасъ же вызвался на это какой-то шустрый мальчикъ, и когда я далъ ему пятиалтынный, онъ сбѣ-

галъ въ мелочную лавку, находившуюся черезъ домъ отъ училища, и принесъ огромную ватрушку съ брусничнымъ вареньемъ, которую тутъ же всѣ искромсали перочинными ножами, оставивъ мнѣ самый маленькій кусочекъ. Впослѣдствіи я увидалъ, что мелочная лавка эта играла огромную роль въ жизни учениковъ. Тамъ покупались учениками, помимо ѣды и лакомствъ, хлопушки, стальныя перья, карандаши, грифеля, бабки и папиросы, кислыя щи и квасъ, резиновые мячики и даже извозчичьи кнуты. Кнуты носили при себѣ многіе изъ учениковъ подъ жилетомъ въ защиту отъ учениковъ шведской школы, находившейся вблизи, и съ которыми всегда происходили драки, когда ученики распускались домой послѣ классовъ. Помню, что въ лавкѣ этой нѣкоторые пользовались даже кредитомъ, и были случаи, что неисправныхъ плательщиковъ, когда на нихъ жаловался лавочникъ, наказывали въ училищѣ по «штанамъ».

А драки происходили большія. Ученики ходили въ синякахъ, съ расцарапанными лицами. Отецъ, отправляясь утромъ въ контору на Васильевскій Островъ, завозилъ меня въ училище самъ, а къ окончанію классовъ за мной присылали прислугу, которая и сопровождала меня домой, но впослѣдствіи я сталъ одинъ возвращаться, и помню, что былъ изрядно избитъ и до синяковъ учениками шведской школы, хотя я былъ не особенно здоровымъ и самъ въ драки не лѣзъ. Дрались кнутами, твердыми резиновыми мячиками на веревкахъ, линейками, которыя

тогда были принадлежностью каждаго ученика, ремнями отъ штановъ. Городовыхъ тогда не было, будочники съ алебардами стояли только около своихъ будокъ на углахъ, и разгонять драчуновъ было некому. А дворники и извозчики такъ даже нарочно подзадоривали мальчишекъ на драку. Драка въ то время въ Петербургѣ считалась даже спортомъ. По праздникамъ рабочiе одного изъ заводовъ дрались съ рабочими другого завода. На Калашниковской пристани крючники ходили въ драку партiями на партiю или «стѣнка на стѣнку», какъ тогда выражались. Драку начинали мальчишки, которые назывались «задирами». На драки эти являлись зрителями купцы, часто и сами, не утерпѣвъ, вступали въ бой и награждали побѣдившихъ деньгами, дѣлая складчину. Были случаи увѣчья. Полицiя знала объ этихъ дракахъ, но не препятствовала, смотрѣла на нихъ сквозь пальцы. Драки происходили и между семинаристами, дрались невскiе пѣвчiе съ пѣвчими исаакiевскими, дрались приказчики-«суровщики» Апраксина двора съ приказчиками Щукина двора, торговавшими съѣстными припасами. Дрались они, возвращаясь домой, послѣ запора лавокъ, на площади, у Чернышева моста, гдѣ тогда не было садика. Въ Ямской также были драки. Молодые парни этой мѣстности ходили драться съ парнями Волковой деревни, и драки эти происходили на Волковомъ кладбищѣ. У насъ были знакомые, которые по праздникамъ ѣздили смотрѣть на эти драки и потомъ съ восторгомъ разсказывали о побѣдителяхъ.

Находясь въ терціи, я скоро сталъ усваивать себѣ нѣмецкій языкъ, хотя въ училище поступилъ умѣя только читать и писать, но послѣднее съ грѣхомъ пополамъ. Предметы всѣ преподавались по-нѣмецки, учителя говорили по-нѣмецки, ученики тоже, хотя дѣти ремесленниковъ, вертѣвшіяся дома около русскихъ мастеровыхъ, говорили и со вставками въ нѣмецкую рѣчь русскихъ словъ, жаргона, поговорокъ, а часто русскіе глаголы спрягали на нѣмецкій манеръ. Приведу фразу: «Er wollte mich припека'en, aber hat eine фига съ масломъ aufgegessen». Слова въ родѣ извозчикъ, пожарный, будочникъ, гривенникъ, на водку, булка—перемѣшивались и съ нѣмецкой рѣчью учителей. Просидѣвъ въ училищѣ мѣсяца четыре—пять, я уже довольно сносно усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ и сталъ понимать преподаваніе предметовъ на немъ.

Сидѣлъ я въ первое время въ классѣ на задней скамейкѣ, около стѣны, гдѣ были прибиты вѣшалки, и висѣло верхнее платье учениковъ. Простота тогда была такова, что не было переднихъ для верхняго платья, и оно вѣшалось въ классахъ. Въ дождь и снѣгъ оно было мокрое. Иногда текли съ него потоки воды.

Надо прибавить, что на заднихъ скамейкахъ сидѣли всегда лѣнтяи, а также и русскіе ученики, не усвоившіе себѣ еще нѣмецкаго языка. Сидѣлъ я рядомъ съ русскими учениками. По одну сторону отъ меня былъ В. П. Лукаревъ, а по другую—М. И. Пыляевъ, оба сыновья торговцевъ-гостинодворовъ.

Впослѣдствіи мы переходили вмѣстѣ изъ класса въ классъ и вмѣстѣ окончили курсъ въ 1859 г. Подружившись въ училищѣ, Лукаревъ, Пыляевъ и я остались большими пріятелями и до зрѣлаго возраста. Съ Пыляевымъ я сохранилъ хорошія отношенія даже до самой его смерти. Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ, впослѣдствіи видный писатель, авторъ книгъ—«Старый Петербургъ», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» и друг., былъ, какъ уже я сказалъ, сыномъ купца, имѣвшаго въ то время извѣстный парфюмерный магазинъ въ Гостиномъ дворѣ. Пыляева я впослѣдствіи встрѣчалъ у редакторовъ-издателей журнала «Искра»: каррикатуриста Н. А. Степанова и В. С. Курочкина, а также и у брата послѣдняго, Н. С. Курочкина—переводчика итальянскаго поэта Джусти, но во время существованія «Искры» Пыляевъ еще ничего не писалъ литературнаго. На литературное поприще Пыляевъ выступилъ при возникновеніи «Петербургской Газеты», а затѣмъ много писалъ въ газетѣ «Новое Время».

Не привѣтливы въ то время были классы училища. Содержались они грязно, полы были простые, не крашеные, съ выбоинами, съ скрипящими половицами, паутина рѣдко обметалась, въ партахъ, окрашенныхъ когда-то въ зеленый цвѣтъ съ черными верхними досками, глубоко изрѣзанными перочинными ножами, ползали тараканы, питавшіеся отъ крохъ приносимыхъ учениками завтраковъ. Углы были затканы пауками, и, помню, мы кормили ихъ

наловленными мухами. Зимой освѣщенія не полагалось, а уроки начинались въ 9 часовъ, когда было еще темно, но приносить свое освѣщеніе не возбранялось, и вотъ мы являлись въ училище съ свѣчными огарками, которые и горѣли у насъ прилѣпленные къ партамъ, пока не сдѣлается свѣтло. Называлось это иллюминаціей, и мы очень любили тѣ дни, когда можно было пользоваться ею. Она служила намъ забавою. Для питья учениковъ, помню, въ одномъ изъ классовъ былъ большой глиняный горшокъ — «машинка», фильтрующая воду, но въ остальныхъ классахъ простыя деревянныя ведра съ водой и привѣшенными къ нимъ желѣзными ковшиками. Въ каждомъ классѣ была довольно высокая каѳедра, но учителя рѣдко на нее влѣзали, предпочитая сидѣть за простыми столами. Каѳедра служила только кустосу — старшему ученику, для чтенія молитвы; по окончаніи классовъ читали всегда «Отче Нашъ» по-нѣмецки.

Здѣсь кстати упомянуть о кличкахъ или прозвищахъ. Добрая половина учениковъ носила прозвища, данныя другъ другу. Были Катька, Машка, Affe (обезьяна), Maulthier (сурокъ). Прозвища эти иногда давалъ учитель нѣмецкаго языка Шульце. Меня онъ прозвалъ Lux (рысь). Кличка эта за мною такъ и осталась.

Первыя лѣтнія мои каникулы совпали съ первымъ переѣздомъ на дачу нашего семейства. Отецъ и дядя получили прибавку и могли дозволить себѣ это удовольствіе. Дача была нанята на Карповкѣ,

въ большомъ домѣ, стоявшемъ въ запущенномъ саду съ вѣковыми деревьями, съ множествомъ гнѣздъ грачей и воронъ на березахъ, со старымъ ягодникомъ, съ парниками и огородомъ, гдѣ я впервые ознакомился съ разнообразными растеніями, птицами, насѣкомыми и полюбилъ природу, слушая разсказы дворника, отставного солдата Степана съ бѣльмомъ на глазу, о народныхъ повѣрьяхъ, примѣтахъ, возрѣніяхъ простого народа на пчелъ, кукушку, соловья, ворону, муравьевъ и о цѣлебныхъ свойствахъ подорожника, звѣробоя, зари, березовыхъ почекъ и т. п. Степанъ былъ поэтъ въ душѣ и любилъ повѣствовать. Помню, что старый домъ имѣлъ три квартиры: въ одной жили мы, въ другой—семейство К., гостинодвора, за которымъ была замужемъ моя родная тетка, сестра отца, а третья квартира пустовала. Старшій сынъ К., мой двоюродный братъ Александръ, былъ моимъ товарищемъ по прогулкамъ. Мы ловили колюшекъ въ Карповкѣ, катались на лодкѣ, ставили устроенныя дворникомъ Степаномъ западни для чижей. Карповка была рѣчкой, въ которой я впервые искупался. Помню, подоконникъ моей комнаты уставился коробками съ жуками, гусеницами бабочекъ, банками съ лягушечьими головастиками, дождевыми червями. Меня все интересовало, отъ всего этого я приходилъ въ восторгъ, ибо видѣлъ впервые. Появились клѣтки съ чижами, малиновками. Домашніе мои отнеслись ко всему этому неблагосклонно, выливали изъ банокъ головастиковъ, выпускали птицъ, выбрасывали червей,

но банки, коробки и клѣтки опять появлялись. Помню, въ какое изумленіе пришелъ я, когда изъ гусеницы (которую я тогда звалъ червякомъ), превратившейся у меня въ коробкѣ въ куколку, чрезъ нѣсколько времени вышла бабочка. Это была большая сѣрая ночная бабочка сосноваго шелкопряда съ крылышками, сложенными салопчикомъ. Я показалъ ее дворнику Степану. Степанъ посмотрѣлъ на нее мрачно и сказалъ:

— Это—овечья смерть. Вотъ ежели въ ухо овцы такая забьется, то овца и помираетъ. Убейте ее. Это—нечисть.

Бесѣды мои съ дворникомъ Степаномъ послужили мнѣ впослѣдствіи для расцвѣтки нѣскольких моихъ разсказовъ изъ народнаго быта. На слѣдующее лѣто мы жили уже на другой дачѣ, но нѣкоторая связь со Степаномъ все-таки сохранилась. Мать моя взяла его пятнадцатилѣтнюю дочь Ѳеклу къ намъ въ домъ въ подняньки, и Степанъ по временамъ приходилъ навѣщать дочь, угощался чаемъ, и я имѣлъ возможность слушать его разсказы.

Случай превращенія гусеницы въ бабочку у меня въ коробкѣ настолько пристрастилъ меня къ этимъ насѣкомымъ, что я сталъ ловить ихъ и собирать и дѣлалъ это и въ послѣдующее лѣто. Собираніе бабочекъ обратилось у меня впослѣдствіи въ страсть. Года три-четыре спустя, когда мы уже жили на дачѣ въ Лѣсномъ, о страсти моей узналъ проживающій тамъ также на дачѣ преподаватель естественныхъ наукъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи,

Э. Гюберъ. Онъ былъ большой любитель-энтомологъ, и собиралъ бабочекъ для какого-то правительственнаго музея. Племянникъ его служилъ съ моимъ дядей Василіемъ въ конторѣ Боненблюста, и вотъ этотъ Гюберъ черезъ дядю пригласилъ меня къ себѣ, и я уже подъ его руководствомъ собиралъ бабочекъ цѣлое лѣто въ Лѣсномъ. Научилъ онъ меня умерщвлять ихъ, чтобы не попортить крылышекъ, расправлять, сохранять, опредѣлять, для чего у него было много книгъ по этому предмету. Это былъ очень милый и добрый пожилой, уже обрусѣвшій нѣмецъ. Одна его нога была значительно короче другой, и хоть онъ и ходилъ въ сапогѣ съ двумя большими каблуками, но изрядно хромалъ. Вооруженные кисейными сачками на палкахъ, коробками съ пробкой черезъ плечо для накалыванія насѣкомыхъ, съ зонтиками для стряхиванія на нихъ съ кустовъ гусеницъ, много мы обошли съ нимъ въ Лѣсномъ и его окрестностяхъ лужаекъ, лѣсныхъ опушекъ, заборовъ, отыскивая подъ послѣдними спрятавшихъ отъ солнца ночныхъ бабочекъ. Отъ Гюбера я научился и названіямъ бабочекъ на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Впослѣдствіи у меня образовалась хорошая коллекція этихъ насѣкомыхъ.

V.

Теперь перейду къ описанію переворота, совершившагося въ Реформатскомъ училищѣ. Переворотъ этотъ совершился, спустя два года послѣ моего по-

ступленія въ училище. Умеръ инспекторъ Гордакъ, умеръ онъ весной послѣ кратковременной болѣзни. Стыдно признаться, но торжество среди учениковъ было большое: такъ его не любили, такъ онъ былъ страшенъ по своимъ жестокостямъ. Помню, что отпѣвали его въ Реформатской церкви, на отпѣваніе было приведено все училище, и псалмы подъ органъ пѣли всѣ ученики. Наскоро были произведены въ училищѣ экзамены, и ученики были распущены на каникулы ранѣе обыкновеннаго.

Въ то время ученіе послѣ каникулъ начиналось всегда въ началѣ августа, 2-го, 3-го числа. И вотъ, когда въ августѣ мы явились въ училище, былъ новый инспекторъ. Церковный совѣтъ еще въ началѣ лѣта пригласилъ Давида Марго. Помню, классы въ училищѣ были отремонтированы заново, прибавились шкафы съ физическими инструментами и другими наглядными учебными пособіями, въ классахъ висѣли новыя, неободранныя и не закопченныя географическія карты, на стѣнахъ появились картины по зоологіи и ботаникѣ, и нѣкоторыхъ учителей уже не было. Исчезли учителя русскаго языка Нувель и французскаго языка Лезгилье. Наступила эпоха реформъ. Русскій языкъ и литературу въ трехъ старшихъ классахъ преподавалъ Н. С. Васильевъ—человѣкъ не старый, сердечный, умный, любящій свое дѣло. Онъ тотчасъ же началъ насъ знакомить съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Жуковскимъ. Гордака, какъ учителя математики, замѣнилъ въ старшихъ классахъ молодой учитель Э. Колинсъ. Онъ же пре-

подавалъ и физику. Преподаваніе французскаго языка взялъ на себя самъ инспекторъ, Давидъ Марго. Это было человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокій, красивый брюнетъ съ бакенбардами. Манера его преподаванія была настолько прекрасна и умѣла, что мы, ученики, въ какой-нибудь мѣсяцъ подвинулись впередъ больше, чѣмъ при его предшественникѣ въ цѣлый годъ. Оставшіеся отъ гордаковской эпохи учителя подтянулись, стали сдержаннѣе. Тѣлесныя наказанія сдѣлались рѣже. Совершенно исчезли «лобъ и «тадель», какъ похвала и порицаніе за успѣхи и поведеніе, и явилась пятибальная система отмѣтокъ. Помню, что передъ первымъ урокомъ Марго произнесъ намъ нѣчто въ родѣ рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ (говорилъ онъ одинаково хорошо и на французскомъ, и на нѣмецкомъ языкахъ и очень плохо по-русски), въ которой упомянулъ, что онъ не сторонникъ тѣлесныхъ наказаній и на лѣнивыхъ будетъ дѣйствовать добрыми совѣтами и лаской, надѣясь, что они перестанутъ лѣниться и быть небрежными. Онъ взывалъ къ совѣсти, къ нравственному чувству учениковъ. Съ подобными же словами обратились къ намъ и Колинсъ съ Васильевымъ. Очевидно, они сговорились съ Марго.

Но что произошло въ первое время послѣ этого? Самые лѣнивые, не опасаясь уже тѣлесныхъ наказаній, окончательно перестали учить уроки, шалости удвоились.

Инспекторъ Марго сталъ исключать изъ училища особенно закоренѣлыхъ, чего прежде не было. Чистка подняла училище.

Во время директорства Марго совершились перемѣны и въ нашемъ семействѣ. Отецъ потерялъ мѣсто въ конторѣ. Его замѣнили кончившіе учиться и взятые къ дѣлу сыновья его патрона. Сначала это обстоятельство привело въ уныніе и отца, и все наше семейство. Я помню горькія слезы матери. Сбереженій не было никакихъ, но были долги. Семейство поддерживалъ только живущій съ нами дядя Василій. Кое-какія крохи давалъ другой холостой дядя Николай, но это были гроши. Вопіющей бѣдности не было, но пришлось сократиться во всемъ. Начались лишенія. Ходили въ дырявыхъ сапогахъ. Стали поговаривать объ отдачѣ меня въ торговую науку, въ лавку въ мальчики, къ голландцамъ, въ Гостиный дворъ, гдѣ служилъ дядя Николай, чтобы сбыть меня съ хлѣбовъ долой и освободиться отъ платы за мое ученіе, но пріятели отца, нѣмцы, внесли за меня плату въ училище. Отецъ искалъ мѣсто, бѣгая по иностраннымъ конторамъ, и не находилъ. Русскіе торговцы тогда почти не брали семейныхъ приказчиковъ. Если и были у кого женатые приказчики, то семьи ихъ жили въ своемъ мѣстѣ, какъ тогда выражались купцы, то-есть въ деревнѣ, откуда приказчикъ былъ родомъ. Вдругъ отца осѣнила мысль открыть свою торговлю, выпросивъ на открытіе ея деньги у живущей вмѣстѣ съ нами бабушки, его мачехи, державшей деньги зашитыми въ перинѣ. Но она была тронута въ разсудкѣ и до того жадна, что безъ ссоры не разставалась и съ рублемъ на свои нужды, хотя отецъ и дядя мои содержали

ее. Приступили къ просьбамъ. Она тряслась, бормотала безсвязныя слова и отказывала. Мать плакала и умоляла ее, кланяясь ей въ ноги, заставляя и насъ, дѣтей, дѣлать земные поклоны, но тщетно. Такъ длилось долго. Дяди мои и отецъ, очень добрые люди, рѣшили выселить ее къ ея сестрѣ. Угроза помогла. Старуха заболѣла отъ этой угрозы и кое-какъ дала отцу три тысячи рублей на открытіе торговли.

Помню, что уныніе смѣнилось торжествомъ. Служили молебенъ. Мать ходила по церквамъ и ставила свѣчи особенно чтимымъ иконамъ. Отецъ поѣхалъ въ Москву, накупилъ суровскихъ товаровъ и открылъ въ Гостиномъ дворѣ на верхней галлереѣ свою кладовую. Нѣмцы-пріятели отца доставили ему небольшой кредитъ и за границей. Торговля была оптовая, продавали различнымъ торговцамъ Гостинаго двора, Апраксина рынка и тоже въ кредитъ на векселя или на субботній платежъ по частямъ. Дѣла пошли недурно. Начался разсвѣтъ въ семьѣ. Отецъ поднялъ голову. Явился притокъ нѣкоторой роскоши. Помню, что даже обили мебель новой матеріей, освѣжили квартиру. Я сталъ ѣздить въ училище и обратно на извозчикахъ. Стали находить, что учить дома заданные уроки для меня трудно. Репетиторовъ тогда не было въ обычаѣ, но были такъ называемые полупансіонеры въ училищахъ. Послѣ классовъ ученики оставались въ училищѣ обѣдать, послѣ обѣда приготовляли уроки подъ наблюденіемъ воспитателей и ужъ вечеромъ возвращались

домой. И вотъ — я полупансіонеръ у инспектора Марго.

Марго, имѣвшій пансіонъ при училищѣ, держалъ у себя до десятка пансіонеровъ. Занимался онъ съ ними самъ, помимо воспитателя француза Безюше.

Иногда на помощь къ Марго являлась даже супруга его и проходила уроки особенно усердно съ учениками младшихъ классовъ. Занятія вечернія шли въ тѣхъ же классахъ по окончаніи дневныхъ уроковъ. Жилось семейно. За обѣдъ ученики садились вмѣстѣ съ семействомъ Марго, состоявшимъ изъ жены и трехъ дочерей-подростковъ. Мадамъ Марго разливала супъ, самъ Марго рѣзалъ говядину. За обѣдомъ разговоры происходили всегда на французскомъ языкѣ. Кормили хорошо, сытно, но помню, супы и соуса къ мясу припахивали всегда какими-то духами. Говорили у насъ, что это—швейцарская манера стряпни. Послѣ обѣда давалось всегда часа полтора на игры. Игры происходили подъ наблюденіемъ воспитателя, но помню, что онъ при этомъ почти всегда спалъ, облокотившись на столъ и положа на руки голову, спалъ, не взирая на страшный шумъ, производимый учениками. Разъ въ недѣлю послѣ обѣда приходилъ учитель танцевъ, балетный актеръ Вороновъ, со скрипачемъ и обучалъ танцамъ, чего для приходящихъ учениковъ въ училищѣ не полагалось. Но, Боже, что это были за танцы! Ученики захватывали себѣ отъ обѣда картофель и разбрасывали его по полу во время танцевъ, а потомъ при полькѣ, вальсѣ, галопѣ нарочно падали, при

чемъ валились нѣсколько паръ одна на другую, а если являлось взысканіе, то жаловались на валявшійся картофель. Иногда въ эту кучу сталкивали и самого учителя. Марго и урокъ танцевъ старался сдѣлать семейнымъ, для чего въ первое время приводилъ танцовать и своихъ дочерей, но это оказалось невозможнымъ. Впрочемъ, паденія бывали иногда такъ комичны, что онъ и самъ отъ души смѣялся, смотря на нихъ.

Иногда, въ часы игръ, ученики устраивали нѣчто въ родѣ спектаклей, показывали фокусы съ платками, монетами, картами, даже аппаратами изъ папки, и однимъ изъ такихъ особенныхъ искусниковъ былъ М. И. Пыляевъ, тоже находившійся среди полупансіонеровъ Марго. Разыгрывали мы подчасъ и пьесы, которыя сами сочиняли. Помню, что и я написалъ, уже будучи въ примѣ, какую-то пьесу на нѣмецкомъ языкѣ, которая игралась у насъ. Декораціями служили крышки отъ складныхъ обѣденныхъ столовъ, составленныя вмѣстѣ, какъ ширмы. На крышки эти мы вѣшали бумажные обои, разрисованные нами большіе листы бумаги, изображавшіе окна, двери, садъ. Явились даже откуда-то драпировки для оконъ, приносились костюмы для женскихъ ролей, а то и мадамъ Марго давала иногда надѣвать кое-какія принадлежности женскаго гардероба. Марго не возбранялъ этихъ представленій и иногда самъ присутствовалъ на нихъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ.

О самомъ Марго и его семействѣ сохранились у меня лучшія воспоминанія. Онъ былъ настоящій

педагогъ и добрый человѣкъ, любившій дѣтей и свое дѣло.

При Марго я успѣлъ усвоить себѣ основательно нѣмецкій языкъ и ужъ въ секундѣ и примѣ учился хорошо. Я любилъ географію, исторію, но всего усерднѣе занимался зоологіей, хотя проходилась она у насъ довольно кратко. Въ подспорье къ нѣмецкому учебнику по зоологіи я имѣлъ зоологію на русскомъ языкѣ Семашко, въ трехъ частяхъ. Средства отца съ открытіемъ своей кладовой улучшились, и я могъ уже пріобрѣтать сравнительно дорогія книги. Помню, что я отлично зналъ остеологію человѣка, которая для чего-то преподавалась подробно. Старикъ учитель Зеецѳнъ ставилъ меня въ примѣръ моимъ товарищамъ, заставлялъ чертить передъ ними на доскѣ части скелета, и я на славу переименовывалъ кости его по-нѣмецки и по-латыни. Отъ знанія же моего энтомологіи и въ особенности отрядовъ бабочекъ и жуковъ, которыхъ я изучалъ на практикѣ подъ руководствомъ Гюбера, старикъ Зеецѳнъ приходилъ въ полное умиленіе. Не любилъ я физику, алгебру и геометрію и получалъ изъ этихъ предметовъ всегда плохія отмѣтки. Не особенно хорошо занимался я и по части русской грамматики. Ученическія тетради мои и тетрадка дневника, сохранившіяся у меня отъ того времени, когда я былъ уже въ примѣ, поражаютъ меня теперь своими ошибками въ правописаніи и въ особенности по постановкѣ буквъ «ѣ» и «е». Я получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса съ правомъ при поступленіи

на государственную службу на первый классный чинъ. Это послѣднее моихъ домашнихъ очень радовало, хотя меня и не готовили для казенной службы.

Въ 1859 г. я кончилъ курсъ. Торжество въ домѣ было велiе. Мнѣ было всего только 18 лѣтъ. Отецъ водилъ меня по Гостиному двору, заходилъ въ лавки, показывалъ меня своимъ знакомымъ купцамъ, и хвастался мной, торжествующе говоря:

— Вотъ поздравьте... Окончилъ курсъ въ Реформатскомъ училищѣ и кандидатъ на чинъ. Теперь у меня свой нѣмецъ и французъ. Корреспонденцiю съ иностранными домами будетъ ужъ онъ вести.

Прiятели отца, нѣмцы, кладовщики, заговаривали со мной по-нѣмецки и одобрительно кивали головами.

— Надо отдать его въ большую иностранную купеческую контору для практики — человѣкомъ будетъ. Хорошо бы послать за границу въ контору, въ Гамбургъ,—совѣтовали они.—Въ торговлѣ у папаши не наука.

Но отецъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ и оставилъ у себя при дѣлѣ, въ кладовой на верхней галлереѣ Гостинаго двора, гдѣ ему и самому-то нечего было дѣлать, а онъ еще имѣлъ на жалованьѣ приказчика, артельщика, бухгалтера и корреспондента. Расходы были громадные, а торговля приходила въ упадокъ. Она у отца какъ быстро расцвѣла, такъ же быстро и отцвѣла. Его подвела война, Крымская кампанiя, и довѣрчивость къ людямъ. Торгуя въ кредитъ, онъ распустилъ и самъ много товару въ кредитъ, а ему не платили. Должники его то и

дѣло заключали сдѣлки, платя по 20 и 30 копеекъ за рубль. Банкъ былъ всего одинъ. Векселя отецъ учитывалъ у дисконтеровъ, которые драли неимовѣрные проценты. Онъ потерялъ на курсѣ. Купленный за границей товаръ во время войны обходился въ рубль, а по заключеніи мира онъ уже стоилъ едва полтинникъ. Когда я сталъ ходить въ кладовую отца, я увидалъ, что отцу уже грозило быстрое разореніе. То и дѣло были протесты векселей. За неплатежъ пошлины выписанные изъ-за границы товары были остановлены въ таможнѣ. Наступали платежи, а денегъ не было. Артельщики осаждали кладовую съ предъявленіемъ разныхъ обязательствъ отца. Отецъ сталъ прятаться въ кладовой, уходя въ верхній этажъ, а приказчикъ говорилъ, что отецъ въ отъѣздѣ. Что упрековъ, что брани приходилось намъ выслушивать въ кладовой отъ кредиторовъ и ихъ артельщиковъ! Началась продажа товара, почемъ попало, только бы на наличныя деньги. Стали являться евреи-комиссіонеры. Вырученными деньгами тотчасъ же затыкали необходимыя долговыя дыры, но долговъ было такъ много, что отецъ принужденъ былъ пригласить къ себѣ кредиторовъ и просить скидки. Онъ предложилъ за рубль 40% уплаты, хотя всѣ пріятели-нѣмцы ему говорили, что если ужъ дѣлать мировую сдѣлку съ кредиторами, то надо предлагать только 15 — 20%, иначе ничего не останется для продолженія торговли. Такъ и вышло впослѣдствіи.

Помню дисконтеровъ, у которыхъ отецъ учитывалъ векселя. Одинъ былъ отставной комиссаріатскій

чиновникъ (по нынѣшнему интендантскій) въ засаленномъ на груди мундирѣ, въ фуражкѣ, красный околышекъ которой превратился по краямъ въ черный цвѣтъ отъ сальныхъ волосъ. Про него говорили, что онъ очень богатъ. Другой дисконтеръ былъ бывшій квартальный надзиратель. Про него говорили, что ему «за его дѣла» было запрещено жить въ Петербургѣ, и онъ наѣзжалъ изъ Колпина. Затѣмъ былъ еще дисконтеръ купецъ-гостинодворъ, торговавшій лентами и кружевами, въ разговорѣ то и дѣло употреблявшій восклицанія: «Мать Пресвятая Богородица, спаси насъ», «Никола, Угодникъ Божій, помилуй насъ!» Это былъ старикъ, ходившій всегда въ мятомъ цилиндрѣ, съ совершенно отвисшими у него отъ времени полями, такъ что, кланяясь, онъ всегда снималъ шляпу обѣими руками. Про этого дисконтера говорили, что онъ такъ жаденъ, что даже сайку, покупаемую имъ у гостинодворскаго саечника себѣ на обѣдъ, никогда не съѣдалъ сразу, хоть и чувствовалъ аппетитъ, а дѣлилъ на два раза, чтобы потомъ не покупать второй. Онъ ходилъ съ бритымъ лицомъ, но подбородокъ его всегда былъ въ щетинѣ изъ экономіи, чтобы рѣже платить цырюльнику по три копейки за бритье, а самъ онъ бриться не могъ, потому что у него руки тряслись. Бралъ онъ за учетъ векселей страшные проценты, сдѣлки съ нимъ происходили въ трактирѣ. Онъ требовалъ себѣ отъ должника всегда угощеніе, выбиралъ лучшія блюда, наѣдался всласть и, что не могъ съѣсть, завертывалъ въ бумагу и уносилъ въ лавку. Былъ еще дискон-

теромъ содержатель извозчичьяго двора, старикъ купецъ, ходившій въ сибиркѣ и въ картузѣ, съ бородой по поясъ и съ прической въ скобку.

Эти и подобные дисконтеры замѣняли тогда частные банки, которыхъ еще не существовало. Евреевъ-дисконтеровъ я не помню. Евреи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ петербургской торговлѣ не играли почти никакой роли. Въ Гостиномъ дворѣ не было ни одного еврея. Въ Апраксиномъ рынкѣ (нынѣ Александровскій) они торговали только старымъ платьемъ и на развалѣ предметами самой ничтожной цѣнности, и главнымъ образомъ еврейки въ шелковыхъ парикахъ, безобразно нахлобученныхъ на брови. Да и вообще евреевъ въ Петербургѣ было очень мало, хотя Большая Подъяческая улица (ихъ было тогда три — Большая, Средняя и Малая) и считалась еврейской улицей. Были купцы — евреи-выкресты, кантонистскаго происхожденія, какъ тогда говорили, но и такіе не были особенно замѣтны. И другихъ профессій, занимаемыхъ евреями, я не помню. Только развѣ зубные врачи. Часовыхъ дѣлъ мастера были нѣмцы, аптеки находились въ нѣмецкихъ рукахъ, хорошіе сапожники и портные—нѣмцы, булочники — поголовно нѣмцы, и послѣдніе были настолько сильны, что русскій человѣкъ, вздумавшій открыть булочную, сейчасъ же вытѣснялся ими и погибалъ. Зато нѣмцы-булочники совсѣмъ не умѣли дѣлать саекъ и калачей, и это дѣло исключительно сосредоточивалось въ рукахъ русскихъ, равно какъ пряничное и пирожное дѣло. Чернышовъ и Лешту-

ковъ переулки были переполнены пряничными и пирожными куренями. Пряники были въ большомъ ходу, пироги продавались на всѣхъ перекресткахъ, не исключая и Невскаго проспекта. Пирожники, саечники и пряничники заполоняли углы Гостинаго двора и Аничкинъ мостъ, выкрикивая и выхваливая на всѣ лады свои товары. Кондитерскихъ было очень мало, онѣ находились въ рукахъ швейцарцевъ, и сладкіе кондитерскіе пирожки стоили дорого.

Но я уклонился.

Отецъ долженъ былъ созвать своихъ кредиторовъ, открыть свои торговыя книги, показать балансъ и просить скинуть ему съ долговыхъ обязательствъ. Обыкновено тутъ всегда выставляются дутые, подставные кредиторы изъ родственниковъ, но отецъ ничего этого не сдѣлалъ. Собраніе было у насъ въ квартирѣ. Помню это торжественное засѣданіе въ нашей столовой, гдѣ во время чаепитія разсматривались аршинныя торговыя книги. Иностранные агенты первые согласились взять по 40 копеекъ за рубль и переписать векселя на двѣнадцать мѣсяцевъ. Русскіе не соглашались и поносили отца. Нѣмецъ, агентъ какого-то иностраннаго торговаго дома, говорилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ рѣчь въ защиту отца и кое-какъ уладилъ дѣло.

Векселя переписали. Отецъ расцвѣлъ, отслужилъ молебенъ, но расцвѣлъ не надолго. У него не было сорока копеекъ за рубль. Новый кредитъ ему хоть и обѣщали, но таковаго не сдѣлали. По первымъ векселямъ отецъ уплачивалъ, продавая по понижен-

ной цѣнѣ имѣвшійся въ кладовой товаръ, а потомъ опять прекратилъ платежи. Начались дѣла съ коммерческимъ судомъ. Стали появляться стряпчіе того времени, изъ отставныхъ чиновниковъ управы благочинія, и учили отца, какъ спасаться. Это были все грязные, полупьяные люди. Они угощались въ кладовой водкой и пирогами, брали съ отца мзду за совѣты и все-таки ничѣмъ не могли помочь.

VI.

Я сидѣлъ въ кладовой съ приказчикомъ отца, по фамиліи Поляковымъ. Дѣлать было рѣшительно нечего, и мы читали книги. Нахожденіе мое въ кладовой отца въ теченіе около года пристрастило меня къ чтенію. Книги доставлялъ мнѣ Поляковъ. Это былъ среднихъ лѣтъ человѣкъ, не получившій никакого образованія, едва научившійся читать и писать, но замѣчательный любитель чтенія, собиравшій за безцѣнокъ книги по букинистамъ и успѣвшій собрать себѣ изрядную библіотеку беллетристическихъ произведеній. Онъ покупалъ за безцѣнокъ старые толстые журналы, вырѣзалъ изъ нихъ романы и переплеталъ вмѣстѣ. Читалъ много, безъ разбора, и обладалъ замѣчательной памятью, цитировалъ Шекспира, Пушкина, Державина, Кольцова, Грибоѣдова, пѣлъ пѣсни Цыганова, подыгрывая себѣ на гитарѣ, и былъ самымъ усерднымъ посѣтителемъ галлереи Александринскаго театра. Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца, Поль-де-Кока, Евгенія Сю, Ла-

жечникова, Рафаила Зотова, Марлинскаго онъ прочелъ отъ доски до доски и, давая мнѣ ихъ въ чтеніе, часто впередъ разсказывалъ содержаніе романовъ. Очень онъ увлекался барономъ Брамбеусомъ (Сенковскимъ) и тоже подчасъ цитировалъ его «Большой выходъ у Сатаны».

До знакомства съ Поляковымъ, въ дни посѣщенія училища, мнѣ приходилось читать очень мало— книгъ не было. Помню, что первый романъ, который попался мнѣ въ руки отъ одного изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, былъ «Таинственный монахъ» Зотова, а затѣмъ романъ Поль-де-Кока «Монфермельская молочнича», считавшійся почему-то очень скабрезнымъ, книга «Письмовникъ» Курганова. Книги эти принадлежали дядѣ моему Василію. Онъ ихъ тщательно пряталъ отъ всѣхъ, но я ихъ похитилъ и прочиталъ. Прочиталъ я тогда и скучнѣйшій романъ Калашникова «Дочь купца Жолобова», не помню откуда мнѣ доставшійся—вотъ и все. Но Поляковъ посадилъ меня на романы Дюма-отца и Евгенія Сю. Помню, что «Вѣчный Жидъ» произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Читалъ я его днемъ, вечеромъ и по ночамъ. Герои его снились мнѣ во снѣ, и я даже бредилъ ими, вскакивая съ постели. Не меньшее впечатлѣніе произвелъ на меня и романъ «Монте-Кристо», который я проглотилъ, также почти не отрываясь отъ него. Читая его, я задавалъ себѣ вопросы, отчего же это у насъ въ Петербургѣ нѣтъ такихъ людей, какіе описаны въ романѣ. Романъ этотъ я тогда не считалъ вымысломъ. Поляковъ мнѣ

отвѣчалъ, что были и у насъ подобные люди въ царствованіе Павла и Александра Павловича, но ихъ тотчасъ же съ казаками высылали за границу, и при этомъ разсказалъ о какомъ-то магнатѣ-итальянцѣ, которому государь Павелъ приказалъ въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга, и тотъ, будто-бы, выѣхалъ въ одно и то же время, въ одинъ и тотъ же часъ черезъ три заставы, вездѣ расписавшись въ заставныхъ книгахъ. «Парижскія тайны» приблизили меня уже къ дѣйствительности. Я сталъ находить подобные типы и въ нашемъ петербургскомъ быту.

Страсть къ чтенію поглотила меня. Пополамъ съ Поляковымъ мы записались въ единственную библіотеку Крашенинникова и стали брать для чтенія помимо книгъ и толстые журналы; ходили по букинистамъ и у нихъ покупали книги. Поляковъ познакомилъ меня съ букинистомъ, старикомъ Терскимъ, имѣвшимъ лавку съ старыми книгами въ Чернышевомъ переулкѣ, въ домѣ Пажескаго корпуса. Терскій былъ больной, разбитый параличомъ и въ лавкѣ бывалъ рѣдко. Лавкой завѣдывалъ, покупая и продавая старыя книги, приказчикъ его, В. И. Рыкушинъ. Это былъ ходячій каталогъ книгъ. Чего, чего онъ ни зналъ, чего ни помнилъ по части отечественной литературы! Тощій, высокій, скуластый, съ бритымъ подбородкомъ, съ сѣдиной въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ прихрамывающими, простуженными въ холодной лавкѣ ногами, онъ сидѣлъ на табуреткѣ у входа въ лавку и встрѣчалъ покупателей. Какъ сейчасъ помню этого добродушнаго, свѣ-

дущаго по книжной части человѣка. Про него говорили, что всѣ, даже неизданныя отдѣльно сочиненія онъ помнилъ и могъ указать, въ какомъ журналѣ и въ какомъ году они были помѣщены. У него было множество знакомыхъ студентовъ, которые ходили къ нему покупать и мѣнять учебники, по часамъ засиживались у него въ лавкѣ, разсматривая книги, и угощались чаемъ въ прикуску, заходили и профессора за книгами, и я помню сидѣвшаго у Рыкушина въ лавкѣ Н. И. Костомарова, пившаго чай и перебиравшаго книги. Костомаровъ въ эти времена гремѣлъ среди учащейся молодежи.

Ходили къ Рыкушину въ лавку и молодые начинавшіе писатели. Бывали у него также драматургъ Иванъ Егоровичъ Чернышевъ, авторъ комедій: «Отецъ семейства», «Испорченная жизнь», «Женихъ изъ долгового отдѣленія», и поэтъ-юмористъ Гавріилъ Николаевичъ Жулевъ, писавшій въ «Искрѣ» В. С. Курочкина подъ псевдонимами Скорбный Поэтъ и Дебютантъ,—оба молодые актеры Александринскаго театра, они тогда жили вмѣстѣ, въ одной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ, были большими пріятелями и ходили неразлучно. Рыкушинъ познакомилъ меня съ ними, отрекомендовавъ сыномъ купца-гостинодвора. Смотрѣли они на меня свысока, какъ на мальчика, да я и казался тогда мальчикомъ, хотя было мнѣ уже 19-ть лѣтъ: маленькаго роста, тщедушный. Жулевъ—стройный, рыжеватый, румяный, въ усахъ, съ веснушками, смотрѣлъ франтомъ, былъ въ красномъ галстухѣ. Чернышевъ поражалъ своей болѣз-

ненностью и сильно кашлялъ. Впослѣдствіи онъ умеръ отъ чахотки. Я уже зналъ ихъ по ихъ произведеніямъ и по сценѣ. Они были актеры на вторыя роли. Помню, что Жулевъ превосходно игралъ прогорѣлаго купеческаго сынка Перетычкина въ комедіи Красовскаго «Женихъ изъ Ножовой линіи». Онъ подавалъ надежды по сценѣ, но его затеръ режиссеръ Е. И. Вороновъ, долго властвовавшій въ Александринскомъ театрѣ. Какъ драматургъ, Чернышевъ уже входилъ тогда въ славу. Была только что поставлена его пьеса «Отецъ семейства», гдѣ Мартыновъ, впервые выступивъ въ сильно драматической роли, потрясалъ Александринскій театръ художественностью и правдивостью своей игры, доказывая, что въ сильно драматическихъ мѣстахъ можно потрясать зрителей и безъ обычныхъ въ то время у трагиковъ завываній, которыхъ все-таки придерживался и такой крупный актеръ, какъ Каратыгинъ 1-й. Въ «Отцѣ семейства» Мартыновъ дѣлалъ переворотъ на русской драматической сценѣ.

— Ну, что же, помогаете папенькѣ надувать покупателей?—шутливо спросилъ меня Жулевъ.

Я сконфузился, и сталъ доказывать, что у отца торговля оптовая, что покупателями являются купцы-торговцы, лавочники, что ихъ, если бы кто и хотѣлъ надуть товаромъ, то этого сдѣлать невозможно.

— Такъ вы оптовикъ? Прекрасно...— прибавилъ Жулевъ, обращаясь къ Чернышеву.—Стало быть, теперь у насъ есть трое знакомыхъ купцовъ-гостино-

дворовъ: парфюмеръ Михаилъ Иванычъ Пыляевъ, суконщикъ Алексѣй Ѳедорычъ Ивановъ и оптовикъ Лейкинъ, помимо книжника Рыкушина.

— Пыляевъ мой товарищъ по Реформатскому училищу,—отвѣчалъ я.

— Ахъ, вы тоже, стало быть, нѣмецъ? Ну, а мы у Пыляева покупаемъ духи, помаду и фиксатуаръ, а у Иванова трико на брюки. Суконщикъ и поэтъ. Стихи пишетъ. Познакомьтесь.

Познакомилъ меня Рыкушинъ и съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Ивановымъ (впослѣдствіи поэтъ, писавшій подъ псевдонимами «А. Ивановскій» и «Классикъ»), торговавшимъ сукнами въ томъ же Чернышевомъ переулкѣ, какъ разъ противъ книжной лавки Терскаго, въ лицевой линіи Щукина двора, а нынѣ Маріинскаго рынка. Тогда у Иванова только что умеръ отецъ, и онъ, принявъ дѣло, торговалъ уже самолично. Это былъ добрый, чрезвычайно отзывчивый на все хорошее молодой человѣкъ, только что вырвавшійся изъ суровой торговой школы отца, сѣраго, темнаго купца, не давшаго ему никакого образованія, кромѣ начальной грамотности. Но А. Ѳ. Ивановъ жаждалъ свѣта и пріобрѣлъ его самообразованіемъ, тайкомъ отъ отца, путемъ чтенія, иногда по ночамъ, къ которому его пристрастилъ тотъ же приказчикъ-букинистъ, давая ему для чтенія книги изъ лавки. Судьба такъ устроила, что отецъ Иванова не только что торговалъ противъ книжной лавки Терскаго, но даже и жилъ въ домѣ Терскаго въ Ямской. Книгами было пользоваться удобно.

Ивановъ былъ старше меня года на два, близорукій, небольшого роста, ходилъ въ то время въ купеческой фуражкѣ и франтоватостью не отличался, хотя сукно и трико продавалъ главнымъ образомъ портнымъ, которыхъ у него всегда въ лавкѣ было много. Это былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ. Когда онъ говорилъ, восторгаясь, а онъ очень часто восторгался, то закатывалъ глаза, и Жулевъ прозвалъ его за это «Авророй». Названіе «Аврора» осталось за нимъ до гробовой доски.

Въ лавкѣ Иванова всегда была толпа. Кромѣ портныхъ было всегда много студентовъ и мелкихъ актеровъ. Побывавъ въ книжной лавкѣ Терскаго, они переходили къ нему. Приходили они не покупать что либо, а просто посидѣть, поболтать. Одни приводили другихъ. Все это пило чай, водку и закусывало рыночными пирогами и продуктами отъ саечника, предлагаемыми радушнымъ хозяиномъ. А Ивановъ былъ замѣчательно радушенъ. Счета отъ саечника подавались ему каждый день почтенные. Нигдѣ нельзя было такъ легко перехватить два-три рубля, какъ у Иванова. Отецъ оставилъ ему приличное состояніе и стѣны лавки, помимо товара въ ней, но впослѣдствіи громадный пожаръ, истребившій въ 1862 г. весь Апраксинъ и Щукинъ дворы, разорилъ и его. Да и добродушіе Иванова много способствовало разоренію. Сгорѣла въ этотъ ужасный пожаръ и лавка Терскаго со многими книжными и антикварными рѣдкостями. Спасено было изъ книгъ очень немного.

Въ лавкѣ Иванова на меня вѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣтлымъ. Я подружился съ нимъ и сталъ заходить къ нему очень часто, послѣ того, какъ мы запирали кладовую отца, и я возвращался по Чернышеву переулку домой. Ивановъ въ то время пописывалъ стихи только для себя, подражая въ нихъ Кольцову и Никитину, но иногда, вдаваясь и въ юмористику, «продергивалъ» въ эпиграммахъ лицъ изъ кружка посѣщавшихъ его въ лавкѣ, и читалъ намъ свои стихи во время чаепитія. Въ лавкѣ Иванова я впервые встрѣтился и познакомился съ Василіемъ Ивановичемъ Немировичемъ-Данченкомъ. Онъ тогда былъ студентомъ. Захаживалъ къ Иванову выпить водки и Николай Ивановичъ Кроль, поэтъ, переводчикъ стиховъ Анакреона, котораго, кажется, познакомилъ съ нимъ Жулевъ. Кроль былъ тщедушный, маленькій человѣкъ съ рѣдкой бородкой клинышкомъ, сгорбившійся, красноносый, неряшливо одѣтый, въ фетровой шляпѣ съ широкими полями, какія тогда носило только духовенство. Кроль всегда былъ полупьянъ и по временамъ сильно кашлялъ долгимъ, раскатистымъ кашлемъ, при чемъ на глазахъ у него выступали слезы. Говорилъ онъ хриплымъ голосомъ и пучилъ глаза.

Вся молодежь, посѣщавшая лавку Иванова, много читала, увлекалась литературой, слѣдила за ней, поклонялась Некрасову, Салтыкову, зачитывалась Добролюбовымъ и Чернышевскимъ. Ходилъ по рукамъ секретно и запретный тогда «Колоколъ» Герцена. Въ лавкѣ Иванова только и говорили, что о

литературѣ, такъ что присутствовавшіе при этомъ портные-покупатели и тѣ просвѣщались.

Знакомство мое съ Ивановымъ подвинуло меня на писательство. Много читая, я и самъ попробовалъ писать. Какъ и большинство начинавшихъ писать въ тѣ времена, я началъ со стиховъ, хотя помню, что не особенно и любилъ стихи. Стихи выходили плохи. Я подражалъ поэтамъ, проводившимъ въ стихахъ гражданскую скорбь, потому что было такое вѣяніе. Никому не разсказывая объ этомъ, стихи я посылалъ въ мелкіе еженедѣльные журналы, которые тогда нарождались какъ грибы, но стиховъ не печатали. О своемъ писаніи я хранилъ тайну даже передъ Поляковымъ и Ивановымъ и продолжалъ посылать стихи по редакціямъ. И вдругъ въ 1860 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я узрѣлъ напечатаннымъ въ еженедѣльномъ журналѣ «Русскій Міръ», издаваемомъ тогда братьями Лермонтовыми, мое стихотвореніе «Кольцо». Торжество было веліе. Я словно окрылился, бѣгалъ по знакомымъ и показывалъ номеръ журнала съ моими стихами, не спалъ даже ночь отъ захватившаго меня волненія. Я былъ счастливъ, безмѣрно счастливъ, но на моихъ домашнихъ—отца, мать, дядей, помню, фактъ появленія моего стихотворенія въ печати съ полною подписью моей фамиліи никакого впечатлѣнія не произвелъ. Они оказали полное равнодушіе къ этому, тогда какъ я вмѣстѣ съ Поляковымъ зашелъ даже въ два-три рыночныхъ трактира и приглядывался, не читаютъ ли «Русскій Міръ», не будутъ ли читаю-

щіе что-нибудь говорить о моемъ стихотвореніи, но журналъ этотъ былъ такъ мало распространенъ, что его и въ трактирахъ не было. Не помню, получилъ ли я гонораръ за мое стихотвореніе «Кольцо». Кажется, нѣтъ. Но въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Лермонтовыхъ, въ Караванной улицѣ мнѣ выдали нѣсколько оттисковъ моего стихотворенія и даже въ красной обложкѣ. Одинъ изъ этихъ оттисковъ хранится у меня и теперь. Подъ стихами стоитъ: «13 апрѣля 1860 г.», почему этотъ день я считаю началомъ моей литературной дѣятельности. Прибавлю, что стихотвореніе «Кольцо» преплохое. Риѳмы въ немъ чередуются черезъ строку, никакихъ яркихъ выраженій въ стихахъ нѣтъ.

Когда я показалъ Иванову свои напечатанные стихи, онъ весь вспыхнулъ и сказалъ:

— Тогда я пошлю нѣсколько своихъ стиховъ въ журналъ.

Послалъ онъ свои произведенія въ нѣсколько журналовъ разомъ, и помню, что черезъ двѣ-три недѣли показалъ мнѣ свое напечатанное стихотвореніе за подписью А. Ивановскій, кажется въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Р. Зотова. Затѣмъ стали появляться его стихи и въ другихъ изданіяхъ.

Послалъ и я стихи для напечатанія, посылалъ ихъ въ журналы, какіе только зналъ, но, кромѣ «Кольца», ничего напечатано не было. Я пріунылъ, оставилъ писать стихи, стыдился заходить къ Иванову вслѣдствіе моего неуспѣха и принялся за писаніе прозы. Въ то время я былъ подъ вліяніемъ

прочитанныхъ разсказовъ Гребенки. Разсказы его мнѣ нравились. Я сталъ подражать Гребенкѣ. Писалъ довольно много, но ничего не кончалъ, охладѣвалъ на половинѣ и бросалъ. Причиной, можетъ быть, были невзгоды, которыя разразились надъ моимъ отцомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и надъ всѣмъ нашимъ семействомъ.

Открывъ свою торговлю, отецъ расширился въ житьѣ-бытьѣ, а тутъ пришлось во всемъ сжаться, во всемъ необходимомъ до послѣдняго. Онъ условился уплатить своимъ кредиторамъ по 40 копѣекъ за рубль и переписалъ векселя, скинувъ съ нихъ 60%, но когда стали наступать сроки платежа, онъ могъ уплатить едва половину своихъ обязательствъ. Ни денегъ, ни товару въ кладовой не оказалось, и пришлось снова прекратить платежи. На этотъ разъ кредиторы его уже не помиловали, подали на него въ коммерческій судъ, и кладовая была опечатана.

Помню, что въ кладовую пришли власти, выпроводили меня и приказчика Полякова изъ кладовой и наложили на дверь казенныя печати. Отецъ не присутствовалъ при этомъ, онъ боялся ареста. Да ему и грозило долговое отдѣленіе для неисправныхъ должниковъ. Такія же печати были наложены и на мебель и на все имущество нашей квартиры. Съ Поляковымъ мнѣ пришлось разстаться. Грозила сильная бѣдность, достатковъ у отца не было ниоткуда, но дядя Василій пришелъ на помощь, и мы стали жить на его счетъ. Но многаго онъ давать не могъ, а семейство было огромное. Помню горе

матери и ея слезы. Пришлось убавить у расширенной квартиры три-четыре комнаты, и пришлось сжаться во всемъ. Мать моя взяла даже трехъ жильцовъ къ намъ въ квартиру, которые сдѣлались также нашими нахлѣбниками. Это были два мелкихъ чиновника — одинъ малороссъ Ш., другой уроженецъ Олонецкой губерніи К. При малороссѣ былъ еще братъ студентъ-медикъ. Платили они очень мало, люди были нетребовательные, занимали всѣ трое двѣ комнаты, и одинъ изъ нихъ К. согласился даже, чтобы я спалъ вмѣстѣ съ нимъ въ небольшой комнатѣ, едва достаточной и для одного. У насъ былъ даже одинъ письменный столъ, а чиновнику К. приходилось по вечерамъ заниматься перепиской бумагъ. Писали мы двое за однимъ столомъ, присаживаясь съ разныхъ концовъ. У меня не было даже кровати, и я спалъ на клеенчатомъ диванѣ. Братъ мой Василій, который былъ моложе меня пятью годами, учился въ Реформатскомъ училищѣ и былъ въ квартѣ. Платить за него въ училище было трудно. Его тотчасъ же взяли изъ училища и отдали мальчикомъ въ лавку, въ голландскій магазинъ, сбывъ съ содержанія, такъ какъ онъ долженъ былъ уже жить у хозяевъ-голландцевъ на всемъ готовомъ, и тѣ обѣщали одѣвать и обувать его.

Долженъ былъ и я искать себѣ служебнаго мѣста. Имѣя училищный аттестатъ объ окончаніи курса съ правомъ на первый классный чинъ при поступленіи на государственную службу, я могъ бы искать себѣ мѣста въ какой-либо канцеляріи, но домашніе мои

непремѣнно хотѣли, чтобы я былъ въ какой-нибудь конторѣ при торговомъ домѣ, а пока такого мѣста не представлялось, то дядя мой Василій, до пріисканія мѣста, дабы я не болтался безъ дѣла, и опредѣлилъ меня въ кладовую Франца Боненблюста, гдѣ самъ служилъ, и я поступилъ на службу безъ какихъ-либо условій.

— Чего стоить будетъ... Тамъ увидимъ... А пока долженъ учиться дѣлу... сказалъ моему дядѣ и мнѣ хозяинъ Ф. П. Боненблюстъ, обрусѣвшій нѣмецкій швейцарецъ, худой и длинный, съ маленькими полусѣдыми бачками на скулахъ, всегда солидно одѣтый въ длинный сюртукъ и высокій цилиндръ.

И вотъ я опять въ кладовой на верхней галлереѣ Гостинаго двора. Торговля въ кладовой происходила, какъ и раньше въ кладовой моего отца, только отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера, а зимой кончалась и въ 4 часа, съ огнемъ не сидѣли, но я для чего-то долженъ былъ приходить вмѣстѣ съ дядей къ 9 часамъ утра въ контору кладовой, при которой былъ хозяинъ, на Невскомъ проспектѣ, за Полицейскимъ мостомъ, сидѣть съ полчаса въ артельщицкой комнатѣ и ужъ оттуда отправляться въ Гостиный дворъ въ кладовую вмѣстѣ съ двумя артельщиками и двумя младшими приказчиками и ждать около запертыхъ дверей кладовой, пока явится дядя съ ключами, полученными имъ отъ Боненблюста, осмотритъ, цѣлы ли восковыя печати на дверяхъ, и прикажетъ артельщикамъ отворить кладовую. Таковъ былъ нѣмецко-швейцарскій порядокъ. Боненблюстъ

былъ великій педантъ, да и дядя мой Василій, воспитанный въ его школѣ, рабски придерживался хозяйскаго педантизма, за что́ хозяинъ его очень любилъ и цѣнилъ. Рыночники-торговцы, покупавшіе въ кладовой товаръ, называли Боненблюста нѣмцемъ стараго лѣса, и очень уважали его.

Боненблюстъ торговалъ оптомъ, выписывая изъ-за границы и продавая торговцамъ швейцарскіе товары—шелковыя ленты, блонды, кружева, тюль, вышивки, соломенныя шляпы и соломку въ кускахъ для сшиванія ихъ, а также имѣлъ на комиссіи для продажи ситцы Царевской мануфактуры, которые получались изъ Москвы. Приказчиковъ, кромѣ меня, было трое—дядя Василій, Романовъ, пожилой человѣкъ, уроженецъ Риги, отлично говорившій по-нѣмецки, и мой двоюродный братъ, старше меня двумя годами, Д. Аноповъ. Кромѣ того, были два артельщика Ярославской артели, которые, разсказывая мнѣ о своемъ артельномъ строѣ и бытѣ, и послужили матеріаломъ для написанія разсказа «Биржевые артельщики», который въ 1864 г. былъ напечатанъ въ «Современникѣ» Некрасова.

Въ кладовой у Боненблюста служили приказчиками только русскіе, но въ конторѣ царилъ нѣмецкій элементъ, и конторщиками были почти только племянники Боненблюста. Первое время, служа у Боненблюста, я не могъ опредѣлить, что я именно такое—приказчикъ или мальчикъ, то-есть торговый ученикъ. Жалованья мнѣ не было положено, хотя я уже имѣлъ нѣкоторую торговую намѣтку, пробывъ

мѣсяцевъ восемь въ кладовой отца, и былъ окончившій курсъ въ Реформатскомъ училищѣ двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ съ аттестатомъ въ карманѣ. Впрочемъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ кладовую, при раздачѣ перваго числа жалованья приказчикамъ и артельщикамъ, Боненблюстъ сунулъ мнѣ въ руку пачку рублевыхъ бумажекъ и сказалъ:

— Это ваше жалованье. Будете получать каждое первое число. А тамъ видно будетъ...

Я поблагодарилъ и потомъ сосчиталъ пачку. Было пятнадцать рублей. Кажется, и дядя мой не ожидалъ такой скудости назначеннаго мнѣ содержанія и сталъ утѣшать меня, говоря:

— Ну, впослѣдствіи онъ тебѣ прибавитъ. Вотъ новый годъ наступитъ. Навѣрное дастъ награду.

А мнѣ нужно было обуваться и одѣваться на эти деньги, платить въ библіотеку за чтеніе книгъ и журналовъ, безъ которыхъ я жить не могъ. Дома я прежде получалъ помѣщеніе и кушанье, но предполагалось, что и я въ домъ долженъ былъ что-нибудь платить за мое содержаніе.

Дѣла въ кладовой было не особенно много. Занятія наши заключались въ пріемѣ и разборкѣ пришедшаго изъ-за границы товара, продажѣ его прикащикамъ-рыночникамъ, записи въ книгу, уборкѣ товара послѣ покупателей и вообще въ содержаніи его въ порядкѣ. Также должны были мы слѣдить, какой товаръ и подобрался, дабы доложить хозяину, что надо пополнить выборъ. Купленный товаръ разно-

сили по лавкамъ артельщики, но намъ приходилось бѣгать въ рынкахъ по лавкамъ съ образцами какихъ-либо новыхъ товаровъ, которые получались, и предлагать ихъ. Ни веденія какихъ-либо торговыхъ книгъ, ни писанія торговыхъ писемъ или счетовъ для меня не полагалось, и я часто задавалъ себѣ вопросы: для чего я въ примѣ учился бухгалтеріи, для чего преподаватель знакомилъ меня съ образцами торговыхъ писемъ, счетовъ, повѣствовалъ о биржевыхъ курсахъ и заставлялъ переводить франки и талеры въ рубли и обратно? Боненблюстъ, какъ именитый прихожанинъ-реформатъ, состоялъ членомъ училищнаго совѣта Реформатскаго училища и зналъ, что я проходилъ эти предметы. Отчего онъ не далъ мнѣ мѣста конторщика у себя въ конторѣ, а держалъ въ кладовой.

Отпускъ товаровъ обыкновенно затихалъ къ часу дня, и я тотчасъ же удалялся въ заднюю кладовую (ихъ было двѣ) и принимался за мое любимое занятіе—чтеніе, гдѣ тюки съ кусками ситцевъ служили мнѣ и стуломъ и столомъ. Читали и другіе приказчики, кромѣ дяди. Но читать нужно было украдкой. Дядя мой не любилъ, когда читали на дѣлѣ, и тотчасъ же заставлялъ перебирать товаръ, говоря:

— Разсматривайте товаръ. Приводите въ порядокъ—записывайте, чего не хватаетъ. Чтеніемъ заниматься можно дома. Торговлю кончаемъ рано. Вечеръ великъ.

При Боненблюстѣ, разумѣется, никто не смѣлъ и книги держать въ рукахъ. Книги при его приходѣ

въ кладовую прятались. Заставъ кого-либо съ книгой, онъ прямо вырывалъ ее изъ рукъ со словами:

— Кладовая для торговаго дома, а не для забавы и развлеченій. Перебирайте товаръ, приводите въ порядокъ. Не можетъ быть, чтобы не нашлось дѣла. Обновляйте ярлыки съ цѣнами, обметайте пыль.

Въ кладовой, впрочемъ, онъ сидѣлъ недолго, приходя въ нее часа на полтора, послѣ полудня. Завѣдываніе продажей всецѣло лежало на моемъ дядѣ.

VII.

Хотя жизнь въ 1861 г. была болѣе чѣмъ на половину дешевле нынѣшней, но все-таки пятнадцати рублей, которые я тогда получалъ въ мѣсяцъ, было очень мало, и я сталъ искать себѣ какихъ-нибудь вечернихъ платныхъ занятій. Заработокъ нашелся, но тоже грошовый. Пріятели моихъ дядей, Шутовъ и Кольцовы, нанявшіе суровскій магазинъ въ Гостиномъ дворѣ, люди, посѣщавшіе наше семейство, предложили мнѣ вести торговую переписку съ иностранными фирмами, отъ которыхъ они выписывали товары, за восемь рублей въ мѣсяцъ. Я долженъ былъ являться къ нимъ на квартиру (компаніоны тогда были холостые и жили всѣ вмѣстѣ) на Садовую, близъ Сѣнной, каждый вторникъ вечеромъ и заниматься писаніемъ писемъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Работать приходилось по

три—четыре часа въ вечеръ. Сначала я читалъ полученныя хозяевами письма, потомъ со словъ ихъ писалъ отвѣты, запросы и заказы на русскомъ языкѣ, переводилъ письма на иностранные языки и потомъ уже переписывалъ ихъ набѣло. Но работалъ я у фирмы Шутова и Кольцовыхъ очень недолго. Мои черновики Шутовъ показалъ иностраннымъ торговымъ агентамъ; тѣ сказали, что я плохо владѣю коммерческимъ стилемъ, и мнѣ отказали отъ мѣста.

Вечера были свободны, я опять ухватился за литературу и, хотя писать было очень трудно при житьѣ въ такомъ многолюдномъ семействѣ, какъ наше, къ тому же еще съ жильцами и не имѣя для себя отдѣльной комнаты, но я сталъ писать и дѣлалъ это, главнымъ образомъ, ночью, когда всѣ ложились спать. Я писалъ очерки «Апраксинцы», повѣствованіе о торговомъ и домашнемъ бытѣ того времени тѣхъ торговцевъ-рыночниковъ, которые были покупателями въ кладовой моего отца и кладовой Ф. Боненблюста въ которой я служилъ. Впослѣдствіи очерки эти были напечатаны въ 1863 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» П. Д. Боборыкина. Писалъ я «Апраксинцевъ» долго, очень часто отрываясь отъ работы на недѣлю, иногда передѣлывалъ написанное, вставлялъ новые черты и эпизоды, которые приходилось наблюдать, а иногда, охладѣвъ къ этимъ очеркамъ, начиналъ и другіе разсказы. И вотъ помню, что я написалъ маленькій разсказецъ «Гробовщикъ», который показалъ Иванову и даже прочиталъ его ему. Иванову разсказъ понравился.

— Отчего бы вамъ не отдать его въ «Петербургскій Вѣстникъ»?—сказалъ онъ мнѣ. — Его издаетъ Левъ Камбека. Тамъ есть и мои стихи. Это—мой знакомый. Онъ еще на-дняхъ былъ у меня въ лавкѣ и взялъ сукна себѣ на однорядку. Онъ одѣвается по-русски, какъ простой крестьянинъ, и носитъ коломенскую шляпу гречневикомъ.

— Фамилія-то его, однако, не русская, — замѣтилъ я.

— Да, онъ смахиваетъ немного на еврея, но говоритъ, что чистый русскій дворянинъ. Да вамъ что же?.. Только бы напечатали. Пойдемте къ нему въ воскресенье.

И мы отправились къ Льву Александровичу Камбекѣ. Онъ жилъ тогда въ Колокольной улицѣ. Камбека отворилъ намъ самъ дверь. Это былъ среднихъ лѣтъ брюнетъ въ красной кумачевой рубахѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ высокихъ сапогахъ, длинноволосый, бородатый. Ивановъ отрекомендовалъ меня. Камбека, узнавъ, что я принадлежу къ купеческому сословію и состою при торговлѣ, воскликнулъ:

— Теперь ваша будущность! Ваша звѣзда занялась. А мы, дворяне и разночинцы, на смарку. Да и пора намъ, пора. Намозолили мы всѣмъ глаза. Надо слиться съ народомъ, и помогать вамъ.

Это было сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, ранней весной 1861 г., когда еще на всѣхъ дворахъ, на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ харчевняхъ продолжалъ читаться знаменитый манифестъ 19 фев-

раля и толковался на всѣ лады грамотеями изъ простонародья.

Жилъ Камбека бѣдно, мебель была убогая, и ея было очень мало въ комнатахъ, окна были безъ шторъ, безъ занавѣсокъ, и одно изъ нихъ въ его кабинетѣ было позанавѣшено суконнымъ платкомъ, на диванѣ и на подоконникахъ лежали растрепанныя книги. Я передалъ Камбекѣ свой разсказъ. Переписанъ онъ былъ мною тщательно, каллиграфически. Я красиво писалъ и всегда отличался аккуратностью въ своихъ рукописяхъ. Рукопись была маленькая. Камбека взялъ ее и сейчасъ же принялся читать, а намъ приказалъ подать чаю.

— «Гробовщикъ»... Я думалъ, что вы Пушкину подражаете... Но нѣтъ, свое, самобытное, — сказалъ онъ, отрываясь отъ чтенія. — Оригинально, очень оригинально... Что же, напечатаемъ. Но напередъ скажу... гонорара я вамъ заплатить не могу... Развѣ что въ будущемъ... А теперь меня тѣснятъ, со всѣхъ сторонъ тѣснятъ кредиторы. Буду съ вами откровененъ. У меня даже мебель за долги описана и съ казенными печатями. Я—простой русскій человѣкъ и люблю говорить правду. Вотъ и Иванову я долженъ, даже помимо стиховъ, за сукно долженъ. Но я вынырну и заплачу. Я вѣрю въ свою звѣзду. А теперь для печати заря занимается, — прибавилъ онъ.

Я не возражалъ. Я былъ радъ уже и тому, что разсказъ мой узритъ свѣтъ. Да и вообще тогда начинающая писать молодежь, даже если и бѣдство-

вала, не гналась при первыхъ своихъ литературныхъ шагахъ за гонораромъ. Эта молодежь поклонялась литературѣ, и если попадала въ печать, то ужъ гордилась одной принадлежностью къ ней, ища заработокъ въ другихъ профессіяхъ.

Недѣли черезъ двѣ «Гробовщикъ» былъ напечатанъ. Я ликовалъ. Получивъ отъ Камбеки полсотни номеровъ «Петербургскаго Вѣстника» съ моимъ разсказомъ, я раздавалъ ихъ знакомымъ, приказчикамъ и артельщикамъ, съ которыми служилъ въ кладовой. Дядѣ это, однако, не понравилось, и онъ сдѣлалъ мнѣ упрекъ, хотя и въ мягкой формѣ.

— Зачѣмъ ты это такъ разсовываешь свой разсказъ?.. Не хорошо. Что-нибудь одно: торговля или писаніе. Но если уже напечатали что-нибудь, то и знай про себя. Дойдетъ до хозяина, то неизвѣстно еще, какъ онъ на это посмотритъ. Можетъ, и не потерпитъ.

Но я успѣлъ уже изготовить второй разсказъ для Камбеки, понесъ его къ нему въ редакцію, но узналъ, что «Петербургскій Вѣстникъ» пріостановился выходомъ. И на этотъ разъ я былъ у Камбеки вмѣстѣ съ Ивановымъ. Мы стали допытываться отчего не вышелъ послѣдній номеръ. Камбека сталъ ссылаться на цензуру, но потомъ, когда мы уходили, признался намъ о причинѣ невыхода журнала.

— Бумаги нигдѣ не могу достать, а въ долгъ не вѣрятъ. Вотъ вы, Алексѣй Ѳедорычъ, вращаетесь въ торговомъ мірѣ,—обратился онъ къ Иванову, —

не можете ли мнѣ доставить хоть маленькій кредитъ на бумагу? Я заплачу, я вынырну, только бы журналъ на ноги поставить. Подписка будетъ. И посейчасъ приходятъ подписчики. Да я имѣю получить нѣкоторую сумму на журналъ. Мнѣ обѣщали. Одинъ откупщикъ обѣщалъ.

Кажется, добрѣйшій Ивановъ, никому не отказывавшій, добылъ Камбекѣ немного бумаги для журнала, но журналъ, все-таки, не выходилъ, потому что типографія въ долгъ не печатала.

Камбеку мы, я и Ивановъ, продолжали посѣщать, ожидая появленія номеровъ журнала, но совершенно безъ денегъ невозможно было издавать журналъ. Камбека бился, какъ рыба объ ледъ, изыскивая средства для продолженія «Петербургскаго Вѣстника», мѣсяца черезъ два выпустилъ номеръ его съ небывалымъ до того времени прибавленіемъ подъ заглавіемъ «Ерунда», наполненнымъ безграмотными замѣтками, состоявшими изъ рекламы о торговыхъ заведеніяхъ, безсмысленными стихами безъ размѣра и риѳмъ, и объявилъ, что въ этомъ прибавленіи будетъ печатать отъ желающихъ печататься что угодно за плату по соглашенію съ редакціей. Журналы и газеты подняли Камбеку на зубокъ и стали травить. Онъ оправдывался, что завелъ «Ерунду» во имя широкой гласности, дабы дать возможность высказаться о чемъ-либо всякому желающему, даже и безграмотному, какъ онъ умѣетъ, какъ онъ чувствуетъ. Начались разсужденія въ печати, что такое значитъ слово «ерунда», разбирали слово эти-

мологически, въ юмористическихъ журналахъ продергивали Камбеку въ стихахъ, фамилія его появлялась съ прибавленіемъ слова «ерунда». Камбека сдѣлался притчей во языцѣхъ. Отъ «Петербургскаго Вѣстника» пришлось сторониться. Но и при введеніи «Ерунды» журналъ не могъ существовать. Выйдя еще двумя-тремя номерами, онъ прекратился навсегда.

Имя Камбеки пропало со страницъ газетъ и журналовъ, но черезъ годъ оно снова вынырнуло, и о Камбекѣ опять заговорили въ печати. Случилось это въ 1862 г. въ дни празднованія тысячелѣтія Россіи. На пароходѣ, отправлявшемся на открытіе памятника въ Новгородъ, переполненномъ пассажирами, случился на Волховѣ какой-то скандалъ по винѣ капитана и пароходной прислуги. Камбека, ѣхавшій среди другихъ пассажировъ, является протестантомъ и грозой пароходныхъ властей, завладѣваетъ браздами правленія, становится къ рулю и торжественно приводитъ пароходъ въ Новгородъ. О случаѣ этомъ долго писали и дебатировали. Одни обвиняли Камбеку, другіе оправдывали его. Еще годъ спустя, Камбека, совсѣмъ уже покончившій съ печатью, является въ качествѣ распорядителя увеселительнаго заведенія «Хуторокъ» на Каменноостровскомъ проспектѣ, гдѣ теперь громадная богадѣльня Садовникова и Герасимова, разгуливая по саду въ красной рубахѣ и шляпѣ гречневикомъ, а затѣмъ исчезаетъ съ горизонта Петербурга.

Кстати упомяну, что у Камбеки я познакомился съ писателемъ В. П. Череванскимъ, впослѣдствіи то-

варищемъ государственнаго контролера, помѣщавшимъ свои разсказы въ самомъ распространенномъ тогда и дешевомъ журналѣ «Сынъ Отечества» подъ редакціей Старчевскаго. Разсказы В. П. Черевано-скаго сильно читались и въ столицахъ и въ провинціи. Онъ писалъ много. Разсказы его помѣщались почти въ каждомъ номерѣ. В. П. Черевано-скій тогда только начиналъ свою служебную карьеру, былъ въ малыхъ чинахъ и жилъ въ квартирѣ Камбеки, нанимая у него двѣ комнаты. В. П. Череванскій былъ первымъ писателемъ-прозаикомъ, съ которымъ я познакомился, и помню, что я читалъ ему выдержки изъ моихъ очерковъ «Апраксинцы», которые тогда писалъ. Онъ отнесся къ нимъ одобрительно и совѣтовалъ помѣстить ихъ у Старчевскаго, но впослѣдствіи я отдалъ ихъ въ «Библіотеку для Чтенія» П. Д. Боборыкина.

Годъ, о которомъ я вспоминаю, былъ чреватъ великимъ событіемъ въ жизни Россіи. 19 февраля свершилось освобожденіе крестьянъ. Я помню этотъ день, помню чтеніе манифеста. Мать моя и старуха-мать крестная ходили въ церковь, хотѣли служить молебенъ, но вернулись ни съ чѣмъ, сказавъ, что до очереди не доберешься: до того много заказныхъ молебновъ. Въ то время мы жили на Владимірской, какъ и прежде. Домашніе мои и наши знакомые ждали безпорядковъ въ Петербургѣ; говорили, что навѣрное освобожденный крѣпостной народъ разобьетъ кабаки, но уличныхъ безпорядковъ не было. Убѣжденіе, что кабаки будутъ разбиты, было на-

столько велико, что мать упрашивала меня, чтобы я въ этотъ день не ходилъ къ А. Ѳ. Иванову, который жилъ въ Ямской, недалеко отъ такъ называемаго Глазова кабака, а также держался бы подальше отъ кабака подъ названіемъ «Широкая Лѣстница», находившагося на углу Щербакова переулка. Кабаки остались цѣлы, хотя пьяныхъ въ этотъ день было дѣйствительно много. И молились, и пили, собирались на улицахъ группами, читали манифестъ, и полиція не разгоняла толпы. Помню, что простой народъ кричалъ на углу Невскаго и Владимірской «ура», хотя по улицѣ въ это время никто изъ царской фамиліи не ѣхалъ. Читали манифестъ и у насъ на дворѣ дворники и водовозы, а прислуга наша бѣгала слушать. Водопровода тогда еще не существовало, и воды у водовозовъ нельзя было допроситься. Съ нами въ домѣ по одной лѣстницѣ жилъ чиновникъ, полякъ К., и у него были крѣпостные поваръ и кучеръ. Тотчасъ же послѣ прочтенія манифеста они отъ него убѣжали, и онъ долго не могъ ихъ найти. Замѣчательно, что купцы-рыночники, хозяева, бывшіе когда-то и сами крѣпостными, не отмѣтили этого дня празднествомъ, и лавки были открыты. Ознаменованіе этого дня ограничилось въ рынкахъ складчинами на иконы, на лампады. У насъ въ домѣ празднества также никакого не было, хотя половина родни матери моей до 19 февраля оставались крѣпостными. Отецъ и мать ея были выкуплены нашими знакомыми, но три брата ея и двѣ сестры жили на оброкѣ. Никакихъ демон-

страцій не было и въ Гостиномъ дворѣ, хотя торговцы его были несравненно развитѣе торговцевъ другихъ рынковъ. Впрочемъ, можетъ быть, это произошло потому, что къ этому не успѣли приготовиться. Слухи объ освобожденіи ходили давно, но мало кто вѣрилъ въ купечествѣ, что эта реформа произойдетъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что торговые приказчики, бывшіе крѣпостными на оброкахъ, до послѣдняго момента откупались у помѣщиковъ, и помѣщики, зная, что для нихъ все уже потеряно, отпускали этихъ крѣпостныхъ на волю все дешевле и дешевле.

Впрочемъ, нѣсколько гостинодворовъ по иниціативѣ суконщика Лапотникова въ ознаменованіе 19 февраля основали Русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія, существующее и понынѣ, и открыли свои собранія, нанявъ помѣщеніе въ домѣ Руадзе на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста. Первымъ предсѣдателемъ былъ Лапотниковъ. Лѣтнее помѣщеніе общество имѣло у Строганова моста, на дачѣ Строганова и вначалѣ посѣщалось цвѣтомъ гостинодворской аристократіи. До того времени купеческія семьи, сидѣвшія у себя дома взаперти и выѣзжавшія только на свадьбы и именины къ своимъ же знакомымъ купцамъ, впервые начали выѣзжать въ этотъ клубъ, который, надо отдать справедливость, въ первое время отличался строгостью нравовъ и приличіемъ своихъ посѣтителей. Въ члены принимали съ большимъ разборомъ, гостями записывали только такихъ лицъ, которыхъ члены

хорошо знали. Хорошо было поставлено тогда тамъ и дѣло вспоможенія разорившимся торговцамъ. Я довольно часто посѣщалъ этотъ клубъ, такъ какъ старшинами его въ то время были мой отецъ и дядя Василій. Впослѣдствіи я выступилъ тамъ (въ 1865 г.) актеромъ любителемъ въ любительской труппѣ майора В. Д. Квадри подъ фамиліей Водянова и игралъ комическія роли. Сами купцы, однако, не играли. Не помню, чтобы участвовалъ въ спектакляхъ кто-либо и изъ купеческой молодежи.

Не забыто было въ этомъ клубѣ въ первое время и самообразованіе. Тогда начиналась мода на публичныя лекціи, и вотъ въ этотъ клубъ былъ приглашенъ читать популярныя лекціи элементарной физики и химіи профессоръ Петрушевскій. Какъ сейчасъ, помню этого красиваго ученаго штабъ-офицера, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ, за столомъ, заставленнымъ физическими аппаратами и химическими препаратами въ банкахъ, показывающаго дѣйствіе электрической машины на субъекта, стоящаго на стеклянной скамейкѣ. Въ опытахъ по химіи, соединяя газы, Петрушевскій дѣлалъ выстрѣлы, что̀ всегда производило особенный эффектъ среди слушателей, при чемъ дамы вскрикивали и затыкали уши.

По окончаніи лекціи члены клуба долго потомъ говорили о кислородѣ, водородѣ, вольтовомъ столбѣ, лейденской банкѣ и т. п. и въ шутку называли этими именами настойки въ буфетѣ и закуски.

Къ клубу этому относились симпатично въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не одни купцы. Посѣщался

онъ и интеллигенціей. Помню, что книгопродавецъ Кожанчиковъ, имѣвшій книжный магазинъ на Невскомъ и бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ гремѣвшимъ тогда среди молодежи и въ литературѣ Н. И. Костомаровымъ, привелъ его въ клубъ, и Костомарову была устроена овація. Когда Костомаровъ пилъ чай вмѣстѣ съ Кожанчиковымъ, ихъ окружила толпа членовъ и долго апплодировала Костомарову, а Костомаровъ стоялъ и раскланивался. Костомаровъ тогда только что прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій въ Петербургѣ по исторіи. Публичныя лекціи были новостью. Раньше онѣ не разрѣшались. Помню среди посѣтителей клуба и профессоровъ А. Н. Энгельгардта, П. Л. Лаврова, писавшаго подъ псевдонимомъ П. Миртова, и впослѣдствіи прославившагося въ Средней Азіи М. Г. Черняева.

У клуба была большая читальня, гдѣ на длинномъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, были разложены всѣ издававшіеся тогда въ Петербургѣ и въ Москвѣ журналы и газеты. Для купеческой публики все это было тогда новостью, да и не для одной купеческой, и читальня по вечерамъ всегда была переполнена читающими. Среди купечества путемъ этого клуба совершался какой-то нравственный подъемъ. Сидѣвшіе до этого времени въ рутинной затхали и полупотемкахъ, люди средняго торговаго класса стали искать просвѣтлѣнія. Изъ библіотеки клуба, которая быстро образовалась и расширялась, благодаря тому, что почти всѣ петер-

бургскіе книгопродавцы были тогда членами его, книги брались для чтенія на домъ нарасхватъ.

Но были и противники этого клуба среди гостинодворскаго купечества. Десятки хозяевъ-гостинодворовъ, «людей стараго лѣса», какъ ихъ тогда называли, открещивались и отплевывались отъ этого клуба, видѣли въ немъ ядъ и не только сами не записались туда членами, но строжайше запретили своимъ сыновьямъ и своимъ приказчикамъ посѣщать его, грозя послѣднимъ отказомъ отъ мѣста. Запрещалось ими приказчикамъ записываться членами и въ образовавшееся тогда одновременно въ память освобожденія крестьянъ Общество для пособія приказчикамъ и сидѣльцамъ, которое уже никакихъ цѣлей развлеченія не имѣло.

И образовались двѣ партіи среди средняго купечества. Одни ожили, искали свѣта, то и дѣло употребляли модное тогда слово «прогрессъ», узнавъ его со столбцовъ газетъ, увлекались и проливали слезы, когда на литературно-музыкальныхъ вечерахъ клуба читалось стихотвореніе А. Майкова «Поля», а другіе, видя, что начала закипать жизнь и среди ихъ сословія, еще больше съузили свободу своихъ сыновей и приказчиковъ.

А въ какомъ рабскомъ состояніи находились тогда лавочные приказчики у своихъ хозяевъ, подробно разсказано у меня въ моихъ очеркахъ «Апраксинцы». Это было второе крѣпостное право. Не у всѣхъ хозяевъ для приказчиковъ были отдѣльныя койки. Спали по двое на одной кровати, а то въ

повалку на нарахъ, а мальчики, торговые ученики, стлали себѣ войлоки на полу. Въ большинствѣ случаевъ приказчикъ не зналъ, за какое жалованье онъ живетъ у хозяина. «Чего стоить будешь»,— вотъ былъ хозяйскій отвѣтъ. Приказчикъ не долженъ былъ имѣть при себѣ никакихъ денегъ и всякій разъ спрашивалъ ихъ себѣ у хозяина, объявляя ту нужду, для которой онъ проситъ: на сапоги, на покупку картуза, послать въ деревню домашнимъ и т. п. Бывали обыски по сундукамъ приказчиковъ у особенно строгихъ хозяевъ. Приказчики должны были быть или холостые, или такіе, у которыхъ семьи жили внѣ Петербурга: въ деревнѣ или въ провинціи. Жить на своей квартирѣ, отдѣльно отъ хозяевъ, не дозволялось. Объясненіе этому: таскать изъ лавки товаръ будешь, и за тобой не услѣдишь. Даже заводить свои кровати для себя приказчику не дозволялось и называлось «барствомъ». Свободы никакой. Торговля каждый день. Лавки не отворялись только въ первый день Пасхи и въ первый день Рождества да до обѣда въ Троицу и въ Новый годъ. Въ эти дни они и отпускались со двора и ужъ задавали же трезвону! Въ баню и въ церковь, къ ранней обѣднѣ и заутренѣ разрѣшалось ходить, но при этомъ хозяева слѣдили, чтобы на это не было употреблено времени больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только въ день счета лавки, когда хозяинъ сводилъ балансъ по торговлѣ (обыкновенно бывало это на Ѳоминой недѣлѣ), приказчикъ узнавалъ, «чего онъ стоилъ» и сколько получилъ за истекшій тор-

говый годъ, но и тогда ему деньги его наруки не выдавались, а записывались хозяиномъ въ свою книгу, что такой-то имѣетъ получить столько-то. Приказчикъ, обыкновенно, не видалъ, записывалось это или нѣтъ, и хозяинъ всегда могъ отпереться, что приказчику ничего не долженъ, если бы тотъ вздумалъ уволиться и потребовать свои зажитыя деньги. Доказательствъ у него не было никакихъ.

Замѣчательно, что обычая, что лавочный приказчикъ долженъ быть непремѣнно холостой и жить въ квартирѣ хозяевъ, придерживались и гостинодворы-голландцы, которые въ концѣ пятидесятыхъ годовъ имѣли въ Гостиномъ дворѣ до десяти лавокъ. Съ бытомъ этихъ голландцевъ я имѣлъ возможность познакомиться, потому что у фирмы Смальтъ Энтгберта и К° служилъ тогда мой дядя Николай, а у фирмы Эмбертсъ и К°—мой братъ Василій, проходившій торговую науку съ 14-ти лѣтняго возраста. Женатыхъ приказчиковъ въ описываемое мной время не держали. Какъ только приказчикъ задумывалъ жениться, и бракосочетаніе совершалось, онъ терялъ мѣсто. Таковъ былъ обычай, хотя содержаніе приказчиковъ у голландцевъ стояло неизмѣримо выше самыхъ просвѣщенныхъ русскихъ торговцевъ того времени. Они хотя и жили въ хозяйской квартирѣ, но по вечерамъ, послѣ закрытія лавокъ, бывали свободны, могли располагать своимъ временемъ и по воскресеньямъ, такъ какъ голландцы по воскреснымъ днямъ лавокъ не отворяли. Столъ у нихъ, по отзывамъ служащихъ, былъ всегда хорошій, обиль-

ный, и, даже мало того, по праздникамъ приказчикамъ предлагались компанейскіе ужинъ, пиво, сигары и трубочный табакъ.

Здѣсь кстати сказать о голландцахъ-гостинодворахъ того времени. Сами они въ своемъ петербургскомъ быту представляли собою нѣчто въ родѣ особой секты съ своими обычаями. Голландцевъ было пять — шесть фирмъ въ Петербургѣ, и каждая состояла изъ нѣсколькихъ хозяевъ-компаньоновъ. Почти всѣ они были родомъ изъ мѣстечка Альмелоо. Пріѣзжали въ Петербургъ холостыми, а женатые безъ женъ, и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ женатымъ позволялось выписывать въ Петербургъ женъ. Холостые, по обычаю фирмъ, не смѣли жениться на русскихъ, нѣмкахъ или вообще на женщинѣ какой-либо другой національности, кромѣ голландки, а такъ какъ въ Петербургѣ голландокъ не было, то ѣздили для женитьбы къ себѣ въ Голландію. Два года голландецъ былъ въ Петербургѣ, и на третій годъ ему дозволялось съѣздить на компанейскій счетъ къ себѣ на родину. Всѣ голландцы были голландскими подданными, и не было случая въ тѣ времена перехода ихъ въ русское подданство, хотя нѣкоторые изъ нихъ, проживъ долго въ Петербургѣ, и русѣли. Вообще большинство ихъ и до старости оставались холостяками. Состарѣвшіеся выдѣлялись фирмами и отправлялись съ капиталомъ на родину на покой, а на свое мѣсто присылали какихъ-либо своихъ родичей, которые дѣлались компаньонами. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ изъ

двадцати голландцевъ-гостинодворовъ только трое жили въ Петербургѣ съ женами и семьями. Я потому это знаю и пишу такъ утвердительно, что былъ знакомъ почти со всѣми ими, и съ сыновьями одного изъ нихъ Э. учился вмѣстѣ въ Реформатскомъ училищѣ, и они были моими пріятелями. Проживая въ Петербургѣ, родившись даже въ Петербургѣ, имѣя всѣ симпатіи здѣсь, они такъ и остались холостыми, такъ какъ послѣ смерти своего отца, вступивъ компаньонами въ фирму, по обычаю ея, не смѣли жениться на петербургскихъ невѣстахъ, а на своихъ заграничныхъ голландкахъ не хотѣли, не чувствуя къ нимъ симпатіи.

Во всякомъ случаѣ въ тѣ времена среди голландцевъ-гостинодворовъ много было добрыхъ людей. Приказчиковъ они держали у себя только русскихъ, и когда кто-либо изъ ихъ приказчиковъ, послѣ долгой службы задумавъ быть самостоятельнымъ, открывалъ свою торговлю, они не мѣшали имъ, не старались имъ подставить ногу, а напротивъ были случаи, что помогали деньгами или кредитомъ.

VIII.

1862 годъ засталъ меня попрежнему служащимъ въ кладовой Ф. Боненблюста, но я уже былъ повышенъ, и получалъ жалованья 25 рублей въ мѣсяцъ. Попрежнему — отпускъ товара гостинодворамъ хозяевамъ Апраксина и Щукина дворовъ, ихъ приказчикамъ и лавочнымъ мальчикамъ, а въ антрактахъ—

чтеніе романовъ на кипахъ ситцевъ. Приказчики, освѣдомясь, что я пописываю въ газетахъ (въ популярной тогда «Сѣверной Пчелѣ» была помѣщена моя замѣтка о тяжеломъ положеніи торговаго мальчика-ученика), разсказывали мнѣ о своемъ безотрадномъ житьѣ-бытьѣ у хозяевъ. Я выслушивалъ ихъ и вносилъ все это въ черновикъ моихъ очерковъ «Апраксинцы», которые тогда все еще продолжалъ писать. Хозяева-апраксинцы, зная, что я пописываю, косились на меня и говорили дядѣ:

— Не для торговли у васъ этотъ молодецъ. Когда въ головѣ всякое воображеніе, пути не будетъ. Да и зачѣмъ онъ у васъ здѣсь? Онъ ученый. Ему бы поискать другого мѣста.

Дядя отмалчивался.

Разумѣется, замѣчанія эти доходили и до моего хозяина Боненблюста.

По вечерамъ, дома, въ свободное время я продолжалъ писать. Было это подчасъ трудно при тѣснотѣ нашего житья, но жилецъ-чиновникъ К., съ которымъ я жилъ въ одной комнатѣ, иногда уходилъ со двора, и комната оставалась для меня свободной. Въ началѣ 1862 г. я написалъ разсказъ изъ чиновничьяго быта «Неожиданная карьера». Явился онъ опять подъ вліяніемъ повѣстей Гребенки, которыя мнѣ очень нравились. Захотѣлось тогда разсказъ напечатать. Я вспомнилъ о еженедѣльномъ «Русскомъ Мірѣ». Онъ тогда, послѣ долгаго непоявленія въ свѣтъ, перешелъ отъ Лермонтовыхъ въ другія руки и издавался нотнымъ торговцемъ Стел-

ловскимъ подъ редакціей А. С. Гіероглифова. Я передалъ рукопись разсказа въ нотный магазинъ Стелловскаго. Мнѣ сказали, что за отвѣтомъ надо прійти недѣли черезъ двѣ къ Гіероглифову, и дали его адресъ. Помню, что разъ пять-шесть ходилъ къ Гіероглифову въ его пріемные часы и не заставалъ его дома. Гіероглифовъ жилъ тогда на Вознесенскомъ проспектѣ, конокъ тогда не было, и мнѣ приходилось довольно долго пѣшеходствовать съ Владимірской улицы. Наконецъ, Гіероглифова я засталъ. Встрѣтилъ онъ меня въ совершенно пустой квартирѣ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, всю мебель его продали за долги. Въ большой комнатѣ стоялъ только простой, некрашенный кухонный столъ и два еловые табурета. На подоконникахъ лежали рукописи, книги, газеты. На столѣ стояли бутылки пива и два стакана. На табуретахъ у стола сидѣли Гіероглифовъ и довольно полный студентъ въ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ и со стеклышкомъ на глазу на черномъ шнуркѣ. Студентъ читалъ Гіероглифову нараспѣвъ, покачиваясь на табуретѣ, стихи. Это былъ Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, впослѣдствіи авторъ знаменитаго романа «Петербургскія трущобы», извѣстное стихотвореніе котораго «Гитана» тогда было уже напечатано, очень понравилось публикѣ, и его заучивали даже наизусть. Я сказалъ свою фамилію и названіе моего разсказа. Гіероглифовъ, тощій и высокій среднихъ лѣтъ человѣкъ съ бѣлокураго цвѣта волосами и такой же маленькой бородкой, всталъ съ табурета, направился къ подоконнику и заговорилъ:

— Есть такой разсказъ, есть и будетъ напечатанъ. Разсказъ не блещетъ перлами, но не дуренъ.

Отыскавъ на подоконникѣ мою рукопись, онъ перенесъ ее на столъ и познакомилъ меня съ Крестовскимъ, сказавъ мягкимъ, тихимъ, вялымъ голосомъ:

— Фамилію нашего поэта, я думаю, уже слыхали. Нельзя не слыхать, если пишете. А вотъ совсѣмъ еще начинающій писатель,—указалъ онъ Крестовскому на меня.—Пива не хотите ли?—спросилъ онъ меня.—Вотъ только сѣсть-то вамъ гдѣ?.. Садитесь на мой табуретъ, а я на подоконникъ сяду.

Я былъ наверху блаженства, узнавъ, что разсказъ мой будетъ напечатанъ, и что я знакомлюсь съ извѣстнымъ поэтомъ В. В. Крестовскимъ. Помню, что Крестовскій сталъ просить у Гіероглифова денегъ, сообщивъ ему, что собирается въ Новую Деревню на «Минерашки», т.-е. въ увеселительный садъ.

— Нищъ я,—отвѣчалъ ему Гіероглифовъ, разводя руками.—Вы знаете, что гонорара сотрудникамъ не выдаю. Это дѣло не моего департамента. А если хотите, къ Стелловскому могу дать записку рублей на пятнадцать.

И онъ написалъ для Крестовскаго записку къ Стелловскому.

Недѣли черезъ двѣ разсказъ мой былъ напечатанъ въ «Русскомъ Мірѣ», и я получилъ изъ нотнаго магазина Стелловскаго гонораръ по три ко-

пѣйки за строку. Нарочно упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ ничтожно мало тогда платили за литературныя произведенія начинающимъ авторамъ, да и не однимъ начинающимъ.

Здѣсь кстати упомяну объ Александрѣ Степановичѣ Гіероглифовѣ. Онъ печатался въ разныхъ журналахъ, подписывалъ своей полной фамиліей, но многіе думали, что Гіероглифовъ—это псевдонимъ писателя, въ томъ числѣ и я помню, что при послѣдующей встрѣчѣ съ нимъ даже спросилъ его, какъ его настоящая фамилія, и очень удивился, когда онъ мнѣ объявилъ, что Гіероглифовъ его настоящая фамилія и есть.

Помѣщеніе моего разсказа въ «Русскомъ Мірѣ» послѣ долгой паузы по напечатаніи моего разсказа въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» дало сильный толчокъ моему писательству. Я оставилъ писаніе «Апраксинцевъ» и принялся готовить мелкіе разсказы, ожидая ихъ сбыта въ «Русскомъ Мірѣ», но «Русскій Міръ» вскорѣ прекратился выходомъ и при новомъ издателѣ. Маленькіе журналы тогда возникали быстро, пріостанавливались, переходили изъ рукъ въ руки и также быстро погибали въ новыхъ рукахъ. Издатели почему-то думали, что начать издавать журналъ можно безъ затраты, что подписчики на него тотчасъ такъ и посыплются, и журналъ сейчасъ же будетъ окупать себя, но на дѣлѣ это было не такъ. Стелловскій, нажившій на нотахъ, сунулся въ журналистику и книгоиздательство и, тотчасъ же потерпѣвъ убытки въ «Русскомъ Мірѣ», прекратилъ его.

Пришлось искать новый журналъ для помѣщенія моихъ разсказовъ, и вотъ А. Ѳ. Ивановъ, всегда бывшій безсребренникомъ при помѣщеніи своихъ стиховъ, указалъ мнѣ на В. Р. Зотова, издававшаго и редактировавшаго тогда еженедѣльный журналъ «Иллюстрированный Листокъ», гдѣ онъ время отъ времени помѣщалъ свои стихи. Толстыхъ журналовъ я боялся. Попасть въ нихъ тогда сотрудникомъ казалось мнѣ недосягаемымъ для меня. Да, кажется, что и Ивановъ, по присущей ему скромности, точно также полагалъ относительно своихъ произведеній.

И вотъ мы оба отправились къ В. Р. Зотову, жившему на Литейной, на углу Бассейной въ домѣ Краевскаго. Домъ этотъ въ то время былъ литературнымъ гнѣздомъ. Здѣсь жили, кромѣ домовладѣльца, издателя «Отечественныхъ Записокъ» и газеты «Голосъ», А. А. Краевскаго, издатель «Современника» Н. А. Некрасовъ, его сотрудники-критики: А. Ф. Головачовъ и Г. З. Елисѣевъ, и наконецъ В. Р. Зотовъ. Зотовъ жилъ въ надворномъ строеніи.

Зотовъ, какъ сейчасъ помню, принялъ насъ въ мѣховомъ на бѣлкахъ сѣромъ халатѣ, хотя мы пришли къ нему въ пріемные часы. У него была какая-то дама съ рукописью въ рукѣ. Она сидѣла въ маленькомъ, довольно темномъ кабинетѣ, окна котораго выходили въ стѣну.

Подслѣповатый, близорукій Зотовъ, разговаривая, то и дѣло откидывалъ свои рѣдкіе черные волосы за уши, говорилъ съ какими-то ужимками и пощипывалъ нѣсколько волосковъ на бородѣ, которая у

него совсѣмъ не росла. Лицо было худое, сѣро-желтоватое, самъ онъ тщедушенъ. Съ перваго раза онъ мнѣ показался больнымъ или изнуреннымъ послѣ тяжкой болѣзни. Костюмъ его тоже говорилъ за это. Но при послѣдующихъ посѣщеніяхъ его я убѣдился, что у него былъ только такой видъ, да и мѣховой халатъ не сходилъ съ него, когда я заставалъ его дома. Зотовъ всегда пользовался здоровьемъ и умеръ въ глубокой старости.

Когда дама ушла, Зотовъ заговорилъ съ нами. Ивановъ представилъ меня. Зотовъ взялъ отъ меня рукопись. Узнавъ, что я изъ купеческаго быта, Зотовъ заговорилъ:

— Да-съ... Теперь такіе разсказы желательны-съ... Повѣяло народнымъ духомъ. Прочитаю, и если подходящъ будетъ вашъ разсказецъ, напечатаю, непремѣнно напечатаю. Но напередъ вамъ скажу, что въ данное время журналъ очень стѣсненъ-съ, и гонорара я вамъ заплатить не могу. Потомъ-съ, когда журналъ встанетъ на ноги, съ удовольствіемъ, но теперь не могу. Никто не получаетъ. Вотъ Алексѣй Ѳедорычъ ужъ знаетъ,—указалъ онъ на Иванова.— Знаетъ и помѣщаетъ свои стихи ради будущихъ благъ.

Я согласился на его условія.

Впослѣдствіи я узналъ, что Зотовъ дѣйствительно никому не платилъ. Да и сотрудниковъ постороннихъ у него не было. Для «Иллюстрированнаго Листка» онъ писалъ самъ, писали его жена и сынъ. Журналъ, впрочемъ, и просуществовалъ недолго и

погибъ. Это былъ маленькій, сѣренькій журнальчикъ, очень скудный иллюстраціями, которыя заготовлялись тогда только на деревѣ и стоили очень дорого.

Разсказъ мой появился въ слѣдующемъ же номерѣ. Очевидно, что Зотовъ очень нуждался въ матеріалѣ. Помню, что, не взирая на отказъ въ гонорарѣ, я помѣстилъ въ журнальчикѣ Зотова еще небольшой разсказецъ и даже написалъ два-три обозрѣнія петербургской жизни, въ родѣ фельетоновъ. Гонорара отъ Зотова я такъ и не получилъ.

Въ 1862 г. семья наша за скудостью средствъ не выѣзжала на дачу. Отецъ мой, потерявъ все, что имѣлъ, ничего не зарабатывалъ, и мы жили на средства дяди. Отецъ искалъ мѣста, но его никто не бралъ приказчикомъ, какъ бывшаго хозяина, привыкшаго къ самостоятельной жизни, къ тому же неудачника, пожилого человѣка и обремененнаго семьей. О тогдашнемъ взглядѣ на приказчиковъ вообще я уже упоминалъ. Естественно, что меня, молодого человѣка, тянуло на воздухъ, на лоно природы, и наканунѣ праздниковъ я ѣздилъ гостить въ семейство моего двоюроднаго брата, Анопова, съ которымъ я вмѣстѣ служилъ въ кладовой Боненблюста. Аноповы тогда жили на дачѣ въ Полюстровѣ, около Безбородкинскаго парка. Мѣсто это было тогда очень любимо петербуржцами. До десятка дворовъ съ полусотней деревянныхъ небольшихъ дачъ въ Александровской улицѣ примыкали къ парку и имѣли даже выходъ въ паркъ. Паркъ былъ большой съ прекрасными липовыми тѣнистыми аллеями,

и въ немъ дачники проводили время. Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, хотя и жилъ въ тотъ годъ въ своемъ дѣдовскомъ дворцѣ, выходящемъ и на Неву, и въ паркъ, не стѣснялъ дачниковъ, часто приглашалъ военный оркестръ, который игралъ по вечерамъ въ паркѣ передъ дачниками, и любилъ бродить среди нихъ. Любезность его по отношенію къ дачникамъ простиралась до того, что онъ иногда даже высылалъ въ толпу лакеевъ съ подносами блюдечекъ мороженнаго и чашекъ шоколада, которые и предлагались дачникамъ. Графъ жилъ широко, проживалъ кучу денегъ, имѣлъ множество прислуги, совершенно не зналъ цѣны деньгамъ, и тогда разсказывали, что управляющій его ставилъ ему въ счетъ по содержанію дома и парка только за однѣ метлы около 5.000 рублей. Выносилось прохладительное питье въ видѣ лимонада, оршада и клюквеннаго морса. Графъ, какъ сейчасъ помню, въ свѣтломъ фланелевомъ костюмѣ и въ мягкой фуражкѣ англійскаго образца, надвинутой на лобъ, всегда показывался въ сопровожденіи своихъ сотрудниковъ. Онъ тогда издавалъ ежемѣсячный журналъ «Русское Слово». Графъ былъ высокій, стройный, холеный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ небольшой русой бородкой и добрыми голубыми глазами. Двигался онъ всегда усталой походкой. Среди сотрудниковъ, окружавшихъ его, выдѣлялся всегда Л. А. Мей въ красной рубахѣ, высокихъ русскихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи однорядкѣ, высокій, красивый, съ черной бородкой. Затѣмъ неиз-

мѣннымъ его спутникомъ бывалъ секретарь редакціи, Г. А. Благосвѣтловъ, невзрачный, сутуловатый, съ желтымъ, безбородымъ, тщательно выбритымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ и въ калабрійской шляпѣ съ широкими полями, а также и Всеволодъ Крестовскій и Н. И. Кроль, который ему приходился родственникомъ по женѣ. Кроль и Благосвѣтловъ даже жили въ домѣ графа, отчего впослѣдствіи, при возникшей журнальной полемикѣ и нападкахъ на Благосвѣтлова, его упрекали печатно, что онъ спалъ въ графской прихожей на шинеляхъ. Выходилъ графъ съ своими гостями-сотрудниками въ публику всегда подъ вечеръ, послѣ лукулловскихъ обѣдовъ, которыми кормилъ ихъ. Иногда на террасѣ еще продолжались возліянія, и я помню, какъ однажды Л. А. Мей, разгоряченный виномъ, читалъ съ террасы передъ дачниками какое-то свое стихотвореніе со стаканомъ вина въ рукѣ, и Мею восторженно апплодировали.

Въ паркѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородка былъ небольшой деревянный театръ, и въ этомъ-то театрѣ въ одно изъ воскресеній былъ любительскій спектакль, въ которомъ игралась поэма А. Н. Майкова «Три Смерти», при чемъ всѣ роли исполнялись писателями, и Сенеку, помню, игралъ самъ авторъ, а раба—Всеволодъ Крестовскій. Спектакль былъ поставленъ съ рѣдкой роскошью.

На писателей въ то время мы, читающая молодежь, да и вообще многіе интеллигентные люди смотрѣли съ благоговѣніемъ, какъ на людей, выдвинувшихся изъ толпы, отмѣченныхъ перстомъ свыше,

какъ на полубоговъ. Передъ писателемъ преклонялись, писатель былъ желаннымъ гостемъ въ каждой интеллигентной семьѣ, не исключая и аристократическихъ, хотя бы онъ былъ угловатъ, со странностями. Даже эти-то его угловатости и странности иногда и нравились въ немъ. Я говорю о началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда все перерождалось, и явился у всѣхъ подъемъ духа. Естественно, что примѣръ былъ заразителенъ, спектакль съ писателями далъ толчекъ и дачной молодежи, и вотъ я, мои двоюродные братья и проживавшіе вмѣстѣ съ моими двоюродными братьями на дачѣ студенты-технологи задумали также устроить спектакль въ этомъ театрѣ. Разрѣшеніе графомъ на театръ было дано, мы подали на высочайшее имя прошеніе объ устройствѣ спектакля (это тогда было непремѣнное условіе, потому что существовала монополія императорскихъ театровъ), и спектакль былъ разрѣшенъ. Устроили мы его съ благотворительной цѣлью. Были поставлены: «Не сошлись характерами» Островскаго и водевиль «Что имѣемъ, не хранимъ», и я игралъ въ пьесѣ Островскаго роль купца Толстогораздова, а роль купчихи, моей жены, художникъ-фотографъ Е. И. Берестовъ, человѣкъ маленькаго роста, имѣвшій чуть ли не первую по открытію фотографію вмѣстѣ съ художникомъ И. Н. Щетининымъ, знаменитымъ мозаистомъ, сдѣлавшимъ нѣсколько иконъ для Исакіевскаго собора. Это былъ мой первый выходъ на сцену. Берестовъ сыгралъ роль забитой купчихи прекрасно. Впослѣдствіи онъ вообще игралъ только такія роли.

Въ описываемый мной годъ публичные спектакли любителей только зарождались. Писатели участвовали въ нихъ зачастую, и зимой въ театрѣ Пассажа былъ поставленъ «Ревизоръ» Гоголя, гдѣ всѣ роли играли писатели, и даже въ толпѣ купцовъ, подносившихъ Хлестакову хлѣбъ-соль, исполняли безсловесныя роли Тургеневъ и Краевскій. Спектакль былъ устроенъ съ благотворительной цѣлью. Билеты на спектакль брались съ боя.

Вообще въ этотъ (1862) годъ нарождались въ Петербургѣ всѣ частныя зрѣлища, публичныя лекціи и диспуты, которыхъ раньше не было. Да и негдѣ было ихъ устраивать. А къ этому времени откупщикъ Руадзе выстроилъ великолѣпный домъ съ громаднымъ заломъ на Мойкѣ, архитекторъ Реймерсъ построилъ первый частный театръ въ Измайловскомъ полку.

Въ этомъ театрѣ я и мои двоюродные братья зимой также устроили спектакль, въ которомъ игралъ я.

На ряду съ просвѣтительными развлеченіями открываются и многочисленные танцклассы въ городѣ и за городомъ, съ бѣшенымъ канканомъ, съ наемными спеціалистами по части канкана (Фокинъ, Катька Ригольбошъ), возникаютъ первые кафешантаны. Танцклассы даже покровительствуются полиціей въ видахъ сыска. Разсказывали, что даже сами сыщики открывали танцклассы. Сыщики были даже среди дамъ легкаго поведенія, наполнявшихъ танцклассы. Молодежь все это знала и

все-таки наполняла танцклассы. Нѣкоторыя дамы эти, или камеліи, какъ ихъ тогда принято было называть печатно, иногда поражали своими разговорами о Некрасовѣ, Щедринѣ, Добролюбовѣ, Чернышевскомъ, Аполлонѣ Майковѣ и называли ихъ произведенія. Иногда цитировали стихи извѣстныхъ поэтовъ и въ особенности изъ «Гитаны» Всеволода Крестовскаго:

«Не кори меня въ развратѣ,
«Но цѣлуй звончѣй, звончѣй!
«Поздно думать объ утратѣ
«Прежнихъ отроческихъ дней».

Знали онѣ наизусть и куплеты Беранже въ переводѣ В. С. Курочкина, произносили строчки изъ стихотвореній М. П. Розенгейма, говорили о женской эмансипаціи. Молодежи это нравилось, и она увлекалась ими.

1862-й годъ былъ обиленъ громадными пожарами. Петербургъ горѣлъ каждый день. Приписывали ихъ поджогамъ. Простой народъ говорилъ, что это—поляки. На поляковъ тогда валились всѣ невзгоды. Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Духовъ день, былъ ужасающій пожаръ двухъ рынковъ. Сгорѣли Апраксинъ и Щукинъ дворы съ тысячами лавокъ. Горѣло нѣсколько дней подъ рядъ. Пожарная команда и войска безсильны были остановить пожаръ. Кромѣ рынковъ, сгорѣли торговыя заведенія въ домѣ Пажескаго корпуса, въ Чернышевомъ переулкѣ отъ Садовой до площади, сгорѣло зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ у Чернышева моста. Огонь перекинуло черезъ

Фонтанку, горѣли барки на Фонтанкѣ съ вынесенными изъ рынковъ въ началѣ пожара товарами, пылали костры съ привезенными изъ рынка товарами даже на углу Щербакова переулка, на дворѣ государственнаго банка на Садовой горѣлъ вынесенный изъ рынковъ товаръ, и угрожала опасность загорѣться даже самому банку. Горѣли лавки въ Мучномъ переулкѣ. Въ народѣ была неописуемая паника. Были и народныя звѣрскія расправы съ будто словленными поджигателями. Пожаръ на всѣхъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ разорилъ тысячи торговцевъ.

Я помню этотъ пожаръ. Начался онъ въ Духовъ день, подъ вечеръ. Когда загорѣлось, то добрая половина хозяевъ-рыночниковъ была на гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ тѣ времена ежегодно устраивалось гулянье въ Духовъ день съ нѣсколькими оркестрами военной музыки. Гулянье это тогда въ просторѣчіи звалось смотромъ купеческихъ невѣстъ. И въ самомъ дѣлѣ низшее и среднее купечество вывозило и выводило на гулянье въ Лѣтній садъ невѣстъ—дочерей, племянницъ, въ лѣтнихъ модныхъ обновкахъ. Расфранченные женихи изъ купечества стояли шпалерами по бокамъ главной аллеи сада и смотрѣли на цѣлый потокъ двигавшихся по аллеѣ купеческихъ невѣстъ. Да двигались въ этомъ потокѣ невѣсты и не изъ однѣхъ купеческихъ семей, а и изъ чиновничьихъ. Мелкое чиновничество жило почти той же жизнью, что и купцы. Стояли въ шеренгахъ и женихи-чиновники. Свахи, которыхъ

тогда въ Петербургѣ было множество, шныряли отъ жениховъ къ невѣстамъ и обратно, и сообщали о приданомъ невѣстъ, о положеніи жениховъ. Островскій съ фотографической точностью въ своихъ пьесахъ изобразилъ бытъ и сватовство и этого купечества и этого чиновничества, хотя и писалъ изъ московскихъ и провинціальныхъ нравовъ, а Петербургъ того времени очень мало въ этой жизни рознился отъ Москвы и провинціи.

Гулянье въ этотъ день въ Лѣтнемъ саду было особенно многолюдно. Я былъ на немъ. Погода была прекрасная, солнечная, жаркая. На аллеяхъ было тѣсно. Двигались буквально плечо въ плечо. Вдругъ въ самый разгаръ гулянья пришло извѣстіе, что Апраксинъ дворъ горитъ, лавки горятъ. Трудно описать, какая свалка произошла въ это время въ Лѣтнемъ саду. Пожары тогда были повальные и не ограничивались малыми жертвами. Передъ этимъ пожаромъ только что выгорѣла треть улицъ въ Семеновскомъ полку, которыя тогда такъ же звались ротами, какъ нынѣ въ Измайловскомъ полку, былъ громадный пожаръ на Пескахъ, уничтожена половина построекъ на Черной рѣчкѣ. «Рынокъ горитъ! Апраксинъ горитъ!»—повторялось повсюду, и одни бросились къ выходамъ изъ сада, другіе къ Лебяжьему каналу, какъ къ открытому мѣсту, чтобы посмотрѣть на дымъ, который валилъ тремя столбами, ибо загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Бѣжавшіе сшибали другъ друга съ ногъ, перескакивали черезъ нихъ, сами падали, давили другъ друга. Тѣ,

которые старались подняться, ухватывались за чужую одежду, рвали ее. Раздавались стоны, крики, вопли. Многія женщины лежали въ обморокѣ. Я находился во время извѣстія о пожарѣ съ моимъ двоюроднымъ братомъ на аллеѣ на берегу Лебяжьяго канала. Въ неогражденный ничѣмъ каналъ съ крутыми берегами напиравшая толпа стала сталкивать публику. Люди скатывались по крутому берегу. Мой двоюродный братъ полетѣлъ въ воду однимъ изъ первыхъ. Къ счастію, что вода была не глубока. Упавшіе поднимались и ходили въ водѣ по поясъ, перебираясь на противоположный берегъ къ Царицыну лугу. Я какимъ-то чудомъ удержался на берегу и, ужъ спустя добрыхъ полъ-часа, вышелъ въ ворота къ Инженерному замку. Помню, что на аллеяхъ сада продолжали еще лежать женщины. Около нихъ суетились мужчины, приводя ихъ въ чувство. Разсказывали, что во время паники и свалки появились злоумышленники, которые срывали часы, брильянтовыя украшенія съ купеческихъ дамъ, браслеты, рвали даже серьги изъ ушей. Помню, полиція, которой тогда было вообще мало, совсѣмъ отсутствовала. Очень можетъ быть, что она вся бросилась на пожаръ. Извозчиковъ у выхода сада не было никакихъ, да и на Фонтанкѣ, по которой я шелъ, направляясь къ себѣ домой на Владимірскую, ихъ всѣхъ расхватали. Помню бѣгущихъ, раскраснѣвшихся дамъ и дѣвицъ въ помятыхъ и разорванныхъ нарядахъ. Нѣкоторыхъ женщинъ вели мужчины въ исковерканныхъ шляпахъ, цилиндрахъ. И на Невскомъ не было

извозчиковъ. Оказалось, что они всѣ бросились къ горѣвшему рынку, чтобы вывозить изъ огня товаръ. Потомъ говорили, что извозчики брали по три и по пяти рублей за конецъ. На Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста, уже увидѣлъ перевозчицкіе ялики и ялботы, везущіе грузы вытащеннаго изъ горѣвшихъ лавокъ товара. Столбы дыма, носившагося надъ рынкомъ, уже слились. Леталъ пепелъ крупными хлопьями отъ горѣвшаго товара и черными пятнами покрывалъ тротуаръ и улицу. На углу Графскаго переулка, сворачивая къ себѣ на Владимірскую, я увидѣлъ барки съ дровами, а сверху дровъ были набросаны куски товаровъ, готовое платье, шубы. Барки волокли канатами по направленію къ Аничкину мосту. Тутъ же я услышалъ страшный взрывъ, и густой столпъ чернаго дыма высоко взвился въ воздухѣ, выдѣляясь отъ общаго дыма. Это взорвало порохъ: въ Апраксиномъ рынкѣ, вмѣстѣ съ оружіемъ, торговали и порохомъ. Когда я явился домой, на дворѣ разгружались двѣ четырехмѣстныя кареты, привезшія съ пожара ситцы, шелковую и шерстяную матеріи, куски полотна. Въ нашемъ домѣ жилъ рыночный торговецъ Петровъ, и это былъ его товаръ. Даже на крышахъ каретъ были привязаны куски товара.

Когда я явился домой, обо мнѣ страшно безпокоились. Мать плакала. Хоть и довольно далеко мы жили отъ горѣвшаго рынка, но на открытомъ окнѣ, обращенномъ къ пожару, мать выставила образъ Неопалимой купины. Хлопья пепла горѣвшей матеріи,

впрочемъ, летѣли и къ намъ на дворъ, наносимые вѣтромъ. Домой къ намъ кто-то принесъ извѣстіе, что на улицахъ около горѣвшихъ рынковъ, кромѣ того, бунтъ, что ужъ даже стрѣляютъ изъ пушекъ. Прислуга на всякій случай связывала въ узлы свои пожитки, приготовляясь съ ними бѣжать. Дядя Василій отправился въ Гостиный дворъ охранять кладовую. Велѣно было и мнѣ итти туда же, какъ служащему, но мать не пускала. Я ушелъ, не взирая на всѣ просьбы. Путь я избралъ ближайшій по Графскому, Троицкому, Чернышеву переулкамъ, но по Чернышеву дойти можно было только до моста, и то лавируя мимо грудъ всевозможныхъ товаровъ. Навстрѣчу мнѣ бѣжали ларьковые торговцы и торговки, съ головы до ногъ нагруженные товарами изъ своихъ ларьковъ. Женщины при этомъ плакали и вопили: «бѣда! погибаемъ!» У моста стоялъ взводъ солдатъ, и черезъ мостъ никого не пускали. Въ домахъ у моста на окнахъ вездѣ виднѣлись иконы. Мнѣ хотѣлось пробраться на уголъ Садовой и Чернышева къ лавкѣ А. Ѳ. Иванова, дабы узнать, въ какомъ положеніи находится онъ, но пришлось повернуть по Фонтанкѣ къ Невскому. На мѣстѣ рынка за мостомъ среди дыма виднѣлись сотни огненныхъ языковъ, но огонь еще не перекинуло черезъ Фонтанку, не горѣло еще и зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. На набережной Фонтанки вплоть до Графскаго переулка лежалъ въ грудахъ и валялся утерянный товаръ. Я хотѣлъ переѣхать отъ Графскаго переулка къ существовавшему тогда Толмазову

переулку, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся хо зяйственныя постройки Аничкова дворца, но перевоза уже не было. Каменные спуски и деревянные плоты съ обѣихъ сторонъ были завалены товаромъ, привезеннымъ на лодкахъ. Я направился къ Невскому проспекту. По Невскому дилижансы Щапина, ходившіе отъ Гостинаго двора въ Лѣсной и въ Новую деревню, также везли товаръ, направлясь къ Литейной.

Вотъ и Гостиный дворъ. По случаю Духова дня половина торговцевъ не отворяли лавокъ, а кто отворялъ ихъ, тѣ, какъ только начался пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ, сейчасъ же заперли свои лавки. Но всѣ торговцы были въ сборѣ, стояли на галлереяхъ около запертыхъ лавокъ вмѣстѣ съ своими приказчиками и гостинодворскими сторожами и охраняли, боясь, что можетъ загорѣться и Гостиный дворъ. Разсказывали ужасы. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что это—поджогъ, такъ какъ загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что подожгли поляки, говорили, что поймали даже кого-то съ бутылкой жидкости, которой онъ брызгалъ на деревянный заборъ лѣсного склада на Фонтанкѣ, говорили, что въ Апраксиномъ переулкѣ разбиты кабаки, что и подтверждалось тѣмъ, что вечеромъ на Садовой было много пьяныхъ. Да пьяныхъ и вообще по случаю праздника было много.

Спустилась майская сѣрая ночь, а пожаръ не только не прекращался, но свирѣпствовалъ еще съ большей силой. Потухая въ одномъ мѣстѣ, огонь

шелъ дальше и захватывалъ новую пищу. Громадное зарево висѣло надъ всѣмъ городомъ. Горѣло ужъ то, что было вытащено и вывезено на улицы. Пожарные выбились изъ силъ и отступали, уступая на жертву огню захваченныя и не захваченныя еще имъ постройки. Да и не вездѣ можно было приступиться. Два горѣвшіе рынка представляли собою лабиринтъ лавокъ, лавченокъ и ларьковъ. Проѣзды были такъ узки, что бочки и пожарные насосы не могли въѣхать въ лабиринтъ, да было это и опасно. Огонь быстро окружалъ со всѣхъ сторонъ негорѣвшія еще площадки. Были случаи, когда приходилось бросать на жертву ввезенные пожарные инструменты и только самимъ спасаться и спасать лошадей. Гостинодворы остались ночевать у своихъ лавокъ. Нѣкоторые вошли въ свои торговыя заведенія и разлеглись на прилавкахъ. Дядя и я ушли ночевать домой, оставивъ артельщиковъ у запертыхъ кладовыхъ на караулѣ.

На другой день пожаръ продолжался, продолжался онъ и на третій день и догоралъ цѣлую недѣлю. На улицахъ, прилегающихъ къ пожарищу, стояла цѣпь солдатъ, ѣздили конные патрульные казаки. Торговцы отыскивали и разбирали на улицахъ свой товаръ, который не успѣлъ сгорѣть. Все, что было вынесено изъ каменныхъ корпусовъ на Садовую улицу въ предѣлахъ отъ Апраксина до Чернышева переулка, сгорѣло. Огонь былъ настолько силенъ, что желѣзная рѣшетка государственнаго банка на Садовой согнулась, а каменный цоколь далъ трещины

и обсыпался. Испорчена была вся набережная на Фонтанкѣ противъ рынковъ, а булыжная мостовая, накалившаяся и поливаемая водой, превратилась въ дресву. На площади у Чернышева моста лежали груды дѣлъ, выброшенныхъ изъ оконъ обгорѣвшаго дома министерства внутреннихъ дѣлъ. На той сторонѣ Фонтанки выгорѣлъ лѣсной дворъ и прилегавшее къ нему большое каменное зданіе. Много товару было въ дворахъ полицейскихъ зданій. Квартальные, производя допросы, возвращали торговцамъ товаръ. Они же были посредниками при дѣлежѣ товара съ улицъ. Доказать, что дѣйствительно свое, что чужое, было трудно. Еще труднѣе было это рѣшить постороннему человѣку, хотя бы и полицейскому. Двѣ трети торговцевъ потеряли все, что имѣли, но были и такіе ловкіе, которые захватили послѣ пожара то, чего у нихъ и на половину не было. Разумѣется, такихъ было немного. Ничего не успѣли спасти посудники, мебельщики, бакалейщики, книжники, торговцы металлическими издѣліями. Впрочемъ, торговцы мѣдной посудой, когда пожаръ окончательно потухъ, отрывали кое-что изъ своего товара въ угольяхъ и пеплѣ, но металлъ былъ въ слиткахъ. Огонь до того былъ силенъ, что расплавилъ металлическія издѣлія. Расплавились даже мѣдные золоченые кресты часовенъ, находившихся внутри рынковъ. Нѣкоторыя большія иконы отъ въѣздовъ въ рынки были спасены и еще на третій и четвертый день послѣ пожара стояли на тротуарѣ на Чернышевой площади, прислоненныя къ стѣнѣ дома, рядомъ съ строеніями театральной дирекціи.

А сколько драгоцѣнныхъ старинныхъ рѣдкихъ книгъ погибло у рыночныхъ букинистовъ! Были въ рынкѣ торговцы старинными рѣдкими книгами, какъ, напримѣръ, Ѳедоровъ, которые нѣкоторыми экземплярами въ своихъ книгохранилищахъ могли похвастаться передъ казенными библіотеками. Какая масса была тамъ рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ, столь цѣнимыхъ нашими старообрядцами, и погибла прахомъ, сдѣлавшись жертвою огня! Погибла и добрая половина старинныхъ книгъ склада Терскаго въ Чернышевомъ переулкѣ. Такъ какъ Чернышевъ переулокъ сталъ горѣть во второй день пожара, и его все еще надѣялись отстоять, то нѣкоторыя книги были перенесены во дворъ Пажескаго корпуса, но и тамъ при переноскѣ онѣ были растеряны, многотомныя сочиненія разрознены. Терскаго приказчикъ В. И. Рыкушинъ былъ ушибленъ пожарными и лежалъ больной. Сгорѣла суконная лавка поэта А. Ѳ. Иванова (Классика) въ Чернышевомъ переулкѣ; кое-какъ суконный товаръ успѣли спасти, вынеся его тоже на дворъ Пажескаго корпуса, но спасеннаго было немного, да и это немногое подверглось расхищенію во время переноски. Поэтъ-безсребренникъ, однако, не упалъ духомъ въ конецъ и написалъ нѣсколько стихотвореній по поводу этого небывалаго въ лѣтописяхъ Петербурга пожара.

Товара сгорѣло на многіе милліоны. Образовавшійся послѣ пожара комитетъ собиралъ свѣдѣнія, старался подвести настоящую цифру потерь, но, кажется, такъ и не смогъ. Оффиціально ничего опубли-

ковано не было. Застраховано не было и сотой доли. Страховыя общества не принимали на страхъ товаръ въ лабиринтахъ деревянныхъ лавокъ внутри Апраксина и Щукина дворовъ. Почти всѣ погорѣвшіе торговцы были разорены. Былъ крупный торговецъ, В. К. Вантуринъ, имѣвшій нѣсколько лавокъ, у котораго однихъ ситцевъ погибло болѣе, чѣмъ на полмилліона. Говорили, что болѣе чѣмъ на такую же сумму сгорѣло у крупнаго торговца галантерейными товарами, Аверьянова. На огромную сумму сгорѣло шелковаго товара у Коровина, фирма котораго существуетъ и понынѣ. Я зналъ ихъ, потому что контора Боненблюста вела съ ними дѣла.

Весь рынокъ пересталъ платить по торговымъ обязательствамъ. Векселя протестовались, но ни у кого изъ кредиторовъ, дѣлавшихъ съ погорѣвшими торговцами дѣла, не хватало на первое время духа подавать векселя ко взысканію. Напротивъ, торгорцы, оптовики, въ особенности иностранцы, измышляли средства какъ-нибудь скорѣе прійти на помощь къ погорѣвшимъ своимъ кліентамъ, соглашались взять по стольку копеекъ за рубль долга, по скольку тѣ предлагали, и сулили имъ дальнѣйшій кредитъ товаромъ, только бы тѣ скорѣе открывали гдѣ-нибудь торговлю. Вѣдь въ Петербургѣ въ этотъ пожаръ погорѣло болѣе половины петербургскихъ торговцевъ. Кому же было продавать кладовщикамъ оптовикамъ, если бы они поступили иначе? Первое время послѣ пожара почти не было несостоятельностей торговцевъ-погорѣльцевъ, объявленныхъ черезъ коммерческій судъ.

И вотъ погорѣвшіе торговцы, ободренные своими кредиторами, стали открывать лавки въ домахъ, строить временные торговые балаганы на Семеновскомъ плацу.

На не расчищенныхъ еще отъ мелкаго угля пепелищахъ рынковъ также начали строить шалаши для торговли. Первыми заторговали торговки старымъ платьемъ, торговки-еврейки въ шелковыхъ парикахъ, затѣмъ лоскутники, и мало-по-малу образовался такъ называемый «развалъ». Къ развалу примкнули мелкіе бакалейщики и торговцы фруктами, башмашники и сапожники, и ужъ послѣ нихъ стали возникать шалаши съ суровскими и галантерейными товарами. Помню, что экономные люди сейчасъ же пошли къ нимъ покупать за безцѣнокъ обгорѣлые и залитые водой каленкоръ, ситцы и другія матеріи. А вокругъ шли раскопки въ пеплѣ. Вынимали слившійся металлъ, монеты.

Собирались пожертвованія для погорѣльцевъ, устраивались въ пользу ихъ гулянья, зимой музыкальные и литературные вечера, спектакли, но все это дало впослѣдствіи пустяки. Погорѣльцевъ въ ихъ временныхъ шалашахъ посѣтилъ государь Александръ II, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, говорилъ рѣчь со словами утѣшенія и повелѣлъ образовать комитетъ для постройки каменнаго рынка на мѣстѣ Щукина двора, гдѣ каждый погорѣвшій торговецъ могъ подъ постройку лавки занять то мѣсто, на которомъ онъ торговалъ до пожара. Впослѣдствіи это опредѣленіе мѣстъ, гдѣ кто торговалъ, повело къ

великимъ спорамъ и раздорамъ среди торговцевъ. Да и комитетъ по постройкѣ упрекали въ халатности расходованія суммъ по постройкѣ. А. Ѳ. Ивановъ и я обличали въ 1863 г. комитетъ этотъ въ «Искрѣ» въ написанныхъ нами сообща замѣткахъ въ формѣ фельетона, гдѣ проза принадлежала мнѣ, а стихи Иванову. Не помню—почему, но мы набрасывались и на купола, существующіе и понынѣ надъ зданіемъ рынка, и Ивановъ восклицалъ въ стихахъ про комитетъ:

«Сломивъ гордыню вѣроломства,
«Сокрывъ отчетомъ бездну зла,
«На память вѣчную потомству
«Воздвигли эти купола».

IX.

Въ 1863 г. моей семьѣ, а слѣдовательно и мнѣ, такъ какъ я не выѣзжалъ изъ нея, жилось лучше. Отецъ мой, какъ купецъ стариннаго рода и не менѣе старинный бывшій гостинодворъ, получилъ отъ общества торговцевъ Гостинаго двора мѣсто старосты или смотрителя двора съ жалованьемъ 100 р. въ мѣсяцъ. Я былъ повышенъ, получалъ отъ Боненблюста 25 р. въ мѣсяцъ и къ Новому году былъ награжденъ пятьюдесятью рублями. Кромѣ того, я сталъ зарабатывать кое-что и литературнымъ трудомъ. Въ Купеческомъ клубѣ, о которомъ я упоминалъ, и гдѣ отецъ и дяди мои были выбраны старшинами, я познакомился съ поэтомъ, полковникомъ М. П. Розенгеймомъ, обличавшимъ тогда откупа въ очень

бойкихъ стихахъ, и далъ ему разсказъ для «Занозы». Разсказъ былъ напечатанъ безъ подписи моей фамиліи, такъ какъ тогда въ этомъ юмористическомъ журналѣ вся проза и всѣ стихи помѣщались безъ подписей. Сдѣлано это было, какъ тогда говорили, потому, что въ «Занозѣ» и въ «Гудкѣ», тоже юмористическомъ журналѣ, издававшемся Стелловскимъ, были однѣ и тѣ же сотрудники, писавшіе на однѣ и тѣ же злобы дня въ обоихъ журналахъ. Дабы не было у публики сравненія, гдѣ одинъ и тотъ же авторъ откликнулся удачнѣе, и было принято помѣщать статьи безъ подписей. Кромѣ того, къ редакціи «Занозы» примкнули и такіе поэты и прозаики, которыхъ принято было громить въ либеральной печати при появленіи ихъ статей за ихъ подписями. Такъ тогда разсказывали. Самъ я въ редакціи «Занозы» никогда не бывалъ и помѣстилъ въ этомъ журналѣ всего только одинъ разсказъ. «Заноза», во главѣ.которой стоялъ Розенгеймъ, существовала недолго. Она пробовала конкурировать съ «Гудкомъ» и «Искрой», пережила «Гудокъ» и погибла сама.

Здѣсь кстати сказать о «Гудкѣ», которому была запрещена виньетка въ заголовкѣ, съ которой онъ выходилъ вначалѣ. Виньетка эта изображала толпу, состоявшую изъ множества лицъ разныхъ классовъ общества. Говорили, что все это—портреты разныхъ дѣятелей того времени. Между прочими фигурами былъ изображенъ бородатый мужчина въ шляпѣ-цилиндрѣ и длинномъ по тогдашней модѣ пальто съ широкими рукавами, идущій подъ руку съ дамой въ

широчайшемъ кринолинѣ. Такъ эта виньетка и выходила въ заголовкѣ номера, и цензура, неохотно разрѣшившая ее, на нее больше ужъ вниманія не обращала. Но вдругъ у бородатаго мужчины на виньеткѣ съ цилиндра исчезли поля, и на головѣ отросли волосы, и образовалась фигура духовнаго лица. Въ такомъ видѣ виньетка по недосмотру цензуры появилась на двухъ-трехъ номерахъ, но публика замѣтила. Начались толки. Номера журнала переходили изъ рукъ въ руки, перепродавались за большія деньги. Въ цензурѣ произошелъ переполохъ. Цензоръ, кажется, слетѣлъ съ мѣста или былъ куда-то переведенъ. Журналъ хотѣли совсѣмъ запретить. Онъ не выходилъ двѣ недѣли, но потомъ по чьему-то ходатайству появился, но ужъ безъ виньетки.

Въ шестидесятыхъ годахъ такіе случаи были не въ одномъ «Гудкѣ», научали цензоровъ разсматривать мелкіе рисунки въ лупу, но и при лупѣ, случалось, прозѣвывали то, что по цензурнымъ обычаямъ слѣдовало бы закрестить красными чернилами. И въ концѣ концовъ болѣе осторожные цензора, сомнѣваясь въ самомъ себѣ, начали закрещивать все, что имъ казалось мало-мальски подозрительнымъ. И въ статьяхъ иногда отыскивали какой-то особый смыслъ между строкъ, котораго иногда вовсе не было, а статья невиннѣйшая погибала къ немалому изумленію автора и редактора.

Въ томъ же году я помѣстилъ мой первый разсказъ въ «Искрѣ». Къ В. С. Курочкину привелъ

меня опять-таки А. Ѳ. Ивановъ, съ которымъ онъ былъ уже знакомъ и помѣщалъ въ «Искрѣ» свои стихи. Было это въ воскресенье, въ пріемные часы у Курочкина для сотрудниковъ. Курочкинъ тогда жилъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Максимовича, второмъ домѣ отъ угла Литейной, противъ существовавшей и тогда гостиницы «Москва». Квартиру онъ занималъ налицо въ верхнемъ этажѣ. Лѣстница была по тогдашнему роскошная, съ ковромъ и уставлена растеніями, и на стѣнахъ висѣли даже картины библейскаго содержанія. Признаюсь, не безъ нѣкотораго трепета взбирался я по этой лѣстницѣ. Курочкинъ былъ тогда въ славѣ. Его переводъ пѣсенъ Беранже разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Книжка встрѣчалась повсюду, отъ модной гостиной до молодцовской комнаты апраксинскихъ приказчиковъ, читалась и въ солидныхъ купеческихъ семьяхъ и даже среди погибшихъ, но милыхъ созданій, какъ тогда назывались въ литературѣ жертвы общественнаго темперамента. «Искра» Курочкина была единственнымъ популярнымъ журналомъ, и главное такимъ журналомъ, который читали и друзья и враги.

Въ прихожей, когда мы вошли, я слышалъ уже громкій говоръ многихъ голосовъ. Оказалось, что это завтракали у Курочкина сотрудники «Искры». Въ гостиной, гдѣ, впрочемъ, стоялъ письменный столъ, насъ принялъ секретарь редакціи, А. Боргелли, черный, длинноволосый, бородатый человѣкъ средняго роста, рисовальщикъ-каррикатуристъ, подписывавшійся подъ рисунками Аполлономъ Б. Я пе-

редалъ ему разсказъ, Ивановъ—стихи. Курочкина мы въ этотъ визитъ не видали, что меня очень опечалило. Я разсчитывалъ видѣть знаменитаго писателя и познакомиться съ нимъ и не видѣлъ. Когда мы уходили изъ редакціи, Ивановъ сказалъ мнѣ:

— Пирушка сегодня у Курочкина. Почти каждое воскресенье бываетъ. Надо раньше приходить, чтобъ видѣть Курочкина, но мы опоздали.

Черезъ двѣ недѣли разсказъ былъ напечатанъ въ «Искрѣ». Я торжествовалъ, въ ближайшее же воскресенье опять отправился къ Курочкину и понесъ ему второй мой разсказъ. На этотъ разъ мнѣ не только удалось видѣть В. С. Курочкина, но даже попасть и на пирушку его, на которую онъ меня пригласилъ.

— Очень, очень недуренъ разсказецъ,—проговорилъ Курочкинъ, картавя, когда я назвалъ свою фамилію.—Вашъ разсказъ похвалилъ даже Елисѣевъ, а онъ рѣдко что хвалитъ. Знаете Елисѣева? Читали его статьи? Я думаю, нѣтъ. Вѣдь вы—изъ купцовъ? Ивановъ мнѣ говорилъ, что вы—изъ купцовъ. А купцы рѣдко выносятъ Елисѣева. Онъ для нихъ тяжелъ, не по нутру. Впрочемъ, можетъ быть, вы другого сорта. А? Другого сорта?

Я былъ смущенъ и ничего не отвѣтилъ. Курочкинъ смотрѣлъ на меня своими ясными и добрыми глазами, то откидывая за уши свои длинные, черные волосы, то поглаживая свою густую, черную бороду.

— Ну-съ, присаживайтесь, курите, знакомьтесь... весело прибавилъ онъ, указывая на пять-шесть че-

ловѣкъ, сидѣвшихъ и стоявшихъ въ гостиной и разговаривавшихъ другъ съ другомъ. — Вотъ семья «Искры»! Господа! Новый сотрудникъ журнала — Лейкинъ, пріятель Иванова, тоже изъ купцовъ.

Мы познакомились. Мнѣ протянули руки, называя свои фамиліи. Тутъ были, Жулевъ съ которымъ я уже раньше встрѣчался у букиниста Терскаго, М. М. Стопановскій, Д. Д. Минаевъ, карикатуристъ Н. В. Іевлевъ, В. И. Богдановъ (Власъ Точечкинъ), Боргелли, В. В. Толбинъ — бывшій фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ повѣсти «Любенька», и еще кто-то. Я не помню, что писалъ Толбинъ въ «Искрѣ», но у Курочкина я его впослѣдствіи встрѣчалъ часто. Присутствовалъ онъ на пирушкахъ Курочкина, гдѣ его въ штуку называли «виночерпіемъ». Онъ былъ старше всѣхъ бывшихъ въ тотъ день въ редакціи. Ему на видъ было около пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ въ усахъ, съ сильно помятымъ лицомъ, съ сѣдиной въ головѣ, по виду и осанкѣ онъ напоминалъ отставного кавалериста. Меня онъ поразилъ своимъ моднымъ, пестрымъ, но неряшливымъ костюмомъ. Когда-то онъ, какъ разсказывали, былъ первымъ петербургскимъ франтомъ. Остальные присутствующіе были молодые люди. Неряшливо былъ одѣтъ и карикатуристъ Іевлевъ. Это былъ совсѣмъ алкоголикъ, съ трясущимися руками, худой, съ блѣднымъ матовымъ лицомъ и маленькой русой бородкой. Онъ сильно кашлялъ. Стопановскій и Жулевъ отличались франтовствомъ. Наружность Жулева я уже описывалъ выше. Стопановскому, который велъ въ «Искрѣ»

знаменитый обличительный отдѣлъ «Намъ пишутъ», державшій въ трепетѣ всю провинцію, было тогда лѣтъ тридцать. Это былъ худой, высокій человѣкъ съ маленькой черненькой бородкой. Минаевъ былъ полонъ, лысоватъ, въ очкахъ, говорилъ посапывая носомъ. Поэтъ В. И. Богдановъ, подписывавшійся подъ стихами Власомъ Точечкинымъ, былъ въ формѣ флотскаго врача, высокаго роста, въ очкахъ и носилъ усы. Вотъ портреты сотрудниковъ «Искры», которыхъ мнѣ въ тотъ день пришлось встрѣтить впервые.

Постороннихъ приходило въ пріемные часы редактора немного. Объяснялся съ ними самъ Курочкинъ. Отъ однихъ онъ принималъ рукописи, другимъ возвращалъ. Обличительныя статьи онъ сейчасъ же передавалъ Стопановскому. Помню, что одинъ сѣдовласый старецъ, статья котораго была передана Стопановскому, схватилъ его за обѣ руки и, потрясая, восклицалъ въ восторгѣ:

— Вы—Стопановскій? Михаилъ Михайлычъ? Гроза нашей провинціи? Вотъ привелъ Богъ свидѣться! Очень радъ, душевно радъ! Въ одинъ день и самого Курочкина видѣлъ и знаменитаго Стопановскаго. Жаль только, разсказывать-то объ этомъ у насъ нельзя, когда вернусь къ себѣ въ волчью нору. Со свѣта сживутъ, если узнаютъ, съѣдятъ, проглотятъ! Такъ уже вы, пожалуйста, если что изъ моей рукописочки возьмете, чтобъ относительно меня ничего не было извѣстно. Вѣдь даже дѣтямъ мстить будутъ, если узнаютъ!

Эта сцена осталась у меня въ памяти, и я воспроизвожу ее приблизительно тѣми же словами.

Стопонавскій успокоивалъ корреспондента, что все останется въ тайнѣ.

И при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ редакціей »Искры» я помню, что корреспондентовъ и намеками не выдавали, хотя бывали попытки къ ихъ разоблаченію. Курочкинъ все принималъ на себя. Сообщалось многое ему для обличенія и устно. Сообщали иногда лица, занимавшія видные посты на службѣ. У него было много враговъ, онъ получалъ множество ругательныхъ писемъ, но въ каждомъ вѣдомствѣ и учрежденіи были и друзья, люди новаго вѣянія, доводившіе до свѣдѣнія его о разныхъ злоупотребленіяхъ и безобразіяхъ. Этимъ объясняется та отзывчивость «Искры», то, что обличительныя стрѣлы ея язвили повсюду. Часто въ замаскированной формѣ обличались такія безобразія, которыя, какъ казалось виновникамъ ихъ, происходили въ четырехъ стѣнахъ. Но въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» всегда все сообщали въ замаскированной формѣ, не называя ни настоящей фамиліи и обличаемаго лица, ни мѣстности, гдѣ злоупотребленіе или безобразіе происходило, хотя такъ искусно, что обличаемый сейчасъ былъ узнаваемъ. Города и губерніи имѣли свои прозвища, обличаемому также придумывали такую характерную кличку, что онъ подъ ней надолго такъ и оставался среди обывателей своего города. Дѣлалось это замаскированіе также и въ виду цензурныхъ условій, такъ какъ цензура, опасаясь отвѣтственности, не пропускала ни настоящаго названія города, ни настоящихъ фамилій. Исключенія дѣла-

лись только для нападокъ на лицъ изъ журналистики и актерскаго міра. Театральные же чиновники попадали въ «Искру» подъ всевдонимами. Такъ тогдашній начальникъ репертуарной части, П. С. Ѳедоровъ, звался Губошлепомъ (прозвище, данное ему среди актеровъ), и читатели одинъ отъ другого знали, о комъ идетъ рѣчь. О театральныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ давали свѣдѣнія актеры Ф. А. Бурдинъ, И. Ѳ. Горбуновъ, И. Е. Чернышевъ (авторъ пьесы «Испорченная жизнь» и др.), П. А. Каратыгинъ, который при объявленіи о подпискѣ на «Искру» былъ даже упомянутъ въ числѣ сотрудниковъ, а также и Г. Н. Жулевъ (Скорбный поэтъ). Артистъ В. В. Самойловъ зарисовывалъ даже портреты для воспроизведенія въ карикатурахъ, такъ какъ фотографіи тогда были еще довольно рѣдки.

П. А. Каратыгинъ былъ замѣчательнымъ каламбуристомъ. Относительно участія его въ «Искрѣ» ничего не помню, но каламбуры, сказанные имъ въ разговорахъ, попадались въ «Искрѣ». Каламбуръ на фамилію Игнатьева—«и гнать его», появившійся въ «Искрѣ» подъ одной изъ карикатуръ, — каламбуръ П. А. Каратыгина. Помню, что за знакомство съ В. С. Курочкинымъ актеровъ, однако, преслѣдовало театральное начальство. П. С. Ѳедоровъ прямо даже дѣлалъ нѣкоторымъ актерамъ выговоры. Ф. А. Бурдинъ вывертывался, потому что на него самого появлялись нападки въ «Искрѣ», но Жулевъ, подававшій тогда надежды, какъ актеръ, былъ затертъ Ѳедоровымъ и режиссеромъ Е. И. Вороновымъ, любимцемъ Ѳедорова.

Изъ оперныхъ пѣвцовъ Курочкина посѣщали и сообщали «театральныя тайны» теноръ Ф. К. Никольскій и басъ В. И. Васильевъ (оба поступившіе на сцену изъ Невскихъ пѣвчихъ), и контральто Д. М. Леонова.

Помню, что въ первый день моего знакомства съ В. С. Курочкинымъ, когда я сталъ съ нимъ прощаться, чтобы уйти, онъ мнѣ вдругъ, улыбаясь, задалъ вопросъ:

— Водку пьете?

— Пью,—отвѣчалъ я.

— Ну, то-то. Курица и та пьетъ. А я Курочкинъ—сынъ, стало быть, и подавно пью. Не хотите ли сейчасъ червячка заморить? — предложилъ онъ мнѣ и вмѣстѣ съ другимъ сотрудникомъ повелъ въ свою столовую.

Обстановка квартиры Курочкина не гармонировала съ роскошной лѣстницей, по которой я къ нему взбирался. Онъ жилъ очень скромно. Мебель была вездѣ простенькая, потертая. Въ столовой стоялъ гладкій, безъ рѣзьбы буфетъ и овальный раздвижной столъ со множествомъ ножекъ. На столѣ на простыхъ тарелкахъ стояли соленыя закуски, криночка страсбургскаго пирога, графинъ водки и красное вино. Курочкинъ очень любилъ жирный страсбургскій пирогъ, и криночка съ этой закуской всегда находилась у него на столѣ, какъ мнѣ впослѣдствіи и пришлось замѣтить.

Это «замореніе червячка», послѣ пріемныхъ часовъ редактора, происходило у В. С. Курочкина

каждое воскресенье. Закуска не убиралась со стола вплоть до обѣда, до 5 часовъ. Знакомые приходили и уходили. Водки тогда всѣ сотрудники «Искры» пили много. Исключеніе представляли Стопановскій и Г. З. Елисѣевъ. Да я не помню, чтобы Елисѣевъ и оставался закусывать. Онъ всегда жаловался на желудокъ, даже и въ послѣдніе дни своей жизни.

Курочкинъ былъ очень гостепріименъ и любилъ компанію. Иные сотрудники оставались у него въ воскресенье обѣдать. Пили и послѣ обѣда. Я не скажу, чтобы это было голое пьянство, велись оживленныя бесѣды, поэты говорили экспромты, сыпались рифмы, остроты, но все-таки при этомъ много пили. Иногда, впрочемъ, затянувшуюся пирушку нарушала Наталья Романовна. Она появлялась и объявляла, что пора кончать пирушку, что Курочкину надо отдохнуть. Онъ протестовалъ, спорилъ, но въ концѣ концовъ она его уводила и укладывала спать. Случалось, что и кто-нибудь изъ гостей оставался также отдыхать на диванахъ. Дозволялось это, впрочемъ, Наталіей Романовной только тогда, когда она была въ хорошемъ расположеніи духа.

Но бывало такъ, что Курочкина и нельзя было увести отъ гостей. Когда же его хозяйка отказывалась давать вина ему и гостямъ, что̀ также случалось, онъ, возмущенный, уѣзжалъ съ гостями изъ дома и кончалъ съ ними вечеръ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, по большей части, въ Палкиномъ, или въ одномъ изъ загородныхъ кабачковъ. Но бывали случаи, что она и туда являлась за нимъ и увозила его домой

Наталья Романовна была совсѣмъ простая женщина, неграмотная, едва умѣвшая только читать и часто приводившая Курочкина въ смущеніе вставкой въ разговоръ совсѣмъ не подходившихъ иностранныхъ словъ, которыя она слышала отъ другихъ, но не понимала ихъ значенія. Красотой и ловкостью она также не отличалась. Это была брюнетка довольно высокаго роста съ овальнымъ лицомъ, и у ней были не дурны только развѣ глаза, но Курочкинъ ее очень любилъ и былъ настолько ей покоренъ, что въ большинствѣ случаевъ стоило ей только что-нибудь захотѣть и настаивать, онъ непремѣнно исполнялъ.

Здѣсь кстати упомянуть, что по вокресеньямъ въ пріемные часы редактора секретарь «Искры», рисовальщикъ А. Боргелли, подавалъ Курочкину расчетный листъ гонорара за статьи, напечатанныя въ послѣднемъ номерѣ журнала. Листокъ этотъ въ четверку писчей бумаги всегда имѣлъ на лѣвомъ углу виньетку, сдѣланную перомъ самимъ Боргелли, всякій разъ непохожую на другія. Виньетка эта была всегда съ карикатурнымъ портретомъ кого-либо изъ сотрудниковъ «Искры», при чемъ фигура его изображала и цифру, т.-е., номеръ журнала. Такъ, напримѣръ, я помню, нарисованъ былъ П. И. Якушкинъ въ русской рубахѣ, замахнувшійся топоромъ, при чемъ топоръ изображалъ цифру 7. Помню изображеніе Н. И. Кроля, пляшущаго въ присядку съ приподнятыми надъ головой двумя полуштофами, такъ что фигура его представляла цифру 8. Виньетка эта по

воскресеньямъ всегда всѣми разсматривалась. Кажется, виньетки эти потомъ поступали ко второму издателю «Искры», Н. А. Степанову, и по нимъ выплачивался сотрудникамъ гонораръ. Вообще это были очень остроумные рисунки.

Самъ Курочкинъ денежною частью журнала не распоряжался. Онъ только назначалъ гонораръ и помѣчалъ о немъ на листкѣ Боргелли, а за полученіемъ гонорара ходили въ квартиру Степанова по вторникамъ, гдѣ супруга Степанова, Софья Сергѣевна, и выдавала его подъ росписку въ книгѣ. На ней же лежала вся счетная часть, она же завѣдывала и экспедиціей журнала. Софія Сергѣевна Степанова, урожденная Даргомыжская, сестра извѣстнаго композитора, была женщина высокая, полная, съ внушительной фигурой и маленькими усиками надъ губой, энергичная, работящая, державшая въ рукахъ не только своего супруга, Николая Алексѣевича, человѣка тихаго, вялаго, скромнаго, кабинетнаго, но даже и В. С. Курочкина. Помню, что получить отъ нея какой-либо денежный авансъ даже постоянному сотруднику было очень трудно. Минаевъ, который очень часто просилъ авансы, называлъ хожденіе за нимъ къ Степановымъ «штурмомъ Софіи».

По вторникамъ у Степановыхъ бывали и вечеринки, на которыя приглашались сотрудники «Искры», но посѣщали они эти вечеринки неохотно, находя, что у Степановыхъ скучно, чопорно и «сухо», т.-е. мало подавалось вина. Я только разъ былъ на этой

вечеринкѣ. Помню, что Степановъ, не поднимаясь съ кресла, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и рисовалъ, говорилъ очень мало, а за ужиномъ лѣпилъ фигурки изъ хлѣба, изображая карикатурныя физіономіи гостей. Онъ былъ талантливый карикатуристъ-рисовальщикъ и не менѣе искусный лѣпщикъ. Вина онъ пилъ мало и не любилъ пьющихъ. Квартира Степановыхъ была наряднѣе квартиры Курочкина, жили они лучше, на стѣнахъ были хорошія картины, на этажеркахъ бюсты, статуэтки, была хорошая бронза, старый фарфоръ, прекрасная столовая сервировка, чего у Курочкина никогда не было.

Помню, что у С. С. Степановой была страсть къ бѣлымъ мышамъ. Эти мыши-альбиноски съ красненькими глазками сидѣли у ней въ клѣткѣ, были на ея личномъ попеченіи и иногда распложались до сотни. Ихъ предлагала она въ даръ всѣмъ знакомымъ, но никто ихъ не бралъ.

И у Курочкина бывали вечеринки. Помимо воскресеній, у него собирались по пятницамъ. Здѣсь было куда оживленнѣе, хотя Наталья Романовна не любила гостей, а въ особенности сотрудниковъ «Искры». Она всегда говорила про нихъ, что они только спаиваютъ Курочкина. Да и ея не любили сотрудники. На вечеринкахъ этихъ Степановъ бывалъ очень рѣдко и приходилъ всегда безъ супруги. Сидѣлъ онъ не долго, молчалъ, въ споры не вступалъ, лѣпилъ фигурки изъ хлѣба и рано отправлялся домой. На вечеринкахъ этихъ, помимо сотрудниковъ, бывали актеры, пѣвцы, но я совсѣмъ не помню ху-

дожниковъ, не изъ числа сотрудниковъ «Искры». Исключеніе составлялъ М. О. Микѣшинъ, прогремѣвшій тогда послѣ постановки памятника тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ и поражавшій своей рослой, красивой, могучей фигурой. Собирались вообще поздно, къ полуночи. На вечеринкахъ этихъ И. Ѳ. Горбуновъ читалъ свои сцены изъ народнаго быта, пѣлъ «Бороду» басъ В. И. Васильевъ 1-й, и исполнялъ куплеты И. И. Монаховъ, впослѣдствіи видный актеръ Александринскаго театра, а тогда еще маленькій почтамтскій чиновникъ. Самъ себѣ аккомпанируя на піанино, онъ съ удивительною веселостью распѣвалъ Беранжеровскіе куплеты «Какъ яблочко румянъ, одѣтъ весьма безпечно» въ переводѣ Курочкина, а также и «Вотъ они, вотъ, неземныя созданія! Барышни, барышни, тру-ля-ля-ля!» На вечеринкахъ этихъ читались иногда и стихи домашняго характера, которые не попадали въ печать. Такъ, помню, А. Ѳ. Ивановъ (Классикъ) читалъ стихи, которые начинались такъ:

«Мы видѣли Минаева:
«Онъ шелъ, едва скользя;
«Отъ крѣпкаго вина его
«Совсѣмъ узнать нельзя.

«Запасшися каретою,
«Жулевъ бобра убилъ—
«Съ старухою [1]) и водкою
«На кладбище спѣшилъ».

Далѣе въ подобномъ же описаніи перебирались всѣ сотрудники «Искры». Подобныхъ пѣсенокъ было

[1]) Старуха—квартирная хозяйка Жулева.

нѣсколько. Онѣ писались разными авторами, а иногда и сообща, подчасъ во время пирушекъ въ увеселительныхъ кабачкахъ гдѣ онѣ, бывало, и распѣвались подъ музыку, которую подбиралъ Монаховъ. Были также куплеты, написанные братомъ В. С. Курочкина, Н. С. Курочкинымъ, высмѣивавшіе Ф. А. Бурдина, актера бездарнаго, однообразнаго, но, благодаря своему кумовству съ начальникомъ репертуарной части, захватывавшему себѣ лучшія роли въ тогдашнемъ репертуарѣ Александринскаго театра. Куплеты эти имѣли припѣвъ:

«А у насъ Бурдинъ
«Все-таки одинъ!
«Бурдинъ, Бурдинъ, одинъ, одинъ,
«Бурдинъ!»

Любимыми кабачками сотрудниковъ «Искры», гдѣ они собирались, да и вообще пишущей братіи того времени, были маленькій ресторанчикъ Зееста, помѣщавшійся въ деревянномъ одноэтажномъ домикѣ на площади Александринскаго театра, гдѣ впослѣдствіи выстроился каменный домъ Консерваторіи, затѣмъ ресторанъ Ефремова на Невскомъ, а за городомъ «Хуторокъ», существовавшій впрочемъ, недолго. При ресторанѣ Зееста былъ кегельбанъ, и по воскресеньямъ устраивались завтраки по 60 копеекъ съ персоны съ водкой, которые назывались «Krebs und Wurstessen», такъ какъ въ числѣ закусокъ всегда были сосиски и раки, а въ «Хуторкѣ» и ресторанѣ Ефремова по вечерамъ бывали танцклассы, танцовальные вечера. Въ ресторанъ Зееста

ходили и критики: Аполлонъ Григорьевъ—истолкователь Островскаго, Эдельсонъ, А. Головачевъ. Очень часто бывали Мей, Всеволодъ Крестовскій, П. И. Якушкинъ, А. И. Левитовъ. Послѣ спектакля въ Александринскомъ театрѣ ресторанъ переполнялся публикой, бывало много актеровъ. Вообще ресторанъ Зееста имѣлъ характеръ клуба, такъ какъ добрая половина посѣтителей была знакома другъ съ другомъ, да и самъ хозяинъ его, старикъ А. И. Зеестъ, былъ знакомъ почти со всѣми. Онъ подсаживался къ столамъ знакомыхъ посѣтителей, самъ пилъ съ ними, ставя и отъ себя пиво и вино, и иногда нагружался такъ, что его уводили въ его комнаты спать. Ночевывали у него подчасъ и знакомые посѣтители ресторана, слишкомъ усердно поддерживавшіе торговлю буфета. А за буфетомъ у него стояла молодая, полная, красивая блондинка, буфетчица Густя, дарившая всѣхъ улыбками. Поэты воспѣвали ресторанъ Зееста и буфетчицу Густю на всѣ лады и, между прочимъ, Всеволодъ Крестовскій.

Вотъ его стихи:

«Нѣтъ милѣе мѣста,
«Какъ у дяди Зееста
«Скромный ресторанъ.
«За буфетомъ Густи
«Съ радости иль грусти
«Будешь сытъ и пьянъ».

И пили въ этомъ ресторанѣ, много пили. Относительно завтраковъ въ 60 копеекъ съ водкой, Зеестъ говаривалъ, что они ему приносятъ убытокъ,

и онъ разсчитываетъ только, что убытокъ можетъ быть покрытъ барышомъ отъ потребованнаго виноградпаго вина, а вина пишущая братія и актеры пили мало.

— Судите сами,—говорилъ Зеестъ.—Я беру по 60 копеекъ за завтракъ, а такой гость, какъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, кромѣ закусокъ, на рубль водки выпьетъ.

И въ самомъ дѣлѣ онъ вскорѣ прекратилъ свои завтраки съ колбасами и раками.

Воспѣвались и въ обличительныхъ стихахъ рестораны. По поводу какого-то скандала въ танцклассѣ ресторана Ефремова Жулевъ начинаетъ въ «Искрѣ» такъ:

«Двадцать перваго апрѣля
«Для любви и хмеля
«Господинъ Ефремовъ
«Созвалъ дамъ изъ всѣхъ гаремовъ... и т. д.

Любили также собираться пишущіе люди въ фруктовой лавкѣ братьевъ Набилковыхъ на углу Невскаго проспекта и Владимірской, въ томъ домѣ, гдѣ теперь Палкинъ трактиръ. При фруктовой лавкѣ былъ погребокъ, и тамъ пили холодный и горячій пуншъ. Тамъ за стойкой стоялъ приказчикъ, который тоже кропалъ стихи, и давалъ ихъ всѣмъ для прочтенія и исправленія, но стихи были такъ плохи и безграмотны, что не поддавались никакому исправленію. Ко всѣмъ пишущимъ чувствовалъ онъ какое-то рабское почтеніе. Собирались въ очень грязной каморкѣ, даже и днемъ освѣщаемой свѣ-

чами, сидѣли на ящикахъ изъ-подъ бутылокъ вина, но Эдельсонъ, особенно часто посѣщавшій эту каморку, имѣлъ тамъ свой собственный стулъ, имъ самимъ привезенный, и назывался онъ трономъ Эдельсона.

Здѣсь, подъ веселую руку, поэты хвастались другъ передъ другомъ риѳмами и каламбурами и писали ихъ карандашемъ на столѣ, а приказчикъ благоговѣйно старался сохранить эти автографы.

Помню, на столѣ крупно было написано Жулевымъ такое четырехстишіе, написанное ради риѳмы и каламбура:

«Я одѣну, если голы вы,
«Всѣмъ дамъ по рублю,
«А хочу, такъ даже головы
«Всѣмъ вамъ порублю».

Насколько помню, на вечеринкахъ у В. С. Курочкина, да и вообще въ его домѣ въ гостяхъ, никогда не присутствовали дамы, ни литературныя, ни изъ артистическаго міра, да и такъ изъ общества. Исключить могу только пѣвицу Д. М. Леонову, которую видѣлъ у него раза два. Причина отсутствія дамъ—его супруга Наталья Романовна. Ея не любили. Изъ-за Натальи Романовны не ходила къ Курочкину даже мать его, которая жила въ то время въ Петербургѣ и умерла только въ семидесятыхъ годахъ. Она жила у брата В. С. Курочкина, Владиміра, капитана, который впослѣдствіи, когда Василію Степановичу запретили подписываться редакторомъ «Искры», сдѣлался официальнымъ редак-

торомъ, журнала. Владиміръ Курочкинъ, служа въ военной службѣ, въ то же время имѣлъ книжный магазинъ на Невскомъ въ компаніи тоже съ военнымъ—съ майоромъ Сенковскимъ, фамилія котораго была на вывѣскѣ магазина съ прибавленіемъ «и К°». Довольно странно было видѣть двухъ военныхъ, сидѣвшихъ въ книжной лавкѣ и даже стоявшихъ за прилавкомъ, но тогда, сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, были дни подъема духа, исканія полезнаго дѣла, осмысленной работы. Военные, особенно носившіе мундиры съ бархатнымъ воротникомъ, открывали библіотеки, магазины учебныхъ пособій, справочныя конторы, приготовительныя училища. Недолго, кстати сказать, все это существовало, въ большинствѣ случаевъ и закрывалось за неумѣньемъ, за непривычкой къ труду, но все-таки открывалось и существовало.

Владиміръ Курочкинъ къ пишущей братіи не принадлежалъ, никогда не написалъ ни одной печатной строчки, но у брата своего Василія всегда бывалъ, когда собирались сотрудники «Искры», хотя и былъ въ неладахъ съ Натальей Романовной. Когда В. С. Курочкинъ въ 1864 г. вѣнчался съ Натальей Романовной, Владиміръ Курочкинъ явился противникомъ этого брака и уговаривалъ брата не вѣнчаться. Да и не одинъ братъ Владиміръ дѣлалъ это, а и нѣкоторые задушевные друзья В. С. Курочкина изъ числа его сотрудниковъ. Николай Степановичъ Курочкинъ былъ также противъ брака брата.

Въ 1863 г., когда я началъ писать въ «Искрѣ», Н. С. Курочкина не было въ Петербургѣ, онъ жилъ

за границей, и я познакомился съ нимъ уже въ 1864 г. Н. С. Курочкинъ, очень начитанный человѣкъ, врачъ по образованію, человѣкъ, объѣздившій всю Европу, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій Прудона, имѣлъ огромное вліяніе на мое развитіе, когда я впослѣдствіи сблизился съ нимъ. Благодаря ему, я пріохотился къ серьезному чтенію и расширилъ свой кругозоръ. Онъ натолкнулъ меня на чтеніе книгъ естественно-научнаго и философскаго содержанія. Знакомство мое съ сочиненіями Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Бокля, Литтрэ произошло черезъ него. Онъ посмѣивался надъ моимъ незнакомствомъ съ трудами этихъ ученыхъ и снабжалъ меня ихъ книгами. Впослѣдствіи я жилъ нѣкоторое время съ Н. С. Курочкинымъ вмѣстѣ въ одной квартирѣ, переѣхавъ изъ родительской семьи, гдѣ мнѣ, вслѣдствіе тѣсноты, совсѣмъ невозможно было заниматься литературнымъ трудомъ. Проживая и за границей, Н. С. Курочкинъ работалъ въ «Искрѣ». Онъ прекрасно владѣлъ стихомъ, хорошо зналъ французскій и итальянскій языки и переводилъ и поэта Джусти, и поэта Густава Надо. Подъ своими собственными стихами и замѣтками онъ подписывался въ «Искрѣ» псевдонимами Густавъ Ненадо, Пр. Преображенскій.

Кстати, по поводу псевдонимовъ Пр. Преображенскій, а также и Пр. Знаменскій, который принадлежалъ В. С. Курочкину. Многіе изъ среднихъ, заурядныхъ читателей «Искры» въ простотѣ душевной полагали, что это пишутъ лица духовнаго зва-

нія, т.-е. протоіереи (Пр.), и ихъ трудно было убѣдить въ противномъ.

Здѣсь умѣстно сказать, что въ шестидесятыхъ годахъ интеллигентная молодежь куда больше читала, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія, не говоря уже о нынѣшнемъ времени. Каждая книжка ежемѣсячнаго журнала, въ особенности «Современника» и «Русскаго Вѣстника», ожидалась съ нетерпѣніемъ. Выходъ ея составлялъ эпоху. О ней говорили при встрѣчахъ въ театрѣ, въ обществѣ. Неподписавшіеся на журналъ забѣгали въ книжные магазины и въ читальни, чтобы хоть узнать по обложкѣ содержаніе книжки, имѣя возможность перелистовать ее, пока она еще не попадется имъ въ руки для чтенія. Часто бывало такъ, что, добывъ книжку на короткій срокъ, молодежь собиралась другъ у друга, чтобы читать ее вмѣстѣ, и буквально поглощала ея содержаніе. Что же касается до пишущей молодежи, то та прямо стыдилась не быть знакомой не только съ текущей, но и вообще съ литературой, чего я не вижу теперь. Молодые начинающіе писатели рѣшались печататься только послѣ основательнаго знакомства съ хорошими литературными образцами. Литературнаго невѣжества стыдились. Начинающій писатель больше читалъ, чѣмъ писалъ. Пишущую братію того времени обвиняютъ въ злоупотребленіи виномъ. Да, это было, они пили много водки и вина, кутили, загуливали, но въ трезвые дни, угомонившись, много и читали. Многіе преждевременно погибли отъ пагубной стра-

сти къ вину, но были всесторонне развитые люди, слѣдившіе и за литературой, и за наукой. Неполучившіе школьнаго образованія старались образовывать себя путемъ домашняго чтенія, записывались вольнослушателями, просто такъ съ разрѣшенія какого-либо профессора посѣщали его лекціи, что́ тогда было можно. Это не разрѣшалось оффиціально, но на это смотрѣли сквозь пальцы. Ф. М. Рѣшетниковъ, пріѣхавшій послѣ написанія своихъ «Подлиповцевъ» въ Петербургъ изъ глухой провинціи, съ мѣста почтальона, совсѣмъ безъ всякаго образованія, много читалъ для своего развитія, отрываясь отъ литературнаго труда. Я жилъ съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и помню его и съ Карломъ Фохтомъ и Молешоттомъ въ рукахъ, разумѣется, въ русскомъ переводѣ.

X.

Въ 1863 году я окончилъ «Апраксинцевъ», очерки, которые я писалъ два года. Нѣсколько разъ я пересматривалъ рукопись, вставлялъ сцены, сглаживалъ, вымарывалъ, наконецъ, тщательно переписавъ рукопись, рѣшилъ отдать ее въ «Библіотеку для Чтенія». Положительно не помню, отчего я избралъ тогда именно этотъ журналъ. «Библіотеку для Чтенія» тогда только что пріобрѣлъ пріѣхавшій въ Петербургъ П. Д. Боборыкинъ и самъ редактировалъ журналъ. Жилъ тогда П. Д. Боборыкинъ въ Малой Итальянской улицѣ (нынѣ улица Жуковскаго)

и занималъ квартиру въ первомъ этажѣ каменнаго дома. Про него тогда говорили, что живетъ онъ лучше всѣхъ редакторовъ, и много разсказывали о какомъ-то лукулловскомъ обѣдѣ или ужинѣ, который онъ устроилъ приглашеннымъ въ журналъ сотрудникамъ. Говорили, что всѣмъ сотрудникамъ выданы щедрые авансы, что П. Д. Боборыкинъ даетъ деньги сейчасъ же послѣ принятія рукописи, а не по напечатаніи ея, чего прежде почти не практиковалось нигдѣ. Иногда это дѣлалъ только Некрасовъ, и то для исключительныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ. Редакція «Библіотеки для Чтенія» помѣщалась въ той же квартирѣ, гдѣ жилъ П. Д. Боборыкинъ. Помню, что, передавая въ редакцію рукопись, я не видалъ самого редактора, но встрѣтилъ тамъ П. И. Якушкина, съ которымъ ужъ былъ знакомъ черезъ В. С. Курочкина. Когда отъ меня приняли рукопись, записали мой адресъ и велѣли зайти за отвѣтомъ недѣли черезъ двѣ, Якушкинъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ мнѣ:

— Просите впередъ. Дадутъ. Боборыкинъ пріѣдетъ черезъ часъ или часа черезъ полтора. Я самъ хочу у него взять на сапоги и на очки, и я жду его. У меня одно стекло разбито у очковъ.

Добродушный и милѣйшій Павелъ Ивановичъ Якушкинъ всегда довольствовался малымъ, и это значило, что онъ хочетъ взять авансомъ много, много десять рублей. Это былъ въ то время совсѣмъ Діогенъ по своимъ потребностямъ, хотя, какъ разсказывали, въ юные годы, окончивъ универси-

тетъ и получивъ послѣ отца въ наслѣдство тысячъ двадцать, онъ въ короткое время прожилъ ихъ, разъѣзжая по великорусскимъ деревнямъ въ видѣ коробейника-офени съ коробомъ и записывая русскія пѣсни, пословицы и поговорки. Въ Петербургѣ онъ своей квартиры никогда не имѣлъ и жилъ у пріятелей и знакомыхъ. Два дня у одного поживетъ, три дня у другого и т. д. Столовался онъ гдѣ придется, также у пріятелей и знакомыхъ, а если бывали деньги, то въ трактирахъ, и ѣлъ тогда исключительно или дутые пироги, или селянки. Ѣлъ онъ всегда очень мало, но зато пилъ много водки. Чая почти не пилъ, хотя любилъ «ходить пить чай» въ Балабинъ трактиръ со своими пріятелями-книгопродавцами, Кожанчиковымъ и Звонаревымъ, у которыхъ въ магазинахъ и хранилъ свои рукописи, записки и замѣтки. Балабинъ трактиръ тогда помѣщался на Садовой, рядомъ съ Публичной библіотекой. Пить чай онъ ходилъ не ради самого чая, а ради водки и закуски, которыя ему предшествовали. Чай онъ если и пилъ, то пилъ съ коньякомъ или ромомъ. Про чай у него была очень оригинальная поговорка: «чай не водка, его много не выпьешь». На одежду Якушкину также много не требовалось. Ходилъ онъ всегда въ красной рубахѣ, русскихъ высокихъ сапогахъ и въ засаленной черной однорядкѣ. Калошъ никогда не носилъ. Зимой на немъ былъ овчинный тулупчикъ, крытый сукномъ, и баранья шапка. Эту шапку онъ носилъ и лѣтомъ, такъ какъ шляпъ и картузовъ не любилъ. Часовъ кар-

манныхъ у него никогда не бывало, а также никакихъ колецъ на пальцахъ, ни бумажника, ни кошелька. Единственная роскошь у него была—очки, стекла въ которыхъ онъ почему-то очень часто разбивалъ. Пріятели оказывали ему всегда широкое гостепріимство, но онъ подолгу ни у кого не заживался и тотчасъ же переходилъ къ другому. У него были знакомые и среди будочниковъ, и иногда онъ ночевалъ въ полицейскихъ будкахъ. Когда Якушкинъ проживалъ въ Петербургѣ, онъ никогда не писалъ ничего литературнаго, развѣ исправлялъ что нибудь, и тогда это дѣлалъ въ задней комнатѣ книжнаго магазина Кожанчикова на Невскомъ, гдѣ у него былъ тамъ также большой пріятель, приказчикъ Н. Н. Трапезниковъ, человѣкъ гигантскаго роста, извѣстный тогда и всей пишущей братіи. Статьи свои Н. И. Якушкинъ писалъ и приводилъ въ порядокъ записанный у народа матеріалъ всегда въ деревнѣ у брата своего, Виктора Ивановича, въ Тульской губерніи, въ Чернскомъ уѣздѣ, въ селѣ Старухинѣ, гдѣ когда-то и мнѣ пришлось пользоваться гостепріимствомъ хозяина вмѣстѣ съ Н. С. Курочкинымъ, съ которымъ я заѣзжалъ въ имѣніе В. И. Якушкина.

Прошло двѣ недѣли послѣ сдачи мной «Апраксинцевъ» въ редакцію «Библіотеки для Чтенія» и я, горя нетерпѣніемъ, пошелъ узнать о судьбѣ рукописи. На этотъ разъ я увидѣлъ самого П. Д. Боборыкина. Принялъ онъ меня въ штофной гостиной, о роскоши которой тогда было столько разго-

воровъ среди писателей. Вспоминая теперь эту гостиную, я нахожу, что это была самая заурядная по своей отдѣлкѣ, просто приличная, чистая гостиная, и нынѣ многіе изъ писателей имѣютъ куда болѣе роскошныя комнаты по своей обстановкѣ, не говоря уже объ издателяхъ газетъ и нѣкоторыхъ журналовъ, у которыхъ квартиры въ своихъ домахъ представляютъ чуть ли не музеи по предметамъ искусства и вообще роскоши. Но тогда писатели, да и издатели, всѣ жили очень скромно и даже сѣровато, въ квартирахъ съ голыми стѣнами, среди поломанной и неремонтированной мебели, предупреждая посѣтителя, чтобы на такой-то и такой-то стулъ за ветхостью не садиться. Исключеніе представлялъ развѣ Старчевскій, издававшій «Сынъ Отечества». Некрасовъ и Краевскій имѣли тоже очень скромныя обстановки. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вѣяніе такое было въ журналистикѣ, что не только дѣлались нападки на роскошь издателей, но и на благосостояніе. Сколько нападокъ претерпѣвалъ Краевскій, а впослѣдствіи Благосвѣтловъ за свои дома! Громили и Старчевскаго. Среди пишущихъ складывалось такъ, что писатель или издатель не долженъ имѣть недвижимой собственности, а жить какъ-нибудь, какъ попало. И на самомъ дѣлѣ среди людей литературнаго труда сложился какой-то аскетизмъ, считалось неприличнымъ чѣмъ-либо роскошнымъ обзаводиться и даже тратить много на свой костюмъ. Исключеніе представляли только книги, да и тѣ не хранились въ приличныхъ шкапахъ, а стояли про-

сто на открытыхъ полкахъ, лежали на мебели, на подоконникахъ. О некрасовской собольей шапкѣ и роскошной шубѣ, которыя носилъ Некрасовъ зимой, и въ которыхъ онъ изображенъ на одномъ изъ своихъ портретовъ, какъ это ни странно покажется, тоже было много разговоровъ и осужденій, и даже въ печати. Причиной такого осужденія малѣйшей роскоши, очень можетъ статься, былъ и малый гонораръ того времени за литературныя произведенія. У Краевскаго и Дудышкина въ «Отечественныхъ Запискахъ» обыкновенный гонораръ для непрогремѣвшихъ еще авторовъ былъ не болѣе 50 рублей за листъ въ 34.000 буквъ. Такой же гонораръ былъ и въ «Дѣлѣ» у Благосвѣтлова.

Но я уклонился.

Боборыкинъ былъ одѣтъ франтовски сравнительно съ тѣми писателями, которыхъ мнѣ приходилось тогда видѣть.

Онъ сказалъ мнѣ:

— Прочелъ вашу рукопись съ удовольствіемъ. Свѣжо, ново. Ваши очерки будутъ напечатаны въ слѣдующей же книжкѣ. Мы хотѣли извѣстить васъ объ этомъ письмомъ, но вотъ вы пришли сами.

Затѣмъ онъ разспросилъ меня, гдѣ я такъ изучилъ торговый бытъ; я разсказалъ ему, и мы познакомились. Помню, что я вкратцѣ разсказалъ ему всю мою біографію.

О гонорарѣ я не условливался. Заплачено мнѣ было потомъ редакціей «Библіотеки для Чтенія» по 75 рублей за листъ. Въ распоряженіи моемъ очути-

лись такія деньги, о которыхъ я никогда не мечталъ. Пришлось что-то больше пятисотъ рублей, хотя я получилъ ихъ въ два раза, такъ какъ очерки были помѣщены въ двухъ книжкахъ. Я не вѣрилъ себѣ, хотя деньги были налицо. Признаюсь, я тогда сильно возгордился моимъ положеніемъ и ужъ сталъ небрежно относиться къ моимъ обязанностямъ по службѣ въ кладовой Боненблюста, гдѣ въ то время получалъ только 25 рублей въ мѣсяцъ за свой трудъ. Дядя и хозяинъ дѣлали мнѣ замѣчанія. Я не обращалъ на нихъ вниманія и ужъ не только читалъ «на дѣлѣ», то есть во время служебныхъ часовъ, но даже писалъ на тюкахъ карандашомъ въ записной книжкѣ наброски моихъ разсказовъ, за каковымъ занятіемъ заставали меня иногда покупатели и съ язвительными улыбочками говорили:

— Въ «Искру» пишете? Съ вами теперь опасно и разговаривать. Какъ разъ пропечатаете ни за что, ни про что.

Молва о моемъ сотрудничествѣ въ «Искрѣ» ходила ужъ по Гостиному двору и во временныхъ лавкахъ на пепелищѣ сгорѣвшихъ рынковъ.

Обращались торговцы и къ дядѣ, говоря ему:

— У васъ теперь страшно и покупать. Того и гляди, въ критику попадешь. Племянничекъ въ «Искрѣ» пописываетъ. Говори говори, да оглядывайся, а то какъ разъ твои слова подслушаютъ и на смѣхъ тебя поднимутъ въ «Искрѣ».

Дядя смущался и отмалчивался. По всѣмъ вѣроятіямъ, то же самое торговцы говорили Бонен-

блюсту, но они еще ничего не знали о моихъ «Апраксинцахъ». Толстые журналы совсѣмъ не читались ими, и «Библіотека для Чтенія» никому изъ нихъ не попадала въ руки. Но скоро до нихъ дошли слухи и объ «Апраксинцахъ», и такъ какъ сами они не читали, то, очень можетъ быть, и въ превратномъ видѣ. Я сталъ получать отъ нихъ такія шпильки:

— Клеветой на своего брата торговца стали заниматься? Ловко! Зачѣмъ же тогда вы по торговлѣ служите, если свое сословіе мараете?

Я огрызался. Старался инымъ объяснить, что ни клеветы, ни маранья какого-либо въ моихъ писаніяхъ нѣтъ, а есть только изображенія типовъ, быта, характеровъ. Меня не понимали. Становилось несносно. Я задумалъ бросить кладовую, искать себѣ другого мѣста. Но тогда мнѣ и въ голову не приходило, что можно существовать литературнымъ трудомъ. Тѣ деньги, которыя я получилъ за «Апраксинцевъ», казались мнѣ случайнымъ, временнымъ поступленіемъ. Я даже не разсчитывалъ, что опять могу написать такое большое сочиненіе.

Наконецъ и хозяинъ Боненблюстъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ по поводу моего писанія, и сдѣлалъ онъ это въ слѣдующей формѣ:

— Я вообще русскихъ газетъ и журналовъ не читаю, а иностранныя газеты читаю только серьезныя, но мнѣ наши покупатели жаловались, что вы ихъ въ русскихъ журналахъ пробираете, печатаете про нихъ что-то и поднимаете на смѣхъ. Я не читалъ,

но такъ мнѣ сказывали. Вы печатаете свои статьи?—задалъ онъ вопросъ.

— Печатаю,—отвѣчалъ я.—Я пишу въ свободное время, по вечерамъ и печатаю.

— Это хорошо, кто печатаетъ. Я не противъ этого, но печатать надо серьезныя статьи и никого не трогать въ нихъ, въ особенности покупателей. Не надо забывать, что я, вашъ дядя и вы—мы всѣ живемъ отъ покупателей. Имъ надо угождать, а не раздражать ихъ, иначе—какая же это торговля!

Что можно было отвѣчать на это? Онъ по-своему былъ правъ.

Положеніе было натянутое. Меня если не увольняли, то только благодаря дядѣ, который для Боненблюста былъ безусловно необходимый человѣкъ. Я уже самъ хотѣлъ бросить кладовую, сказался больнымъ, остался дня на два дома и объявилъ о своемъ рѣшеніи дядѣ, но тотъ на это мнѣ отвѣчалъ:

— Прежде всего надо найти другое мѣсто, а потомъ и уходить. Боненблюстъ добрый человѣкъ и самъ ищетъ для тебя мѣсто въ какой-нибудь конторѣ. Въ правленіи страховаго общества у него есть пріятель управляющій, и, можетъ быть, онъ тебя туда къ нему помѣститъ.

Такъ и вышло. Впослѣдствіи по рекомендаціи Боненблюста я получилъ мѣсто въ конторѣ перваго страховаго отъ огня общества, но это случилось черезъ годъ послѣ моей тяжкой болѣзни,—перелома ноги,—такъ какъ я мѣсяца два пролежалъ съ крахмальной повязкой, долго поправлялся, а затѣмъ уѣхалъ

въ Старую Руссу на воды для подкрѣпленія истощенныхъ силъ.

«Апраксинцы» мои были замѣчены и въ литературной средѣ. Объ очеркахъ говорили, появлялись лестныя для меня замѣтки въ печати, но, какъ это ни странно покажется, это было непріятно моему отцу и моему дядѣ. Купцы-торговцы, увидавъ себя въ «Апраксинцахъ», какъ въ зеркалѣ, при встрѣчѣ съ отцомъ и дядей, сѣтовали имъ на меня, говорили колкости и становились во враждебныя отношенія, что для отца и дяди было непріятно и даже невыгодно, въ особенности отцу, который, имѣя мѣсто старосты Гостинаго двора, служилъ обществу торговцевъ и долженъ былъ угождать имъ. Отецъ мой, человѣкъ добрый, даже плакался на свою судьбу и разъ сказалъ мнѣ:

— Лучше бы ты чѣмъ-нибудь другимъ занялся въ свободное время, чѣмъ это писаніе, а то черезъ тебя только получаешь непріятности. Мало ли есть другихъ занятій! Ты хорошо знаешь нѣмецкій языкъ— ну, переводи что-нибудь, занимайся перепиской, пиши торговыя письма, а вѣдь ты въ своихъ разсказахъ задѣваешь тѣхъ, отъ которыхъ я завишу. Самъ я не противъ твоихъ разсказовъ, но вѣдь я могу черезъ тебя и мѣсто потерять. Да и для дяди нехорошо, непріятно.

Я горевалъ, что своимъ литературнымъ трудомъ приношу моимъ роднымъ непріятности, но все-таки продолжалъ писать, писалъ съ особеннымъ рвеніемъ, помѣщалъ свои разсказы попрежнему въ «Искрѣ» и началъ писать повѣсть «Биржевые артельщики».

Наступилъ 1864 г. Помню, что утромъ въ праздникъ, кажется, въ февралѣ въ нашей квартирѣ раздался звонокъ, Помню, что я самъ отворилъ наружную дверь. Передо мной стоялъ высокій господинъ въ шубѣ и шляпѣ, съ черными небольшими бакенбардами и говорилъ:

— Писателя Лейкина мнѣ надо видѣть. Здѣсь онъ живетъ?

— Здѣсь. Это я,—далъ я отвѣтъ.—Что вамъ угодно?

— Имѣю вамъ кое-что сказать. Позвольте раздѣться. Я—Салтыковъ... писатель Салтыковъ... Щедринъ... Пріѣхалъ отъ Некрасова переговорить съ вами.

Я обомлѣлъ и стоялъ, какъ истуканъ. Передо мной дѣйствительно стоялъ Салтыковъ-Щедринъ, котораго я теперь узналъ по имѣвшемуся у меня его портрету изданія «Художественнаго Листка» Тимма. Я не могъ и представить себѣ такой чести. Салтыковъ самъ снялъ съ себя шубу и повѣсилъ ее въ прихожей на вѣшалку. Я до того растерялся, что даже не помогъ ему сдѣлать этого. Кое-какъ оправившись, я однако, пригласилъ его въ гостиную. Онъ самъ и началъ:

— Николай Алексѣевичъ Некрасовъ и я чатали вашихъ «Апраксинцевъ» въ «Библіотекѣ для Чтенія», и намъ они очень понравились. Читали и ваши милые разсказы въ «Искрѣ». Очень своеобразно. Писать изъ купеческаго быта трудно послѣ Островскаго, но вы не подражаете... У васъ свое... И вотъ

Некрасовъ поручилъ мнѣ заѣхать къ вамъ и просить васъ дать намъ что-нибудь для «Современника».

Я, какъ говорится, земли подъ собой не слышалъ отъ радости и восторга. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ казался мнѣ чѣмъ-то великимъ, недосягаемымъ, и вдругъ онъ у меня! Я зачитывался его «Губернскими очерками», объ немъ я слышалъ столько восторженныхъ рѣчей отъ сотрудниковъ «Искры», отъ самого В. С. Курочкина, который даже ѣздилъ къ нему совѣтоваться съ нѣкоторыми рукописями, какъ мнѣ было извѣстно, а я и на Курочкина смотрѣлъ, какъ на нѣчто огромное.

Кое-какъ я оправился и отвѣчалъ:

— Мнѣ такъ лестно, такъ лестно ваше предложеніе, что я и выразить не могу. У меня есть начатая повѣсть «Биржевые артельщики», но она написана только на половину...

— «Биржевые артельщики»? О, это опять долженъ быть своеобразный бытъ, какъ и ваши «Апраксинцы». Давайте, давайте намъ эту повѣсть для «Современника»! Давайте то, что у васъ есть. Мы напечатаемъ начало, а потомъ вы будете продолжать. Вѣдь вы скоро пишете?—говорилъ Салтыковъ.

— У меня и начало еще не отдѣлано. Черновикъ... Надо переписать...

— Такъ отдѣлывайте скорѣй и приносите намъ въ «Современникъ». Мы сейчасъ же напечатаемъ. А вы пишите продолженіе, поналягте хорошенько, поусидчивѣе пишите.

Помню, что на глазахъ моихъ были слезы радости. Они мѣшали мнѣ говорить.

Я обѣщалъ доставить начало рукописи черезъ недѣлю и даже показалъ Салтыкову эту рукопись. Онъ перелистовалъ ее, посмотрѣлъ и проговорилъ:

— Хорошо, четко пишете... И переписывать не надо... И такъ наберутъ. И не такія рукописи набираютъ. Развѣ исправленія будете дѣлать...

Затѣмъ Салтыковъ разспросилъ меня, гдѣ я служу, съ кѣмъ я живу, и, узнавъ, что живу въ большой семьѣ отца, покачалъ головой.

— Въ большой семьѣ трудно заниматься литературной работой,—сказалъ онъ.

Таково было посѣщеніе меня Салтыковымъ.

Приведу кстати отзывъ моего дяди о посѣщеніи меня Салтыковымъ. Онъ не читалъ произведеній Салтыкова и не былъ знакомъ съ его литературнымъ значеніемъ. Здѣсь также выразилось его неудовольствіе къ моему литературному труду, а также и пренебрежительный взглядъ на мое положеніе. Онъ не сознавалъ, что я уже выдвигался на литературномъ поприщѣ и, какъ говорится, былъ на виду.

— Кто это у тебя былъ?—спросилъ онъ меня послѣ ухода Салтыкова.

— Знаменитый писатель, сатирикъ, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ,—отвѣчалъ я, млѣя отъ восторга.— Приглашалъ меня работать въ «Современникѣ».

Дядя нахмурился.

— Знаменитый... Былъ бы знаменитый, такъ къ тебѣ не пріѣхалъ бы,—пробормоталъ онъ.

А дядя былъ добрый человѣкъ, много давалъ отцу въ подспорье на содержаніе нашей семьи и любилъ всѣхъ насъ безгранично.

«Современникъ» былъ на высокомъ счету. Сотрудники его считались литературными генералами. Приглашеніе Салтыкова меня окрылило.

Работа закипѣла. Я засѣлъ за отдѣлку повѣсти «Биржевые артельщики», никуда по вечерамъ не выходилъ изъ дома и писалъ. Даже сказавшись больнымъ, не пошелъ разъ въ кладовую и сидѣлъ надъ рукописью днемъ и ночью и наконецъ приготовилъ ее для отдачи въ «Современникъ». Первая часть повѣсти была написана такъ, что могла считаться какъ бы оконченной. Бытъ артельщиковъ былъ изображенъ вполнѣ, и только фабула разсказа не имѣла еще конца.

Здѣсь я запишу, какъ я познакомился съ Некрасовымъ и при какой обстановкѣ видѣлъ его. Видѣлъ его я всего одинъ разъ и разговаривалъ съ нимъ не болѣе пяти минутъ, но память окончательно измѣняетъ мнѣ, видѣлъ ли я его тогда, когда относилъ рукопись въ «Современникъ», или уже по отпечатаніи ея въ журналѣ.

Часовъ около двухъ дня пришелъ я въ редакцію «Современника», находившуюся въ домѣ А. А. Краевскаго на Литейномъ проспектѣ, на углу Бассейной улицы, при квартирѣ Некрасова. Первое, что я увидалъ въ прихожей, — было чучело громаднаго медвѣдя, стоявшее на заднихъ лапахъ, опершись передними на толстую палку. Во второй комнатѣ,

скудно меблированной, опять два медвѣдя — одинъ изображавшій диванъ, другой медвѣдь въ углу, на дыбахъ и съ подносомъ въ лапахъ, на которомъ стояли графинъ и стаканъ. Въ этой комнатѣ меня встрѣтили Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ и Аполлонъ Александровичъ Головачовъ. А. Н. Плещеевъ писалъ что-то за письменнымъ столомъ. Кажется, онъ въ то время былъ секретаремъ редакціи. Какъ съ Плещеевымъ, такъ и съ Головачовымъ я встрѣтился тогда въ первый разъ. Я сказалъ свою фамилію, и мы познакомились. Плещеевъ тогда былъ полный блондинъ, еще безъ сѣдины, съ большой окладистой бородой, съ добродушными голубовато-сѣрыми глазами, съ очень густыми волосами на головѣ; Головачовъ—черный, съ красноватымъ лицомъ, нѣсколько лысоватый уже и тоже съ окладистой бородой. Узнавъ, что я желаю видѣть Некрасова, они мнѣ сказали, что онъ занятъ съ кѣмъ-то, но скоро освободится.

Некрасовъ дѣйствительно скоро освободился, и я вошелъ къ нему въ кабинетъ, откинувъ тяжелую портьеру. Тамъ, въ кабинетѣ, были опять два медвѣдя: одинъ лежалъ подъ письменнымъ столомъ, другой стоялъ въ углу. Некрасовъ былъ страстный охотникъ, и эти медвѣди, изъ которыхъ были сдѣланы чучела, были имъ самимъ убиты, какъ разсказывали мнѣ. Некрасовъ поднялся изъ-за письменнаго стола и направился ко мнѣ навстрѣчу, когда я вошелъ къ нему. Съ маленькой черной бородкой съ просѣдью, съ рѣдкими волосами на головѣ, че-

резъ которые на лбу и на темени просвѣчивала кожа, одѣтъ онъ былъ въ бархатную жакетку, и изъ-за жилета выглядывалъ кусочекъ яркаго краснаго галстуха. Некрасовъ въ то время имѣлъ видъ больного человѣка, лоцо его было желтовато сѣрое, на ходу онъ какъ-то хлябалъ ногами и говорилъ сиплымъ голосомъ.

—Читалъ, все ваше читалъ. Знакомъ съ вашими произведеніями. Мнѣ они нравятся. Да и вообще это такой бытъ, изъ котораго надо писать теперь, кто его знаетъ,—говорилъ онъ мнѣ.—Теперь надо знакомить читателя съ народомъ и съ тѣмъ людомъ, который выходитъ изъ народа. Вѣдь въ нихъ вся будущность Россіи... Пишите, батенька, намъ, пишите, а мы будемъ печатать. Вѣдь вы еще не окончили ту повѣсть, которую дали намъ... Мы ждемъ окончанія. И поторопитесь, и поторопитесь окончаніемъ.

Я обѣщалъ. Затѣмъ поднялся и сталъ откланиваться. Некрасовъ меня не удерживалъ. При прощаніи со мной, онъ взялъ мою руку одной рукой, прикрылъ ее другой своей рукой и хотя сиплымъ, но ласковымъ голосомъ проговорилъ:

— До свиданія... Увидимся, когда принесете окончаніе рукописи. Пишите, пишите... У васъ хорошо выходитъ. Вы знаете тотъ бытъ, изъ котораго пишете. Но одно могу посовѣтовать... У васъ добродушно все выходитъ. А вы, батенька, злобы, злобы побольше... Теперь время такое. Злобы побольше...

Онъ потрясалъ мою руку и, когда я уже очутился въ дверяхъ, опять крикнулъ мнѣ:

— Помните, батенька: злобы побольше!

Окончаніе повѣсти «Биржевые артельщики» не удалось мнѣ доставить своевременно. Ранней весной, въ гололедицу, возвращаясь домой изъ гостей отъ моей тетки, вмѣстѣ со всей моей семьей, я упалъ на Загородномъ проспектѣ, у Пяти Угловъ, и такъ неудачно, что сломалъ себѣ ногу. Паденіе было ужасное по своимъ послѣдствіямъ. Изломъ оказался въ шейкѣ бедра. Сначала думали, что у меня только сильный ушибъ съ растяженіемъ связокъ, но потомъ врачи убѣдились, что былъ переломъ, такъ какъ нога укоротилась. Меня подняли безъ чувствъ, привезли домой, и дворникъ съ большимъ трудомъ внесъ меня на плечахъ въ нашу квартиру. Боль была страшная. Дѣло было ночью. Долго не могли найти доктора, и въ концѣ концовъ онъ пріѣхалъ только утромъ. Какъ бы то ни было, но въ результатѣ я былъ прикованъ къ постели. Сначала компрессы, а затѣмъ крахмальная повязка. Первое время нельзя было не только писать, но даже и читать. Малѣйшее движеніе причиняло невыносимую боль. Да и впослѣдствіи нельзя было не только садиться, но даже и приподняться, такъ какъ повязка была положена до живота. И какъ же грызла меня совѣсть, что я не могу доставить окончаніе повѣсти въ Современникъ»! А тамъ ждали и не печатали начала. Узнавъ о моей болѣзни, меня пріѣхалъ навѣстить А. А. Головачовъ и спрашивалъ объ окончаніи повѣсти. Я отвѣ-

чалъ, что, какъ только немного мнѣ будетъ полегче, я хоть лежа, но примусь писать. А легче не дѣлалось. Съ постели я всталъ только въ маѣ, изнуренный, кое-какъ передвигался по комнатѣ на костыляхъ и писать совсѣмъ не могъ. Кромѣ того, меня угнетало то, что изломанная моя нога, хотя и срослась кое-какъ, но послѣ снятія повязки совсѣмъ не двигалась ни выше колѣна, ни въ колѣнѣ и висѣла, какъ плеть.

А въ «Современникѣ» ждали окончанія повѣсти и только въ іюлѣ, уже извѣрившись, что окончаніе будетъ доставлено, помѣстили въ № 7 журнала моихъ «Биржевыхъ артельщиковъ», не упомянувъ, что будетъ окончаніе повѣсти. Окончаніе я, однако, доставилъ къ ноябрьской книжкѣ «Современника», въ которой оно и было напечатано. Этимъ объясняется перерывъ повѣсти съ № 7 до № 10 журнала. А въ Петербургѣ, среди читающей публики, ходили слухи, что окончаніе повѣсти въ № 8 потому не было напечатано, что будто его не пропустила цензура.

. .

Н. Лейкинъ.

189

Безобидный юмористъ.

I.

Воспоминанія Н. А. Лейкина, вслѣдствіе его неожиданной и скорой смерти, прерываются на томъ эпизодѣ, когда, въ 1864 году, послѣ появленія у него въ квартирѣ знаменитаго сатирика Салтыкова-Щедрина, Н. А. отправился въ редакцію «Современника», на квартиру Некрасова.

Квартира Некрасова въ домѣ Краевскаго на Литейномъ проспектѣ, на углу Бассейной, должна была показаться молодому писателю, дебютировавшему «Апраксинцами» въ «Библіотекѣ для Чтенія»,— настоящимъ литературнымъ храмомъ. Здѣсь онъ увидѣлъ А. Н. Плещеева, А. А. Головачева, здѣсь впервые встрѣтился съ самимъ Некрасовымъ, давшимъ ему завѣтъ: писать такъ, чтобы у него было «злобы побольше», и здѣсь быть можетъ рѣшилась его литературная судьба...

Завѣта Некрасова Н. А. не исполнилъ, но послѣ этого свиданія и напечатанія въ «Современникѣ» повѣсти «Биржевые артельщики», онъ уже безповоротно сдѣлался писателемъ. Кромѣ этихъ неоконченныхъ воспоминаній у Н. А. сохранились еще

дневники, къ сожалѣнію, не представляющіе особаго литературнаго интереса...

Напрасно мы искали въ нихъ указанія на знакомства его съ Гл. Успенскимъ, Левитовымъ, Рѣшетниковымъ, Помяловскимъ, Слѣпцовымъ и другими, менѣе яркими представителями писателей-разночинцевъ шестидесятыхъ годовъ, — въ дневникахъ о нихъ, за исключеніемъ Г. И. Успенскаго, ничего не говорится, и писемъ отъ нихъ въ бумагахъ въ высшей степени акуратнаго Н. А. никакихъ не обнаружено.

Да оно и понятно. Со всѣми ими Н. А. былъ слишкомъ близокъ, съ нѣкоторыми даже живалъ на одной квартирѣ, и никакой переписки между ними, естественно, не могло и быть. О Г. И. Успенскомъ въ дневникѣ Н. А. отмѣчено слѣдующее: «24 марта 1902 года, вторникъ. Въ газетахъ напечатано, что 24 марта скончался писатель Глѣбъ Ивановичъ Успенскій въ городской больницѣ для душевно-больныхъ на Новознаменской дачѣ. Душевно-больнымъ онъ былъ съ 1890 года и перемѣнилъ за все это время много больницъ. Находился онъ долгое время въ земской Новгородской губерніи больницѣ для душевно-больныхъ. Во время его болѣзни, я его ни разу не видалъ, но въ годы нашей молодости былъ съ нимъ довольно близокъ. Мы видались чуть не каждый день, встрѣчались у покойныхъ Н. С. Курочкина и Н. А. Демерта, и когда я квартировалъ вмѣстѣ съ Демертомъ, по Малой Итальянской улицѣ, Успенскій даже жилъ у насъ около

мѣсяца. Помню, что я и Успенскій даже снялись разъ вмѣстѣ на одной фотографической карточкѣ. Она долго хранилась у меня, но кѣмъ-то была похищена. Въ годы молодости Успенскій былъ очень добрый и веселый человѣкъ, хорошій собесѣдникъ, даровитый разсказчикъ видѣннаго и слышаннаго. Помню, что онъ очень любилъ собакъ, и была у него маленькая черная собачка—Мальчикъ. Успенскій одно время жилъ съ Н. С. Курочкинымъ, хотя и очень возмущался неряшливостью и вообще нечистоплотностью въ одеждѣ и помѣщеніи Курочкина».

Затѣмъ въ бумагахъ Н. А. мы нашли одну совершенно незначительную записку на визитной карточкѣ Н. Демерта, извѣстнаго «внутренняго» обозрѣвателя «Отеч. Записокъ», въ которой Демертъ проситъ Н. А. вернуть ему какую-то книгу...

И больше ничего!..

Цѣлая, въ высшей степени интересная, полоса появленія въ литературѣ писателя реалиста, писателя, по соціальному своему положенію, разночинца россійская полоса своеобразныхъ Sturm und Dranck въ воспоминаніяхъ и письменныхъ сношеніяхъ Н. А. Лейкина прошла безслѣдно.

Въ мимолетныхъ, краткихъ бесѣдахъ съ нами, Н. А., всегда добродушно-юмористически относившійся и къ эпохѣ этой, и къ ея представителямъ, разсказывалъ, какъ встарину «пивали»...

— Изъ всего, изъ всякой посуды, для разнообразія, пили. Только изъ самоварныхъ крышекъ не пробовали, не пришлось. И часто, случалось, допи-

вались до бѣлой горячки. Мы жили тогда вмѣстѣ съ Помяловскимъ. Долго онъ что-то пилъ, колобродилъ, и, наконецъ, захворалъ...

Пришлось его въ больницу везти... Дѣло было зимою, и ужъ не знаю, сапоговъ ли у него не было, или нога болѣла, только дали Памяловскому катанки. Сталъ онъ надѣвать одинъ валенокъ на ногу, да какъ броситъ, какъ закричитъ: «птицы, птицы! Это ему птицы привидѣлись, въ валенкѣ-то... Едва удалось посадить на извозчика и свезти въ больницу.

Усиленное поклоненіе Бахусу считалось въ ту эпоху для писателя положительно-таки обязательнымъ.

Даже изящный, анакреонтическій поэтъ Мей—и тотъ пилъ, и пилъ не мало. Это было какое-то бравированіе, какой то «надсадъ» лучшихъ людей шестидесятыхъ годовъ.

Недодѣланныя реформы только разожгли желанія широкой общественной дѣятельности, не удовлетворивъ ихъ въ той мѣрѣ, въ какой требовала душа. Наиболѣе чувствительные, наиболѣе отзывчивые въ обществѣ,—писатели видѣли, что та свобода, каторая имъ рисовалась въ ихъ воображеніи, вовсе не такова въ дѣйствительности, что личность по-прежнему порабощена, что произволъ попрежнему гуляетъ по всей матушкѣ Руси рядомъ съ самымъ беззастѣнчивымъ, самымъ гнуснымъ насиліемъ, а главное, что...

«Не сдѣлаемъ пользы перомъ,
«Дураковъ не убавимъ въ Россіи,
«А на умныхъ тоску наведемъ!»

И эти умные, эта соль русской земли, вся поголовно молодая и жизнерадостпая, стала съ горя пить чару зелена вина, и допилась до того, что въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ поголовно сошла въ могилу.

Послѣднимъ изъ нихъ остался Н. А. Лейкинъ, вѣроятно, какъ наиболѣе умѣренный и осторожный, но и тотъ умеръ далеко не въ глубокой старости...

II.

Н. А. Лейкинъ появился на свѣтъ въ средѣ умѣренности, аккуратности и мѣщанскихъ добродѣтелей... Онъ не былъ, какъ Рѣшетниковъ, сыномъ невѣжественнаго пьяницы-почтальона, а родился въ старинной купеческой семьѣ.

Но и эта семья, несмотря на ея относительную зажиточность, пятьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ нисколько не походила на современную купеческую семью съ сыновьями студентами и гвардейскими офицерами, и по складу жизни напоминала скорѣе мѣщанскую.

Въ первой тетради своихъ дневниковъ, начатой тотчасъ послѣ окончанія курса въ петербургскомъ реформатскомъ училищѣ, Н. А. изо дня въ день описываетъ свое времяпрепровожденіе, и всѣ эти дни, въ теченіе цѣлаго года, похожи одинъ на другой.

...«Ходилъ въ кладовую»,—пишетъ Н. А. (онъ въ то время получилъ мѣсто у отца въ верхней гал-

лереѣ Гостинаго двора), пришелъ домой, читалъ. Ничего новаго».

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ жизнь разнообразилась тѣмъ, что 18 лѣтній юноша Лейкинъ по примѣру, вѣроятно своихъ сверстниковъ-товарищей, ходилъ въ парикмахерскую завиваться, затѣмъ на извозчикѣ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей ѣздилъ въ церковь, гдѣ пѣлъ на клиросѣ. Посѣщеніе церквей въ то время, должно быть, считалось настолько обязательнымъ, что Н. А., несмотря на пребываніе въ реформатской, нѣмецкой школѣ, обычай этотъ соблюдалъ, и ходилъ въ церкви на вѣнчанія совершенно незнакомыхъ ему лицъ. Послѣднее, впрочемъ, можетъ быть, относилось къ области развлеченій въ чисто-купеческомъ или, вѣрнѣе, мѣщанскомъ духѣ.

Въ этой-то средѣ Н. А. и черпалъ первые мотивы своихъ вдохновеній, наблюдалъ и изучалъ матеріалъ, послужившій ему для будущихъ произведеній. Въ этой же первой тетради дневника попадаются указанія на пробудившееся въ молодомъ Лейкинѣ желаніе писать и на попытки привести это желаніе въ исполненіе...

Н. А. Лейкинъ, въ теченіе всего года, занятъ писаніемъ пьесы «Семейство Горностаевыхъ»... Юношеская пьеса эта, написанная въ духѣ Островскаго, не блещетъ достоинствами пера будущаго Лейкина, но уже носитъ на себѣ признаки хотя и не окрѣпшаго, не установившагося, но несомнѣннаго дарованія.

Въ пьесѣ этой, такъ и не увидѣвшей сценическихъ подмостковъ и оставшейся въ бумагахъ покойнаго, какъ бы уже намѣченъ дальнѣйшій путь Лейкинскаго таланта: самый строгій реализмъ при изображеніи мелкихъ повседневныхъ явленій мелкой буржуазной жизни.

Ни малѣйшаго отклоненія въ сторону фантазіи, поэзіи, и хотя Н. А. и дѣлалъ попытки писать стихи,—съ которыми, между прочимъ, впервые и выступилъ въ печать,—но это были именно стихи, а не поэзія...

Выбравъ себѣ такой «маленькій стаканъ», Н. А., по выраженію А. Мюссе, пилъ только изъ него, не покушаясь на большіе, и пилъ такъ основательно, что осушилъ свой «маленькій стаканъ» до дна, не оставивъ ни капли тѣмъ, кто попробовалъ бы идти за нимъ, не создавъ ни подражателей и послѣдователей, ни, тѣмъ болѣе, школы...

Съ Н. А. Лейкинымъ какъ бы умеръ его жанръ, и хотя остались еще въ жизни люди и нравы, описывавшіеся имъ, какъ осталась маленькая буржуазія, которая вѣчно будетъ существовать, но живописать ихъ красками и тонами Н. А. охотниковъ, а главное, мастеровъ—нѣтъ.

III.

Въ личныхъ воспоминаніяхъ своихъ Н. А. очень подробно и обстоятельно разсказываетъ о своихъ литературныхъ дебютахъ, и намъ нѣтъ надобности

останавливаться на нихъ въ обрисовкѣ личности Н. А. какъ писателя.

Скромный и тихій молодой человѣкъ, съ образованіемъ похожимъ на среднее, но любящій чтеніе и такимъ образомъ постоянно дополняющій свое образованіе, живой, наблюдательный, страшно трудолюбивый и крайне настойчивый въ достиженіи своихъ литературныхъ цѣлей,—такимъ въ началѣ 60 годовъ является Лейкинъ въ литературную семью.

Никакихъ широкихъ фантазій, никакихъ обширныхъ замысловъ и обобщеній у него нѣтъ: сфера его писательской дѣятельности ограничена имъ самимъ простымъ и искреннимъ желаніемъ наблюдать и писать только правду жизни, какова бы она ни была.

Это очень драгоцѣнное,—для историковъ общественной жизни и настроеній,—писательское свойство, т.-к. въ произведеніяхъ такихъ нефантазирующихъ и не сочиняющихъ писателей, какъ на фотографической пластинкѣ вѣрно, точно, безъ прикрасъ, во всей своей естественной наготѣ, отражается современная жизнь извѣстной части общества.

Такимъ, — мы не говоримъ фотографомъ, — но вѣрнымъ художественнымъ изобразителемъ буржуазнаго слоя общества явился Н. А. Лейкинъ. Купецъ, ремесленникъ, торгашъ, мелкій чиновникъ, трактирный «услужающій», кухарка, франтиха-горничная изъ «хорошаго дома», рабочій, извозчикъ, городовой узнавали въ дѣйствующихъ лицахъ лейкинскихъ

произведеній свои типичные, художественные портреты...

Лейкинъ не походилъ на писавшаго одновременно съ нимъ—Помяловскаго, съ его тягучей, мучительной тоской въ настоящемъ и неопредѣленными, скованными, несомнѣнно цензурными цѣпями,—порываніями въ будущее. У Лейкина не было ни прометеевскаго темперамента Помяловскаго, ни его огня, которымъ онъ жегъ всѣхъ прикасавшихся къ скорбнымъ страницамъ его скорбной книги, вотъ почему, будучи по свойству своего таланта не ниже Помяловскаго, публикою Н. А. считался неизмѣримо ниже его, не пользовался и сотой долей той популярности и даже славы, какой пользовался Помяловскій, и очень скоро былъ зачисленъ современными аристархами въ невысокій рангъ безобидныхъ, безъидейныхъ юмористовъ.

Тотъ высокій объективизмъ, который такъ цѣнится у писателей, и благодаря присутствію котораго въ своемъ творчествѣ Лейкинъ больше всѣхъ изъ современныхъ ему писателей приближался къ Гоголю, въ свое время сдѣлалъ то, что Лейкинъ никогда не стоялъ высоко во мнѣніи «друга-читателя» и не попалъ въ знаменитую плеяду писателей шестидесятниковъ, а остался какъ-то въ сторонѣ, особнякомъ.

Въ періодъ нашего россійскаго Sturm und Dranck для того, чтобы быть отмѣченнымъ публикою и критикой, не достаточно было обладать однимъ художественнымъ талантомъ, хотя бы даже и крупнаго размѣра,—нужно было заявить себя и борцомъ.

Общество проснулось отъ продолжительной умственной спячки, и со сна, впопыхахъ, бросилось къ лихорадочной общественной дѣятельности. Начался безконечно-длинный періодъ «обличеній» и разоблаченій, началась генеральная чистка россійскихъ авгіевыхъ конюшенъ, нечистившихся съ того времени, какъ онѣ завелись.

Началась эпоха «гражданскихъ» мотивовъ и пѣсенъ, появились Розенгеймъ, Некрасовъ, въ прозѣ царилъ Щедринъ. За нѣсколькими крупными литературными именами стояла цѣлая фаланга не столь крупныхъ рядовыхъ, но проникнутыхъ одними и тѣми же убѣжденіями, поэтовъ и прозаиковъ.

Какъ на одного изъ наиболѣе талантливыхъ и замѣтныхъ, мы можемъ указать на друга Н. А. Лейкина, поэта Л. И. Пальмина.

Отъ этого въ высшей степени интереснаго и типичнаго представителя безкорыстной, немного безпорядочпой, но высоко честной, искренней и мило наивной богемы 60 годовъ, въ бумагахъ Н. А. Лейкина сохранилась большая пачка писемъ, относящихся къ 1884 г., и дальнѣйшимъ годамъ изданія Н. А. юмористическаго журнала «Осколки», въ которомъ Пальминъ состоялъ передовикомъ—поэтомъ.

«Осколки» издаются и до сего, 1906 года, но нужно сознаться, что со смертью Пальмина, постъ передовика-поэта съ успѣхомъ не занимался никѣмъ, и остается вакантнымъ по сіе время.

Несмотря на близкую, дружественную связь между обоими, поэтъ Пальминъ, какъ увидитъ чи-

татель изъ прилагаемаго ниже письма, не былъ понятъ прозаикомъ-реалистомъ Лейкинымъ, да такъ и сошелъ въ могилу непонятымъ...»

Вотъ эти письма:

«Добрый отче Николай Александровичъ. Полу-«чилъ ваше письмецо отъ 10 Ноября, а также счи-«таю долгомъ увѣдомить и о полученіи гонорара «72 руб. 68 коп.»

«А вотъ насчетъ патріотизма и космополитизма, «мнѣ эти стихи нравились, а потому и глубоко жаль «мнѣ, что Вы даже «поругиваете» меня за нихъ... «Жаль, что Васъ нѣтъ теперь со мной... Бездна мы-«слей кипитъ по этому поводу у меня... Не писать «же все въ письмѣ, Господи, Боже мой! У меня «отецъ и мать—русскіе, чистые, и я русскій по ро-«жденію. Люблю Русь, но всей душой, съ остерве-«неніемъ, съ непримиримостью, а иногда съ пѣной у «рта, какъ бѣшеная собака, ненавижу и кляну си-«стему и строй нашего общества, т. е. все то, что «завѣщено вѣками, что поддерживается охранителя-«ми... Искренно говорю, положа руку на сердце, что «готовъ помочь всякому нуждающимуся брату; да и «помогаю иногда изъ послѣднихъ денегъ, хотя самъ «не обезпеченъ».

«Но если бы насъ хорошенько поколотили... Отъ «души радъ былъ бы... Я хотѣлъ бы моимъ земля-«камъ отъ души, какъ и себѣ: спокойствія душевнаго «и тѣлеснаго, сытости, довольства, ну т. п., но что «касается до расширенія россійскихъ границъ, воен-«ной славы, сладкій плодъ которой срываетъ наше

«правительство и которая гнетомъ ложится на про-
«грессъ нашъ и на свободу печати,—такъ это-то и
«ненавистно».

«А слово патріотизмъ у насъ именно такъ и по-
«нимается, т. е. патріотъ въ Россіи теперь, это зна-
«читъ охранитель старыхъ началъ, нѣчто вродѣ
«Каткова. Вы помните стихи Лермонтова:

Люблю отчизну я, но странною любовью...

«Мое стихотвореніе даже какъ будто напоми-
«наетъ по идеѣ эти стихи и нѣсколько солидарно съ
«ними. Я говорю, что мнѣ все ненавистно въ отчизнѣ,
«что освящено преданіемъ, т. е. предразсудки, рутина,
«лакейство, азіатчина, рабство, оффиціальная честь
«съ казеннымъ ярлыкомъ, но горе страдающаго брата
«глубоко трогаетъ меня, хотя я и не патріотъ. Вы
«помните, какъ ядовито глумился Гейне надъ нѣмец-
«кимъ патріотизмомъ, совершенно такимъ же, какъ
«нашъ квасной? Я дѣйствительно въ глубинѣ души и
«до мозга костей—касмополитъ».

«Это мое главнѣйшее, священнѣйшее убѣжденіе
«изъ тѣхъ немногихъ политическихъ убѣжденій
«моихъ, которыя я однако искренно и сердечно про-
«чувствовалъ. Мой идеалъ грядущаго, чтобы не было
«ни Россіи, ни Германіи, ни Франціи, никакой дру-
«гой державы въ смыслѣ политическаго организма,
«борющагося съ другими изъ-за честолюбія полити-
«ческихъ вождей, заботящихся не о внутреннемъ
«благоденствіи, а о своей славѣ или о томъ даже,
«(какъ у насъ), чтобы усидѣть только въ своемъ по-

«мѣщичьемъ достоинствѣ... Чтобы весь міръ былъ «одна семья, дружная, единодушная, любящая, борю-«щаяся только съ однимъ всеобщимъ врагомъ—со «всѣмъ тѣмъ, что причиняетъ зло и страданіе люд-«ское и нарушаетъ гармонію жизни. Вся эта семья «должна пѣть стройный гимнъ передъ ликомъ Еди-«наго Всеобщаго Отца—Бога»!

«У кормила власти долженъ стоять талантъ, ге-«ній, чистая любовь къ ближнимъ и разумъ, напра-«вленный къ благой цѣли. Къ чему же тутъ этотъ «мелкій, дѣтскій, дешевый патріотизмъ, на знамени «котораго красуется: «шапками закидаемъ»! А онъ то «у насъ и въ ходу.»

«Впрочемъ, простите, разболтался много, такъ «какъ Вы задѣли мою душевную струнку».

«Ахъ, да.... Вотъ что. Позабылъ было написать «Вамъ. Я привыкъ дѣлиться съ Вами мыслями обо «всемъ, что интересуетъ меня. Надняхъ, а именно «въ № 313 «Московскаго Листка» появилось малень-«кое стихотвореніе, переводъ изъ Лессинга, подъ пол-«ной фамиліей Д. Минаева. Меня это до того обра-«довало, что я поцѣловалъ стихи и сталъ плясать по «комнатѣ. Вамъ, можетъ быть, покажется это стран-«нымъ, но я объясню причины. Это, клянусь Бо-«гомъ, не злорадство съ моей стороны; я Минаева «люблю, и считаю за весьма талантливаго стихотворца. «Имя его гораздо крупнѣе въ нашей литературѣ, чѣмъ «мое. Онъ представитель либеральной партіи въ поэ-«зіи. Онъ переводчикъ многихъ крупныхъ вещей, «какъ напр.: Чайльдъ—Гарольдъ, Донъ-Жуанъ Бай-

«рона, Божественной Комедіи Данта и т. п. Помѣ-«стивъ свою фамилію въ «Листкѣ», онъ этимъ са-«мымъ снялъ съ моихъ плечъ цѣлую гору. Меня всѣ «пилятъ за сотрудничанье въ «Листкѣ», особенно «Лавровъ. Блестящая фамилія Минаева, моего стар-«шаго брата, выкупаетъ мое присутствіе въ этомъ «кабачкѣ. На многія мысли наводитъ это обстоятель-«ство,—на мысли не лично объ насъ, а объ цѣломъ «обществѣ, о поэзіи у насъ и журналистикѣ. Но, «опять таки, довольно. Не личная бесѣда. Некогда. «Можно бы написать двадцать листовъ».

«Пока, до свиданія. Жду письмеца».

«Весь Вашъ

«Л. Пальминъ».

15 Ноября, Вторникъ.

...«Насчетъ «патріотовъ». Слово «патріоты» я дѣй-«ствительно употребляю иногда въ насмѣшливомъ «смыслѣ. Слово это, по моему мнѣнію, пріобрѣло въ «послѣднія времена такое же переносное значеніе, «какъ напр. всѣмъ извѣстныя саркастическія слова: «*артистъ*, *художникъ*, *химикъ*, *механикъ*, *музыкантъ* «и проч., которыми окрещиваютъ жуликовъ и него-«дяевъ. Извѣстный квасной патріотизмъ, бросающій «вверхъ шапки, нахальный, самоувѣренный, тупой, «враждебный прогрессу и просвѣщенію, реформамъ «и свободѣ печати, идіотскій, руснацкій, азіатскій, «кажется, на столько ярко выступилъ, что смыслъ «моего стихотворенія будетъ ясенъ всякому и кое-«кого оно больновато кольнетъ. Слово патріотъ,

«именно въ томъ смыслѣ, какъ его теперь принято «понимать при высоко-торжественномъ оффиціальномъ «толкованіи, положительно равно—охранителю. Иро-«нически называя патріотомъ—Іуду, шпіона, казно-«крада, злостнаго банкрота и т. п., конечно я имѣю «въ виду не тотъ святой патріотизмъ Гарибальди и «Теля, о которыхъ Вы упоминаете»..

—

...«Здравствуй, многоуважаемый Николай Александровичъ. Письмецо отъ 2 Марта получилъ. Ты пи-«шешь, что юмористическіе журналы стараются обез-«личивать».

«По моему—не только юмористическіе, а и во-«обще всю журналистику, о чемъ я уже не разъ и «тебѣ лично писалъ, и даже изливалъ въ стихахъ «(«У парикмахерской»). Словомъ, какъ я тамъ ска-«залъ: «стригутъ и брѣютъ». Конечно, съ этой точки «зрѣнія на общедоступныя юмористическія, иллюстри-«рованныя и сатирическія изданія должны смотрѣть «особенно ревниво и строго, т. к. эти журнальцы, «дѣйствительно, могутъ служить добрымъ орудіемъ «общественному сознанію и прогрессу. Я же, какъ «уже и прежде писалъ тебѣ, съ искреннимъ убѣжде-«ніемъ, съ глубоко прочувствованнымъ желчнымъ озло-«бленіемъ, съ сердечной преданностью идеѣ, считаю «своею задачею насколько можно бороться съ этимъ «подлымъ нивелирующимъ обезличиваньемъ. Ты ви-«дишь, что, привыкши бороться съ цензурными усло-«віями еще со временъ милой, блаженной памяти «Искры», я въ продолженіи многихъ лѣтъ (и мнѣ,

«какъ тебѣ тоже, скоро тридцатилѣтіе моей литера-«турной дѣятельности) сажалъ змѣй между цвѣтами, «по-іезуитски улыбался, разливая ядъ, подъ видомъ «балаганнаго шута а не то въ тонѣ паточно-слаща-«выхъ Фетовъ проводилъ ехидныя идеи. Не даромъ «добрый и милый» Сватковскій пожималъ плечами и «говорилъ:—«Не знаю что и дѣлать съ нимъ—ка-«жется, ничего нѣтъ, пропустишь, а потомъ смо-«тришь—ядъ каплетъ *между строками*... Въ былые «годы (теперь ужъ не то—зорко смотрятъ) я ухи-«трялся въ ретроградномъ самомъ гнѣздѣ,—въ «Мо-«сковскомъ Листкѣ» въ формѣ житіи святыхъ или «кантовъ на двунадесятые праздники, подъ религіоз-«ной маской, проводить излюбленныя идеи космопо-«литизма и соціализма, дѣйствительно завѣщанныя «міру Христомъ—Сыномъ Божіимъ, въ котораго я «все таки вѣрю (по своему). Поэтому и чту, и сер-«дечно люблю твои милые «Осколки», что въ нихъ «я много высказался въ то время, какъ «Человѣче-«скому Сыну негдѣ голову преклонить», какъ вѣщалъ «І. Христосъ. Наши «книжники и фарисеи»,—либе-«ралы (лжелибералы), не умѣли понять меня, раздувая «тѣхъ, кто умѣлъ къ нимъ подлаживаться. Когда «умру, и могила моя травой поростетъ, когда-нибудь «мой лучшій вѣнокъ будетъ—изъ пѣсенъ, помѣщен-«ныхъ въ «Осколкахъ».

«Пришла маленькая хорошенькая идейка по по-«воду Берлинской конференціи, но въ цензурномъ «отношеніи боюсь писать, т. к. Россія не прини-«маетъ участія. Встрѣтилась мнѣ маленькая дѣвочка съ

«заплаканными глазами близь большой фабрики и, «между прочимъ, пролепетала мнѣ, что отца ея «убили давно на войнѣ, у одного дяди на заводѣ «оторвало ногу, у другого—руку, мать и тетка «умерли отъ тяжелой работы и что она сама теперь «съ маленькимъ братишкой работаетъ на фабрикѣ и «проч. Но она слышала гдѣ-то, что важные, большіе «люди, заправляющіе судьбами міра, вмѣсто того, «чтобы собираться къ войнѣ, теперь толкуютъ о томъ, «какъ лучше устроить жизнь маленькихъ людей и «облегчить ихъ участь и т. п. Хотѣлъ я изобразить «эту идейку, но боюсь. Какъ ты думаешь»?

Въ этихъ письмахъ помимо необычайной искренности ихъ тона,—очень характерно и то обстоятельство, что Пальминымъ 22 года тому назадъ высказывались тѣ взгляды и убѣжденія, какіе только теперь какъ бы становятся общимъ достояніемъ. И какова была иронія судьбы, что этотъ человѣкъ, исповѣдывавшій такія свѣтлыя, передовыя и гуманитарныя убѣжденія, долженъ былъ, изъ за куска хлѣба, сотрудничать въ тогдашней лейбъ-черносотенной газетѣ каковою былъ «Московскій Листокъ»...

Но одинъ ли Н. А. не понималъ Пальмина? Этого человѣка, во всякомъ случаѣ болѣе передового и болѣе смѣлаго въ своихъ отрицаніяхъ и обличеніяхъ, чѣмъ десятки другихъ, разбавлявшихъ свои гражданскія крохотныя идейки ушатами либеральной водицы и умѣвшихъ въ самые тяжелые дни реакціи остаться цѣлыми и невредимыми,—также

не понялъ и одинъ донынѣ благополучно здравствующій солидный либеральный органъ, и, не понявъ, отвергъ какъ человѣка, якобы запятнавшаго себя сотрудничествомъ въ реакціонномъ «Листкѣ»...

IV.

Н. А. Лейкинъ ни одной строкой своихъ многочисленныхъ (болѣе 70 томовъ) произведеній не запятналъ себя ни принадлежностью, ни даже сочувствіемъ реакціи, и если въ его бытовыхъ разсказахъ и сценкахъ не было призыва впередъ, то происходило это главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе педантическаго стремленія автора держаться какъ можно ближе правды мѣста, времени, обстановки и дѣйствующихъ въ ней лицъ.

Это стремленіе къ реализму, къ правдѣ изображаемаго, придавали нѣсколько сухой, тусклый колоритъ произведеніямъ писателя, дѣлало ихъ быть можетъ нѣсколько однообразными, но во всякомъ случаѣ бытъ и нравы цѣлаго обширнаго класса людей въ лицѣ Н. А. нашли себѣ достойнаго и, главное— безпристрастнаго изобразителя.

Н. А. Лейкинъ, какъ онъ и самъ говорилъ намъ неоднократно—ничего не сочинялъ, никогда не «высасывалъ изъ пальца»...

Въ раннюю эпоху своего творчества, онъ создавалъ типы изъ окружавшей его дѣйствительности («Апраксинцы», «Биржевые артельщики», «Христова невѣста», «Кусокъ хлѣба») также только изъ дѣй-

ствительности выхватывалъ онъ дѣйствующихъ лицъ и для послѣдующихъ своихъ произведеній...

Сдѣлавшись писателемъ съ именемъ, писателемъ, популярность котораго въ публикѣ превышала популярность Тургенева и Достоевскаго, будучи гласнымъ Петербурга, уѣзднымъ почетнымъ мировымъ судьей, членомъ безчисленнаго множества обществъ, попечителемъ школъ и пріютовъ, директоромъ кредитнаго учрежденія, вращаясь ежедневно въ самомъ разнообразномъ обществѣ, Н. А. бралъ для своихъ романовъ («Въ ожиданіи наслѣдства», «Стукинъ и Хрустальниковъ», «Купецъ пришелъ» и проч). живые типы людей, съ которыми встрѣчался и общался ежедневно. И дѣйствительно, гдѣ только ни бывалъ, съ кѣмъ только не встрѣчался Н. А.! Широко было поле его наблюденій. Не можемъ не удержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ его дневника съ легкимъ описаніемъ обстановки и лицъ, по всѣмъ вѣроятностямъ послужившихъ матеріаломъ не для одного разсказа Н. А... «На свадебномъ пирѣ у дочери содержателя увеселительнаго сада и директора, — какъ онъ самъ себя величаетъ», — заноситъ въ свой дневникъ Н. А. — «выдавалъ онъ дочь за офицера, поручика артиллеріи. Пиръ былъ просто блистательный! Такіе пиры подъ силу только очень богатымъ людямъ. Обѣдало человѣкъ 250. И какого какого только сорта не было гостей, начиная отъ артиллерійскаго генерала, начальника жениха, до поставщика зелени въ ресторанъ сада включительно! Со стороны жениха было много офицеровъ, со сто-

роны невѣсты (или лучше ея отца) много садовыхъ репортеровъ. Я поѣхалъ на обѣдъ, *думая встрѣтить что-нибудь курьезное*, но курьезовъ было немного, а именно: отецъ невѣсты присутствовалъ въ мундирѣ вѣдомства по учрежденіямъ Императрицы Маріи, куда онъ вноситъ на пріютъ за право ношенія мундира 300 — 500 рублей ежегодно. Второй курьезъ заключался въ томъ, что въ числѣ безчисленныхъ тостовъ за здоровье родни жениха и невѣсты, пили за здоровье дивизіоннаго генерала, начальника жениха. Послѣ обѣда каскадныя пѣвички сада дали представленіе гостямъ въ зимнемъ саду. Въ числѣ гостей—зрителей находились приглашенные на пиръ священникъ и два дьякона, вѣнчавшіе жениха и невѣсту. Духовенство, сидя за столикомъ и прихлебывая вино, выслушало всю каскадную программу»...

Послѣднее обстоятельство Н. А. не отмѣчаетъ какъ курьезъ, считая, по всей вѣроятности, явленіемъ довольно заурядным...

Мало того, очень часто эпизоды его личной жизни и окружавшихъ его близкихъ людей служили объектомъ его творчества, и это можетъ служить лишнимъ доказательствомъ того, что Н. А. ничего не выдумывалъ, не сочинялъ, а бралъ прямо изъ жизни...

Особое свойство таланта Н. А. всегда серьезнаго и по натурѣ даже мрачнаго, то свойство, которое люди называютъ юмористической жилкой, скрашивало эти «разсказы изъ жизни» и придавало имъ ту прелесть веселости, которая дѣлала каждую новую книжку Лейкина необходимой принадлежностью ма-

газиннаго прилавка и стойки самаго отдаленнаго, самаго заброшеннаго желѣзно-дорожнаго кіоска...

Полагаемъ, ни для кого не секретъ—а для издателя въ особенности,—что въ значительной степени своей популярности и распространенности, въ особенности среди столичной публики всѣхъ сословій, ранговъ и состояній, «Петербургская Газета» обязана Н. А. Лейкину сотрудничавшему въ ней безъ перерыва въ теченіе 33 лѣтъ.

Но однимъ изъ самыхъ близкихъ Н. А. изданій было несомнѣнно его собственное изданіе юмористическаго съ каррикатурами журнала «Осколки»...

Большая часть переписки Н. А. съ покойными Пальминымъ и Чеховымъ, а также и со многими понынѣ благополучно здравствующими писателями, посвящена «Осколкамъ», ихъ содержанію, ихъ судьбѣ и главнѣйшимъ образомъ борьбѣ съ тогдашней (1881 — 1891 гг.) дѣйствительно, какъ выражается Пальминъ, «каторжной» цензурой. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что не съ одной присяжной цензурой и не только въ періодъ 1881—1891 гг. приходилось бороться Лейкину, — являлись добровольцы и въ позднѣйшіе годы и Н. А. приходилось вѣдаться и съ ними.

Вотъ какой забавный эпизодъ записанъ Н. А. Лейкинымъ въ свой дневникъ подъ датой: 6 октября 1898 года.. «Сегодня я вызывался въ цензурный комитетъ его предсѣдательствующимъ по слѣдующему, курьезному случаю. Весной нынѣшняго года былъ въ «Осколкахъ» на первой стра-

ницѣ рисунокъ, сдѣланный по моему заказу В. И. Порфирьевымъ и изображавшій обрусѣніе Абиссиніи. Рисунокъ изображаетъ полуголыхъ абиссинцевъ, играющихъ въ винтъ. Играютъ они подъ открытымъ небомъ. Обстановка такая, что на второмъ планѣ изба съ елкой и бутылкой, т. е., кабакъ; тутъ же подъ открытомъ небомъ плита и русская баба печетъ блины, изба третья съ надписью «банкъ»... Около играющихъ бродятъ квасникъ съ кувшиномъ и сбитеньщикъ. Игроки: одинъ въ купеческомъ картузѣ, другой въ шляпѣ-котелкѣ, а третій въ павловскомъ киверѣ. Цензоръ не дозволилъ этотъ рисунокъ, не дозволилъ и комитетъ, и я жаловался М. П. Соловьеву въ главное управленіе по дѣламъ печати. Начальникъ управленія Соловьевъ, знакомый мой хорошій (Н. А. Лейкинъ познакомился съ нимъ заграницей и былъ восхищенъ его любезностью. Извѣстно, какъ бываютъ милы и любезны наши бюрократы заграницей!), принялъ меня самъ, нашелъ рисунокъ невиннымъ, и разрѣшилъ его, написавъ на своей визитной карточкѣ карандашемъ: «прошу цензора, г. Воршева, пропустить рисунокъ». Помню, что въ комитетѣ страшно возмутились такою безцеремонностью; въ особенности негодовали цензора Н. И. Пантелѣевъ и Воршевъ, закрестившій у меня раньше рисунокъ. Но ослушаться начальника было нельзя и Воршевъ подписалъ разрѣшеніе. Рисунокъ былъ отпечатанъ и забытъ.

Нынѣ, спустя почти полгода, *бывшій* командиръ Павловскаго полка, генералъ Мевесъ, будучи загра-

ницей, увидѣлъ гдѣ-то и у кого-то номеръ «Осколковъ», увидѣлъ и обидѣлся, зачѣмъ павловскій киверъ надѣтъ на голову голаго абиссинца, найдя, что рисунокъ мараетъ мундиръ полка. Вернувшись изъ заграницы, онъ показалъ его въ военномъ министерствѣ кому-то, и вотъ изъ министерства полетѣла въ цензурный комитетъ нашлепка, отчего не былъ соблюденъ законъ, отчего этотъ рисунокъ какъ трактующій будто бы *о русской гвардейской формѣ* (?) въ видѣ насмѣшки (??) не былъ представленъ на разрѣшеніе военнаго цензора? Въ цензурномъ комитетѣ переполохъ. Предсѣдательствующій въ комитетѣ— Морголи допытывается, кто пропустилъ рисунокъ; цензоръ Воршевъ, забывшій, что онъ разрѣшилъ рисунокъ по приказанію М. П. Соловьева — трепещетъ. Меня вызываютъ для разъясненій. Я разсказываю, какъ было дѣло, и у предсѣдательствующаго и у цензоровъ какъ гора сваливается съ плечъ. Надо было видѣть какъ повеселѣли ихъ лица! Предсѣдательствующій Морголи тотчасъ же наговорилъ мнѣ комплиментовъ по поводу моихъ сочиненій, и когда я вынулъ изъ кармана новый, запрещенный цензоромъ Воршевымъ, рисунокъ (самаго, впрочемъ, невиннаго свойства) тотчасъ же дозволилъ его, прося подписать Воршева, и говоря: «пусть это будетъ г. Лейкину взяткой за пріятное разъясненіе»... Чѣмъ кончится дѣло о рисункѣ съ голымъ абиссинцемъ въ павловскомъ киверѣ—не знаю»...

И дѣйствительно, дальше мы не нашли въ мемуарахъ Н. А. Лейкина указаній на то, чѣмъ кончи-

лось это курьезное дѣло объ опростоволосившемся начальствѣ. Надо думать, что одно начальство переговорило съ другимъ начальствомъ и дѣло за неразысканіемъ виновныхъ предано было волѣ Божіей... Отъ свирѣпаго воздѣйствія цензуры больше всѣхъ страдалъ конечно самъ редакторъ-издатель «Осколковъ», затѣмъ его поэты—передовики Л. И. Пальминъ и Л. Н. Трефолевъ. До чего доходила боязнь цензуры, дѣйствительно нелѣпой и безпощадной, можно видѣть изъ слѣдующихъ, приводимыхъ здѣсь отрывковъ изъ писемъ къ Н. А., нарочито злополучнаго (въ цензурномъ отношеніи) Л. И. Пальмина:

... «Шлю вамъ три осеннія пѣсни, одну пословицу и одну зоологическую пѣсню про медвѣдя Подъ этой рубрикой я думаю еще написать нѣсколько стиховъ; почва хорошая: о львѣ, о лисицѣ, волкѣ, собакѣ, попугаѣ и пр. Это будетъ нѣчто вродѣ юмористическаго зоологическаго сада. Если строки:

Истрепанъ, видно, онъ давно
Администраціею чорта

не цензурны тогда можно сказать такъ:

Въ рукахъ онъ, видно, ужъ давно
У департаментскаго чорта...

Вмѣсто словъ: *сенатъ* въ другой пѣснѣ, тоже можно сказать

Къ *службѣ* спѣшатъ писаря...

...«Если въ стихахъ изъ «Весеннихъ пѣсенъ», пишетъ дальше Пальминъ,—слово *амнистія* пока-

жется слишкомъ игривымъ, то эту строку можно измѣнить:

Эмансипація червей,

или

Теперь карьера ждетъ червей...

... «Шлю сію минуту набросанные стишки по поводу переворота въ Ріо-Жанейро, въ Бразиліи (если «не ошибаемся, отреченіе отъ престола дона Педро) «куда теперь обращены взоры всего цивилизованнаго «міра. Мое сочувствіе я не могъ выразить иначе «какъ въ шутливой формѣ обращенія къ попугаю. «Думаю, что эта шутка цензурна. Строка: «Ужели «ты въ клѣткѣ грустишь о свободѣ?» конечно ничего «нецензурнаго не заключаетъ, но, принимая во вни-«маніе современную придирчивость на счетъ слова «свобода», на всякій случай можно измѣнить эту «строку такъ»:

Ужель ты грустишь о родномъ небосводѣ?

...«Сегодня—праздникъ 500 лѣтняго артиллерій-«скаго юбилея. О, какое хорошенькое, ядовитое и «глубокомысленное стихотвореньице можно бы напи-«сать было по этому поводу, если бы не проклятыя «нынѣшнія цензурныя условія... Я было и порывался, «да въ отчаяніи махнулъ рукой»...

...«Въ стихахъ «Неисчислимое» я побаиваюсь «за нѣкоторыя строки, особенно за заключительныя. «24-я строка у меня въ прежней редакціи была такъ»:

Все, что зачеркнуто рукою цензоровъ.

«Помня слова Сватковскаго и теперешнее мрако-
«бѣсіе, я уже передѣлалъ такъ»:

Еще не пойманныхъ, не битыхъ шуллеровъ.

«Въ строкѣ 9-й вмѣсто»:

Изъ матушки казны,

«поставилъ:

Изъ сундуковъ чужихъ.

«Если можно въ первой редакціи, то перемѣните: «лучше бы.

«Побаиваюсь за строки: 17, 18, 19 и 20-ю.»

...«Въ стихѣ *корень ученія...* если строка:

«Няньки боялись плодомъ просвѣщенія».

«не совсѣмъ цензурна, то ее можно измѣнить

«Такъ какъ сладчайшимъ (запретнымъ, опаснымъ)
плодомъ просвѣщенія».

«Вотъ оно каково: какъ подумаешь обо всякомъ «пустяшномъ словѣ иногда»!

...«Если бы въ случаѣ, строка «*А цензоръ доб*-«*рый въ роли дяди*» не прошла, то ее можно было «бы измѣнить такъ: «*Редакторъ добрый въ роли дяди*». «Но это было бы жаль, и я надѣюсь, что у Васъ «пройдетъ и такъ—особеннаго ничего».

...«Шлю еще стихотвореніе. Въ предпослѣдней «строкѣ у меня было первоначально:

«Жду Божьяго грома».

«Этого я побоялся и замѣнилъ:

«Жду ливня и грома».

«Если и это *страшно*, то перемѣните: «Жду лѣт-
«няго ливня».

...«Шлю измѣненнаго «Мотылька». Строку на «счетъ «студентовъ» передѣлалъ, слово мундиръ за-«мѣнилъ словомъ «костюмъ», вмѣсто «крестовъ, ор-«деновъ» поставилъ «бляшки, пуговки» и т. п. Те-«перь, кажется, цензоръ долженъ быть удовлетво-«ренъ».

Такихъ измѣненій, поправокъ, варіантовъ—пропасть, но еще болѣе жалобъ на цензуру, жалобъ скорѣе похожихъ на истерическіе вопли, и если бы мы захотѣли привести ихъ всѣ здѣсь, то книга эта превратилась бы не въ книгу о Н. А. Лейкинѣ, а въ «книгу борьбы редактора Лейкина и поэта Пальмина съ цензурою 1881—1891 годовъ».

Изнемогая въ борьбѣ съ цензурою, Пальминъ, между прочимъ, пишетъ Н. А. Лейкину слѣдующее, въ высшей степени характерное, письмо указывающее на растлѣвающее вліяніе цензуры, кастрировавшее не только писательскую мысль, но и его духъ...

...«Если не пропущены слова «ура» и «доносъ», «то ужь не знаю, чѣмъ замѣнить; не поставить ли «современный теперь:»

И кефиръ, кефиръ!

«А рифмоваться съ ними пусть въ такомъ случаѣ «будетъ въ третьемъ отъ конца строки»

Канцелярскій міръ...

«Насчетъ цензуры, что я могу сорваться съ цѣпи, «я, отче, только пошутилъ. Конечно, если-бы бразды

«ея поослабли, то и я припустилъ бы свою лампу «поярче; но замаскировывать мысль,—эта печальная «привычка въ продолженіе многолѣтней практики такъ «въѣлась въ старыхъ писателей, что если бы и со- «всѣмъ уничтожили цензуру, то мы сами долго бы «еще не привыкли давать полную волю своему перу».

Въ одинаковой степени страдалъ отъ цензурныхъ «погромовъ» и другой поэтъ передовикъ «Осколковъ» Л. Н. Трефолевъ.

Въ довольно объемистой пачкѣ писемъ его къ Н. А. Лейкину нѣтъ ни одного, въ которомъ бы онъ такъ или иначе не жаловался на цензурныя притѣсненія.

«Посылаю Вамъ»,—пишетъ онъ отъ 25 іюля 1891 года, два стихотворенія,—авось они минуютъ Ваши Сциллы и Харибды. Я ужасно горюю о судьбѣ моихъ невинныхъ вещицъ. Въ случаѣ «краснаго креста» наградите меня имъ въ знакъ памяти. Боже ты мой! Какіе мы съ Вами почтенные «кавалеры» и сколько сихъ регалій («красныхъ, цензорскихъ крестовъ») виситъ на шеяхъ нашихъ! Если развѣсить ихъ всѣхъ, такъ на груди мѣста не хватитъ. Придется развѣсить сіи ордена ниже... P. S. Нельзя ли послѣднюю строку въ стихотвореніи «Дорогіе гости» напечатать такъ: вмѣсто слова «родная»—«свободно»? Да ужъ гдѣ чай! «Чтобъ жила свободно la Russie»...

Въ другомъ письмѣ Л. Н. Трефолевъ проситъ: «если въ стихотвореніи «Передъ душевнымъ камелькомъ» страшитъ выраженіе»:

«Проситъ воли безъ предѣла».

Ну, въ такомъ случаѣ разрѣшаю и благословляю, хоть и съ сокрушеніемъ, напечатать:

«Проситъ жизни, проситъ дѣла..

Выйдетъ глупо, но изъ-за одной глупости бросать цѣлое стихотвореніе не хочется»..

Но цензура была безстрастна и безпощадна. Никакія уступки и смягченія не могли умолить этого Молоха, поголовно истреблявшаго все живое, свѣжее и сильное въ русской литературѣ и вотъ въ одномъ изъ писемъ состарившагося подъ цензурнымъ гнетомъ Уединеннаго Пошехонца (псевдонимъ Л. Н. Трефолева) раздается крикъ изстрадавшагося сердца поэта:

«Христосъ воскресе! Отвѣтьте: когда же намъ другъ друга можно поздравить съ воскресеньемъ русской печати? Ее удавили, какъ злочестиваго Іуду»..

V.

Что же это были за страшные и опасные для существующаго порядка люди: Лейкинъ, Пальминъ и Трефолевъ? Первый—безобидный, безъидейный юмористъ бытописатель и издатель-редакторъ юмористическаго журнала «Осколки» въ ту приснопамятную десятилѣтнюю эпоху (1881—1891 гг.) больше прохаживавшагося на счетъ тещъ и нечистыхъ на руку интендантскихъ чиновниковъ, оба остальные,—поэты въ большинствѣ случаевъ какъ Пальминъ воспѣвавшіе въ своихъ стихахъ миѳологическихъ богинь и боговъ. Правда, подъ видомъ богинь и

боговъ, Пальминъ описывалъ разныхъ современныхъ «жрицъ» и держимордъ, правда въ его книгѣ: «Цвѣты и змѣи» по его собственному сознанію изъ невинныхъ на видъ «цвѣтовъ»... поэзіи высовывали ядовитыя жала сатирическія «змѣи», но все это было прикрыто такимъ густымъ вуалемъ аллегоріи, что только привыкшій читать между строкъ и хорошо изучившій эзоповскій языкъ тогдашній читатель могъ понимать въ чемъ дѣло.

Какъ бы то ни было однако, поэтъ Л. И. Пальминъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати считался *краснымъ*, каждая строчка котораго, по признанію тогдашняго цензора (по увѣренію Н. А. Лейкина — лучшаго) г. Сватковскаго была проникнута ядомъ.

Кстати, чтобы дать возможность читателю судить о степени *красноты* и неблагонамѣренности Пальмина, мы позволимъ себѣ приложить здѣсь маленькое письмо его къ секретарю журнала В. В. Билибину, и пять его пьесъ непропущенныхъ тогдашнею цензурою и сохранившихся вмѣстѣ съ письмами поэта въ бумагахъ Н. А. Лейкина.

«Многоуважаемый
«Викторъ Викторовичъ!

«Утромъ сегодня, написавъ Вамъ письмо съ четырьмя стихотвореніями и опустивъ его, я отправился въ лѣсъ, гдѣ набросалъ еще стихотвореніе, которое теперь вполнѣ современно, и шлю его Вамъ «сейчасъ же.

«Во второй строкѣ съ начала вмѣсто слова: «*И* «*дутой славою*», (если бы тутъ нашли намекъ на не-«давно умершаго Скобелева) можно сказать «*И гром-*«*кой славою*». Въ виду того же двѣ заключительныя «строки можно совсѣмъ выкинуть. Поступите, какъ «знаете, я вполнѣ надѣюсь на Васъ, а меня по поводу «этихъ стиховъ тоже не оставьте вѣсточкой».

«Искренно преданный Вамъ Л. Пальминъ».

2 Іюля, 1882 г. С. Богородское.
6 часовъ п.п.

ВЪ ПАМЯТЬ КАТАСТРОФЫ ВЪ НОЧЬ СЪ 29 НА 30 ІЮНЯ.

Когда покинетъ міръ увѣнчанный чинами
И дутой славою взлелѣянный герой,
Столбцы газетъ полны унылыми статьями,
Орда писакъ строчитъ и шлетъ надгробный вой.
Повсюду литіи, повсюду панихиды,
Какъ будто міру нѣтъ ужаснѣе обиды...
Но вотъ въ полночной тьмѣ, на насыпи сырой
Крушенье поѣзда... Разбилися вагоны...
Погибла тьма людей... Предсмертные ихъ стоны
Лишь буря слышала подъ кровомъ тьмы ночной.
Остались сироты, и матери, и жены,
Чья жизнь испорчена, чья жизнь отравлена...
И чтожъ? Среди газетъ, какъ прежде полныхъ сна,
Безъ рамки траурной сухое объявленье
Гласитъ, что вотъ молъ тамъ свершилося крушенье,
Въ такомъ-то вотъ часу... Причины таковы...
Пожалуй репортеръ прибавитъ здѣсь: увы!
Ну, и такъ далѣе... Мы жъ скажемъ, что построже
Слѣдить бы надобно за полотномъ путей,
И больше ничего. О, Боже, правый Боже!
А слезы бѣдныхъ вдовъ! А муки матерей,
Не встрѣтившихъ родныхъ въ желанный часъ свиданья?

Нѣтъ рамокъ траурныхъ для нихъ среди газетъ,
И муки ихъ сердецъ, и слезы ихъ страданья
Лишь только въ небесахъ найдутъ себѣ отвѣтъ...
Вѣдь межъ погибнувшихъ, о, Боже, Боже правый,
Тамъ не было мужей съ оффиціальной славой..

Л. Пальминъ.

Стихи постигла обычная участь: цензура ихъ не пропустила.

...«Голубчикъ, Николай Александровичъ

«Шлю Вамъ еще только что наскоро написанное «стихотвореніе: «*Спиридоній-Поворотъ*». Оно какъ «разъ будетъ современно для слѣдующаго за симъ номера «Осколковъ», такъ какъ Спиридоній-Поворотъ (солнце «на лѣто, зима на морозъ) приходится, какъ Вы все«конечно знаете, 12 Декабря».

«Эти стишонки мнѣ самому даже нѣсколько нра«вятся и, кажется, идутъ къ «Осколкамъ». Относи«тельно цензуры я боюсь за строку»:

Подъ игомъ сумрачнаго гнета...

«Если что окажется нецензурнымъ, то какъ-ни«будь передѣлайте. Напр.

Гдѣ мрака, зла, и лжи работа

«Или что нибудь-такое.

«Не оставляйте же вѣсточкой. Крѣпко жму руку.

«Весь Вашъ

Л. Пальминъ.

СПИРИДОНІЙ-ПОВОРОТЪ.

«Солнце на лѣто, зима на морозъ».
(Поговорка).

Дни все короче и короче
До половины декабря;
Все дольше время зимней ночи,
Все больше солнце жмуритъ очи,
И все поздней встаетъ заря.
По уложенію устава
Отъ вѣка такъ дѣла идутъ,
И солнце не имѣетъ права
Нарушить, мудрствуя лукаво,
Свой заповѣданный маршрутъ.
Но,—слава Господу, настанетъ
Лишь Спиридоній-Поворотъ,—
Яснѣе солнышко проглянетъ,
На цыпочки оно привстанетъ
И намъ посвѣтитъ у воротъ.
О, Боже, какъ бы хорошо-то,
Когда-бъ дождалися и мы
Дня Спиридонья-Поворота
Подъ игомъ сумрачнаго гнета
Среди литературной тьмы!
Когда-жъ,—скажи, мудрецъ безвѣстный,—
Тотъ Спиридоній-Поворотъ,
А солнце правды, мысли честной
Надъ горизонтомъ лжи окрестной
И насъ на лѣто повернетъ?..

ПУБЛИКѢ.

Honni soi qui mal y pense!

Публика, мой ангелъ! Не сердись на это,
Что какъ рыба нѣмъ я!.. Не вини поэта...
Никакихъ секретовъ, милая моя,
Отъ тебя, ей Богу, не имѣю я...

Не сердись, родная, что я сѣю всюду
Многоточій темныхъ предъ тобою груду...
Въ будущемъ сочтемся—какъ пройдутъ вѣка...
Тамъ ты все узнаешь... Я жъ молчу пока...

ГНѢЗДО.

Гнѣздо проклятое слѣпой безумной силы
Еще въ міру у насъ... Что день—растутъ могилы...
Я въ нихъ похоронилъ и милыхъ, и друзей...
Я знаю: самъ сойду вослѣдъ за ними въ землю,
Гнѣздо жъ проклятое меня переживетъ...
Неравная борьба... Погибну въ свой чередъ...
Но милымъ голосомъ изъ вѣчности я внемлю,
Оттуда, гдѣ горитъ зовущая звѣзда:
И ты умри врагомъ проклятаго гнѣзда!
И ты, и ты омой нашъ бѣдный міръ съ любовью
Слезами теплыми, своею чистой кровью!..

ПЛОШКА.

Ярко пылавшая плошка, мнѣ очи огнемъ ослѣпляя,
Гарью и копотью смрадной по вѣтру меня обдала.
Полный вражды и презрѣнья, я плюнулъ въ нее съ отвращеньемъ,
Пламя слегка затрещало... Его угасить я не могъ.
Высохла влага мгновенно, а пламя вдвойнѣ задымило...
Честный плевокъ мой, о, братья, подобенъ, быть можетъ, и намъ.
Съ честной враждою мы также въ пылающій кратеръ порока,
Злобно плюёмъ, но свирѣпѣй въ немъ пламя и больше коптитъ.
Плошка угасла сама... Такъ постойте жъ—угаснетъ и кратеръ
Копоть и смрадъ его буря далеко отъ насъ унесетъ.

Вотъ какіе стихи считались въ свое время опасными, и за ихъ участь дрожало сердце поэта!

Современный читатель, привыкшій къ сатирическимъ листкамъ, въ которыхъ каждый предметъ, каждое лицо называются своими именами, конечно не пойметъ, кого или что подразумѣвалъ поэтъ подъ словами: литературная (очевидно вмѣсто: политическая) мгла, гнѣздо проклятое, кратеръ и проч. и почему такія невинныя стихотворенія, какъ «Плошка», не могло быть пропущеннымъ цензурою.

Другой поэтъ-переводчикъ Л. Н. Трефолевъ, печатавшійся подъ псевдонимомъ «Уединеннаго Пошехонца»», по яркости и силѣ своего «сатирическаго» стиха значительно уступалъ Пальмину, въ личной же жизни былъ самымъ мирнымъ ярославскимъ обывателемъ земцемъ, почитавшимъ Бога, своевременно ходившимъ къ исповѣди и причастію и просившимъ въ одномъ изъ писемъ къ Н. А. Лейкину, собиравшемуся на Валаамъ, купить тамъ въ церкви просфору, и прислать ее ему посылкой.

Еще менѣе можетъ быть понятна современному читателю неблагонамѣренность Н. А. Лейкина. Пальминъ, по свойству своего таланта и потому, что былъ поэтъ,—писалъ аллегоріями, у Н. А, «трезваго реалиста», какъ онъ называлъ самого себя, человѣка, по свидѣтельству Пальмина и другихъ современниковъ,—ненавидѣвшаго даже описанія природы,—никакихъ поэтическихъ аллегорій не было и быть не могло. Не пиша «эзоповскимъ языкомъ», Н. А. не называлъ также вещи своими именами, а

писалъ съ натуры, беря типы изъ той мѣщанской, умственно убогой среды, гдѣ, естественно, никакихъ «идей» не было и быть не могло.

А между тѣмъ Н. А. также считался «неблагонамѣренным» какъ писатель; въ его сценкахъ находили намеки на дѣйствительныя событія, на живыхъ лицъ, которыхъ «въ охраненіе существующаго порядка» нельзя было выводить, и цензура, случалось, не пропускала разсказовъ Лейкина.

По этому случаю намъ припоминается разсказанный намъ самимъ Н. А. забавный эпизодъ, однако едва не повлекшій за собою высылку Н. А. изъ столицы.

Въ «Петербургской Газетѣ» Н. А. былъ помѣщенъ разсказъ о воронѣ, сѣвшей на крышу одного купеческаго домика на Петербургской сторонѣ, кричавшей пѣтухомъ и привлекавшей своимъ продолжительнымъ сидѣньемъ, а въ особенности необычайнымъ крикомъ, вниманіе сосѣдей. Случай этотъ, какъ дѣйствительный, былъ разсказанъ Лейкину, и тотъ воспользовался фабулой. Публикѣ ли понравился этотъ разсказъ, или самому автору, неизвѣстно, но послѣдній почему-то нашелъ нужнымъ продолжать разсказъ и въ слѣдующемъ номерѣ газеты.

Ворона все сидитъ, все кричитъ пѣтухомъ, а публика все собирается смотрѣть на ворону, судить да рядить: кто предсказываетъ смерть владѣльцу дома, кто войну и пр., какъ водится. Нужно же было такъ случиться, что и настоящая, не сочиненная публика заинтересовалась вороной, и дѣйстви-

тельно стала стекаться въ улицу (случайно названную авторомъ) и собираться около дома (тоже, конечно, названнаго въ разсказѣ случайно, но оказавшагося, дѣйствительно домомъ такого-то купца) въ большомъ количествѣ.

Ни о чемъ не догадывающійся Н. А. печатаетъ третье продолженіе разсказа, а между тѣмъ публика уже запрудила улицу, глазѣетъ на крышу дома и, не видя вороны, требуетъ, чтобы ей ее показали. Для «успокоенія» публики требуется усиленный нарядъ полиціи, легенда о воронѣ доходитъ до свѣдѣнія тогдашняго градоначальника Грессера и тотъ вызываетъ къ себѣ автора.

Результатомъ свиданія Н. А. съ градоначальникомъ было то, что послѣдній чуть-ли не пригрозилъ писателю высылкой изъ столицы, если публика не успокоится и не перестанетъ ходить смотрѣть кричащую пѣтухомъ ворону...

Насколько помнится, Н. А. прекратилъ продолженіе легенды о воронѣ.

Но въ 1885 году съ нимъ произошелъ другой случай, о которомъ Н. А. въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ слѣдующее: «я написалъ юмористическую сценку, какъ мясникъ дѣлитъ теленка, поднося приставу заднюю ногу, помощнику пристава котлеты, околоточному—лопатку за то, чтобы онъ не заставлялъ его подновлять лавочную вывѣску. И вотъ за эту шуточную сценку, Грессеръ вызвалъ меня къ себѣ, *издѣвался надъ прессой*, называя ее сплошной сплетней, и грозилъ выслать меня изъ

Петербурга и выслалъ бы можетъ быть, ежели бы не заступничество покойнаго городского головы И. И. Глазунова, который, будучи съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, заступился за меня какъ за гласнаго и какъ за хорошаго знакомаго.

Тутъ, какъ видитъ читатель, весь вопросъ заключался вовсе не въ политической неблагонамѣренности или неблагонадежности человѣка, а въ тѣхъ неудобствахъ и хлопотахъ, которыя, въ данномъ случаѣ, доставлялъ человѣкъ полиціи, пекущейся о томъ, чтобы въ городѣ было «все благополучно», отчасти же въ желаніи отмстить.

Чуть было не пострадалъ Н. А. въ Угличѣ, во время своего путешествія по Волгѣ въ 1882 году въ компаніи съ писателями: С. В. Максимовымъ, Михневичемъ, и Геемъ. На бойкой улицѣ этого знаменитаго въ своемъ родѣ города, племяннику С. В. Максимова, студенту Радивановскому, вздумалось карманнымъ, фотографическимъ аппаратомъ снять случившійся въ то время крестный ходъ.

Только что компанія вернулась въ гостинницу, какъ вслѣдъ за ней, въ общую комнату, вошелъ полицейскій, немедленно заперъ за собою дверь на ключъ, сѣлъ за столъ и положилъ передъ собою револьверъ.

— Я долженъ васъ арестовать, господа! заявилъ полицейскій.

— Почему это? спросилъ С. В. Максимовъ.

— Потому, что вы мнѣ кажетесь подозрительными.

— Мало-ли что вамъ можетъ казаться! Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право насъ арестовать! возразилъ Максимовъ.

— У меня есть основаніе. На васъ указываютъ, какъ на лицъ подозрительныхъ! Есть люди, которые утверждаютъ, что вы прицѣливались чѣмъ то въ крестный ходъ.

Максимовъ расхохотался.

— Хотите посмотрѣть, чѣмъ мы *прицѣливались?* Вотъ этимъ самымъ! сказалъ онъ, подавая фотографическій аппаратъ.

Этотъ аппаратъ, повидимому, мало убѣдилъ полицейскаго, т. к. даже послѣ телеграфированія Максимовымъ къ одному изъ властей предержащихъ, хорошо ему знакомому, путешественникамъ, все таки, пришлось сильно сократить срокъ своего пребыванія въ дикомъ городѣ.

VI.

Изумительна была работоспособность Н. А. Лейкина. Будучи еще 17 лѣтнимъ юношей, онъ чуть ли не ежедневно пишетъ пьесу: «Семейство Горностаевыхъ», переписываетъ, измѣняетъ, дополняетъ и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ своимъ трудомъ.

Всего написано и издано Н. А. Лейкинымъ романовъ и повѣстей 36, разсказовъ, очерковъ, сценъ— 1044 и выпущено въ свѣтъ 70 томиковъ своихъ сочиненій. Кромѣ того, имъ написана масса разска-

зовъ и сценокъ, не изданныхъ отдѣльно, печатавшихся въ «Пет. газетѣ», «Осколкахъ», «Стрекозѣ» и др. журналахъ.

Меньше всего написано Н. А. пьесъ, всего: 11 и одно только стихотвореніе «Кольцо», которымъ онъ дебютировалъ въ апрѣлѣ 1860 года въ «Русскомъ Мірѣ» А. С. Гіероглифова.

По справедливости, Н. А. Лейкинъ считался самымъ плодовитѣйшимъ русскимъ писателемъ и, кажется, менѣе всѣхъ затруднявшимся самымъ процессомъ писанія: разсказы и сценки писались имъ очень легко,—въ два, три часа онъ начиналъ и оканчивалъ обыкновенно разсказъ для «Петербургской Газеты» въ которой былъ однимъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ.

Не чуждъ былъ Н. А. Лейкинъ и театра, какъ исполнитель на сценѣ пьесъ, преимущественно Островскаго.

Такъ, въ семидесятыхъ годахъ, онъ много игралъ на любительскихъ сценахъ, въ петербургскихъ клубахъ: художниковъ, приказчиковъ и въ благородномъ собраніи.

Н. А. Лейкинъ поставилъ себѣ за правило, подобно Эмилю-Золя,—писать каждый день, и вполнѣ могъ избрать себѣ девизъ: «nulla dies sine linea»,— «ни одного дня безъ строчки».

Замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что, наряду съ писательствомъ, Н. А. трудился и на поприщѣ общественной дѣятельности, состоялъ гласнымъ С.-Петербургской Городской Думы, членомъ

всевозможныхъ обществъ, попечителемъ школъ и пріютовъ, земскимъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судьей и пр., и пр., не исключая церковнаго старосты, каковымъ и состоялъ при церкви какого-то казачьяго полка, что давало ему даже право носить мундиръ и шаровары съ красными лампасами.

Слишкомъ долго и много пришлось бы говорить объ общественной дѣятельности Н. А., да это и не входитъ въ планъ книги, посвященной Н. А. преимущественно какъ писателю.

Мы не станемъ также вдаваться въ критику многочисленныхъ произведеній Н. А.—трудъ излишній и безполезный, т. к. публика давно и по заслугамъ оцѣнила произведенія плодовитаго писателя, автора живыхъ, бытовыхъ разсказовъ, искрящихся добродушнымъ, русскимъ юморомъ, и проникнутыхъ всегда чистой и честной идеей.

Начавъ съ описанія скромнаго, сѣренькаго существованія «апраксинцевъ», «биржевыхъ артельщиковъ» и незамѣтныхъ мученицъ старозавѣтнаго уклада жизни,—«христовыхъ невѣстъ», авторъ самъ прошедшій тяготу скромнаго, зависимаго существованія въ купеческихъ кладовыхъ,—дошелъ до великихъ дней русской революціи и съ тѣмъ же добродушнымъ, человѣколюбивымъ, безобиднымъ юморомъ описывалъ «стачечниковъ», «забастовщиковъ», находя и въ этихъ борцахъ за свободу черты все того же средняго, повседневнаго человѣка съ его маленькими радостями и горемъ, такъ хорошо изученными, такъ прекрасно понятыми писателемъ-реалистомъ, писателемъ-бытовикомъ...

Колесо исторіи зацѣпило и потащило впередъ всѣхъ этихъ маленькихъ, невидныхъ героевъ труда, о нихъ заговорили, ихъ поставили на первое мѣсто, во главу угла, но они все тѣже обыкновенные, незамѣтные люди и, «дѣлая исторію», они также какъ тогда, когда не дѣлали ее, нуждаются и въ кровѣ, каковъ бы онъ ни былъ, и въ хлѣбѣ насущномъ.

Н. А. Лейкинъ можетъ быть современемъ забытъ читающей публикой, мы думаемъ, что это случится неизбѣжно даже когда распахнутся широко ворота Свободы, и въ нихъ потекутъ тѣ сословія, та «гуща», которымъ раньше былъ входъ запрещенъ. Трудно даже предположить, въ какую человѣческую форму, въ какую «особь» выльется тогда, такъ называемый нынѣ рабочій человѣкъ! Уже теперь на профессіональныхъ собраніяхъ, на митингахъ и массовкахъ мы слышимъ такія *интеллигентныя рѣчи*, что у многихъ слушателей является сомнѣніе: дѣйствительно-ли ораторъ рабочій, а не одѣтый въ блузу студентъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ словаря будущаго рабочаго, дворника, мелкаго торговца, извозчика будутъ вычеркнуты тѣ «смѣшныя» словечки, которыя составляли пикантный гарниръ Лейкинскихъ разсказовъ, несомнѣнно, что въ значительной степени измѣнится само положеніе Лейкинскаго героя и ситуаціи, ложившіяся въ основу его разсказовъ, будутъ тогда, конечно, немыслимы. Лейкинъ, какъ и большинство писателей, его современниковъ, не будетъ болѣе интересовать читателя, и его переста-

нутъ читать, но онъ уже внесъ свой вкладъ въ литературу и въ исторіи ея займетъ если не одно изъ первыхъ, то и не послѣднее мѣсто, служа однимъ изъ правдивыхъ источниковъ изученія «простого человѣка» въ мрачную эпоху русской общественной жизни...

Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что въ самую тяжелую пору реакціи, въ годы 1881 по 1906, въ теченіе четверти вѣка Н. А. Лейкинъ, сложа руки и ожидая у моря погоды, не сидѣлъ, а насколько то было можно и въ средствахъ его разумѣнія, старался бороться съ темной силой. Это былъ періодъ изданія имъ юмористическаго журнала съ карикатурами «Осколки».

Идея изданія «Осколковъ»,—журнала художественныхъ крокъ, съ прибавкой небольшихъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, возникла впервые у извѣстнаго типографа Р. Р. Голике, но публика не оцѣнила художественныхъ намѣреній редактора-издателя, изданіе не пошло, и Голике, поступившись идеей, обратился къ содѣйствію Н. А. Лейкина.

Журналъ былъ превращенъ въ юмористическій...

Кажется теперь,—послѣ появленія чуть ли не сотни юмористическихъ и сатирическихъ журналовъ-поденокъ, заслужившихъ высокой чести конфискацій, ареста, суда, и заключенія редакторовъ ихъ въ тюрьмы,— излишне говорить о томъ вліяніи, которое имѣютъ на публику юмористическіе журналы. Если эти журналы не способствуютъ тому, чтобы ridendo casti-

gantur mores,—не исправляютъ нравовъ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать ихъ громадной практической пользы въ трудный періодъ освободительнаго движенія.

Если какой-нибудь сатрапъ, увидя себя въ карикатурѣ не сможетъ сдержаться и «взвоетъ съ дуру,— это я»,—то этимъ однимъ могло бы быть уже исчерпано все значеніе юмористическихъ листковъ, ибо нѣтъ ничего страшнѣе и безпощаднѣе смѣха. Это отлично знаютъ тѣ, по приказу которыхъ полиція отбираетъ чуть-ли не у публики сатирическіе листки на улицахъ, а чиновники присуждаютъ редакторовъ этихъ листковъ къ тюремному заключенію.

Мы уже знаемъ, какимъ цензурнымъ гоненіямъ подвергались, «Осколки» во времена, Сватковскихъ, Кожуховыхъ и проч., старавшихся въ самыхъ невинныхъ сатирическихъ обмолвкахъ заподозрѣть проявленіе крамольнаго духа; для такихъ цензорскихъ свирѣпствованій у Н. А. Лейкина выработалось даже спеціальное слово: погромъ.

... «Сегодня,—сообщаетъ Н. А. въ одномъ изъ писемъ А. П. Чехову,»—на «Осколки» обрушился сильный, цензорскій погромъ. Погибъ большой мой разсказъ изъ раскольническаго быта, гдѣ выставленъ типъ старика-безпоповца—начетчика, погибли два стихотворенія Трефолева, половина стихотворенія Пальмина, полъ обозрѣнія петербургской жизни Билибина и нѣсколько строкъ изъ Вашихъ, послѣднихъ мелочишекъ. Словно Мамай прошелъ!

«Мамай» разгуливалъ по «Осколкамъ» каждую

недѣлю и дѣйствительно не успѣло еще вѣроятно у А. П. Чехова остыть непріятное впечатлѣніе отъ перваго письма, какъ Н. А. уже снова пишетъ ему.

... «Сегодня надъ 10 номеромъ опять разразилась цензорская гроза... Пострадали Трефолевъ, я, и отчасти Пальминъ. Пропала прелестнѣйшая баллада Трефолева, у меня до неузнаваемости искаженъ разсказецъ «Факельщикъ». Вся штука въ томъ, что въ факельщикахъ замотавшійся и спившійся съ кругу гвардейскій офицеръ (бывшій), но цензоръ вымаралъ все, изъ чего можно было догадаться, что это когда-то былъ блестящій гвардейскій офицеръ высшаго круга»...

Иногда «погромы» вызывались тѣмъ, что постоянный цензоръ уѣзжалъ въ отпускъ, а замѣститель, «страха ради іудейска», на всякій случай «хѣрилъ» что попадется направо и налѣво.

Вотъ напр. что пишетъ Н. А. тому же А. П. Чехову:

...«Вы спрашиваете о судьбѣ Вашего «Трагика?» Разсказъ набранъ, пропущенъ цензурой, и пойдетъ въ № 33, если Вы къ тому времени пришлете еще какой-нибудь разсказецъ. Дѣло въ томъ, что при ужасныхъ цензурныхъ условіяхъ я всегда долженъ имѣть у себя запасной наборъ. Вотъ я и берегу «Трагика». Иначе можетъ случиться, что и № не выйдетъ. Бываетъ такъ, что цензоръ хѣритъ 1/3 посылаемаго къ нему. Да вотъ хоть бы нынѣшній, № 32 «Осколковъ»; захѣрены: прозаическая статья Пальмина, три стихотворенія Граве, два стихотво-

ренія Гиляровскаго, двѣ статейки Бертрама, двѣ И. Грека и маленькая моя статейка. Вѣрите ли, когда получилъ корректурный листъ обратно отъ цензора,—зубами я заскрежеталъ, до того на меня напала безсильная злоба. Надо Вамъ сказать, что постоянный цензоръ, цензирующій «Осколки», уѣхалъ въ отпускъ на 28 дней, и на мѣсто его назначенъ временный цензоръ. Этотъ то временный цензоръ (Юферовъ его фамилія) является для меня настоящимъ палачемъ-инквизиторомъ... Что онъ дѣлаетъ, такъ просто уму помраченье! Съ нетерпѣніемъ жду 15 августа, около котораго долженъ явиться мой цензоръ. Съ тѣмъ я въ пріятельскихъ отношеніяхъ, пріѣзжаю къ нему самъ, пью чай, *упрашиваю*, *уговариваю*, и бываетъ иногда такъ, что-что и нельзя, то можно, кое что выхѣрить, а кое что и оставитъ»...

Этотъ «пріятель» цензоръ, милостиво позволявшій себя упрашивать и уговаривать и по-пріятельски превращавшій «нельзя» въ «можно»,—былъ цензоръ Сватковскій, съумѣвшій, на первыхъ порахъ, расположить къ себѣ даже такого опытнаго борца съ цензурой, какимъ былъ Л. И. Пальминъ, но впослѣдствіи, и какъ это всегда у нихъ водится, неожиданно показавшій тому же Пальмину когти и зубы.

Почти четверть вѣка боролся Н. А. Лейкинъ съ цензурой, почти до 1906 года, когда относительная «свобода» печати была осуществлена революціоннымъ путемъ... Сколько было потрачено силъ, сколько испорчено крови по самымъ пустымъ, часто нелѣпымъ

поводамъ, сплошь и рядомъ въ угоду простого каприза чиновника!

Но Н. А. Лейкинъ могъ утѣшиться сознаніемъ, что онъ былъ не одинъ: изданія серьезныя, научныя подвергались такимъ же безсмысленнымъ гоненіямъ цензуры, пріостанавливались, запрещались. Печать стонала подъ игомъ «Мамая»!

VII.

Въ 1883 году А. П. Чеховъ писалъ изъ Москвы въ «Осколкахъ еженедѣльные фельетоны—обозрѣніе подъ общимъ заглавіемъ: «Московская жизнь». Н. А. Лейкину фельетоны эти очень нравились, и онъ всѣми силами поощрялъ и ободрялъ своего молодого и пока еще робкаго сотрудника.

Вотъ между прочимъ что онъ пишетъ А. П. Чехову 8 сентября 1883 года: ...«не удивляйтесь, что разсказъ Вашъ «Отставной рабъ» и Московская жизнь» являются въ № 37 урѣзанными,—это не редакторская длань, а цензорская. На насъ невзгоды. Обращено вниманіе на черезчуръ (? знакъ поставленный Лейкинымъ) либеральное направленіе «Осколковъ» и велѣно поприжать насъ. Цензоръ, кажется, получилъ выговоръ, и вотъ сегодня съ этого разыгрался. Все дѣло произошло изъ-за стихотворенія «Современный Іуда», помѣщеннаго въ № 36. Стихи пустенькіе, но вотъ поди-жъ ты! Въ «Московской жизни» вымарано о новомъ Кульковѣ - Катковѣ. Оказывается, что объ этомъ бонзѣ совсѣмъ пока

говорить невозможно, ибо въ оригиналѣ, заготовленномъ для № 37 намекалось о Катковѣ въ трехъ мѣстахъ за его умалчиванія о Тургеневѣ, и въ трехъ мѣстахъ выхѣрено, хотя вездѣ только намекалось, безъ упоминанія его священной фамиліи... Вы пишете про себя: «или въ Москвѣ событій нѣтъ, или я плохой фельетонистъ»... Событій, дѣйствительно, мало, т. е. они есть, но доступныхъ для пробиранія то мало. Что дѣлать, надо подчасъ брать и мелкіе факты. Лупите купцовъ-гулякъ и буяновъ, называя ихъ, разумѣется, по фамиліямъ. Изрѣдка это хорошо. Лупите актеровъ. Вѣдь много у васъ есть такихъ, которые захвалены покупными рецензентами, вотъ ихъ съ горы и скатывайте... Думу не слѣдуетъ лупить. Это значитъ играть нынѣ въ руку министерству. *Самоуправленіе и такъ виситъ на волоскѣ*. Хорошо бы вамъ сдѣлать характеристику всѣхъ частныхъ, московскихъ театровъ и московскихъ клубовъ похлеще. Можно дѣлать такъ, какъ я недѣли три, четыре назадъ дѣлалъ свои телеграммы изъ петербургскихъ увеселительныхъ мѣстъ. Вы вѣрно читали ихъ въ «Осколкахъ»? Тутъ нужна пародія, каррикатура, вывертъ и фамиліи. Замѣчательно, что всѣ эти шалости, чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше выходятъ. Главное, что это захватываетъ всегда новый кругъ читателей. *Глупостями мы будемъ захватывать читателей, а умными статьями учить ихъ. Вѣдь съ глупостями они и умное прочтутъ. Да наконецъ бываютъ и умныя глупости*».

Не можемъ не обратить вниманіе читателей на эти строки. Въ нихъ весь Н. А.,—весь его символъ вѣры, съ которымъ онъ началъ и кончилъ писать. Эти строки могутъ послужить прекраснымъ отвѣтомъ и тѣмъ его критикамъ-хулителямъ, которые не высоко ставили Н. А. за тѣ «пошлости», которыя, якобы, онъ писалъ, эти строки скажутъ имъ, что если Н. А. и писалъ когда пошлости (вѣдь и Гоголя въ свое время обвиняли въ томъ-же!) то не ради этихъ самыхъ пошлостей, а съ другою, во всякомъ случаѣ не низменною, цѣлью...

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ къ А. П. Чехову отъ 23 декабря Н. А. ободряетъ его: ...«Вы пишете относительно московскаго обозрѣнія—«не похѣрить ли Вамъ Рувера (псевдонимъ Чехова). О ерундѣ писать не хочется, да и не слѣдуетъ. Вообще не клеится мой фельетонъ». Съ этимъ я не согласенъ, и скажу Вамъ прямо: какъ бы ни былъ плохъ Руверъ, онъ, всетаки, лучше напишетъ, чѣмъ вся московская братія, до сихъ поръ писавшая у меня въ «Осколкахъ». Да я и не нахожу, чтобы Ваши фельетоны были плохи. Самъ себѣ никто не судья, а я Вашимъ писаньемъ доволенъ. Высказавъ это, я усердно прошу Васъ продолжать обозрѣніе московской жизни и въ будущемъ году и приготовить обозрѣніе къ № 1... Я не сомнѣваюсь, что Вы мнѣ въ этомъ не откажете и смѣло жду отъ Васъ утвердительнаго отвѣта...

Впрочемъ, кажется къ концу 1885 года, «московское обозрѣніе» уже не подъ псевдонимомъ Рувера,

а подъ какимъ то другимъ, намъ неизвѣстнымъ, какъ то само собою постепенно прекратилось...

Этому обстоятельству предшествовало событіе, описанное Н. А. въ письмѣ къ А. П. Чехову отъ 10 октября 1885 г.

...«Вы спрашиваете», — пишетъ Н. А., — «что случилось съ «Осколками Московской жизни», посланными Вами для № 4 журнала? Случилась бѣда. Не будь запасного набора, я не могъ бы составить номера. Цѣлый погромъ. Цензоръ все захѣрилъ: и Вашихъ «Звѣрей», и стихи Трефолева, стихи Гиляровскаго, 1/2 обозрѣнія Билибина, мой фельетонный разсказъ, анекдоты, копилку курьезовъ и московскую жизнь. Послѣднюю, я думаю, просто изъ озорничества. Дѣло въ томъ, что ему былъ нагоняй за то, что онъ пропускаетъ слишкомъ рѣзкія статьи въ «Осколкахъ» и именно за № 39. Но это еще не все: самъ журналъ еле уцѣлѣлъ. На утро я былъ вызванъ въ цензурный комитетъ и предсѣдатель Кожуховъ (онъ изъ Москвы) объявилъ мнѣ, что журналъ будетъ запрещенъ, если я не перемѣню направленіе, что цензоръ вымарываетъ статьи, но противъ общаго направленія, противъ подбора статей онъ ничего не можетъ сдѣлать, и что тутъ виноватъ редакторъ. Объявилъ мнѣ также, что начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати вообще противъ сатирическихъ журналовъ и не находитъ, чтобы они были необходимы для публики, что... и т. д.

Громы разверзлись страшные. Мнѣ приказано, чтобы весь запасъ каждую недѣлю посылаемъ былъ

въ комитетъ на новое разсмотрѣніе, и мотивировано это тѣмъ, что недѣлю раньше могло быть дозволено, то недѣлю позже, вслѣдствіе нѣкоторыхъ циркуляровъ, не можетъ быть уже дозволено. Затѣмъ я прослышалъ, что мнѣ хотятъ запретить розничную продажу. Но что я безъ розничной продажи? Она—все. Безъ нея, одними подписными деньгами, я не могъ бы и половины того платить сотрудникамъ, что я теперь плачу. Я бросился хлопотать. Нашлись друзья, заступники, сторонники, почитатели моего пера, и кое-какъ дѣло уладилось, но все-таки Дамокловъ мечъ виситъ, и надо, хоть на время, сократиться. Противъ рожна не попрешь! Я просилъ пропустить «Звѣрей», и утверждалъ, что это невинный разсказъ, но въ комитетѣ мнѣ сказали: «неужели мы не понимаемъ, что тутъ идетъ рѣчь не о звѣряхъ». Московская жизнь захѣрена просто изъ озорничества, и когда все уляжется, я попробую послать ее въ цензуру еще разъ, и она, я думаю, пройдетъ...

Отъ этой передряги я даже слегка заболѣлъ: нервы разстроились, лихорадка сдѣлалась, ночи плохо спалъ, сны тревожные»...

VIII.

Мало-по-малу А. П. Чеховъ, взысканный особеннымъ вниманіемъ публики, но постепенно, хотя и медленно, разрушавшійся отъ своей давнишней болѣзни, пересталъ писать въ «Осколкахъ», а затѣмъ

значительно сократилась и переписка его съ Лейкинымъ, пока, наконецъ, подъ датой 3 Іюля 1904 года послѣдній не отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «въ полдень привезли съ почты газеты (Н. А. жилъ въ своемъ имѣніи «Мѣдномъ», на берегу р. Мойки, впадающей близъ Шлиссельбурга въ р. Неву). Я развернулъ «Новое Время» и поразился. Умеръ Антонъ Чеховъ! Съ А. П. Чеховымъ я былъ очень близокъ, пока онъ жилъ въ Москвѣ, и въ своемъ подмосковномъ имѣньицѣ. При наѣздѣ въ Москву, я бывалъ у него. Пріѣзжая въ Петербургъ, онъ останавливался у меня, а затѣмъ, познакомившись съ Суворинымъ, ужъ у Суворина. Всѣ его петербургскія литературныя знакомства произошли черезъ меня. *И какъ писателя Чехова—я отыскалъ.* У меня въ «Осколкахъ» и началъ онъ свою дѣятельность. Даже въ первый разъ въ Петербургъ пріѣхалъ Чеховъ изъ Москвы со мной. А отыскалъ я въ Москвѣ Чехова такъ. Пріѣхалъ я въ Москву для продажи моихъ книгъ. Кажется это было въ 1885 г., въ третій годъ моего редактированія журнала «Осколки». Поэтъ Л. Пальминъ тогда уже постоянный сотрудникъ журнала познакомилъ меня съ Чеховымъ. Знакомство это было очень оригинальное. Я обѣдалъ съ Пальминымъ у Тѣстова и затѣмъ поѣхалъ къ Пальмину пить чай. Было это зимой; подъ вечеръ, но засвѣтло. Пальминъ тогда жилъ на Собачьей площадкѣ, на Арбатѣ. Я просилъ Пальмина, чтобы онъ приглашалъ иногда кое-кого изъ московской пишущей братіи для писанія въ «Осколкахъ». Онъ обѣщалъ. А когда мы подъѣзжали

съ нимъ къ его квартирѣ, сказалъ мнѣ, указывая на тротуаръ:

— Да вотъ два даровитые брата идутъ: одинъ художникъ, а другой писатель. У него очень недурненькій разсказецъ былъ въ «Развлеченіи».

Это были два брата Чеховы! Николай—художникъ, и Антонъ. Я встрепенулся.

— Такъ познакомь меня поскорѣй съ нимъ, Ліодоръ Ивановичъ! сказалъ я Пальмину.—Остановимся!

Мы вылѣзли изъ саней. Пальминъ окликалъ Чеховыхъ и познакомилъ насъ. Мы вошли въ ближайшую портерную и, за пивомъ, я пригласилъ сотрудничать въ «Осколкахъ» и Антона и Николая Чеховыхъ. Антонъ Чеховъ сей часъ же сталъ присылать изъ Москвы въ «Осколки» свои разсказы. Николай Чеховъ, нынѣ давно умершій, очень даровитый художникъ, къ сожалѣнію, мало работалъ въ журналѣ Онъ прислалъ за все время всего пять-шесть рисунковъ.

Антонъ Чеховъ впослѣдствіи называлъ себя моимъ литературнымъ крестникомъ. У меня есть и книга его разсказовъ съ надписью: «моему литературному крестному батюшкѣ».

Нынѣ, всѣ четверо: Николай Чеховъ (дѣйствительно замѣчательно даровитый художникъ) Л. И. Пальминъ, А. П. Чеховъ и Н. А. Лейкинъ — покойники...

Необходимо, однако, замѣтить, что Н. А. Лейкинъ въ своемъ дневникѣ относительно времени

знакомства съ Чеховымъ, сильно ошибается. Знакомство это должно быть отнесено къ концу 1882 года такъ какъ 14 ноября этого года, Н. А. ужъ писалъ А. П. Чехову слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь! Имѣю честь Васъ увѣдомить, что присланные Вами въ два пріема разсказцы я получилъ, и отобралъ изъ нихъ для помѣщенія въ журналѣ «Осколки», три разсказа: «Рѣчь и ремешокъ», «Неудачный визитъ» и «Нарвался». За присылку ихъ приношу Вамъ мою благодарность. Два же разсказа: «Выучилъ» и «Между прочимъ» спѣшу Вамъ при семъ возвратить. Мнѣ вообще пріятно Ваше сотрудничество. Мелкія Ваши прозаическія вещицы я всегда готовъ помѣщать ежели онѣ будутъ согласны съ программой журнала. Ежели у Васъ будутъ мелочишки для отдѣла «Осколки», или подписи къ рисункамъ, то прошу присылать и таковыя.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ дружественномъ расположеніи. Н. Лейкинъ.

По этому письму можно, приблизительно, опредѣлить время перваго знакомства Н. А. съ А. П. Чеховымъ; это было въ концѣ 1882 года, а никакъ не въ 1885 года, когда Чеховъ, подъ псевдонимомъ Руверъ, писалъ уже въ «Осколкахъ» — Московскія обозрѣнія.

Вся, очень большая переписка Н. А. Лейкина съ Л. И. Пальминымъ и неменьшая переписка съ А. П. Чеховымъ посвящена почти исключительно сообще-

ніямъ и замѣткамъ о журналѣ «Осколки». Съ обычнымъ упорствомъ, съ обычной страстностью къ труду Н. А. въ теченіе 25 лѣтъ, съ 1881 по 1906, по день своей смерти, если не всего, то значительную долю самого себя, своихъ духовныхъ силъ посвящаетъ своему журналу «Осколки», который, дѣйствительно, является его журналомъ, такъ какъ соучастіе въ немъ Р. Голике съ самаго начала и до конца сказывалось исключительно въ вопросахъ хозяйственныхъ, издательскихъ.

Отдавшись изданію самъ, Н. А. съумѣлъ захватить и привлечь къ сотрудничеству въ юмористическомъ журналѣ даже такихъ не юмористическихъ писателей, каковыми были С. В. Максимовъ и Н. С Лѣсковъ, и они заплатили дань не столько юмористикѣ, сколько добрымъ, пріятельскимъ отношеніямъ къ издателю.

Сколько хлопотъ, заботъ, надеждъ, огорченій и мимолетныхъ радостей въ упорной борьбѣ съ гидрою цензурой и это въ теченіе четверти вѣка, изо дня въ день, чуть ли не до послѣдняго дня жизни!

Такъ, 11-го декабря 1901 года, Н. А. Лейкинъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «подписки на «Осколки»—никакой. Всего 3 человѣка а въ прежнее время въ половинѣ декабря бывало уже 250—300. Да и нѣтъ почты денежной изъ провинціи»...

А 22 декабря его уже отвозятъ въ Маріинскую больницу для операціи ноги.

IX.

Хотя и страдавшій діабетомъ, съ серцемъ утомленнымъ и слабымъ, но полный еще духовныхъ силъ, Н. А. Лейкинъ не хотѣлъ умирать, и когда ему объявили о необходимости операціи, съ ужасомъ воскликнулъ:

— Это начало конца!

Онъ угадалъ. Это дѣйствительно было началомъ конца.

Но никому изъ окружавшихъ Н. А. именно этого не приходило въ голову. Мы посѣтили Н. А. послѣ операціи, и увидали его лежавшимъ въ кровати съ такимъ свѣжимъ, *жизненнымъ* лицомъ, что оставили больного въ полной увѣренности въ его скоромъ выздоровленіи.

Н. А. былъ въ полной памяти, спокоенъ, разговорчивъ, и сообщилъ намъ, что вскрытіе абсцесса на ногѣ совершилось благополучно, безъ хлороформированія.

Вотъ что сообщила намъ вдова, Прасковья Никифоровна Лейкина о послѣднихъ минутахъ покойнаго:

«Николай Александровичъ слегъ въ постель 13 декабря 1905 г. (8 декабря онъ писалъ въ своемъ дневникѣ, что его безпокоитъ рана на ногѣ вслѣдствіе отековъ). Еще 2 декабря, ночью, во снѣ онъ оцарапалъ голень лѣвой ноги, той, которую онъ будучи еще молодымъ человѣкомъ, сломалъ въ бедрѣ при паденіи зимою во время гололедицы. Нога

срослась, Н. А. могъ ходить безъ костылей, но всю жизнь прихрамывалъ. Утромъ 3-го декабря я,—сообщаетъ Прасковья Никифоровна, пришла къ нему въ спальню съ цѣлью разбудить его. Со мною вбѣжали два пуделя, его любимцы,—Н. А. былъ страстный любитель собакъ, а пудели даже спали на его постелѣ,—и прыгнули къ нему въ постель. Н. А. вдругъ застоналъ. Я спросила его: «что съ тобою, болитъ у тебя что?—Да, у меня что то сдѣлалось съ ногою, сочится какая-то жидкость. Посмотри, пожалуйста, что тамъ такое?

Я осмотрѣла ногу, и увидѣла маленькую, но уже загноившуюся царапину. Сейчасъ же я промыла ранку растворомъ борной кислоты и забинтовала марлей. Съ этого времени я продолжала перевязки два, три раза въ день до 13 декабря. Ранка увеличивалась, но временами, когда Н. А. сидѣлъ дома и меньше двигался,—подсыхала. Показывала ранку и пользовавшимъ Н. А. докторамъ, но они не придавали ей значенія, и говорили, что у него есть болѣзни поважнѣе. У Н. А. былъ діабетъ, отъ котораго онъ лечился съ 1900 года. Временами Н. А. страдалъ сильными отеками и тогда ему предписывали молочную діэту. Вторникъ 13 декабря былъ редакціоннымъ днемъ въ «Осколкахъ» и Н. А. началъ собираться ѣхать. Т. к. погода была вѣтряная и холодная, а наканунѣ, 12, Н. А. весь день пролежалъ, то я боялась, чтобы онъ не простудился и всячески уговаривала остаться дома, предлагая ѣхать и исполнить все за него. Но Н. А. непремѣнно хотѣлъ

ѣхать самъ, жалуясь на скуку отъ бездѣйствія, желая повидаться съ сотрудниками и, т. к. газеты не выходили по случаю забастовки,—хоть отъ сотрудниковъ услышать о современныхъ событіяхъ.

Закутавшись въ шубу, Н. А. уѣхалъ въ началѣ 12 часа дня, а въ 3-мъ часу вернулся, пилъ со мною чай, и не жаловался ни на что. Въ 4 часа къ нему начали приходить городскія учительницы 8-го участка, въ которомъ онъ, много лѣтъ, былъ попечителемъ. Около 5 часовъ Н. А. покончилъ всѣ дѣла съ учительницами, и не успѣли еще уйти послѣднія изъ квартиры, какъ Н. А. громко позвалъ меня въ кабинетъ. Когда я вошла, онъ протянулъ мнѣ руки со словами:

— Я страшно озябъ, дай мнѣ чѣмъ-нибудь согрѣться!..

Я взяла его за руки, и почувствовала, что онѣ холодны и Н. А. трясетъ лихорадка. Тутъ же, въ кабинетѣ, какъ онъ былъ одѣтъ, я его уложила на диванъ, накрыла плэдомъ, енотовой шубой, стала поить чаемъ съ лимономъ и коньякомъ. Н. А. не могъ согрѣться, и дрожалъ. Я измѣрила температуру,—было 40 съ десятыми... Тотчасъ же было послано за докторомъ, который, по осмотрѣ больного, опредѣлилъ простуду. Тогда я указала доктору на ранку на ногѣ, становившуюся все больше и больше, но докторъ, сказалъ, что лихорадка не отъ раны, приказалъ раздѣть Н. А. уложить въ постель, и прописалъ потогонное.

Когда я повела Н. А. въ спальню, то онъ окинулъ взглядомъ кабинетъ, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Прощай, мой милый, уютный уголокъ! Послѣднiй день сегодня я съ тобою! Чувствую, что больше не работать здѣсь!

Съ 13 по 21 декабря страданiя Н. А. все усиливались; нога воспалилась и распухла до паха, и съ постели Н. А. больше уже не вставалъ. Ежедневно его навѣщали доктора: много лѣтъ пользовавшiй его В. И. Лисенко, зять его А. Н. Душенкинъ, профессора: Сиротининъ и Трояновъ. 21 декабря созванъ былъ консилiумъ и доктора нашли, что необходимо сдѣлать операцiю. Директоръ Марiинской больницы, проф. Трояновъ предложилъ взять комнату въ платномъ отдѣленiи больницы. Я была въ отчаянiи, плакала отъ горя и жалости къ Н. А., который мнѣ былъ не только мужемъ, а отцомъ и другомъ, и съ которымъ я въ счастiи и спокойствiи прожила 29 лѣтъ.

Надо было объявить больному рѣшенiе врачей и приготовить къ мысли объ операцiи. Ужасны были эти минуты.

Ну какъ сказать человѣку, и безъ того страдающему, что ему хотятъ сдѣлать еще больнѣе, и для этого еще вывезти изъ любимаго гнѣзда въ больницу? Я уже не помню, что было со мною отъ слезъ, когда пришелъ д-ръ Лисенко и сказалъ, что Н. А. принялъ очень спокойно предложенiе операцiи и переселенiя въ больницу.

Когда я подошла къ постели Н. А., онъ взялъ мою руку, посмотрѣлъ на меня лихорадочными глазами и сказалъ:

— Завтра повезутъ меня въ больницу, чтобы сдѣлать операцію. Ты не бойся, я все перенесу. Это мнѣ не въ первый разъ. Но только какъ я буду одинъ лежать въ больницѣ?

— Ты не будешь одинъ, я перейду съ тобою. Мнѣ профессоръ обѣщалъ. Я не могу оставить тебя тамъ одного. Иначе я не позволю везти тебя въ больницу, отвѣчала я.

Доктора уѣхали, мы остались одни приготовляться къ отъѣзду... Господи, что это была за ночь! Послѣдняя Н. А. ночь въ домѣ!

Н. А. былъ все время въ бреду при полномъ упадкѣ силъ.

Д-ръ Лисенко приходилъ черезъ каждые два часа дѣлать подкожныя вспрыскиванья. И такъ до самаго утра. Я, конечно, не раздѣвалась, и не прилегла ни на минуту, боясь оставить Н. А. одного; мнѣ казалось, что онъ не доживетъ до утра, — такъ онъ былъ плохъ. И, конечно, это былъ бы лучшій исходъ, но по наукѣ бѣдный Н. А. долженъ былъ вынести ужасную операцію, не менѣе полутора десятка страшныхъ перевязокъ, и настрадавшись и намучившись еще недѣли двѣ, не приходя въ себя, — умереть.

Ночь прошла. 22 декабря въ 9 часовъ утра пріѣхала санитарная карета, пришли: д-ръ Лисенко, двое санитарныхъ служителей съ носилками, сняли Н. А. съ постели, положили на носилки, завернули въ шубу...

Передъ тѣмъ какъ его вынесли изъ квартиры, Н. А. оглядѣлся, перекрестился на образъ, и сказалъ: «ну, съ Богомъ»!

Домашніе съ грустью простились съ нимъ и, вынесши его изъ дома навсегда, проводили до кареты. На улицѣ собралась большая толпа народа посмотрѣть, какъ будутъ больного укладывать въ карету. Нѣкоторые крестились какъ на покойника. Мнѣ эта картина была до крайности тяжела, я едва сдерживала слезы, боясь, что ихъ замѣтитъ Н. А.

По дорогѣ онъ много говорилъ, вспоминалъ старину, что онъ любилъ дѣлать часто. Говорилъ онъ и о текущихъ событіяхъ, которыми крайне интересовался, пересчитывалъ, всѣ-ли необходимыя ему вещи захватила я въ больницу. Вообще онъ былъ въ возбужденномъ состояніи, и видимо, хотя бы искуственно, посредствомъ разговоровъ, старался отвлечься отъ тяжелыхъ думъ.

Такъ какъ насъ поѣхали провожать братья Н. А. то мы подъѣхали къ больничному крыльцу цѣлымъ поѣздомъ.

Намъ дали комнату въ третьемъ этажѣ, очень маленькую, по сосѣдству съ операціонной. Н. А. сняли съ носилокъ, положили на кровать и стали приготовлять къ операціи. Я все время страшно волновалась. Въ 11 часовъ пришли за Н. А., чтобы нести его въ операціонную. Онъ былъ очень блѣденъ, и видимо боялся. Я подошла къ нему, перекрестила, поцѣловала, и проводила вплоть до дверей опера-

ціонной, но тамъ меня подхватили сестры и увели въ общую залу.

Спустя часъ Н. А. принесли обратно уже оперированнаго.

Операцію онъ перенесъ бодро и стойко, но былъ очень взволнованъ; при разсказѣ, какъ ему рѣзали ногу и какъ долго дѣлали перевязку, голосъ его дрожалъ. Я его успокоивала, дала ему рюмку вина и намочила лобъ и виски одеколономъ. Онъ спросилъ папиросу, сталъ курить и все время разсказывалъ объ операціи. Пришли доктора, поздравили съ удачнымъ исходомъ, а профессоръ Трояновъ даже поцѣловалъ Н. А. и назвалъ героемъ. Затѣмъ, докторъ посовѣтовалъ ему немного поѣсть и успокоиться и не велѣлъ никого къ нему пускать, что я и сдѣлала, хотя въ первый день никто, кромѣ родныхъ, не зналъ о нахожденіи Н. А. въ больницѣ.

Къ 6 часамъ Н. А. нѣсколько успокоился, поѣлъ, и даже хотѣлъ читать газету, но я ему прочла кое-что вслухъ. Такъ онъ задремалъ. И вотъ съ 27 декабря потекла наша мучительная, страдальческая жизнь. Н. А. страдалъ отъ боли и неловкаго леженья съ забинтованной ногой, я страдала за него, видя его муки, его угасающую жизнь. Цѣлыми днями и ночами я не отходила отъ его постели, стараясь хоть чѣмъ-нибудь облегчить его страданія. Домой я уходила черезъ день — приглядѣть за хозяйствомъ, на какой-нибудь часъ, когда Н. А. оставался дремать послѣ перевязки; въ мое же отсутствіе, около его постели находился кто-нибудь изъ домашнихъ.

Родные и знакомые навѣщали Н. А. часто, но онъ мало съ ними говорилъ. По временамъ онъ требовалъ, чтобы я читала ему вслухъ газеты, но это его утомляло, онъ дремалъ и, въ дремотѣ, бредилъ.

Утромъ 31 декабря онъ проснулся рано, велѣлъ привести себя въ порядокъ, перемѣнить бѣлье. Я стала поить его чаемъ, и онъ сказалъ:

— Знаешь, Прасковья Никифоровна, я хочу покончить съ этимъ старымъ годомъ честь честью! Онъ былъ для меня очень неудаченъ и тяжелъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я хочу причаститься, чтобы вступить въ новый годъ совсѣмъ обновленнымъ. Да можетъ и здоровье мое улучшится. Позови-ка ты здѣшняго священника, но только не говори, пожалуйста, никому изъ нашихъ: я не хочу, чтобы они знали объ этомъ.

Я попросила сестру послать за священникомъ, который не замедлилъ явиться съ дарами. Н. А. поговорилъ немного со священникомъ о литературѣ и литераторахъ, такъ какъ нашлись общіе знакомые. Я вышла, а когда исповѣдь кончилась, священникъ позвалъ меня и причастилъ Н. А.

Когда священникъ ушелъ, мы остались съ Н. А. одни; мнѣ показалось, что онъ сдѣлался спокойнѣе, да и самъ онъ говорилъ, что чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо и бодро.

— Какъ только я въ состояніи буду встать съ постели, сейчасъ же уѣдемъ домой, мнѣ такъ надоѣли стѣны и вся больничная обстановка, что я просто видѣть ихъ не могу! говорилъ Н. А.

Я просила доктора, чтобы онъ далъ намъ другую комнату, такъ какъ въ этой намъ было тѣсно и душно.

На другой день насъ перевели въ нижній этажъ, въ лучшую комнату. Н. А. видимо радовался этой перемѣнѣ, но здоровье его все ухудшалось. Онъ какъ бы плотнѣе легъ въ постель, такъ что одна я уже не въ силахъ была повернуть его на другой бокъ, и должна была въ помощь взять лакея, который приходилъ къ ночи, чтобы дать мнѣ возможность немножко вздремнуть. Н. А. сталъ замѣтно ослабѣвать, спалъ по цѣлымъ суткамъ, такъ что мнѣ трудно было его будить для пріема пищи и лекарства. Бреда не было, но появилась забывчивость; въ лицо онъ узнавалъ всѣхъ, но по имени назвать не могъ.

5 января къ нему пришелъ Б. Б. Глинскій за рукописью «Мои воспоминанія», которыя печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Рукопись эта находилась у меня, въ больницѣ, и я собиралась сама отнести ее въ редакцію. Н. А. велѣлъ мнѣ передать рукопись г. Глинскому, и сказалъ ему:

— Она еще не кончена. Какъ только выйду изъ больницы, это будетъ моя первая работа. А теперь оставьте меня, я усталъ, не могу говорить!..

Г. Глинскій ушелъ.

Въ этотъ день многіе посѣтили Н. А., но онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, и даже не могъ курить, — руки дрожали, не могли держать папироску. Перевязку ему сдѣлали очень поздно, — часа въ 4, и принесли въ комнату совершенно изнемогающаго.

Первымъ его словомъ, обращеннымъ ко мнѣ, было:

— Слава Богу, завтра перевязки не будетъ.

Когда его положили на кровать, онъ впалъ въ забытье, и въ такомъ состоянiи пролежалъ до 6 часовъ вечера.

Въ 6 часовъ принесли обѣдъ и я его разбудила. Онъ поѣлъ немного, отстранилъ миску, и сказалъ:

— Довольно, надо оставить къ вечеру.

Вечеромъ ко мнѣ пришли домашнiе, чтобы посидѣть со мною.

Мы пили чай, и разговаривали вполголоса. Въ 9 часу Н. А. вдругъ проснулся, началъ смѣяться, и сказалъ:

— А, славно ты меня надула, Прасковья Никифоровна, обѣщала накормить манной кашкой, да такъ и не дала!

— Ты позабылъ, Н. А., вѣдь я тебя кормила кашей! Если хочешь кушать, то я тебя сейчасъ накормлю.

Я приготовила ему какао, который онъ очень любилъ, напоила, накормила его, и мы съ лакеемъ привели все въ порядокъ и поправили постель. Н. А. все продолжалъ со мною разговаривать по поводу смутъ и неурядицъ въ Россiи, и заботился, есть ли ѣда на ночь, хотя въ послѣднее время пилъ и ѣлъ очень мало.

Съ нетерпѣнiемъ и радостью ждалъ онъ слѣдующаго дня, т. е. 6 января, намѣреваясь непремѣнно хоть на нѣсколько часовъ съѣздить домой, взглянуть хоть на свой домъ. Я поддерживала его въ этомъ

намѣреніи, говорила, что возьму карету и свезу его домой.

Въ 11 часовъ, когда мы уже собирались ко сну, пришелъ профессоръ Трояновъ, взялъ Н. А. за руки, спросилъ какъ онъ себя чувствуетъ и знаетъ ли, кто съ нимъ говоритъ.

Н. А. взглянулъ на него и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо, и ему ничего не надо, знаетъ кто съ нимъ говоритъ, но имени выговорить не могъ, языкъ не повиновался и голосъ дрожалъ.

Профессоръ, уходя, сказалъ мнѣ:

— Болѣзнь идетъ своимъ чередомъ, и не заставитъ его долго мучиться.

Всю ночь я не прилегла ни на минуту, и не отходила отъ Н. А. Я видѣла, что съ нимъ произошла какая-то значительная перемѣна, но я не могла понять, къ чему это: къ поправленію ли, или уже всему конецъ.

Дежурныя сестры по нѣскольку разъ въ ночь приходили дѣлать подкожныя вспрыскиванья и утѣшали меня, что Богъ дастъ, Н. А. поправится.

Н. А. спалъ на спинѣ и не переставая храпѣлъ. Я сидѣла у постели, на стулѣ. Вдругъ въ 3 часа утра Н. А. громко вскрикнулъ, и назвалъ меня по имени. Я взяла его за руку и спросила:

— Чего ты хочешь? Пить?

— Конечно я хочу, я все хочу!

И это были его послѣднія, ясно сказанныя слова.

Затѣмъ онъ опять заснулъ, или впалъ въ забытье.

Въ 9 часовъ утра лакей поправилъ его, повернулъ на правый бокъ, и ушелъ.

Я уже не отходила отъ постели Н. А., подносила ему изъ чайника теплое питье; онъ глоталъ, видимо сознавая что дѣлаетъ, но уже не говорилъ. Хрипѣніе все увеличивалось, и я поняла, что жизнь покидаетъ его. Я созвала сестеръ и сидѣлокъ, позвали доктора, но помощи никакой не могли дать. Докторъ сказалъ, что онъ въ агоніи, что нужно оставить его спокойно лежать.

Но я не могла съ этимъ примириться, продолжала съ нимъ говорить, трогать его, поправлять... Мнѣ казалось, что онъ усталъ лежать на боку, я хотѣла повернуть его на спину, и попросила сидѣлокъ помочь мнѣ. Сидѣлки взяли его за ногу а я просунула руку ему подъ голову и стала его тихонько поворачивать. Совсѣмъ уже было повернули, какъ вдругъ вижу, онъ широко открылъ глаза и страшно захрипѣлъ.

Мы словно замерли.

— Все кончено! тихо сказала сестра милосердія, и я уже не помню, что было дальше.

Когда я нѣсколько пришла въ себя, Н. А. лежалъ, вытянувшись подъ простыней, тихій, спокойный...

Его не стало въ 10 часовъ 20 минутъ...

X.

«Прощай, мой милый, уютный уголокъ! Чувствую, что больше не работать здѣсь!»

Таковы были послѣднія слова Н. А.

Но не всегда тотъ уголокъ, въ которомъ работалъ покойный, былъ и уютнымъ и милымъ.

Когда одинъ изъ писателей жаловался въ письмѣ къ Н. А. на обстановку, въ которой ему приходится работать, послѣднiй близко къ сердцу принялъ его жалобу, и съ горечью отвѣчалъ, что ему самому приходилось работать въ худшей обстановкѣ, въ такой, въ которой и работать-то нельзя было, а нужно было просто уходить на улицу.

И «милый, уютный уголокъ» былъ заработанъ Н. А. сорокапяти-лѣтнимъ, неутомимымъ литературнымъ трудомъ, при которомъ тѣ немногiе дни (преимущественно праздничные), въ которые раньше приходившiе къ нему люди мѣшали ему работать, отвлекали отъ писанья, Н. А. называлъ днями праздничнаго «*ничегонедѣланья*», тяготился ими и скучалъ.

А вообще Н. А. скуки не зналъ, на *нервы*, подобно большинству пишущихъ, не жаловался, въ шутку не признавая ихъ даже вовсе у себя, и только въ послѣднiе годы отмѣчалъ иногда въ своемъ дневникѣ странные припадки ощущенiя безпричинной пугливости, вызывавшiеся неожиданнымъ стукомъ.

Эта безпричинная пугливость да слабость, сопровождавшiяся обильной испариной, — указывали на разстройство сердечной дѣятельности и бывшее, главнымъ образомъ, причиной смерти, Н. А.

И такъ, сперва живой, наблюдательный ребенокъ, потомъ серьезный, вдумчивый юноша, страстно желающiй сдѣлаться писателемъ, начинающiй уже пи-

сать и тутъ же строго относящійся къ самому себѣ, къ своему труду, переписывающій его по нѣсколько разъ, вычеркивающій, передѣлывающій, затѣмъ уже настоящій, въ высшей степени плодовитый, писатель-бытовикъ, строгій реалистъ, и наряду съ этимъ общественный дѣятель, не дѣлающій только видъ что работаетъ, не толкущійся, подобно многимъ, какъ бѣлка въ колесѣ, а дѣйствительно работающій и по народному образованію и въ области городского санитарнаго дѣла,—таковъ Н. А. Лейкинъ, такова его нравственная физіономія.

У Н. А. была суровая внѣшность «сердитое» лицо, онъ иногда ворчалъ и внушалъ окружавшимъ его невольный къ себѣ страхъ, почему люди, не знавшіе его близко, считали его скупымъ и недобрымъ. Можетъ быть Н. А. и былъ скуповатъ по отношенію къ самому себѣ, однако у этого *скупого* человѣка на помощь ближнему и благотворенія выходила ежегодно не одна сотня рублей, однако этотъ внушавшій страхъ, сердитый человѣкъ не разъ шутя говорившій, что не любитъ дѣтей, помимо учрежденія пріюта-ясли Троицкаго прихода что на Б. Дворянской, пожертвовалъ послѣ смерти городу свое имѣнье по р. Невѣ Мѣдное въ 100 десятинъ земли съ большимъ, барскимъ домомъ, для устройства въ немъ школьной дачи и училища практическаго садоводства для дѣтей, учащихся въ городскихъ школахъ г. Петербурга.

Н. А. умеръ въ январѣ 1906 г. а весною того же года въ имѣніи уже поселилось 250 дѣтей бѣд-

нѣйшихъ городскихъ жителей, и устроилось нѣчто вродѣ небольшой санаторіи, а на будущій годъ уже около 3.000 дѣтей городскихъ бѣдняковъ будутъ имѣть возможность пользоваться лѣтнимъ отдыхомъ на чистомъ, деревенскомъ воздухѣ.

Если бы побольше было такихъ сердитыхъ «не любящихъ» дѣтворы,—людей!

Мы коснулись слегка не входившей въ задачу нашей статьи общественной дѣятельности Н. А. и позволили себѣ нѣсколько словъ по поводу его посмертныхъ распоряженій исключительно затѣмъ, чтобы указать читателю какъ ошибочны бываютъ иногда заключенія людей о человѣкѣ даже при его жизни, о человѣкѣ, котораго мы видимъ, съ которымъ бесѣдуемъ, дѣла котораго мы знаемъ, и какъ иногда смерть, къ сожалѣнію, только смерть, внезапно открываетъ намъ духовную красоту, о существованіи которой мы и не подозрѣвали раньше... Н. А. Лейкинъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ людямъ, въ которыхъ талантъ писателя соединялся съ достоинствами общественнаго дѣятеля и гражданина.

N. N.

261

ПИСЬМА

А. П. Чехова къ Н. А. Лейкину

съ 1883 по 1900 г.

1883 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Получилъ и письмо и гонораръ. Merci. Пророчество Ваше относительно моего письма вѣроятно сбудется: буду писать. Половина работы отложена на послѣ лѣта: выигрываю въ веснѣ и проигрываю въ лѣтѣ.

Съ половины апрѣля начну строчить «дачные разсказы». Въ прошломъ году они у меня удавались. Напишу кучу и пришлю вамъ на выборъ; остальное послѣ Вашего выбора Москвѣ матушкѣ. Посылаю Вамъ статейку («Трубка») Агаѳопода Единица, московскаго писаки. Просилъ переслать.

Еще объ одномъ: пришлите мнѣ для моей библіотеки единую изъ Вашихъ книжекъ. Какую именно, не знаю. Жилъ во время оно въ провинціи и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ Вашихъ читателей.

Особенно врѣзался въ мою память одинъ разсказъ, гдѣ купцы съ пасхальной заутрени приходятъ. Я захлебывался, читая его. Мнѣ такъ знакомы эти ребята, опаздывающіе съ куличами, и хозяйская дочка, и праздничный «самъ», и сама заутреня.

Не помню только, въ какой это книжкѣ. Въ этой же книжкѣ, кстати сказать, есть фраза, которая врѣзалась въ мою память: «Тургеневы разные бываютъ»—фраза, сказанная продавцемъ фотографіи. Вотъ Вамъ 2 признака желаемой книжки. Есть впрочемъ одинъ и третій: она должна быть изъ первыхъ. А за симъ примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи отъ

А. Чехова.

PS. У Васъ въ конторѣ нововведеніе: почтовыя марки, прежде чѣмъ вложить въ конвертъ, заворачиваютъ въ бумажку. Это раціональная реформа. Въ предшествующую получку я распечаталъ конвертъ въ почтамскомъ дворѣ и мои бѣдныя марки были развѣяны вѣтромъ.

6 Августа 1883 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Пишу Вамъ, хотя Вы, по словамъ и въ Гельсингфорсѣ.

Посылаю и замѣтки и разсказы. Одинъ разсказъ (Дочь Альбіона) длиненъ. Короче сдѣлать никакъ не могъ. Если не годится, то благоволите прислать его мнѣ обратно.

Рисунки въ послѣднемъ номерѣ восхитительны.

И подписи не дурны. Вообще «Осколки» идутъ впереди всѣхъ нашихъ юмористическихъ журналовъ.

Въ Москвѣ они нравятся публикѣ. Жаль, что лучшее постигаетъ ваше «увы и ахъ»! По передовымъ рисункамъ видно, какую войну Вы ведете съ цензурой. Не подгуливай Ваши передовицы, прелесть былъ бы журналъ. Въ предпослѣднемъ номерѣ подгуляла и серединка: французская каррикатура, ранѣе Васъ похищенная «Будильникомъ», и ноты. Ноты не весьма блестящія... Впрочемъ, это не важно. Къ Вамъ мало-по-малу перетащутся всѣ работники... и скоро и и въ текстѣ не будетъ грѣшковъ, которые приходится дѣлать очень часто по необходимости. Если Вамъ удастся сгруппировать вокругъ себя всѣ, нынѣ расбросанныя, силенки, то Россія будетъ имѣть очень сносный юмористическій журналъ.

А силенки есть, и хорошій редакторъ можетъ употребить ихъ отечеству на пользу. Въ Будильникѣ и многихъ другихъ попадаются иногда прекрасныя вещички—значитъ есть гдѣ-то кто-то. Всѣхъ бы ихъ собрать въ одну кучу. Гдѣ куча, тамъ и выборъ возможенъ.

Простите за помарки. Ужасный я неряха! Если моя рекомендація что-нибудь да значитъ, то рекомендую ради упомянутаго выбора:

Евгенія Вернера, молодого и маленькаго поэта и прозаика. Стихи его мнѣ не особенно нравятся, но за то разсказики бываютъ весьма не плохіе. Изрѣдка впрочемъ. Работаетъ въ Будильникѣ и еще кое-гдѣ подъ псевдонимомъ «Вѣди». Молодъ и подаетъ надежды. Кажется, его стишки были уже въ Осколкахъ. Если пріимите его радушно, то съ усердіемъ поработаетъ и лучшее Вамъ пришлетъ. Природу любитъ расписывать, но это современемъ пройдетъ. Выровняется современемъ. Мой московскій конкуррентъ.

В. Д. Сушковъ изъ Казани, тоже маленькій, хотя и артиллерійскій штабсъ-капитанъ и разныхъ орденовъ кавалеръ.

Мой пріятель. Состоитъ адъютантомъ при бригадномъ генералѣ. Пишетъ стихи и прозу. Либераленъ и, что весьма важно, уменъ. Работалъ у Васъ подъ псевдонимомъ «Егоза». Большой почитатель «Осколокъ» и работаетъ въ нихъ съ наслажденіемъ. Пишетъ пустячки, но не окаченный холоднымъ отвѣтомъ почтоваго ящика, согрѣтый радушнымъ пріемомъ, можетъ дѣло сдѣлать. Во время оно работалъ въ «Стрекозѣ». Знаменитъ тѣмъ, что изъ-за него одну газету прикрыли. Малый славный и писака не безполезный. Человѣкъ, о которомъ нельзя судить по 2—3 присыламъ. Немножко сердится на Вашу контору, или вѣрнѣе находится въ невѣдѣніи относительно стоимости своихъ произведеній, такъ какъ счета при гонорарѣ не получилъ.

Послѣ лагерей буду писать къ Вамъ. Пока только за неимѣніемъ мѣста ограничиваюсь двумя. А за симъ остаюсь в. с.

А. Чеховъ.

26 Мая 1883 г.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ!

Благоволите сдѣлать распоряженіе, чтобы на сей разъ гонораръ былъ высланъ мнѣ не въ Москву, а по слѣдующему адресу:

г. Воскресенскъ (Московской губ.).

Подчеркиваю не безъ цѣли. Часто на письмахъ вмѣсто Воскресенскъ пишутъ почему-то Вознесенскъ и пропускаютъ «(Москов. губ.)», а Воскресенсковъ на Руси столько же, сколько въ святцахъ Ивановъ и среди поповъ Беневоленскихъ. Письмо же, на которомъ забываютъ поставить букву «г» (городъ), рискуетъ очутиться въ селѣ Воскресенскомъ. Обитаю въ Новомъ Іерусалимѣ, хожу въ гости къ монахамъ и не вижу «Осколковъ». Не видѣлъ послѣднихъ трехъ номеровъ и не знаю, сколько у васъ статей моихъ не напечатанныхъ. Думаю, что хватитъ, а потому пока ничего не посылаю и почиваю на лаврахъ. Впрочемъ, вечеромъ сяду писать Троичный разсказъ. Если успѣю, то пошлю его вслѣдъ за этимъ же письмомъ. Въ Москвѣ буду къ 10 Іюня. Получу гонораръ и улечу туда. Хорошая вещь лоно природы, но банкротиста и чревата «упущеніями по службѣ» лѣнь, которою усыпано все это лоно.

Погода прелестная. Тянетъ изъ нутра наружу. Нужно идти. Пожелавъ Вамъ всего лучшаго, имѣю честь быть всегдашнимъ Вашимъ слугою

А. Чеховъ.

Москва, 1883 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Просматривалъ сейчасъ послѣдній номеръ Осколокъ и къ великому ужасу (можете себѣ представить этотъ ужасъ!) увидѣлъ тамъ перепутанныя объявленія. Такія же объявленія я недѣлю тому назадъ изготовилъ для Осколокъ—и въ этомъ весь скандалъ. Пропали, значитъ, мои объявленія! Вещичка ерундистая и не стоитъ возиться съ ней въ двухъ номерахъ. Во всякомъ случаѣ посылаю.

Если годятся, то спрячьте и пустите мѣсяцевъ черезъ 5—6.

Живу теперь въ Москвѣ, куда и благоволите адресоваться въ случаѣ надобности. Извините за лѣнтяйство! Лѣто-ничего не подѣлаешь. Одни только поэты могутъ соединить свое бумагомарательство съ лунными ночами, любовью. Въ любви объясняется и въ тоже время стихи пишетъ. А мы, прозаики,—иное дѣло.

Былъ въ Богородскомъ у П. Подъ столомъ четверть. На столѣ огурчики, бѣлорыбица. И всѣ эти сокровищи нисколько не мѣшаютъ ему работать чуть-ли не въ десяти изданіяхъ. Выпилъ у него 3 рюмки водки. Былъ у него съ дамами. И дамъ угостилъ онъ водкой.

Написалъ я рецензійку на Вашихъ «Карасей и Щукъ». Сунулся съ ней и оказывается, что о Вашей книгѣ уже вездѣ говорилось. Былъ на дняхъ у П. на дачѣ и просилъ мѣста въ Мірскомъ Толкѣ (подписчиковъ много—около 2500—3000) и покаялся, что попросилъ. Было бы мнѣ безъ спроса взять и напечатать.

Онъ, видите ли, на мою замѣтку о его свѣчѣ разобидѣлся. За незнаніемъ автора замѣтки, бранитъ Васъ.

Авось суну куда-нибудь. Время еще не ушло. Я съ учено-литературно-возвышенной точки зрѣнія хватилъ. Высокимъ слогомъ и съ широковѣщательной тенденціей... и въ тоже время весьма искренно.

Сажусь писать замѣтки. Какова судьба моего «Трагика»? Не плохой разсказъ вышелъ бы, если бы не рамки... Пришлось съузить даже самую суть и соль...

А можно было бы и цѣлую повѣсть написать на эту тему. Затѣмъ съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

1883 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ Моск. замѣтки, а съ ними и одно маленькое заявленіе. Пишу я юмористическій фельетонъ впервые. Не опытенъ и малосвѣдущъ. Въ актеры я не уйду, мельницей не займусь, но не могу ручаться, что не буду сухъ, безсодержателенъ и главное не юмористиченъ. Буду стараться. Если годится, берите и печатайте, а если не годится, то... фюйть! Буду высылать Вамъ куплетцы, Вы выбирайте и ради Бога не церемоньтесь. Данною Вамъ отъ Бога властью херьте все неудобное и подозрѣваемое въ негодности. Я щепетиленъ, но не для Осколокъ. Предложи мнѣ эту работу другая редакція, я отказался бы, или обошелся бы безъ этого заявленія, но у Васъ я слушаюсь и говорю правду. Если Вы даже вовсе похерите мои замѣтки и скажете мнѣ «пасъ!», то и это я пріиму съ легкою душою. Мнѣ дороги не мои интересы, а интересы Осколокъ. Къ Стрекозамъ и Будильникамъ я отношусь индиферентно, но печалюсь, если вижу въ Осколкахъ что-либо не вытанцовавшееся, мое или чужое—признакъ, что мнѣ близко къ сердцу Ваше дѣло, которое, какъ мнѣ извѣстно это по слухамъ и поступкамъ, Вы ведете съ энергіей и съ вѣрой.

Ранѣе Моск. замѣтки велись не казисто. Онѣ выдѣлялись изъ общаго тона своимъ чисто московскимъ тономъ: сухость, мелочность и небрежность. Если бы ихъ не было, то читатель потерялъ бы весьма мало. По моему мнѣнію, въ Москвѣ *некому* писать къ Вамъ замѣтки. Пробую свои силишки, но... тоже не вѣрю.

Я вѣдь тоже съ московскимъ тономъ. Не буду слишкомъ мелоченъ, не стану пробирать грязныхъ салфетокъ и малень-

кихъ актеровъ, но въ тоже время я нищъ наблюдательностью текущаго и нѣсколько общъ, а послѣднее неудобно для замѣтокъ. Рѣшайте. Скоро пришлю еще.

Книги получилъ, читаю и благодарю. Вы сдержали свое обѣщаніе, но это не послужило мнѣ добрымъ примѣромъ: я не сдержалъ обѣщанія и не выслалъ разсказовъ. На этотъ разъ прошу простить.

Былъ разстроенъ, а вмѣстѣ со мной разстроилась и моя шарманка. Теперь пришелъ въ себя и сажусь за работу. «Петровъ день» (разсказъ) вышелъ слишкомъ длиненъ. Я его переписалъ на чисто и заперъ до будущаго года, а теперь никуда не пошлю. Сейчасъ сажусь писать для Васъ. Суббота у меня Вашъ день. Завтра вѣроятно вышлю, но... не вѣрьте впрочемъ... Я мало-по-малу становлюсь Подхалимовымъ и обманулъ Васъ уже не разъ...

А за симъ позвольте оставаться Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Чеховъ.

1883 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Настоящій присылъ принадлежитъ къ неудачнымъ. Замѣтки блѣдны, а разсказъ не отшлифованъ и больно мелокъ. Есть тема получше и написалъ бы побольше и получилъ, но судьба на этотъ разъ противъ меня! Пишу при самыхъ гнусныхъ условіяхъ. Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совѣсти, въ сосѣдней комнатѣ кричитъ дѣтинышъ пріѣхавшаго погостить родича, въ другой комнатѣ отецъ читаетъ матери вслухъ «Запечатлѣннаго Ангела». Кто-то завелъ шкатулку и я слышу «Елену Прекрасную». Хочется удрать на дачу, но уже часъ ночи. Для пишущаго человѣка гнуснѣй этой обстановки и придумать трудно что-либо другое. Постель моя занята пріѣхавшимъ сродственникомъ, который то и дѣло подходитъ ко мнѣ и заводитъ рѣчь о медицинѣ. «У дочки, должно быть, рѣзь въ животѣ—оттого и кричитъ». Я имѣю большое несчастье быть медикомъ и нѣтъ того индивидуя, который не считалъ-бы нужнымъ «потолковать» со мной о медицинѣ. Кому надоѣло толковать про медицину, тотъ заводитъ рѣчь про литературу...

Обстановка безподобная. Браню себя, что не удралъ на дачу, гдѣ навѣрное и выспался бы, и разсказъ бы Вамъ написалъ, а главное медицина и литература были-бы оставлены въ покоѣ.

Въ сентябрѣ удеру въ Воскресенскъ, если погода не воспрепятствуетъ. Отъ Вашего послѣдняго разсказа я въ большомъ восторгѣ.

Реветъ дѣтинышъ!! Даю себѣ честное слово не имѣть никогда дѣтей... Французы имѣютъ мало дѣтей, вѣроятно

потому, что они кабинетные люди и въ «Amusant» разсказы пишутъ. Ихъ, слышно, хотятъ заставить имѣть побольше дѣтей—тема для «Amusant» и для «Осколковъ» въ видѣ каррикатуры: «Положеніе дѣлъ во Франціи». Входитъ полицейскій комиссаръ и требуетъ имѣть дѣтей.

Прощайте. Думаю, какъ бы и гдѣ бы задать храповицкаго. Съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

5-го сентября 1883 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Получилъ и торшонъ и гонораръ; за то и другое большое спасибо. Вы писали мнѣ, что Вамъ не понравились ни рисунокъ брата, ни стихи П. По моему рисунокъ не плохъ, стихи же обыкновенные, какъ и всѣ стихи. Страничка ничего себѣ... Въ Московскихъ редакціяхъ понравилась.

Братъ будетъ рисовать Вамъ по утвержденнымъ редакціей темамъ. Сегодня онъ посылаетъ одинъ рисуночекъ на мою собственную тему. Этотъ рисуночекъ въ силу своей малости не идетъ въ счетъ абонемента. Пусть онъ будетъ внѣ правилъ. Остальные рисунки будутъ съ паспортами отъ Васъ. Впрочемъ, если когда прійдетъ рисуночекъ Вами предварительно не утвержденный, и ежели таковой не понравится, Вы можете не помѣщать его. Николай не будетъ въ претензіи. Въ матушкѣ Москвѣ все сойдетъ. Сходили мои иностранные романы, сойдутъ и его рисунки. Темки есть кое-какія.

Кстати: высылайте намъ гонораръ въ одномъ пакетѣ, удобства ради. Ваша контора выслала мнѣ вмѣсто 50,08 к.— 50,80 к. на 72 коп. больше. Присланное не соотвѣтствуетъ итогу. Ноль всю бухгалтерію испортилъ.

Какъ однако исправно Вы гонораръ высылаете: намъ, москвичамъ, это въ диковинку. Бывало, я хаживалъ въ Будильникъ за трехрублевкой разъ по десяти.

Спасибо за обѣщаніе побывать у меня въ половинѣ сентября. Я живу въ Головиномъ переулкѣ. Если глядѣть со Срѣтенки, то на лѣвой сторонѣ. Большой не штукатуренный домъ, третій со стороны Срѣтенки, средній звонокъ справа, бель-этажъ, дверь направо, злая собаченка.

Посылаю фельетонъ. Что-нибудь изъ двухъ: или въ Москвѣ событій нѣтъ, или же я плохой фельетонистъ. К. ругать больше не буду. Посылаю при семъ подпись къ рисунку, который Вы получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. А за симъ...

Остаюсь всегда уважающій

А. Чеховъ.

19-го сентября 1883 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Зима вступаетъ въ свои права. Начинаю работать по зимнему. Впрочемъ, боюсь, чтобы не сглазить...

Написалъ Вамъ пропасть, далъ кое-что въ Будильникъ и въ чемоданъ про запасъ спряталъ штучки двѣ-три. Посылаю Вамъ «*Въ ландо*», гдѣ дѣло идетъ о Тургеневѣ «*Въ Москвѣ на трубѣ*». Послѣднiй разсказъ имѣетъ чисто московскiй интересъ. Написалъ его потому, что давнымъ давно не писалъ того, что называется легенькой сценой. Посылаю и еще кое-что. Замѣтки опять не того... Отдано мною большое мѣсто «Училищу Живописи» не безъ нѣкотораго основанiя. Во-первыхъ, все художественное подлежитъ нашей цензурѣ, потому что «Осколки» сами журналъ художественный, а во-вторыхъ, вокругъ упомянутаго училища вертится все московское великое и малое художество. Въ третьихъ, каждый ученикъ купитъ по номеру, что составитъ не малый дивидендъ, а въ 4-хъ мы заговоримъ объ юбилеѣ раньше другихъ. Въ Вашихъ питерскихъ замѣткахъ тоже мало фактовъ. Все больше насчетъ общаго, а не частнаго... (Прекрасно ведутся у Васъ эти замѣтки... Остроумны и легки, хотя и ведетъ ихъ, повидимому, юристъ). Потомъ, я уже два раза съѣлъ за свои замѣтки «подлеца» отъ самыхъ искреннихъ моихъ, а А. М. Д. разсказывалъ мнѣ, что онъ знаетъ, кто этотъ Руверъ. «Онъ въ Петербургѣ живетъ... Ему отсюда посылается матерiалъ... Талантливъ, бестiя!»

Недавно я искусился. Получилъ я приглашенiе отъ Буквы написать что-нибудь въ Альманахъ Стрекозы... Я искусился и написалъ огромнѣйшiй разсказъ въ печатный листъ. Раз-

сказъ пойдетъ. Названіе его «Шведская спичка», а суть — пародія на уголовные разсказы. Вышелъ смѣшной разсказъ. Мнѣ нравятся преміи Стрекозы.

Вы пишете, что П. дикій человѣкъ. Немножко есть, но не совсѣмъ... Раза два онъ давалъ мнѣ матеріалъ для замѣтокъ и изъ разговоровъ съ нимъ видно, что онъ знаетъ многое текущее. Проза его немножко попахиваетъ чѣмъ-то небесно-чугунно-нѣмецкимъ, но ей богу онъ хорошій человѣкъ. Вчера у меня были большіе гимназисты... Глядѣли С. на березѣ и не поняли.

Прощайте. Съ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Чеховъ.

31-го декабря, 1883 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми подписчиками. Желаю всего хорошаго. Простите, что посылаю немножко поздно. Впрочемъ Вы, согласно Вашему послѣднему письму, получите мой транспортъ 1-го января.

И замѣтки длинны, и новогоднiй разсказъ длиненъ—каюсь. Но ради (впрочемъ здѣсь ни къ селу, ни къ городу это «но») ради того, что новогоднiй нумеръ долженъ быть отмѣнно хорошъ, прошу Васъ на сей разъ не поцеремониться и сократить, елико возможно. Самъ я не взялся сокращать; Вамъ виднѣе, что идетъ къ дѣлу, что лишнее.

Уповаю, что съ Новаго года буду болѣе порядоченъ въ своихъ транспортахъ.

Въ Питерѣ—увы! на праздникахъ не буду. Денегъ нѣтъ, разорился въ конецъ за праздники.

Вчера получилъ письмо отъ П. Письмо изложено стихами. «Дикiй поэтъ» пишетъ между прочимъ, что онъ писалъ Вамъ о высылкѣ торшона для брата. Если Вы справедливый человѣкъ, то Вы, получивъ это порученiе, страшно разсердились. Грѣшно безпокоить мелкими порученiями такого занятаго человѣка, какъ Вы. Братъ не сообразилъ этого, прося П. ннаписать Вамъ—оба они были подъ шефе. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, ежели будете высылать торшонъ, то не высылайте его на мое имя. Не имѣю времени ходить въ почтамтъ. Высылайте на имя «Будильника» съ передачей. А шикарный Альманахъ выпустилъ Буква! Совсѣмъ заграничное изданiе.

Пристаю къ Мишѣ Е., чтобъ онъ написалъ самъ свою автобiографiю. Хочу у него купить ее. Рѣдкое «житiе»!

Пристаю уже годъ и думаю, что онъ сдастся. Пишу о немъ въ нынѣшнихъ замѣткахъ.

П. непремѣнно будетъ въ раю.

Ахъ да! Большущее спасибо за «Христову невѣсту»! Отдалъ въ переплетъ.

Морозъ. Метелица... А за симъ съ почтеніемъ Вашъ покорный слуга

А. Чеховъ.

1884 г., 22 января.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Получилъ Ваше сердитое письмо и на оное отвѣчаю. Не писалъ Вамъ ранѣе по причинамъ весьма законнымъ: я уѣзжалъ изъ Москвы на неопредѣленное время. Выѣхалъ я изъ дому 14-го января, отправивъ Вамъ пакетецъ, который Вы, если помните, получили ранѣе обыкновеннаго. Только 19-го попалъ я обратно въ Москву. Путешествовалъ я съ корыстною цѣлью: удралъ отъ именинъ, которыя обходятся мнѣ обыкновенно дороже всякихъ поѣздокъ. Во все время путешествія я ѣлъ, спалъ, и пилъ съ офицеріей плохой коньякъ. Судите же, можно ли сердиться на меня за то, что я долго не отвѣчалъ на письмо? До сего дня (отъ 19 до 22-го) я не писалъ Вамъ, потому что ожидалъ оккaзіи т. е. отсылки обычнаго транспорта.

Мнѣ казалось, что я уже писалъ Вамъ насчетъ гонорара брата Александра. Если еще не писалъ, то вотъ Вамъ легчайшее по моему мнѣнію рѣшеніе этого вопроса: пошлите деньги на имя брата. (Ал. П. Чеховъ, Таганрогъ, Таможня). Я помню что не разъ писалъ уже насчетъ этихъ денегъ... но кому? Вѣроятно писалъ я брату, а не Вамъ. Память у меня никуда не годится.

Комплекты «Осколокъ» за два года получилъ и приношу огромнѣйшее спасибо. Сегодня отдалъ въ переплетъ. «Христову невѣсту» получилъ уже изъ переплета. Жалѣю, что не имѣю мѣста, гдѣ могъ бы помѣстить о ней рецензійку. П. на Васъ въ обидѣ, Новости Дня не печатаютъ рецензій, а съ Курьерцами связываться не хочется... Торшонъ полученъ. Тысячу разъ братъ поручалъ мнѣ благодарить Васъ. Торшонъ лежитъ и ждетъ своей судьбы... Николай страшный лѣнтяй!

На сей разъ посылаю Вамъ маленькую ерундишку. Не моя въ томъ вина, что не посылаю что-нибудь побольше и посерьезнѣе... Дѣло въ томъ, что я сегодня же до полученія Вашего письма думалъ: «Въ «Осколкахъ у меня лежитъ одинъ большой разсказъ. Туда спѣшить, стало-быть не зачѣмъ. Напишу куда-нибудь въ другое мѣсто»... И вдругъ Ваше письмо съ «возвратомъ»! Знай я ранѣе, что «Марья Ивановна» не сгодится, я, быть-можетъ, написалъ бы что-нибудь и подѣльнѣе. Впрочемъ годъ еще великъ и успѣю натворить. Время не ушло.

Читаю прилежно «Осколки»... Журналъ хорошій, лучше всѣхъ юмористическихъ журналовъ по крайней мѣрѣ... Но не кажется ли Вамъ, что «Осколки» нѣсколько сухи? Сушитъ ихъ по моему мнѣнію многое множество фельетоновъ: И. Грэкъ, Руверъ, Ч., Провинціальный... И всѣ эти фельетоны жуютъ одно и то же, жуютъ по казенному шаблону на казенныя темы... Статейки И. Грэка милыя статейки, но и онѣ постепенно и не замѣтно сползаютъ на тотъ же фельетонъ. Стихотворный фельетонъ Ч. такая непроходимая сушь, что, право, трудно дочитать до конца. Беллетристикѣ отведенъ у Васъ не второй планъ, но и не первый, а какая-то середка на половинѣ... И беллетристика бьетъ на сухоѣденіе. Вмѣсто легкаго жанра, вмѣсто шаржа, каррикатуры, видишь тяжеловѣсный разсказище Б. Разсказъ, можетъ-быть, и хорошъ, но вѣдь и въ писаніи еще сказано: ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ... Что удобно на страницахъ «Живописнаго Обозрѣнія», то иногда бываетъ не къ лицу юмористическому журналу. П. сухъ до nec plus ultra. Изящества побольше бы! Гдѣ изящество, тамъ шикъ. Многое можно нацарапать на эту тему, но не нацарапать всего, не доскажешь... Да и у Васъ то закружится голова отъ совѣтчиковъ. Для Васъ, хо-

зяина журнала, думавшаго и передумавшаго о журналѣ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ, наши совѣты сравнительно съ Вашими думами и планами покажутся праздной болтовней... Совѣтчикъ, совѣтуя, обыкновенно не замѣчаетъ препятствій...

Былъ у меня какъ-то (мѣсяцъ тому назадъ) П. Мы, разумѣется, выпили. Послѣ выпитія онъ умилился и вдругъ пришелъ къ заключенію, что мнѣ обязательно нужно баллотироваться въ Пушкинскій Кружокъ. Въ концѣ концовъ пообѣщалъ написать о моей баллотировкѣ Вамъ и на другой день прислалъ мнѣ уставъ Кружка. Не знаю, писалъ ли онъ Вамъ объ этомъ? Я счелъ бы, какъ и каждый простой смертный, за великую честь для себя быть членомъ литературнаго кружка. Я честолюбивъ. Но я живу не въ Питерѣ, а въ Москвѣ, гдѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ отдѣленія кружка, прійдется платить десятирублевку за одно только почетное званіе члена—это не дорого, но безцѣльно. Быть въ Москвѣ членомъ Пушкинскаго кружка не полезно ни для себя ни для ближнихъ... Это во-первыхъ. Во-вторыхъ же, боюсь грѣшный человѣкъ, что бы меня не прокатили на вороныхъ. Работаю я недавно (5 лѣтъ), не извѣстенъ, а потому нельзя будетъ упрекнуть оныхъ вороныхъ въ отсутствіи логики... На основаніи сихъ мало убѣдительныхъ данныхъ, если писалъ Вамъ П., прошу Васъ пока обождать. Не пишите ему: Я съ нимъ, какъ и подобало, вполнѣ согласился и теперь не ловко идти на супротивъ. Если же паче чаянія у Васъ подниметея вопросъ объ открытіи въ Москвѣ отдѣленія кружка, то поддержите нашу бѣдную Москву. Тогда я буду убѣдительнѣйше просить Васъ баллотировать меня въ члены и соглашусь не только на десятирублевый, но даже и тридцатирублевый взносъ. Не дурно бы пропагандировать это отдѣленіе для нашей мо-

сковской братіи. Сама братія и пальцемъ не пошевельнетъ, если поднимется вышеписанный вопросъ. Пьетъ она водку, ломаетъ шапку передъ Пастуховымъ и знать ничего не хочетъ. Вотъ Вамъ длинный отвѣтъ на Ваше короткое письмо. Спать ужасно хочется. 3 часа ночи. Завтра надо рано вставать и идти въ клиники. Экзамены еще не кончились. Половину только выдержалъ. Въ Питерѣ не былъ на праздникахъ безденежья ради.

Уважающій А. Чеховъ.

1884 г.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ нѣсколько разсказовъ и отвѣтъ на Ваше письмо.

Вы, àргороs, замѣчаете, что мои Верба и Воръ нѣсколько серьезны для «Осколковъ». Пожалуй, но я не посылалъ бы Вамъ не смѣхотворныхъ вещицъ, если бы не руководствовался при посылкѣ кое-какими соображеніями. Мнѣ думается, что серьезная вещица, маленькая, строкъ примѣрно въ 100 не будетъ сильно рѣзать глазъ тѣмъ болѣе, что въ заголовкѣ Осколковъ нѣтъ словъ «юмористическій и сатирическій» нѣтъ рамокъ въ пользу безусловнаго юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легенькая, въ духѣ журнала, содержащая въ себѣ фабулу и подобающій протестъ, насколько я успѣлъ подмѣтить, читается охотно, сирѣчъ не дѣлаетъ суши. Да у Васъ же изрѣдка, кстати сказать, между вещицами остроумнѣйшаго И. Грэка попадаются вещицы, бьющія на серьезъ, но тоненькія, граціозныя, такія что хоть послѣ обѣда вмѣсто дессерта ѣшь. Онѣ не дѣлаютъ контры, а напротивъ... Да и Ліодоръ Ивановичъ не всегда остритъ, а между тѣмъ едва ли найдется такой читатель Осколковъ, который пропускаетъ его стихи, не читая. Легкое и маленькое, какъ бы оно нибыло серьезно (я не говорю про математику и кавказскій транзитъ) не отрицаетъ легкаго чтенія. Упаси Боже отъ суши, а теплое слово, сказанное на Пасху вору, который въ то же время и ссыльный, не зарѣжетъ номера. (Да и, правду сказать, трудно за юморомъ угоняться! Иной разъ погонишься за юморомъ да такую штуку сморозишь, что самому тошно станетъ. Поневолѣ въ область серьеза лѣзешь)... Къ Троицѣ я пришлю

Вамъ что-нибудь зеленое, àla Верба. Буду серьезничать только по большимъ праздникамъ.

Ал. Единицыну я написалъ. Это мой братъ, нынѣ чиновникъ, работавшій въ послѣдніе годы въ московскихъ изданіяхъ. Работалъ сильно и въ свое время съ успѣхомъ: жилъ письмомъ. Былъ малый юмористомъ, ударился въ лиризмъ, въ фантасмагорію, и кажется... погибъ для авторства. Хочется удрать отъ лиризма, но поздно, увязъ. Его письма полны юмора, ничего смѣхотворнѣй выдумать нельзя, но какъ станетъ строчить для журнала — бѣда, ковылять начнетъ. Будь онъ помоложе, изъ него можно было бы сдѣлать не дюжиннаго работника. Юмористъ онъ не плохой. Это можно видѣть изъ одного того, что въ Таганрогскую Таможню поступилъ, когда ужъ оттуда все повыкрали. Я написалъ ему и онъ пришлетъ Вамъ навѣрное что-нибудь.

На 1-й день Пасхи я послалъ Вамъ разсказъ: «Ваня, мамаша, тетя и секретарь» получили?

А за симъ остаюсь всегда готовымъ къ услугамъ.

А. Чеховъ.

1884 г., Воскресенье 7-го.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Въ исполненіе Вашей редакторской воли шлю Вамъ свои литературные экскременты въ воскресенье... Вы получите 2 мѣста: въ одномъ фельетонъ, въ другомъ это письмо съ разсказомъ. Десять разъ лѣзъ къ Николаю и десять разъ онъ увѣрялъ меня, что рисунки *давно уже* Вамъ посланы. Не хочется думать, чтобы онъ вралъ, и въ то же время не хочется вѣрить въ неисправную доставку заказныхъ бандеролей... Николай увѣряетъ... Чтобы узнать, кто вретъ, почта, или онъ, мнѣ остается только произвести у него внезапный обыскъ...

Panem et circenses нѣтъ и нѣтъ... Думаю, думаю и хоть колъ теши на головѣ! Но Богъ не безъ милости... Авось что-нибудь намыслю и пришлю Вамъ... За доброе слово о Петербургской Газетѣ большое спасибище. Я буду получать ее въ обѣденное время, а читать послѣ обѣда, развалясь и куря...

Не забывайте, что мы условились въ случаѣ срочнаго матеріала помѣщать московскій фельетонъ еженедѣльно, дабы не было кричащихъ запаздываній. Я буду присылать Вамъ его кусочками, урывками, а Вы планируйте его, какъ знаете: что срочно, то теперь, что не срочно, то послѣ... Разсказиковъ напеку... Зачѣмъ Вы въ дѣлѣ скоро и многописанія меня сравниваете съ собой? Литература Ваша спеціальность... На Вашей сторонѣ опытъ, увѣренность въ самого себя, министерское содержаніе... А я, пишущій безъ году недѣлю, знающій иную спеціальность, неувѣренный въ доброкачественности своихъ изверженій, не имѣющій отдѣльной комнаты для письма и волнуемый страстями... могу ли я по-

спѣть за Вами? Если буду писать двадцатую часть того, что Вы пишете, то и за это слава Богу.

О лѣкарскихъ вакансіяхъ думаю... Записалъ Л. въ поминальницу... Былъ у П... Лѣчилъ живущую подъ нимъ (каламбуръ?!!) дѣвицу и забѣжалъ къ нему. Онъ спалъ, но заслышавъ мой голосъ, проснулся и предсталъ предо мною во всемъ величіи поэта съ опустившимися панталонами и всклоченной куафюрой... Сидѣлъ я у него не долго. У насъ снѣгъ... Получилъ приглашеніе отъ «Нови»... Какъ прочелъ на письмѣ, что у нихъ 500,000 основного капитала, то до того потерялся, что потерялъ всякую надежду написать туда что-нибудь.

Вашъ А. Чеховъ.

Портной принесъ новое пальто. Поздравляю: не всѣ Ваши сотрудники ходятъ въ старыхъ пальто...

1884 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Прилагая при семъ фельетонъ, разсказъ и мелочишку... не знаю, что писать послѣ дѣепричастія, не подберу никакъ главнаго предложенія, хоть и литераторъ. Сейчасъ только-что поужиналъ, сѣлъ писать, разогнался и—стопъ машина! А начинать снова письмо не хочется.

Во-первыхъ, посылаю Вамъ московскую литературу въ лицѣ сочиненій Алексѣя Журавлева. Укралъ въ типографіи для Васъ. Они напоминаютъ тѣ стихи, которые Вы читали мнѣ и брату въ Лоскутной гостинницѣ—маленькая, длинная въ поперечникѣ книжка, сочиненная по поводу, кажется, коронаціи.

Потомъ, нельзя ли мой фельетонъ пускать безъ подписи? Теперь ужъ всѣ знаютъ, что я Руверъ. П. совсѣмъ разобидѣлся, М. обидѣлся... Всѣ знакомы—хоть перо бросай! Пускайте безъ подписи, а я буду говорить, что я уже бросилъ фельетоны писать. Если же безъ подписи нельзя, то подпишите какую-нибудь букву (И. В., напримѣръ). Если же перемѣна псевдонимовъ почему-либо отрицается Вами, то оставьте этотъ пунктъ безъ послѣдствій.

Про М. не вычеркивайте. Его пьеса въ Москвѣ составляетъ вопросъ дня. Про любителей тоже—они составляютъ половину Москвы и всѣ прочтутъ. Написалъ я разсказъ. Написалъ уже давно, но послать Вамъ не рѣшаюсь. Ужъ больно великъ для «Осколковъ», 300—350 строкъ. Разсказъ вышелъ удачный, юмористическій и сатирическій. Дѣйствующія лица: мировой съѣздъ, врачи... Клубниченъ отчасти, но не рѣзко.—Не посылаю Вамъ, боясь огорчить Васъ длиннотою. Такъ какъ онъ мнѣ удался, то я его ни-

кому не отдамъ изъ московскихъ... Спрячу въ чемоданъ. Паче чаянія ежели понадобится Вамъ большой разсказъ, если будетъ безматеріалье, или другая какая казнь египетская, то черкните строчку: я перепишу его на-чисто и пришлю.

Кустодіевскій превосходенъ. Горбуновскій разсказъ, не смотря на незатѣйливую, давно уже заѣзженную тему, хорошъ—форма! Форма много значитъ... Путешествіе въ Китай не достойно Осколковъ, а рисунки Богданова совсѣмъ швахъ. Былъ у П. Читалъ онъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ книгопродавца З. Я взялъ слово съ Л. И., что онъ пошлетъ Вамъ это письмо. Ужъ очень характерно! Оно оканчивается фразой: «Мерзко, братецъ!» Безграмотно и ругательно. А все за то, что Л. И. прозу пишетъ!

Вашъ слуга А. Чеховъ.

P. S. Въ сказкѣ я упоминаю про нашъ Воспитательный домъ. Въ немъ ревизія. Происходитъ нѣчто скандальное. Подчиненнымъ тошно отъ начальства—суть въ этомъ. Попросите И. Грэка въ одной изъ его мелочишекъ коснуться слегка, упомянуть... Большая злоба дня!

1884 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ разсказецъ. Больше прислать не могу, ибо бѣденъ досугомъ. Къ слѣдующему нумеру вышлю разсказъ. Есть 2 темы наготовѣ. Не сердитесь, ради Бога, за то, что не работаю у Васъ такъ, какъ съумѣлъ бы работать, если бы было у меня свободное время. Замучила меня медицина. Чувствую, что работаю, какъ будто спустя рукава и сквозь пальцы, чувствую, ибо это на самомъ таки дѣлѣ и есть, но заслуживаю снисхожденія.

Послѣдній нумеръ веселенькій. «Дневникъ приключеній», «У доктора» и Ваши письма читаются каждымъ приходящимъ ко мнѣ (а приходитъ ко мнѣ ежедневно человѣкъ 8—10) и возбуждаютъ смѣхъ—именно то самое, что нужно для юмористическаго журнала. Мой «Молодой человѣкъ» вызываетъ удивленіе своею нецензурностью... Удивляются наши цензурные москвичи! Да и трудно не удивляться: у насъ вычеркивается «кокарда», «генералъ отъ медицины»... Ваши письма въ предпослѣднемъ нумерѣ—очень хорошенькая вещь. Вообще замѣчу, Вамъ чрезвычайно удаются разсказы, въ которыхъ Вы не поскупитесь на драматическій элементъ. Послѣдній нумеръ хорошъ и тѣмъ, что въ немъ нѣтъ разсужденій и мало фельетоновъ. Нѣтъ по крайней мѣрѣ фельетона Ч.

Чего ради Вы выпустили изъ моего фельетона куплетецъ о «велосипедистахъ»? Вѣдь у насъ есть такое общество... Если Вы выпустили въ видахъ экономіи мѣста, то втисните его въ будущій фельетонъ, такъ какъ я ужасно бѣденъ фельетоннымъ матеріаломъ. Счастливчикъ И. Грэкъ! Ему можно пройтись насчетъ Островскаго и другихъ «общихъ»

явленій, а мнѣ бѣда!—подавай непремѣнно факты и московскіе факты!

Если Вы оставили «Чадъ жизни» къ слѣдующему нумеру, то бросьте его. Пародія не удалась, да и раздумалъ я. Б. М. обыкновенно плачетъ, когда читаетъ непріятныя для своей особы вещи, плачетъ и жалуется... Прійдется поссориться съ нѣкоторыми его почитателями и друзьями, какъ ни скрывайся за псевдонимомъ. А стоитъ ли изъ-за этакого пустяка заводить канитель. Вмѣсто пародіи, я дамъ фельетонный куплетецъ. Это короче.

П. давно не видѣлъ. Не слишкомъ ли Вы жестоки къ «Волнѣ» и не слишкомъ ли много говорите Вы объ этомъ грошевомъ журнальчикѣ? Л. И. забылъ, вѣроятно, что К. ругали мы въ Осколкахъ во всѣ корки. Я два раза ругалъ, не щадя живота его. Отчего бы не позволить ему хоть разикъ, хоть сдуру лягнуть «Осколки»? Л. И. поступилъ по-рыцарски, отказавшись работать въ «Волнѣ»; но не по-рыцарски поступилъ онъ, напечатавъ въ Московскомъ Листкѣ письмо, въ которомъ отказывается отъ сотрудничества въ Волнѣ, не объясняя мотивовъ. Публика чортъ знаетъ что можетъ подумать.

А. Чеховъ.

25-го іюня 1884 г. Воскресенскъ.

Письмо № 1.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Первый дачный блинъ вышелъ, кажется, комомъ. Во-первыхъ, разсказъ плохо удался. «Экзаменъ на чинъ» милая тема, какъ тема бытовая и для меня знакомая, но исполненіе требуетъ не часовой работы и не 70 — 80 строкъ, а побольше... Я писалъ, и то дѣло хѣрилъ, боясь пространства. Вычеркнулъ вопросы экзаменаторовъ-уѣздниковъ и отвѣты почтоваго пріемщика — самую суть экзамена. Во-вторыхъ, разсказу этому пришлось пройти всѣ тартары, начиная съ моего стола и кончая карманомъ богомолки. Дѣло въ томъ, что, принеся свой разсказъ въ здѣшній почтамтъ, я былъ огорошенъ извѣстіемъ, что почта не идетъ въ воскресенье и что мое письмо можетъ попасть въ Питеръ только въ среду. Это меня зарѣзало, оставалось что-нибудь изъ двухъ: или почить на лаврахъ, или-же мчаться на желѣзнодор. станцію (21 верста) къ почтовому поѣзду. Я не сдѣлалъ ни того, ни другого, а рѣшилъ поручить мою корреспонденцію кому-нибудь, идущему на станцію. Ямщиковъ я не нашелъ, пришлось поклониться толстой богомолкѣ... Если богомолка поспѣетъ на станцію къ почтовому поѣзду и сумѣетъ опустить письмо въ надлежащее мѣсто, то я торжествую, если-же Богъ не сподобитъ ее послужить литературѣ, то разсказъ получите Вы съ этимъ письмомъ. Теперь о темахъ для рисунковъ. Тутъ прежде всего мнѣ нужно сознаться, что я очень тупъ для выдумыванія острыхъ подписей. Хоть зарѣжьте меня, а я Вамъ ничего умнаго не придумаю. Всѣ тѣ подписи, что я Вамъ раньше присылалъ, были достояніемъ не

минуты, а всѣхъ прожитыхъ мною вѣковъ. Отдалъ все, что было — хорошое и хѣровое — и больше ничего не осталось. Тема дается случаемъ, а у меня въ жизни хоть и не мало случаевъ, нѣтъ способности приспособлять случаи къ дѣлу. Но какъ-бы тамъ ни было, я придумалъ слѣдующій планъ дѣйствій. Я буду присылать Вамъ все, чему только угодно будетъ залѣзть въ мою голову. Сочинители подписей и мертвые не имутъ срама. Вы не будете конфузить меня, ежели пришлю не сообразное...

Я умѣю сочинять подписи, но — какъ? Въ компаніи... Лежишь этакъ на диванѣ въ благородномъ подпитіи, мелешь съ пріятелями чепуху, анъ глядь! и взбредетъ что-нибудь въ голову... Способенъ также развивать чужія темы, если таковыя есть...

Живу теперь въ Новомъ-Іерусалимѣ... Живу съ апломбомъ, такъ какъ ощущаю въ своемъ карманѣ лѣкарскій паспортъ. Природа кругомъ великолѣпная. Просторъ и полное отсутствіе дачниковъ. Грибы, рыбная ловля и земская лечебница. Монастырь поэтиченъ.. Стоя на всенощной въ полумракѣ галлерей и сводовъ, я придумываю темы для «звуковъ сладкихъ». Темъ много, но писать рѣшительно не въ состояніи... Скажите на милость, гдѣ-бы я могъ печатать такіе «большіе» разсказы, какіе Вы видѣли въ «Сказкахъ Мельпомены»? Въ Мірскомъ Толкѣ? И къ тому-же лѣнь... Простите, ради Бога... Это письмо пишу я... лежа... Каковъ? Примостилъ себѣ на животъ книжищу и пишу. Сидѣть-же лѣнь... Каждое воскресенье въ монастырѣ производится пасхальная служба со всѣми ея шиками... Лѣсковъ, вѣроятно, знаетъ объ этой особенности нашего монастыря. Каждый вечеръ гуляю по окрестностямъ въ компаніи, пестрѣющей мужской, женской и дѣтской modes et robes. Вечеромъ-же хожу на почту къ Андрею Егорычу получать газеты и письма,

причемъ копаюсь въ корреспонденціи и читаю адресы съ усердіемъ любопытнаго бездѣльника. Андрей Егорычъ далъ мнѣ тему для разсказа «Экзаменъ на чинъ». Утромъ заходитъ за мной мѣстный старожилъ, дѣдъ Прокудинъ, отчаянный рыболовъ. Я надѣваю большіе сапоги и иду куда-нибудь въ Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, головлей и линей. Дѣдъ сидитъ по цѣлымъ суткамъ, я-же довольствуюсь 5—6 часами. Ѣмъ до отвала и умѣренно пью листовку. Со мной семья, варящая, пекущая и жарящая на средства, даваемыя мнѣ рукописаніемъ. Жить можно... Одно только скверно: лѣнивъ и зарабатываю мало. Если будете Вы въ Москвѣ, то почему-бы Вамъ не завернуть въ Новый Іерусалимъ? Это такъ близко... Со станціи Крюкова на двухрублевомъ ямщикѣ 21 верста — 2 часа ѣзды. Братъ Николай будетъ Вашимъ проводникомъ. И Пальмина захватить можно... Пасхальную службу послушаете... А? Если напишете, то и я могъ бы за Вами въ Москву пріѣхать...

Трепещу. На этой недѣлѣ мнѣ нужно стряпать фельетонъ для Осколковъ, у меня-же ни единаго событія. Высылать теперь буду въ субботы... Вы будете получать вь понедѣльники.

Бываю въ камерѣ мирового судьи Голохвастова — извѣстнаго сотрудника Руси. Видаю Маркевича, получающаго отъ Каткова 5000 въ годъ за свои переломы и бездны.

Курсъ я кончилъ... Я, кажется, писалъ ужъ вамъ объ этомъ.. А можетъ быть и не писалъ... Предлагали мнѣ мѣсто земскаго врача въ Звенигородѣ — отказался. (Можно будетъ Вамъ, если пріѣдете, съѣздить къ Саввѣ Звенигородскому—это à propos). Затѣмъ... кажется, ужъ больше не о чемъ писать. Кланяюсь и вручаю себя Вашимъ святымъ молитвамъ. Всегда готовый къ услугамъ и уважающій

Лѣкарь и уѣздный врачъ А. Чеховъ.

Ахъ, да! Книжку я напечаталъ въ кредитъ съ уплатою впродолженіи 4-хъ мѣсяцевъ со дня выхода. Что теперь творится въ Москвѣ съ моей книжкой, не вѣдаю.

Хочу сейчасъ идти рыбу удить... Бѣда! Получилъ заказъ изъ Будильника и, кажется, за неимѣніемъ энергіи не исполню...

См. слѣдующее письмо. Это по не зависящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ застряло и залежалось.

4-го іюня 1884 г.

Письмо № 2.

Вчера вечеромъ, уважаемый Николай Александровичъ, получилъ Ваше письмо и прочелъ его съ удовольствіемъ. Письма на дачѣ составляютъ удовольствіе не малое. Вчера у Андрея Егорыча я получилъ ихъ цѣлыхъ шесть штукъ купно съ газетами и Осколками и до самой полуночи услаждалъ себя чтеніемъ. Прочелъ все, даже объявленія въ газетахъ и даже остроты новоиспеченнаго юмориста Е — ни... Вчера читалъ Ваше письмо, нынѣ-же отвѣчаю... Сейчасъ я съ судебно-медицинскаго вскрытія, бывшаго въ 10 верстахъ отъ В. Ѣздилъ на залихватской тройкѣ купно съ дряхлымъ, еле дышащимъ и за ветхостью никуда не годнымъ судебнымъ слѣдователемъ, маленькимъ, сѣденькимъ и добрѣйшимъ существомъ, мечтающимъ уже 25 лѣтъ о мѣстѣ члена суда. Вскрывалъ я вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ на полѣ подъ зеленью молодого дуба на проселочной дорогѣ... Покойникъ «не тутошній» и мужики, на землѣ которыхъ было найдено тѣло, Христомъ Богомъ, со слезами молили насъ, чтобъ мы не вскрывали въ ихъ деревнѣ... «Бабы и ребята спать отъ страху не будутъ»... Слѣдователь сначала ломался, боясь тучъ, потомъ-же, сообразивъ, что протоколъ можно написать и начерно, и карандашемъ, и видя, что мы согласны потрошить подъ небомъ, уступилъ просьбамъ мужиковъ. Встревоженная деревушка, понятые, десятскій съ бляшкой, баба-вдова, голосящая въ 200 шагахъ отъ мѣста вскрытія, и два мужика въ роли кустодіевъ около трупа... Около молчащихъ кустодіевъ тухнетъ маленькій костеръ... Стеречь трупъ днемъ и ночью до прибытія начальства — мужицкая, никѣмъ не оплачиваемая повинность... Трупъ въ красной рубахѣ, новыхъ портахъ, прикрытъ простыней... На простынѣ полотенце

съ образкомъ. Требуемъ у десятскаго воды... Вода есть — прудъ подъ бокомъ, но никто не даетъ ведра: запоганимъ. Мужикъ пускается на хитрость: манехинскіе воруютъ ведро у трухинскихъ... Чужого ведра не жалко... Когда они успѣваютъ украсть, и какъ и гдѣ — не понятно... Ужасно довольны своимъ подвигомъ и посмѣиваются... Вскрытіе даетъ въ результатѣ переломъ 20 реберъ, отекъ легкаго и спиртной запахъ желудка. Смерть насильственная, происшедшая отъ задушенія. Пьянаго давили въ грудь чѣмъ-то тяжелымъ, вѣроятно хорошимъ, мужицкимъ колѣномъ. На тѣлѣ множество ссадинъ, происшедшихъ отъ откачиванія. Манехинскіе нашли тѣло и качали его 2 часа такъ усердно, что будущій защитникъ убійцы будетъ имѣть право задать эксперту вопросъ: поломка реберъ не была-ли слѣдствіемъ откачиванія? Но думаю, что этотъ вопросъ не задастся. Защитника не будетъ, не будетъ и обвиняемаго... Слѣдователь до того дряхлъ, что не только убійца, но даже и больной клопъ можетъ укрыться отъ его меркнущаго ока... Вамъ уже надоѣло читать, а я расходился писать... Прибавлю еще одну характерную черточку и умолкну. Убитый—фабричный. Шелъ онъ изъ тухловскаго трактира съ боченкомъ водки. Свидѣтель Поликарповъ, первый увидѣвшій у дороги трупъ, заявилъ, что онъ видѣлъ около тѣла боченокъ. Проходя-же черезъ часъ мимо тѣла, этотъ Поликарповъ уже не видѣлъ боченка. Ergo: тухловскій трактирщикъ, не имѣющій права продажи на выносъ, дабы стушевать улики, укралъ у мертвеца боченокъ. Но довольно о семъ. Вы возмущаетесь осмотромъ кормилицъ... А осмотръ проститутокъ? Медики (конечно, ученые), затрогивавшіе вопросъ «объ оскорбленіи нравственнаго чувства» осматриваемыхъ, судили—рядили и остановились на одномъ: «ихъ товаръ, наши деньги.... Если медицинской полиціи можно, не оскорбляя личности торгу-

ющаго, свидѣтельствовать яблоки и окороки, то почему-же нельзя оглядѣть и товаръ кормилицъ, или проститутокъ? Кто боится оскорбить, тотъ пусть не покупаетъ»... Если Вы побоитесь оскорбить щупаньемъ кормилицу и возьмете ее не щупая, то она угоститъ Васъ такимъ товарцемъ, который блѣднѣетъ передъ гнилыми апельсинами, трихинными окороками и ядовитыми колбасами. У Васъ 600 кустовъ георгинъ... На что Вамъ этотъ холодный, не вдохновляющій цвѣтокъ? У этого цвѣтка наружность аристократическая, баронская, но содержанія никакого... Такъ и хочется сбить тростью его надменную, но скучную головку. Впрочемъ, de gustibus non disputantur. Я не хотѣлъ помѣстить въ Осколкнхъ объявленіе о моей книжкѣ не потому, что считаю это безполезнымъ, какъ Вы на меня клевещете, а просто потому, что боялся стѣснить Васъ: мѣста у Васъ мало, а брать съ меня, какъ съ другихъ берете, Вы поделикатитесь... Помѣстите объявленіе, скажу спасибо. Ежели возможно вставить фразу «иногородніе получаютъ черезъ редакцію «Осколки», то скажу сугубое спасибо. Покупателей много не будетъ и Васъ эта фраза не стѣснитъ. Ежели паче чаянія найдется желающій купить книжку черезъ редакцію, то Вамъ придется только сообщить мнѣ въ ближайшемъ письмѣ адресъ счастливца и—больше, кажется, ничего. Впрочемъ, въ издательскомъ дѣлѣ я рѣшительно ничего не понимаю. Дѣйствуйте какъ лучше... За указанія поклонъ и спасибо. Исполню все такъ, какъ Вы написали. Страсть сколько я написалъ Вамъ! Черезъ день хожу въ земскую больницу, гдѣ принимаю больныхъ. Надо бы каждый день ходить, да лѣнь. Съ земскимъ врачемъ мы давнишніе пріятели.

А. Чеховъ.

23 Августа 1884 г. Воскресенскъ.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Собираюсь удрать къ 1-му Сентября изъ Воскресенска въ Москву на зимнее житіе. Первое число срокъ крайній. А посему, прошу усердно, сдѣлайте распоряженіе о высылкѣ мнѣ гонорара не позже 31-го Августа—пятницы, когда въ Воскр. приходитъ денежная почта. Простите, ради Аллаха, что на сей разъ измѣняю Вашимъ порядкамъ, но если бы Вы знали, какая противная погода на дачѣ, сколько багажа и домочадцевъ прійдется мнѣ переправлять въ Москву и какъ мнѣ хочется засѣсть за свой московской письменный столъ, то объяснили бы себѣ это мое нашествіе на Вашу бухгалтерію. Чтобы не путать августовскихъ счетовъ съ сентябрьскими, вышлите мнѣ наотмашь рублей 60—это и короче и сподручнѣе для Васъ, а счета за августъ вышлетъ Вашъ секретарь мнѣ вмѣстѣ съ сентябрьскимъ счетомъ въ октябрѣ, сразу за два мѣсяца.

Нужно бы въ Москву съѣздить за деньгами, да денегъ нѣтъ на дорогу... Коммиссія! Были кое-какія деньжонки, да нелегкая дернула меня дать ихъ въ займы пріятелю-поручику. Поручикъ отдастъ, но вѣроятно тогда, когда у меня у самого будутъ полные карманы, передъ моимъ отъѣздомъ. Впрочемъ, довольно о деньгахъ. Ахъ... не такъ давно лѣчилъ одной барышнѣ зубъ, не вылѣчилъ и получилъ 5 руб.; лѣчилъ монаха отъ дизентеріи, вылѣчилъ и получилъ 1 р.; лѣчилъ одну московскую актрису отъ катарра желудка и получилъ 3 руб. Таковой успѣхъ на новомъ моемъ поприщѣ привелъ меня въ такой восторгъ, что всѣ оные рубли я собралъ воедино и отослалъ ихъ въ трактиръ Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочіе медикаменты.

Спасибо Вамъ за объявленія о моей книжицѣ. Въ сентябрѣ поблагодарю лично. Если Вы находите, что объявленія лѣтомъ лишни, то прекратите: или же помѣщайте ихъ черезъ номеръ. Не знаю, что творится съ моей книгой... Говорятъ, хвалили ее въ Нов. Времени, въ Театр. Міркѣ... Ничего не читаю, кромѣ московскихъ газетъ, ни за чѣмъ не слѣжу... Такая досада! Если Вы помѣстили объявленіе въ «Петерб. Газетѣ», то уплатите изъ моего гонорара. Уплатите слѣдуемое и Вашей конторѣ за объявленія въ Осколкахъ. Читалъ въ «Наблюдателѣ» критику на «Христову Невѣсту». Кто бы могъ подумать, что Ваша книжка дастъ случай этому безпардонному критику упомянуть о германскомъ милитаризмѣ, бисмарковщинѣ...

Сажусь писать осколки москов. жизни. Полное отсутствіе матеріала! Нововременскій Курепинъ и Лукинъ, изъ Новостей, изъ кожи вонъ лѣзутъ, но ихъ фельетоны не полнѣе моихъ осколковъ.

Погода ужасная, дифтеритная. Давно уже не видѣлъ солнца. Читалъ Пальминскую «Морскую зыбь». Не уѣхалъ ли онъ на море? Не катается ли теперь, чего добраго, на пароходѣ въ «каютѣ новобрачныхъ».

Б. М. далъ мнѣ почитать собраніе своихъ мелкихъ разсказовъ. Давая мнѣ это собраніе, онъ имѣлъ въ виду благую цѣль: пусть поучится молодой человѣкъ. Спрашивалъ о Васъ, снисходительно покритиковалъ Лѣскова, пожалѣлъ, что нынѣшняя юмористика въ упадкѣ. Этотъ камеръ-юнкеръ боленъ грудной жабой и, вѣроятно, скоро дастъ матеріалъ для некролога...

Прощайте. Посылаю сестру на почту отнести это письмо. Сверхъ ожиданія соглашается и идетъ одѣваться.

Вашъ А. Чеховъ.

1884 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Въ настоящее время, нахожусь въ градѣ Звенигородѣ, гдѣ, волею судебъ я исправляю должность земскаго врача, упросившаго меня замѣнить его на 2 недѣльки. Полъ дня занятъ пріемкой больныхъ (30—40 человѣкъ въ день), остальное же время отдыхаю, или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3-й день нехорошій, безостановочный дождь... Передъ моимъ окномъ гора съ соснами, правѣе домъ исправника, еще правѣе паршивенькій городишко, бывшій когда-то стольнымъ городомъ... Налѣво заброшенный крѣпостной валъ, лѣвѣе лѣсокъ, а изъ-за послѣдняго выглядываетъ Савва освященный... Заднее крыльцо, или вѣрнѣе задняя дверь, около которой воняетъ... и хрюкаетъ поросенокъ, глядитъ на рѣку. Теперь суббота. Чтобы не обмануться въ почтѣ, спѣшу послать срочную работу. Разсказъ-же нацарапаю сегодня подъ ночь и пришлю завтра. Письмо посылайте въ Воскресенскъ. Оттуда мнѣ пересылается все исправно. Былъ въ Москвѣ и слышалъ, что Л. И. П. вѣнчался со своей старухой.

Видѣлъ его, но онъ мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ. Не говорите ему, что я Вамъ сообщилъ эту прозаическую новость про поэтическаго человѣка. Можетъ быть, эта новость для Васъ уже не новость!

Прощайте. Вашъ

А. Чеховъ.

84 г. Ноября 4.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Пишу Вамъ, дабы предупредить Васъ, что фельетонъ будетъ высланъ мною не сегодня въ воскресенье, а завтра въ понедѣльникъ. Стало быть, Вы можете на этотъ счетъ быть покойны... Фельетонъ мой почти уже готовъ, но малъ очень и хочется мнѣ прибавить еще что-нибудь... Вмѣстѣ съ фельетономъ пришлю двѣ темы и, быть можетъ, разсказъ... Фельетонъ ужасенъ... Матеріала никакого и поневолѣ приходится писать про Кузнецова и его салонъ—противно даже. Вчера и сегодня боленъ... Голова трещитъ, лихорадка... Работать не въ состояніи... Былъ у меня П. и передалъ мнѣ, что Вы на меня сердитесь. За что? Вы пишете ему, что я не присылаю Вамъ разсказовъ. Беру боговъ въ свидѣтели, что я не посылаю Вамъ разсказовъ только тогда, когда знаю, что у Васъ есть уже въ запасѣ мой разсказъ... Это справедливо даже относительно того изъ послѣднихъ номеровъ, въ которомъ не было ничего моего. Вы можете только претендовать, что нѣкоторые мои разсказы выходятъ плохи... На это могу возразить Вашей же фразой, сказанной въ одномъ изъ Вашихъ писемъ относительно печи, не всегда одинаково пекущей.

Далѣе Вы громите меня за то, что я не даю темъ. Если бы сочинять темы было такъ же легко, какъ закурить папиросу, то я прислалъ бы Вамъ ихъ видимо-невидимо, но Вы сами знаете, что легче найти 10 темъ для разсказовъ, чѣмъ одну порядочную подпись... И неужели Вы думаете, что я не прислалъ бы ихъ Вамъ, если бы онѣ у меня были? Точно я ихъ продаю въ другой журналъ! Всѣ темы, какія у меня накопились за все время моего литературничества, я вывалилъ въ прошломъ году...

И теперь выдумываю и изрѣдка присылаю... Сдѣлалъ даже по Москвѣ кличъ, что плачу по полтиннику за каждую сносную тему... Вы въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ въ Лоскутной, набавляя 5 р. къ добавочнымъ, мое упорство относительно недоставленія подписей поставили въ нѣкоторую связь съ добавочными... Если я получаю эти добавочныя только за темы, то конечно я получаю ихъ ни за что... Но вѣдь это легко поправить! Стоитъ только перестать высылать—вотъ и все!

Далѣе Вы, какъ передаетъ Л. И., жалуетесь, что я не всегда отвѣчаю на Ваши письма. Это правда, винюсь. Дѣло въ томъ, что посылку произведеній своихъ я довожу до крайняго срока и не успѣваю писать Вамъ, не смотря на искреннее желаніе. Я уже не разъ извинялся въ этомъ и не разъ писалъ Вамъ громадныя письма, чтобы хоть этимъ загладить свою вину. На письма, имѣющія дѣловой характеръ, я всегда отвѣчалъ... Теперь, давъ отвѣтъ на претензіи, заявленныя П., продолжаю о своемъ...

Въ эту недѣлю не посылаю Вамъ нѣсколько разсказовъ, ибо былъ все время боленъ и занятъ: пишу маленькую чепуху для сцены—вещь весьма неудачную. По утрамъ и вечерамъ готовлюсь къ докторскому экзамену.

Во вторникъ буду у П. и подумаю съ нимъ о темахъ для передовицъ. Николай ничего не дѣлаетъ, хотя, судя по его прелестному рисунку въ послѣднемъ номерѣ Осколковъ, и слѣдовало бы работать. У Г. родился младенецъ мужеска пола.

Да! 22-го разбирается дѣло Рыкова... Буду въ окружномъ судѣ, ибо имѣю билетъ... Не нужно ли для «Петербургской Газеты» фельетоновъ о Рыковѣ? Если нужно, то порекомендуйте. Возьму дешево: по 50 р. за фельетонъ... Дѣло будетъ тянуться 12 дней. Безъ эффектовъ не обойдется... О многомъ можно написать...

Письмо это коротко, но думаю, что я все сказалъ что нужно для того, чтобы Вы перестали сердиться. Мечтаю въ Декабрѣ быть у Васъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Рекомендовалъ я Вамъ поэтика. Махонькій, плюгавенькій... Жалко мнѣ его, потому и рекомендовалъ. Кушать хочетъ, а денегъ нѣтъ... Будете объявленія о журналѣ пускать? Если будете, то хорошо... Я на Вашемъ мѣстѣ тысячъ пять бы убухалъ на рекламу... Рекламу пустить съ рисунками, разсказами, анекдотами... красками...

А о Петербургской Газетѣ—пожалуйста. Не дадите ли и Вы мѣсто въ осколочныхъ фельетонахъ скопинскому дѣлу? Если да, то предупредите... Дѣло большое, на всѣхъ хватитъ.

84 г. Ноября 16.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Ахъ! Но одного «аха» не достаточно...

Изумляюсь, какъ это я не понялъ Васъ относительно Х.? Вы писали, что ему не нужно фельетоновъ, а нужны краткія свѣдѣнія изъ суда строкъ въ 100... Мнѣ почему-то вообразилось, что подъ свѣдѣніями надлежитъ понимать разсказы. (Если эти свѣдѣнія не фельетоны—то что же)? Спасибо, что написали и наставили на путь истинный... Вы удивляетесь моей странной прыти: какъ это, молъ, можно написать разсказъ за день до суда? Разсказъ не пожарная команда: и за полчаса до пожара можетъ быть состряпанъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ первой моей посылкѣ я хотѣлъ изобразить нововведенія въ окружномъ судѣ, состряпанныя ради Рыкова и которыя я ѣду осматривать въ понедѣльникъ...

Они достойны описанія, а не описывать же ихъ въ самый день суда, когда будетъ и такъ много матеріала!..

Второе «ахъ» по поводу «Рѣчи и ремешка». Сей разсказъ напечатанъ нигдѣ не былъ. Суть его я припоминаю, исполненіе забыто... Прочту съ удовольствіемъ какъ нѣчто не мое...

Я не думалъ, что мой разсказъ, напечатанный въ Развлеченіи, достоинъ Осколковъ. Я не посылалъ его, ибо онъ длиненъ и плохъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. А Вы не сердитесь, когда видите меня дезертирующимъ изъ Осколковъ... Человѣкъ я семейный, не имущій... деньги надобны, а Развлеченіе платитъ мнѣ 10 коп. со строки. Мнѣ нельзя зарабатывать менѣе 150—180 руб. въ мѣсяцъ, иначе я банкротъ.

Объ М. Голоденъ и холоденъ. Студентъ...

О Николаѣ молчу. Нарисовалъ онъ Вамъ хорошій рисунокъ... Если я спрошу его, послалъ ли онъ Вамъ его, или нѣтъ, то навѣрное совретъ...

Если пріѣдете въ Ноябрѣ, то—merci. У насъ зимой весело. Въ Стрѣльну можно будетъ съѣздить...

Былъ я недавно въ одной ископаемой редакціи («Россія)» и подслушалъ весьма интересный разговоръ. Человѣкъ 10—15 сидѣли за чаемъ и толковали про «Осколки». Сравнивали съ Искрой, говорили, что они лучше Искры, что въ нихъ есть направленіе, остроуміе... Что пресса подло дѣлаетъ, что обращаетъ на нихъ мало вниманія, и проч... Похвалили даже моск. фельетонъ, спросивъ меня, кто это Улиссъ. Не первый ужъ разъ слышу я такое мнѣніе объ О—хъ и всякій разъ «взыграся во чревѣ моемъ младенецъ». Держитесь! Подтяните художественный отдѣлъ до высоты хотя бы стрекозиной и—благо будетъ...

Я понатужусь и дамъ мелочишекъ, а пока не забывайте, что у Васъ есть всегда готовый къ услугамъ

А. Чехонте.

Кстати. Рыковское дѣло будетъ, какъ говорятъ, тянуться 2—3 недѣли... Не пришлетъ ли мнѣ г. Худековъ на всякій случай какого-либо вида отъ Пет. Газ., карточку что-ли...

Мелочи вышлю завтра... Я несчастливъ: каждый день гости...

1885 г. 22-го марта.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Поздравляю Васъ съ Пасхой и желаю всѣхъ благъ и успѣховъ. Чтобы не вливать лишней горечи въ Ваше праздничное настроеніе, шлю свой транспортъ задолго до срока. Фельетона пока нѣтъ, потому что матеріала буквально нуль. Кромѣ самоубійствъ, плохихъ мостовыхъ и манежныхъ гуляній, Москва не даетъ ничего. Схожу сегодня къ московскому оберъ-знайкѣ Г—му, сдѣлавшемуся въ послѣднее время царькомъ московскихъ репортеровъ, и попрошу у него сырого матеріала. Если у него есть что-нибудь, то онъ дастъ и я пришлю Вамъ обозрѣніе по обычаю къ вечеру вторника. Если-же у него ничего нѣтъ и если чтеніе завтрашнихъ газетъ пройдетъ также безплодно, какъ и чтеніе вчерашнихъ, то придется на сей разъ обойтись безъ обозрѣнія. Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовыя, про трактиръ Егорова... да что тутъ осколочнаго и интереснаго? Думаю, что сотрудники понаслали Вамъ къ празднику много всякой святочной всячины и отсутствіе обозрѣнія не заставитъ Васъ работать въ праздникъ лишнимъ разсказомъ. Да и я шлю три штучки... Изъ нихъ только одна можетъ оказаться негодной, двѣ-же другія, кажется, годны. Шлю при семъ и подписи для рисунковъ. Радъ служить во всѣ лопатки, но ничего съ своей толкастикой не подѣлаю: начнешь выдумывать подпись, а выходитъ разсказъ, или ничего не выходитъ... Будь я жителемъ Петербурга и участвуй въ Вашихъ съ Билибинымъ измышленіяхъ, я принесъ бы пользу, ибо сообща думается легче... Но увы! Питерцемъ быть мнѣ не придется... Я такъ уже засѣлъ въ московскія болота, что меня не вытянете никакими пряниками... Семья и привычка...

Не будь того и другого, я не далъ-бы Вамъ покоя и заѣлъ бы Васъ своими просьбами о мѣстѣ...

Тема «Аптекарская такса» модная... Ею, думаю, можно воспользоваться... Предлагаю Вамъ воспользоваться также и вопіющими банкротствами нашего времени... Въ Москвѣ лопаются фирмы одна за другой... Одна лопается, падаетъ въ яму и другую за собой тянетъ... Въ Питерѣ тоже, въ Харьковѣ тоже... Для Кирилла и Меѳодія годится параллель между IX и XIX вѣками... Нарисуйте чистенькую избушку съ вывѣской «школа»... Вокругъ одѣтые и сытые мужики... Это IX вѣкъ... Рядомъ съ нимъ XIX вѣкъ: та же избушка, но уже похилившаяся и поросшая крапивой...

Въ IX вѣкѣ были школы, больницы. Въ XIX есть школы, кабаки... Вообще у меня что-то копошится въ головѣ, но оріентироваться лѣнь. Лѣнь самая подлая — мозговая... Посылать незаконченный проектъ не деликатно, но ужъ, Вы простите... Когда у меня въ домѣ кончится приборка и сестрица не будетъ играть гаммъ, тогда, пожалуй, буду заканчивать, а теперь и Богъ проститъ... П. перебрался... Совсѣмъ Вѣчный Жидъ! Видимо, его натура не можетъ удовлетворяться мѣстами... Если натура тутъ не при чемъ, то, конечно, виновата жена... Хорошенькое словцо: баба «дьяволитъ!»

Нужно бы вамъ подтянуть художественный отдѣлъ. Все хорошо въ Осколкахъ, но худож. отдѣлъ критикуется даже въ Мѣщанскомъ училищѣ. Рисунки почти лубочны. Напримѣръ, что это за паровыя машины, рисуемыя П — вымъ? Фантазіи—ни-ни, изящества тоже... Поневолѣ Стрекоза будетъ идти и имѣть успѣхъ... Самосѣкальная машина, напримѣръ, тема не плохая, если изобразить ее, какъ слѣдуетъ, въ лубочномъ-же видѣ она пустяковая, мелочная... Всѣ рисунки даютъ впечатлѣніе такого рода, что будто бы

ихъ рисовали для того только, чтобы отдѣлаться: на отмашь, спустя рукава... Намъ, прозаикамъ, и Богъ проститъ наши грѣхи, но художникамъ слѣдуетъ по-божески работать.. Роскошью рисунка искупается и подпись... по рисункамъ публика привыкла судить и о всемъ журналѣ, а бываютъ-ли въ Осколкахъ рисунки? Есть краски и фигуры, но типовъ, движеній и рисунка нѣтъ...

Вообще худож. отдѣлъ у Васъ въ какомъ-то загонѣ.. Не помѣщаете портретовъ въ каррикатурѣ, какъ это дѣлаютъ другіе, не даете каррикатуръ... Номеръ «Пчелки», въ которомъ былъ помѣщенъ Вальяно, разошелся на югѣ въ тысячахъ экземпляровъ... Стрекоза, навѣрное, тоже... Номеръ «Пчелки» съ портретомъ Пастухова былъ въ Москвѣ проданъ на расхватъ... Самъ Пастуховъ купилъ 200 экземпл...

Подтяните художниковъ! Къ несчастью, ихъ такъ мало и такъ они всѣ избалованы, что съ ними каши не сваришь.. Прощайте. Къ юбилею Кирилла и Меѳодія изображу что-нибудь. Правда ли, что въ Кронштадтѣ былъ случай холеры? Радъ, что Александръ угодилъ Вамъ... Онъ малый трудящій и съ большимъ толкомъ... Юмористика—его порокъ врожденный... Если станетъ на настоящій путь и броситъ лирику, то будетъ имѣть большущій успѣхъ...

Вашъ А. Чеховъ.

1885 г. 28-го апрѣля.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Неужели у Васъ одинъ только мой разсказъ? Въ воскресенье 21-го апрѣля я послалъ Вамъ заказнымъ большой разсказъ «Упразднили!» Развѣ не получили? Если не получили, то увѣдомьте 2—3 строчками... Или адресъ я перепуталъ по разсѣянности, или-же почта утеряла... Послалъ, повторяю, заказнымъ... Всѣхъ моихъ разсказовъ у Васъ имѣется два! «Всякъ злакъ» и «Упразднили!».

Насчетъ «Петерб. Газеты» отвѣчаю согласіемъ и благодарственнымъ молебномъ по вашему адресу. Буду доставлять туда разсказы аккуратнѣе аккуратнаго... Въ «Будильникъ» нельзя не писать... Взялъ оттуда сторублевый авансъ дачныхъ ради расходовъ... За четыре лѣтнихъ мѣсяца нужно будетъ отработать... Ну, да вѣдь я не дамъ туда того, что годится для «Осколковъ»... Божіе богови, кесарево-кесареви... Въ «Развлеченіи» я не работалъ съ новаго года...

Васъ удивляетъ мой ранній переѣздъ на дачу? Мороза, которымъ Вы меня пугаете, я не боюсь. Въ Москвѣ, во-первыхъ, уже 15° въ тѣни... Дожди теплые, гремитъ громъ, зеленѣетъ поле... Во-вторыхъ, я буду жить въ помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ можно жить и зимой. Дача моя находится въ 3-хъ верстахъ отъ Воскресенска (Новаго Іерусалима) въ имѣніи Киселева, брата Вашего петербургскаго Киселева-гофмейстера и еще чего-то... Буду жить въ комнатахъ, въ которыхъ прошлымъ лѣтомъ жилъ Б. Маркевичъ. Тѣнь его будетъ являться мнѣ по ночамъ! Нанялъ я дачу съ мебелью, овощами, молокомъ и проч... Усадьба, очень красивая, стоитъ на крутомъ берегу... Внизу рѣка богатая рыбой, за рѣкой громадный лѣсъ, по сю сторону рѣки тоже лѣсъ... Около

дачи оранжереи, клумбы et caetera... Я люблю начало мая въ деревнѣ... Весело слѣдить за тѣмъ, какъ распускается зелень, какъ начинаютъ пѣть соловьи... Вокругъ усадьбы никто не живетъ и мы будемъ одиноки... Киселевъ съ женой, Бѣгичевъ, отставной теноръ Владиславлевъ, тѣнь Маркевича, моя семья—вотъ и всѣ дачники... Въ маѣ отлично рыба ловится, въ особенности караси и лини, сирѣчь прудовая рыба, а въ усадьбѣ есть и пруды...

Кстати: выѣду я не 1-го, какъ хотѣлъ, а 6-го, но смыслъ предъидущаго моего письма остается прежнимъ. Шлите все въ Воскресенскъ, кромѣ письма о судьбѣ разсказа «Упразднили!»..

Петерб. Газета, насколько я замѣтилъ, не любитъ разсказовъ съ душкомъ... Изъ судебнаго отчета у меня вычеркивалось все подозрительное... Да, не любитъ? Если насчетъ моего сотрудничества уже рѣшено, то не благоволитъ-ли Петерб. Газета высылаться мнѣ въ г. Воскресенскъ (Моск. губ.) въ количествѣ одного экземпляра? Чѣмъ больше газетъ буду получать, тѣмъ веселѣй... Этакій надувало мой художникъ! А совралъ мнѣ, что послалъ вамъ «рисунковъ»! Я заберу его съ собой на дачу, сниму тамъ съ него сапоги и на ключъ... Авось, будетъ работать! Гонораръ за рисунокъ высылайте въ Воскресенскъ, а то въ Москвѣ проэрмитажитъ... Пришлите ему въ Воскресенскъ тему, двѣ... Находясь подъ стражей, быстро исполнитъ заказъ... Ручаюсь.

Какое количество строкъ потребно для Пет. Газ.?

Чортъ знаетъ, какъ я разсыпаюсь въ письмахъ. Точно жена, пишущая мужу о покупкахъ: война, пуговицы, тесьма, опять пуговицы...

За «Цвѣты Лазоревые» я уже благодарилъ Васъ и еще разъ благодарю. Прочелъ... Въ особенности понравились мнѣ «Именины у старшаго дворника».

Полковника и повивальную бабку жаль.

Скорблю — безденеженъ. Волкомъ вою. Счастье мое, что еще долговъ нѣтъ... На дачѣ дешевле жизнь, но поѣздки въ Москву—чистая смерть!

Такъ увѣдомьте-же насчетъ «Упразднили». А пока прощайте и оставайтесь здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

1885 г. 9-го мая. Воскресенскъ.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Шлю Вамъ изъ дачи первый транспортъ. Благоволите въ разсказѣ «Павлинъ» въ пробѣлахъ написать имена соотвѣтствующихъ петербургскихъ увеселит. мѣстъ, которыхъ я не знаю и назвалъ чрезъ N и Z. Шлю короткій фельетонъ и нѣсколько мелочишекъ. Въ прошлую недѣлю не прислалъ ничего, ибо, перевозя семью, былъ заваленъ хлопотами. Чуть не разревѣлся я, прочитавъ въ Вашемъ письмѣ о судьбѣ разсказа «Упразднили». Не жаль мнѣ его достоинствъ, каковыхъ въ немъ мало, но жаль денегъ, которыя я могъ бы за него получить... Нельзя-ли сдать его въ П. Г.? Тамъ, быть можетъ, онъ сгодится. Ахъ, да! Пет. Газеты я не получаю и нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно посланныхъ туда двухъ разсказовъ. Великое одолженіе сдѣлаете мнѣ, если прикажете высылать мнѣ газету. Скажу большое спасибо и буду пѣть Вамъ, дондеже есмь... Больше, честное слово, не буду безпокоить Васъ...

Алоэ стало выписываться и радовать мое братское сердце. Только напрасно онъ себѣ д—ный псевдонимъ избралъ и объ одной только таможнѣ пишетъ... Не только свѣта, что въ таможнѣ, есть и другія ямы... Вотъ Вамъ еще новое доказательство московской тлетворности: ушелъ человѣкъ изъ Москвы, попалъ въ Питеръ, гдѣ иные порядки, и сталъ лучше...

Чувствую себя на эмпиреяхъ и занимаюсь благоглупостями: ѣмъ, пью, сплю, ужу рыбу, былъ разъ на охотѣ... Сегодня утромъ на жерлицу поймалъ налима, а третьяго дня мой соохотникъ убилъ зайчиху. Со мной живетъ художникъ Левитанъ (не тотъ, а другой—пейзажистъ), ярый стрѣлокъ.

Онъ-то и убилъ зайца. Съ бѣднягой творится что-то недоброе. Психозъ какой-то начинается. Хотѣлъ на Святой съ нимъ въ Владим. губ. съѣздить, провѣтрить его (онъ-же и подбилъ меня), а прихожу къ нему въ назначенный для отъѣзда день, мнѣ говорятъ, что онъ на Кавказъ уѣхалъ... Въ концѣ апрѣля вернулся откуда-то, но не изъ Кавказа... Хотѣлъ вѣшаться. Взялъ я его съ собой на дачу и теперь прогуливаю... Словно-бы легче стало...

Поставилъ я въ рѣкѣ и въ прудѣ верши и то и дѣло вынимаю ихъ изъ воды: терпѣнья не хватаетъ... Природу не описываю. Если будете лѣтомъ въ Москвѣ и пріѣдете на богомолье въ Новый Іерусалимъ, то я обѣщаю Вамъ нѣчто такое, чего Вы нигдѣ и никогда не видѣли... Роскошь природа! Такъ бы взялъ и съѣлъ ее...

Гонораръ получилъ, журналъ получаю. Такъ нельзя-ли «Упразднили» сдать въ «П. Г.»? Природа великолѣпна, дача роскошна, но денегъ такъ мало, что совѣстно на карманы глядѣть. Жениться на богатой купчихѣ, что-ли? Женюсь на толстой купчихѣ и буду издавать толстый журналъ. Прощайте и не сердитесь на неисправнѣйшаго.

А. Чеховъ.

1885 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Ваше письмо получено мною уже на новой квартирѣ. Квартира моя за Москвой-рѣкой, а здѣсь настоящая провинція: чисто, тихо, дешево и... глуповато. Погромъ на Осколки подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ обухомъ... Съ одной стороны трудовъ своихъ жалко, съ другой какъ-то душно, жутко... Конечно, Вы правы: лучше сократиться и жевать мочалу, чѣмъ съ рискомъ для журнала хлестать плетью по обуху. Прійдется подождать, потерпѣть... Но, думаю, что прійдется сокращаться безконечно. Что дозволено сегодня, изъ-за того прійдется съѣздить въ комитетъ завтра и близко время, когда даже чинъ «купецъ» станетъ недозволеннымъ фруктомъ. Да, непрочный кусокъ хлѣба даетъ литература, и умно Вы сдѣлали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось, и писалось...

Посылать Вамъ что-нибудь въ эту недѣлю я не былъ намѣренъ. У Васъ были 3 мои вещи и отдохновеніе я считалъ законнымъ, тѣмъ болѣе, что меня заѣздила перевозка. Нынѣ, получивъ Ваше письмо и узнавъ про судьбу моихъ 3-хъ вещей, я шлю Вамъ разсказъ, который писалъ не для Осколковъ, а для «вообще», куда сгодится. Разсказъ немножко длиненъ, но онъ трактуетъ объ актерахъ, что въ виду открытія сезона весьма кстати, и, какъ мнѣ кажется, юмористиченъ. Завтра засяду и напишу «Сентябрь, Октябрь иНоябрь», конечно, если не помѣшаетъ что-нибудь въ родѣ практики и проч.

Вы совѣтуете мнѣ съѣздить въ Петербургъ, чтобы переговорить съ Худековымъ, и говорите, что Петербургъ не Китай... Я и самъ знаю, что онъ не Китай и, какъ Вамъ

извѣстно, давно уже созналъ потребность въ этой поѣздкѣ, но что мнѣ дѣлать? Благодаря тому, что я живу большой семьей, у меня никогда не бываетъ на рукахъ свободной десятирублевки, а на поѣздку, самую некомфортабельную и нищенскую, потребно minimum 50 руб. Гдѣ же мнѣ взять эти деньги? Выжимать изъ семьи я не умѣю, да и не нахожу это возможнымъ... Если я 2 блюда сокращу на одно, то я стану чахнуть отъ угрызеній совѣсти. Раньше я надѣялся, что можно будетъ урвать на поѣздку изъ гонорара Петербургской Газеты, теперь же оказывается, что, начавъ работать въ Петербургской Газетѣ, я зарабатываю нисколько не больше прежняго, ибо въ оную газету я отдаю все то, что раньше отдавалъ въ Развлеченіе, Буд. и пр. Аллаху только извѣстно, какъ трудно мнѣ балансировать и какъ легко мнѣ сорваться и потерять равновѣсіе. Заработай я въ будущемъ мѣсяцѣ 20—30-ю рублями меньше и, мнѣ кажется, балансъ пойдетъ къ чорту, я запутаюсь... Денежно я ужасно напуганъ и, вѣроятно, въ силу этой денежной, совсѣмъ не коммерческой трусости, я избѣгаю займовъ и авансовъ... На подъемъ я не тяжелъ. Будь у меня деньги, я леталъ бы по городамъ и весямъ безъ конца.

Гонораръ изъ Петербургской Газеты я получилъ недѣли черезъ 2 послѣ отсылки туда счета.

Если въ октябрѣ Вы будете въ Москвѣ, то я какъ-нибудь соберусь и поѣду съ Вами. На путь въ Петербургъ найдутся деньги, на обратный возьму у Худекова (заработанныя).

Писать больше того, что теперь я пишу, мнѣ нельзя, ибо медицина не адвокатура: не будешь работать, застынешь. Стало быть, мой литературный заработокъ есть величина постоянная. Уменьшиться можетъ, увеличиться — нѣтъ. Во вторникъ жду Осколки по новому адресу. Давно уже не получалъ ихъ аккуратно.

Поздравляю съ покупкой. Ужасно я люблю все то, что въ Россіи назыв. имѣніемъ. Это слово еще не потеряло своего поэтическаго оттѣнка. Стало-быть, лѣтомъ Вы будете кейфовать...

У насъ морозъ, но снѣга нѣтъ.

П. былъ у меня и будетъ еще во вторникъ. По вторникамъ у меня вечера съ дѣвицами, музыкой, пѣніемъ и литературой. Хочу поэта вывозить въ свѣтъ, а то прокисъ.

Вашъ А. Чеховъ.

1885 г., 30 сентября, понедѣльникъ.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Получилъ Ваше письмо съ корректурой моего злополучнаго разсказа... Судьбы цензорскія неисповѣдимы! Покорный Вашему совѣту, шлю изгнанника въ Петербургскую Газету.

Посылаю Вамъ: а) Осколки Московской жизни. Какъ бы ни было, хоть съ грѣхомъ пополамъ, но писать ихъ буду и, вѣроятно, чаще, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ. Дѣло въ томъ, что они читаются и перепечатываются. Обыкновенно, у меня воспѣвается то, что прозѣвывается, или недоступно для Буд. и Развл. и такимъ образомъ, благодаря моему обозрѣнію и тому, что половина осколочныхъ столбовъ—кровные москвичи, «Осколки» идутъ за московскій журналъ. Будь въ Москвѣ художникъ-юмористъ, который рисовалъ бы для Васъ моск. жизнь, тогда бы еще лучше было. Вы какъ-то говорили мнѣ, что въ Москвѣ розничная продажа Осколковъ стоитъ на точкѣ замерзанія. Можетъ-быть, но за то Осколковъ въ Москвѣ выходитъ больше, чѣмъ Будильника и Развлеченій! b) разсказъ, с) Стихи Г. Та непріятная штука, о которой Вы писали, есть, конечно, недоразумѣніе. Г. человѣкъ порядочный, вышколенный Русскими Вѣдомостями, обезпеченный... Имѣя около 300 р. въ мѣсяцъ, едва ли онъ сталъ бы фальшивить изъ-за рубля! Это вѣрно... Я его знаю... Что онъ шлетъ Вамъ дребедень, это понятно: занятъ день и ночь, а работать въ Осколки хочется. Вообще сотрудникъ онъ полезный, если не теперь, то въ будущемъ. d) Есть въ Москвѣ юнецъ, нѣкій Родіонъ М., человѣкъ забитый, голодающій, представляющій собой нѣчто безформенное и неопредѣленное; не то онъ аптекарь, не то портной... Прочитывая всю Московскую чепуху, я на-

скакивалъ на его стихи, которые сильно выдѣлялись изъ пестрой братіи: и свѣжи, и гладки, и коротки... Попадались такіе, что хоть на музыку перекладывай... Помня Вашу заповѣдь — вербовать сотрудниковъ для Осколковъ, я по пріѣздѣ въ Москву отыскалъ этого Родіона и предложилъ ему послать пробу пера къ Вамъ... Онъ страшно обрадовался, оболдѣлъ и въ одинъ день накаталъ чуть ли не 10 штукъ и принесъ мнѣ. Накаталъ онъ съ плеча, а потому (насколько я смыслю) добрая половина ихъ никуда не годится... Есть 2—3 стишка, которые несомнѣнно годны. По первому присылу не судите о немъ.

О сентябрѣ (я ранѣе писалъ уже Вамъ) напишу купно съ октябремъ. Подписей—увы! нѣтъ въ моихъ мозгахъ. Политическія темы только тогда не скучны и не сухи, когда въ нихъ затрогивается сама Русь, ея ошибки. Отчего Вы для передовицы не хотите воспользоваться процессомъ Мироновича? Почему не посмѣяться надъ слѣдствіемъ, надъ экспертами фатящими, допрашивающими свидѣтелей, требующими эффекта ради вырытія покойницы, надъ защитой и ея претензіями (водолазы, напр...) и проч.? Если что надумаю, то не буду ждать понедѣльника, а пошлю среди недѣли. Пока будьте здоровы.

Сижу безъ денегъ. Будильнику долженъ, до осколочнаго гонорара еще далеко, а изъ П. Г. ни слуху, ни духу, хотя я послалъ ей самый подробный счетъ. У меня начало осени всегда кисло.

Буду жить, вѣроятно, на Якиманкѣ, но переберусь туда не ранѣе 10-го окт. Полы красятъ.

85 г. ноября 23.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Завтра я улетучиваюсь изъ Москвы дня на 2 — 3. Не знаю, успѣю-ли что-нибудь создать въ этотъ разъ для Осколковъ, или нѣтъ, но письмо все-таки посылаю въ виду срочности вопросовъ и событій, въ немъ затрогиваемыхъ. Primo: Левитанъ живетъ въ Гатчинѣ. Полный его адресъ таковъ: «Срѣтенка, Колокольный пер., меблированныя комнаты «Гатчина», въ домѣ Малюшина, № 28. Адольфъ Ильичъ Левитанъ». Кстати говоря, Левитанъ въ Москвѣ нравится. Рисовальщикъ онъ не изъ плохихъ... Secondo: Если не боитесь лишняго багажа и сами на лишній багажъ напрашиваетесь, то привезите мнѣ Осколки за прошлый 84-й годъ. Прошу сіе переплета и потомства ради. Не забудьте также, что Вы обѣщали мнѣ Вашу новую книжицу.

Теперь о злосчастномъ «Таперѣ». Знай я, что этотъ мой «Таперъ» послужитъ достаточнымъ поводомъ для обвиненія меня въ злокачественности, я, конечно, не написалъ бы его, не написалъ бы, не смотря даже на то, что я сильно расхожусь съ Вами во взглядѣ относительно 400 сбѣжавшихъ сотрудниковъ и проч. Знай я, что Осколки держатся такихъ-то и такихъ правилъ, я не сталъ бы въ чужой монастырь со своимъ уставомъ ходить и или вовсе бы не далъ Буд. разсказъ, или попросилъ бы напечатать его съ другой подписью... Но бѣда въ томъ, что я не зналъ еще до сихъ поръ тѣхъ журнально-дипломатическихъ тонкостей, которыя Вы перечисляете... Чортъ возьми, почемъ я знаю, что Буд. печатаетъ меня теперь только потому, что теперь время подписки? Попросилъ онъ у меня разсказа, какъ всегда проситъ, я и далъ, ничего не подозрѣвая и не желая подозрѣ-

вать, тѣмъ болѣе, что и лѣтомъ я давалъ имъ разсказы. лѣтомъ, когда подписка и не снится... Печатаетъ меня Буд., правда, рѣдко, ибо я для него дорогъ, но не думаю, что послѣдніе номера его стараются теперь казаться болѣе дорогими, чѣмъ они были въ іюлѣ. То же самое могу сказать и о Развлеченіи.

Тапера я далъ въ октябрѣ... Не дать чего-нибудь не могъ, ибо Буд. я долженъ съ самаго лѣта. Долженъ пустяки, но все-таки отдать надо... Но какъ бы то ни было, обѣщаю въ декабрѣ, январѣ и въ концѣ ноября ничего не давать въ юморист. журналы съ подписью А. Чехонте и вообще подписью, извѣстною читателямъ Осколковъ.

Я, пожалуй, могу и совсѣмъ бросить работать въ Буд., но думаю, что Вы этого не захотите. Лишніе 30 — 40, а иногда и 50 въ мѣсяцъ, ей Богу, годятся такому пролетарію, какъ я. Вы удивляетесь, отчего я не послалъ Тапера въ Осколки, гдѣ онъ былъ бы помѣщенъ, когда мнѣ угодно, и за котораго я могъ бы взять авансъ. Отъ души Вамъ спасибо, но вѣдь это палліативы... Авансъ отрабатывать надо, а одинъ полный (для меня) номеръ таже одна ласточка, которая весны не дѣлаетъ. Сколько бы я ни писалъ и какъ бы часто ни посылалъ Вамъ свою прозу, мой гонораръ не перестанетъ колебаться между 45 и 65 въ мѣсяцъ... Пошли я Вамъ сейчасъ цѣлый мѣшокъ статей и мой гонораръ отъ этого не станетъ толще, ибо предѣлъ ему положенъ не Вами а рамками журнала... Впрочемъ, мы скоро увидимся и рѣшимъ все это словесно...

Спасибо за открытіе, что у Васъ имѣется «Сонъ». Если это что-нибудь путевое и достойное праздничнаго номера, то пришлите его мнѣ. Я подвергну его передѣлкѣ и вышлю немедленно...

За разговоръ съ Худековымъ спасибо. Хотя я все-таки еще продолжаю ждать, но все-таки знаю, что часъ получки грядетъ...

Идетъ дождь. Боюсь, что онъ изгадитъ санный путь. Николая видѣлъ въ среду. Видѣлъ его лежащимъ въ постели и прописалъ ему морфій.

Сегодня имѣлъ честь лечить одного редактора отъ геморроя.

Много курьезныхъ новостей. Когда пріѣдете, разскажу, а пока будьте здравы, забудьте всѣхъ таперовъ на свѣтѣ и не сердитесь. Ну, стоитъ ли изъ-за пустяковъ... Впрочемъ не оканчиваю эту фразу, ибо вспоминаю, что вся жизнь человѣческая состоитъ изъ пустяковъ.

Иду ѣсть.

А. Чеховъ.

86 г. января 19.

Какъ ни старался, добрѣйшій Николай Александровичъ, попасть Вамъ въ жилку — послать разсказъ къ понедѣльнику, но не успѣлъ. Много всякой работы, да и не клеилось писанье. Шлю сейчасъ разсказъ. Если успѣю, то завтра пошлю съ курьерскимъ мелочей.

Посылаю Вамъ темы. Николка опять размокропогодился и набралъ заказовъ изъ Сверчка. Клялся мнѣ, что некогда... На одну тему онъ началъ прелестно... Началъ и по обычаю не кончилъ.

Вы говорите, что я пишу такъ, словно отвязаться хочу... Къ чему это говорить? Если мои письма не всегда удачны, то это объясняется очень просто: не умѣю писать писемъ. Всегда въ письмахъ я или не дописываю, или переписываю, или же пишу чепуху, не интересную для адресата. Такова у меня natura.

Сегодня послалъ Вамъ посылку, содержащую очень мало съѣдобнаго, самъ же я на дняхъ получилъ посылкой хохлацкое сало и хохлацкія колбасы... Я счастливѣе Васъ...

Я банкротъ... Денегъ, хоть удавите, нѣтъ... Просто, хоть въ альфонсы нанимайся. Когда мѣсяцъ кончится, Вы поторопите Вашего казначея утолить мою жажду. Какъ зовутъ Буйлова? Буду ему счетъ посылать.

Сколько подписчиковъ у Буд. и Сверчка, честное слово, не знаю, иначе написалъ бы. Почти нигдѣ не бываю и ни съ кѣмъ изъ газетчиковъ не видаюсь. Когда узнаю, напишу. А отчего стрѣлялся Петръ Иванычъ, никому не извѣстно. Стрѣлялся, вѣроятно, по причинамъ, вытекшимъ «изъ глубины внутренняго міросозерцанія».

Получилъ отъ Агаѳопода письмо. Трудно живется бѣднягѣ... Въ декабрѣ Вы обѣщали мнѣ прибавить ему...

Неужели и теперь Билибинъ не получилъ моего письма? Онъ много потерялъ, что не получилъ моего перваго письма, которое я писалъ въ подпитіи, распираемый благонамѣренными чувствами... Спьяна, должно быть, вмѣсто 7 коп. марки наклеилъ 2-хъ копѣечную, ибо были потемки, а въ потьмахъ всѣ кошки сѣры и всѣ марки семикопѣечны... Вообще на святкахъ акцизному вѣдомству посчастливилось: приходилось пить чуть ли не каждый день...

Тема для передовицы: по поводу юбилеевъ. Луна, глядя на землю, презрительно улыбается.—Когда же наконецъ мой юбилей будутъ праздновать? Если эта тема не годна, то ее можно взять для мелочишки: «Юбилей луны». Порекомендуйте И. Грэку.

Надо спать. Надъ моей головой идетъ плясъ. Играетъ оркестръ. Свадьба. Въ бельэтажѣ живетъ кухмистеръ, отдающій помѣщеніе подъ свадьбы и поминки. Въ обѣдъ поминки, ночью свадьба... Смерть и зачатіе...

Кто-то, стуча ногами, какъ лошадь, пробѣжалъ сейчасъ какъ разъ надъ моей головой... Должно быть, шаферъ. Оркестръ гремитъ... Ну, чего ради? Чему обрадовались сдуру?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Собакамъ отъ моего имени дайте по лишнему кусочку.

За симъ прощайте.

Вашъ Чеховъ.

86 г. Января 3.

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Получилъ я и гонораръ и Ваше письмо. Первый пришелъ какъ разъ во время, а на второе отвѣчаю:

1) На книгѣ я буду не А. Чеховъ, а А. Чехонте.

2) Какъ титуловать? Я выдумывалъ названіе для своей книги купно съ П. и ничего не придумалъ. Остановился я на: «Пестрые разсказы» А. Чехонте. Очерки, разсказы, наброски и проч.

Если это заглавіе не годится, то пусть идетъ Ваше, т. е. «А. Чехонте. Разсказы и очерки». Выбравъ одно изъ двухъ купно съ И. Грэкомъ, которому я послалъ прошеніе, поторопитесь увѣдомить, дабы не задержать виньетиста.

3) Съ мыслью о послѣдней корректурѣ разстаюсь.

4) Если бы отъ меня зависѣлъ выборъ шрифта, то я остановился бы на томъ, которымъ печатались Ваши Цвѣты Лазоревые.

Шлю разсказъ... Въ немъ тронуты студіозы, но не либеральнаго ничего нѣтъ. Да и пора бросить церемониться.

Кстати: какъ конкурсъ на любовное письмо? Есть ли что-нибудь? Было бъ напечатать вызовъ въ 2 номерахъ. Въ Москвѣ погода великолѣпная.

Кататься можно.

Спѣшу къ курьерскому поѣзду, а посему не гнѣвайтесь на краткость письма.

Кланяюсь Вашему дому съ чадами, домочадцами, кончая Апелемъ и Рогулькой.

За поклонъ моя семья благодаритъ и тѣмъ же концомъ и Васъ по боку.

Вашъ А. Чеховъ.

86 г. Февраля 16.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Письмо, корректуру и листъ моей книги получилъ и шлю спасибо за хлопоты. Помарки въ «Анютѣ» дѣйствительно неважны. Благодарю, что выручили этотъ мой разсказъ— все-таки вѣдь движимое имущество!

Шрифтъ книги мнѣ нравится. Размѣръ тоже. Вѣроятно послѣдней корректуры еще не было, такъ какъ ошибокъ много... Между прочимъ есть ошибка, которую едва-ли корректорша исправитъ безъ моей помощи, ибо она не бросается въ глаза. Шлю корректоршѣ записочку, которую потрудитесь передать ей. Шехтель обѣщалъ быть сегодня у меня ради виньетки, но не былъ. Самъ-же я съѣздить къ нему не могу, такъ какъ сижу босой: на подъемѣ правой ноги у меня нарывъ, который пришлось вскрывать. Вонища іодоформомъ на весь кабинетъ.

На заглавіи книги, мы, кажется, уже остановились съ Вами. Я не думалъ, что это еще не рѣшенное дѣло, а потому и не спѣшилъ писать Вамъ. Мы согласились съ Вами назвать книгу такъ: «А Чехонте. Пестрые разсказы». Песій бюстъ мною еще не полученъ. Я писалъ Г., чтобы тотъ привезъ, но отвѣта не получилъ. Съѣздить къ нему не могу по вышеописанной причинѣ... Хожу въ башмакахъ, но не дальше ватерклозета. У меня уже есть на столѣ одна собака—сетеръ...

Отъ Агаѳопода ни слуху, ни духу... Я начинаю безпокоиться. Онъ не отвѣчаетъ даже на нужныя письма... Ужъ не заболѣлъ-ли?

Письмо это пойдетъ завтра съ почтовымъ. Разсказъ же, который уже на половину написанъ, пошлю съ курьерскимъ.

Сейчасъ кончить не въ состояніи, потому что ослабѣлъ и хочу лечь въ постель... Да и къ тому же 2-й часъ ночи...

Мозгъ не хочетъ работать, а утромъ и вчера вечеромъ мнѣ мѣшали.

Прочтите въ субботнемъ (15-го февр.) № Русскихъ Вѣд. сказку Щедрина. Прелестная штучка. Получите удовольствіе и руками разведете отъ удивленія: по смѣлости эта сказка совсѣмъ анахронизмъ!

Если не найдете у себя этого №, то напишите, я вышлю... Былъ я 2 раза у П. Живетъ онъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ бываетъ невылазная, бердичевская грязь и растетъ на тротуарѣ трава. Не будь онъ поэтомъ, онъ былъ бы комикомъ.

Скажите Билибину, что я послалъ ему письмо... Вашъ секретарь неизсякаемъ... Откуда у него берется столько темъ и игривости? Это единственный творецъ мелочей, который не исписывается. Всѣ же остальные въ сравненіи съ нимъ— кобчики... Изъ него выработался прекрасный фельетонистъ...

Весной, или въ началѣ лѣта мечтаю побывать въ Петербургѣ. Погода у насъ морозная, но великолѣпная. Днемъ солнце, ночью луна... Не разсказы бы писать, а въ любви объясняться...

Кланяюсь Вашимъ... Вашъ диванъ гораздо мягче моего матраца, да и не холодно у Васъ такъ, какъ у меня... Бррр!...

Вашъ А. Чеховъ.

Практика наклевывается помаленьку.

86 г. Февраля 20.

Получилъ Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, и браню себя, что не тотчасъ отвѣтилъ Вамъ на предыдущее письмо. Дѣло въ томъ, что, если листъ (I) уже отпечатанъ, то въ немъ остались всѣ тѣ многочисленныя ошибки, которыя я нашелъ въ немъ...

А ошибокъ много...

Я Васъ надулъ, но Вы простите... Такъ я утомленъ, очумѣлъ и оболдѣлъ въ послѣднія недѣли двѣ, что голова кругомъ ходитъ... Въ квартирѣ у меня вѣчная толкотня, гамъ, музыка... Въ кабинетѣ холодно... паціенты... и т. д. Недописанный разсказъ будетъ дописанъ и своевременно присланъ...

Виньетка для книги готова и отдана въ цинкографію. Вышла она такъ хороша, что я ахнулъ и умилился... Пойдетъ она въ 2 краски, чего ради Вы получите 2 клише. По мнѣнію творца виньетки, бумага для обложки должна быть потолще, холоднаго и желтоватого, или сѣроватого тона. Надпись, что книга издана Осколками, исполнена.

Не пишите мнѣ про Сверчка... Я далъ Вамъ слово, что въ декабрѣ и январѣ въ Москвѣ я не буду подписываться А. Чехонте... Памятуя объ этомъ, я давалъ просящему Вернеру разсказъ и кромѣ гонорара взялъ съ него подчеркнутое честное слово, что онъ не выставитъ моего псевдонима... Но онъ не нашелъ нужнымъ сдержать это слово...

Вообще грустно. Я бы съ наслажденіемъ уѣхалъ бы теперь куда-нибудь въ родѣ кругосвѣтнаго плаванія... Кстати же и кашляю.

Суворинъ назначилъ мнѣ 12 коп. со строки. Но отъ этого мои доходы нисколько не увеличатся.

Больше того писать, что я теперь пишу, у меня не хватитъ ни времени, ни толкастики, ни энергіи, хоть Вы зарѣжьте меня.

Отъ Т. письма не было. Само собою разумѣется, что пока не получу отъ него приглашенія, самъ не полѣзу къ нему... Дать же что нибудь въ виду добраго дѣла я не прочь и даже былъ бы польщенъ...

Г. обѣщаетъ завтра пріѣхать ко мнѣ.

Ну что, какъ Ѳедины недуги? Все ли еще Васъ терзаютъ сомнѣнія?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ, а Вамъ жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

Пора бы уже начаться веснѣ... У меня такія безсонницы—чортъ ихъ знаетъ, откуда онѣ взялись—что купанье и чистый воздухъ являются настоятельной потребностью.

Билибину написалъ я о книгѣ такъ, à propos...

Намъ на нашей дачѣ купили новой мебели—семейная новость.

86 г. Февраля 25.

Пса смердяща получилъ, уважаемый Николай Александровичъ, и уже имѣлъ случай показывать на немъ двумъ пѣвцамъ восторгъ и изумленіе обывателя, когда оные пѣвцы поютъ. Если приподнять голову собаки на $^1/_3$, то на мордѣ получается именно это обывательское выраженіе...

Гиляй болѣнъ. Что-то у него начинается. T^0 высока, но въ чемъ дѣло, пока неизвѣстно.

За собаку шлю Вамъ нѣсколько подписей.

Если можно, велите тиснуть мнѣ еще 2-й или 3-й листъ книги и вышлите бандеролью. Виньетка въ цинкографіи. Кланяюсь Вашимъ и Билибину.

Вашъ А. Чеховъ.

86 г. Марта 4.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Написавъ и прочитавъ посланный Вамъ вчера разсказъ, я почесалъ у себя за ухомъ, приподнялъ брови и крякнулъ—дѣйствія, которыя продѣлываетъ всякій авторъ, написавъ что-нибудь длинное и скучное. Началъ я разсказъ утромъ; мысль была не плохая, и начало вышло ничего себѣ, но горе въ томъ, что пришлось писать съ антрактами. Послѣ первой странички пріѣхала жена А. М. Дмитріева просить медицинское свидѣтельство; послѣ 2-й, получилъ отъ Шехтеля телеграмму: болѣнъ! Нужно было ѣхать лѣчить. Послѣ 3-й страницы—обѣдъ и т. д. А писанье съ антрактами то же самое, что пульсъ съ перебоями.

Ѣздилъ къ Давыдову въ цинкографію справиться насчетъ виньетки. Виньетка уже готова. Не взялъ клише, потому что свободныхъ денегъ со мной не было; получу гонораръ изъ Оск. или изъ Пет. Газ., уплачу Давыдову 9 р. 84 к. и моментально вышлю клише. Стало быть, будьте на сей счетъ покойны и ждите...

Сейчасъ получилъ отъ Агаѳопода письмо. Оказывается, что мое письмо путешествовало къ нему 16 дней! Я бы издохъ при такой почтѣ... Гдѣ дѣло касается корреспонденціи, тамъ я нетерпѣливъ чертовски, хоть и... лѣнивъ писать письма.

Вы просили, чтобы я высказался откровенно о Вашемъ разсказѣ (Переписка учителей). По моему мнѣнію, тема очень хорошая и благородная; для Осколковъ такія темы очень годятся. Исполненіе мнѣ тоже понравилось, хотя я и держусь мнѣнія, что изложенія въ формѣ писемъ устарѣлая вещь. Оно годится, если вся соль сидитъ въ самихъ пись-

махъ (наприм. отношеніе становаго, любовныя письма), но какъ форма литературная, оно не годится во многихъ отношеніяхъ: вставляетъ автора въ рамки—это главное... Пиши Вы на ту тему разсказъ, было бы лучше...

Ну, какъ Вамъ ужиналось у Суворина? Судя по телеграммамъ и описаніямъ, юбилей былъ шумный... Когда-то Осколки будутъ справлять юбилей! Авось и мы съ Билибинымъ золотыхъ медальоновъ дождемся. Я Вамъ пришлю тогда телеграмму въ 50 словъ... Суворину послана мною телеграмма за часъ до полученія Вашего письма.

Что у Васъ у Петербуржцевъ, за манера фаршировать себя всякаго рода белладонами, кодеинами и бисмутами?

Побойтесь Бога, если не боитесь своего желудка! Это Васъ такъ петербургскіе доктора пріучили... У насъ въ Москвѣ Вы не разгулялись бы такъ по части аптеки...

Буйловъ обѣщалъ высылать гонораръ каждое 31-е число. Чувствуется, что на сей разъ обѣщаніе исполняется не въ точности...

Я все-таки полагалъ, что книга будетъ быстрѣй печататься. Въ Москвѣ печатаютъ не медленнѣе. Впрочемъ, время и дѣло не къ спѣху.

Получилъ отъ Т. письмо съ комплиментами и приглашеніями. Знаете что? Мнѣ кажется, что Т. очень хорошій человѣкъ, но сборникъ его не состоится...

Нельзя, живя въ Ярославлѣ, издавать въ Москвѣ, нельзя приглашать пишущихъ, не зная ни характера сборника, ни его внѣшности, ни величины... Вѣдь онъ и самъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, что хочетъ издать! А это не ладно... Я написалъ ему свои соображенія... Написали бы и Вы ему что-нибудь, въ родѣ соображенія, или совѣта.

Москва—не Парижъ... Наши литографіи и цинкографіи

передѣлаютъ автографы въ такія кляксы, что не разберете буки отъ мыслете...

Кто-то дернулъ за звонокъ... Не ко мнѣ!

Погода у насъ совсѣмъ весенняя. Страсть какъ хочется за весеннія темы приниматься.

Вашимъ всѣмъ кланяюсь, а Вамъ жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

85 г.

Уважаемый

Николай Александровичъ!

Письмо Ваше получилъ и отвѣчаю:

1) Николаю рисунокъ заказанъ.

2) За обѣщаніе прислать книжку спасибо. Я заказалъ себѣ полки и учиняю библіотеку. Присылайте книгу, если можно, не посылкой, а бандеролью заказной.

Такъ получить легче. Кстати, храни Васъ Царица Небесная забыть, что за Вами еще обѣщанный экземпляръ Осколковъ за 84 г. Если забудете, то я останусь безъ никому.

3) Изъ того, что я пишу мало, нельзя заключать, что я лѣтняй. Я занятъ цѣлый день, до того, что въ театрѣ еще ни разу не былъ за всю осень. Слѣдить за наукой и работать—большая разница. Рукописей я не перебѣляю. Чаще всего я отсылаю черновики, перебѣляю же только для Осколковъ и то иногда, когда кажется мнѣ, что начало разсказа длинно, когда во время письма вдругъ явится желаніе измѣнить что нибудь in corpore и проч. Всегда перебѣляю моск. жизнь, ибо пишу ее съ потугами.

Такія же вещи, какъ посылаемыя, я пишу обыкновенно на отмашь.

Если Вы отложили свой пріѣздъ до конца ноября, то значитъ, пріѣдете въ декабрѣ.

А не дурно бы, знаете, собраться передъ подпиской всѣмъ сотрудникамъ Осколковъ и учинить consilium. О многомъ слѣдовало бы потолковать сообща.

П. мы сглазили. Онъ во вторникъ у меня не былъ.

Вашъ А. Чеховъ.

86 г. Апрѣля 13.

Воистину, воскресъ, добрѣйшій Николай Александровичъ! Вмѣсто обѣщанной субботы, пишу Вамъ въ вечеръ воскресенья, когда желудокъ набитъ всякой всячиной, а въ глазахъ рябитъ отъ визитеровъ.

День прошелъ весело. Ночью ходилъ въ Кремль слушать звонъ, шлялся по церквамъ; вернувшись домой во 2-мъ часу, пѣлъ и пилъ съ двумя оперными басами, которыхъ нашелъ въ Кремлѣ и притащилъ къ себѣ разговляться.

Одинъ изъ этихъ басовъ великолѣпно изображалъ протодьякона. Великую вечерню слушалъ въ храмѣ Христа Спасителя и т. д.

Книгу Вашу получилъ.

Гиляй надулъ меня. У него только рожа. Шутка не особенно остроумная. А я на другой день спѣшилъ къ нему съ Якиманки на Мѣщанскую, тратилъ время и деньги на извозчика! Вы корите меня за то, что я поѣхалъ къ нему не тотчасъ же по полученіи отъ него письма. Особенно спѣшить не было надобности. Въ письмѣ было сказано: «3 дня тому назадъ со мной случилась бѣда», а 3 дня такой длинный срокъ, который исключаетъ отсутствіе медицинской помощи и осложненія въ родѣ открытаго перелома и проч. Я былъ увѣренъ, что повязка уже наложена, а меня зовутъ пуръ се лепетанъ, изъ недовѣрія къ первому попавшемуся врачу.

Лѣчу П. Поэтъ нѣмъ. Онъ охрипъ и говоритъ невозможно сиплымъ басомъ, такъ что безъ смѣха его нельзя слушать. При мнѣ онъ получилъ отъ Васъ карточку и книгу.

Вы спрашиваете, куда я деньги дѣваю... Не кучу, не франчу, долговъ нѣтъ *), но тѣмъ не менѣе изъ 80+232 р.,

*) и содержанокъ даже нѣтъ; Осколки и любовь я получаю gratis.

полученныхъ передъ праздникомъ отъ Васъ и отъ Суворина, осталось только 40, изъ коихъ завтра я долженъ буду отдать 20... Чортъ его знаетъ, куда онѣ дѣваются! Отъ Буйвола еще не получилъ.

Погода великолѣпная.

Сейчасъ лягу и буду читать Лермонтова.

Вашъ А. Чеховъ.

Шлю разсказъ «Загадочная натура», который отдайте въ наборъ.

86 г. мая 27.

Получилъ Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, и, чтобы Вы не попрекали меня въ лѣности, спѣшу отвѣтить на него. Primo: Вамъ послано уже 2 письма, одно отъ меня, другое отъ Николая, ждущаго отъ Васъ заказовъ. Оба письма адресованы въ село Ивановское.

2) Передайте Тимофею, что я ему завидую. Въ этомъ году у меня рыба ловится не важно. Разная херовинка ловится, а что покрупнѣй, то упорно избѣгаетъ знакомства со мной. Ловятся щуки, но отъ щукъ такая же корысть, какъ отъ ледащихъ собакъ. Одна только сырость. Совѣтую Вашему маститому рыболову, напоминающему старообрядческаго архіерея, половить рыбъ на живца: берутъ толстую леску хорошее грузило и солидный крючокъ на струнѣ (басокъ). Достаточно такой величины: или чуточку больше. Приманкой служитъ живая рыбка (пискарь, голавль), которой крючокъ проводится сквозь «зебры» въ ротъ. Забрасывается на ночь. Рекомендую ему также поставить вершу въ прудѣ. Въ вершу надо положить въ кисейномъ мѣшкѣ гречневой каши съ творогомъ. Пока больше я ему ничего не совѣтую.

Досадно: налимы идутъ плохо. Поймалъ до сихъ поръ 3—4, не больше.

3) Боже, какъ я лѣнюсь! Погода виновата: такъ хороша, что нѣтъ силъ на одномъ мѣстѣ усидѣть.

До сихъ поръ я не видѣлъ объявленія о моей книгѣ ни въ Пет. Газетѣ, ни въ Нов. Времени. Суворину посылалъ письмо. Вѣроятно, онъ сердится на меня за мою лѣнь.

4) Викторъ Викторовичъ худѣетъ отъ того, что скучаетъ по мнѣ и не имѣетъ успѣха у женщинъ. Ему нужно застрѣлиться. Кланяйтесь ему.

Слышны почтовые звонки... Кто-то ѣдетъ... Бѣгу глядѣть... Пріѣхалъ гость, а я продолжаю писать.

5) Интересно было бы знать, какимъ образомъ Тимофей и К° починили блокъ на мачтѣ? На верхушку лазили?

6) Завтра буду строчить въ П. Газ., послѣзавтра въ Осколки.

Виньетка вышла удачна. Не знаю, почему, она Вамъ такъ не нравилась! Вообще, книга внѣшностью превзошла мои ожиданія, за что приношу большущее спасибо виновникамъ сего, но внутри она не тово... Слѣдовало-бы кое-какіе разсказы выбросить, а кое-какіе починить. Цѣна нѣсколько велика.

Денегъ нѣтъ, а работать лѣнь. Пришлите мнѣ полки для положенія зубовъ. Но я сдержу слово: пролѣнюсь май, а съ 1-го іюня засяду работать.

Погода у насъ роскошна. Дни ясные, тихіе, а ночи чортъ знаетъ, какъ хороши. Мужики жалуются, что дождя нѣтъ, и ходятъ по полю съ иконами. Погода подозрительно хороша: очевидно, передъ длиннымъ и скучнымъ ненастьемъ...

У меня много больныхъ. Рахитическія дѣти и старухи съ сыпями... Есть 75-лѣтняя старуха съ рожей руки; боюсь, что придется имѣть дѣло съ рожистымъ воспаленіемъ клѣтчатки. Будутъ абсцессы, а рѣзать старуху страшно...

Да, безъ писемъ скучно. На дачѣ интересно получать письма. Скажите И. Греку, что ему давно уже пора написать мнѣ что-нибудь. Вѣдь я почти въ ссылкѣ, à la Юша, и живу перомъ, à la Джокъ.

Май хорошъ, но какъ скучно будетъ въ августѣ! Предвкушаю осень, которая неизбѣжна.

Насчетъ Валаама рѣшитъ судьба: если буду много печататься, то пріѣду, если же буду лѣниться, то путешествіе не состоится. Во всякомъ случаѣ могу пріѣхать не раньше

іюля. Если пріѣду, то съ сестрой. «Зашевелились» очевидно матеріалъ для будущей книги. «Стукинъ и Хр.» мнѣ такъ нравятся, что я даю ихъ всѣмъ читать. Книга тѣмъ хороша, что въ ней трактуется не объ одномъ какомъ-нибудь банкѣ, а вообще о банковскихъ порядкахъ на Руси. Это самая лучшая изъ всѣхъ Вашихъ книгъ. Впрочемъ, она въ своемъ родѣ и сравнивать ее съ другими книгами нельзя.

Какъ у Васъ сошло 9-е мая?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. А за симъ, какъ водится это у порядочныхъ людей, нужно дать Вамъ отдыхъ и, переставъ надоѣдать, пребыть уважающимъ

А. Чеховъ.

86 г. іюня 24. Иванъ-Купало.

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Вернувшись вчера изъ Москвы, я получилъ вашу посылку — вырѣзку изъ «Петерб. Вѣд.». Большое Вамъ спасибо, чортъ знаетъ, какое большое! Не столько благодарю за посыку, сколько за память и вниманіе. Критика Ладожскаго (кто онъ?) не важная. Много словъ, но мало дѣла, но все-таки пріятно и лестно.

«Новости дня», не знаю, чего ради, цѣликомъ перепечатали эту критику, такъ что половина номера занята разговорами о моей особѣ. Были замѣтки въ «Будильникѣ» и въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Вообще книга рекламируется не дурно и безъ всякихъ со стороны моей усилій. Какъ она идетъ? Окупились ли расходы?

Лѣнюсь я по-прежнему. Чортъ ее знаетъ, куда пропала энергія. Денегъ почти нѣтъ, погода чаще плоха, чѣмъ хороша, а на душѣ мерзко, ибо не проходитъ дня, чтобы обошлось безъ душевной передряги. То и дѣло натыкаюсь на мерзкія извѣстія и сюрпризы, такъ что даже боюсь письма получать.

Правда ли, что Пет. Газ. будетъ выходить въ размѣрѣ Figaro?

У меня живетъ Агоѳоподъ, который извиняется, что не успѣлъ повидаться съ Вами и засвидѣтельствовать Вашей семьѣ свое почтеніе. Онъ былъ слѣпъ, но теперь совлекъ съ себя Велизарія и сталъ видющъ. Николай оканчиваетъ прелестный рисунокъ, который пошлетъ завтра. Рисунокъ замѣчательный. Способный человѣчина, но.. vous comprenez; плохой работникъ.

Разрѣшили Вы Тимофею ловить рыбу, или онъ все еще щебень таскаетъ? Ужъ Вы дайте ему побаловаться. Онъ, хоть и глупъ у Васъ, но симпатиченъ и немножко поэтъ.

Въ іюнѣ я не пріѣду: семейныя обстоятельства... Насчетъ іюля ничего не скажу положительнаго. Рыбу я не ловлю. Грыбовъ много, хотя имъ и мѣшаютъ расти безобразно холодныя ночи.

Однако Билибинъ большой молодчина! Фельетоны его въ Газетѣ очень милы и не только подаютъ надежды, но даже свидѣтельствуютъ о крупномъ талантѣ, въ которомъ теперь даже деревянные скептики не усумнятся. Онъ гораздо теплѣе и граціознѣе Буквы... Не хватаетъ только выдержки. Какъ здоровье Прасковьи Никифоровны? Пусть она упрямо принимаетъ прописанныя мною зелья. Даже въ случаѣ діагностической ошибки съ моей стороны, они не могутъ принести ничего, кромѣ пользы, но я едва ли ошибся. Діагнозъ мой тѣмъ болѣе вѣренъ, что я держусь его и доселѣ. Если Вы пріймете во вниманіе, что kal. jodatum не помогало (какъ Вы мнѣ говорили), то согласитесь со мной сами...

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ. Дожди у насъ идутъ ежедневно, но травы, благодаря весенней засухѣ и ночнымъ холодамъ, плохи.

Не давайте мужикамъ ялапы. Къ чему, если есть касторка?

За симъ въ ожиданіи отъ Васъ письма, жму руку и пребываю уважающимъ

А. Чеховъ.

86 г. августа 20.

Пишу Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, не по дачному адресу, а на редакцію, ибо не знаю, перебрались Вы въ городъ, или нѣтъ... Ваше письмо получилъ. Счастливцы Вы, право, что у Васъ сѣверянъ было лѣто... У насъ было не лѣто, а сплошное чортъ знаетъ что: дождь, дождь и дождь.. Въ настоящее время вѣтеръ, холодище и тяжелыя тучи. Реомюръ показываетъ 4,5 тепла. Скука и стремленіе къ чему-нибудь зашибательному въ родѣ пьянства...

Разсказа къ предъидущему № я не посылалъ Вамъ, ибо, откровенно и честно говоря, не было темы. Думалъ, думалъ и ничего не выдумалъ, а чепуху посылать не хочется, да и скучно. За то я взялъ слово съ Агафопода, который гостилъ у меня, что онъ обязательно пошлетъ Вамъ разсказъ и увѣдомитъ Васъ, что я къ оному № ничего не пришлю.

Въ Москву я переберусь въ началѣ сентября, когда соберу толику денегъ, необходимую для перевозки. Квартиру нашелъ я себѣ (650 р. въ годъ) въ Кудринѣ на Садовой, д. Корнѣева.

Квартира, если вѣрить сестрѣ, хороша. Отъ центра не далеко и мѣсто чистенькое... Кстати, гдѣ теперь П. О немъ ни слуху, ни духу... Какъ-то онъ съ квартирой? Опять будетъ жить гдѣ-нибудь у чорта на куличкахъ, съ чадомъ, съ сыростью, съ низкими потолками, но безъ ... Впрочемъ, поэты выше ... !

У меня къ Вамъ просьба и, представьте, денежная. Вывозите! Собака домовладѣлецъ, у котораго я буду жить, требуетъ плату за 2 мѣсяца впередъ, а у меня сейчасъ ни шиша. Рублей 50 я могу достать въ Москвѣ; больше брать у москвичей не хочу, да и чортъ съ ними, не пріятно обя-

зываться... Вы пришлите мнѣ 70 рублей. Суть не въ количествѣ, а въ томъ, чтобы эти деньги были получены мной ранѣе 1-го сентября—срокъ платежа. Стало быть, премного обяжете (по гробъ жизни), если не медля сдѣлаете распоряженіе о высылкѣ сихъ денегъ. Высылайте ихъ по адресу: Москва, Теплые Ряды, Амбаръ И. Е. Гаврилова, Павлу Егоровичу Чехову, т. е. моему родителю, который и заплатитъ за квартиру. Только, ради Аллаха, не медля, ибо послѣ 1-го деньги ужъ не нужны будутъ. О высылкѣ ихъ благоволите увѣдомить меня по Воскресенскому адресу. Вотъ и все...

Получилъ приглашеніе изъ «Русской Мысли». Вашъ разсказъ «Въ Строгановскомъ Саду» самый удачный изъ всѣхъ Вашихъ лѣтнихъ разсказовъ. Хорошъ, какъ мелочишка, и «баргамотъ».

Что это за художникъ Полей?

Простите, что я манкирую въ перепискѣ. Дрессирую себя по возможности, но ни хера не выходитъ.

Вы удлиннили конецъ «Розоваго чулка». Я не прочь получить лишніе 8 копѣекъ за лишнюю строчку, но по моему мнѣнію «мужчина» въ концѣ не идетъ... Рѣчь идетъ только о женщинѣ... Впрочемъ, все равно...

Пріѣхалъ ли Худековъ?

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ, и Вамъ жму руку и пребываю уважающимъ

А. Чеховъ.

86 г. сентября 20.

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ не тотчасъ по пріѣздѣ, какъ обѣщалъ въ послѣднемъ письмѣ, а недѣлю спустя. Переѣздная сутолока, возня съ убранствомъ комнатъ, угаръ новой квартиры и сплошное безденежье совсѣмъ сбили меня съ панталыку. А тутъ еще, словно на закуску, третьяго дня хватила меня холерина, отъ которой я еще и доселѣ не приду въ себя. Теперь о дѣлѣ... Сегодня получилъ изъ Вашей конторы 20 экз. моей книги. Merci за хлопоты. Новаго рѣшительно ничего. П. не видѣлъ, Агафоподъ въ Москвѣ, Николай не показывается. Живу въ Кудринѣ на Садовой — мѣсто чистое, тихое и отовсюду близкое, не то что Якиманка. Какъ Вы поживаете и нѣтъ ли чего новаго въ области Осколковъ? Все ли благополучно и ясно ли небо на юмористическомъ горизонтѣ? А propos, московскіе юмористы благоденствуютъ... Будильникъ на прежней точкѣ замерзанія, Развлеченіе погибло (хотя и избавилося отъ К.), но за то Сверчокъ растетъ не по днямъ, а почасамъ. Братья Вернеры то и дѣло катаютъ въ Парижъ и обратно. Купили себѣ типографію, завели газовый двигатель, трафаретъ, пригласили парижскаго Люка и проч. проч. Живутъ шикарями. Ихъ «Вокругъ Свѣта» имѣетъ болѣе 20 тысячъ подписчиковъ, а Сверчокъ хватилъ за 5 тыс. Каковы ребята? Вотъ Вамъ и жилетки съ лошадями. Энергичны до чортиковъ и можно ручаться, не слетятъ съ занятой ими теперь позиціи.

У меня полное отсутствіе денегъ. Вѣрите ли, заложилъ часы и золотую монету. Ужасно глупое положеніе! Недѣлю тому назадъ писалъ Буйлову, чтобы онъ выслалъ мнѣ гонораръ, но отвѣта доселѣ не получаю. Нравится мнѣ Новое Время: оно высылаетъ тотчасъ же по востребованіи, а Буй-

ловъ нестерпимо долго почесывается. Неужели всѣ такъ вяло получаютъ у него деньги?

Вы живете еще на дачѣ... Не завидую Вамъ, хотя и въ городскомъ моемъ житьѣ нѣтъ ничего веселаго. Сижу дома и изрѣдка хожу смотрѣть Давыдова, который играетъ теперь у Корша. Эка, Питеръ прозѣвалъ какого актера!

Почему-то вспомнилъ про Пастухова. Онъ по-прежнему въ силѣ и славѣ. Сонмы Г. и П. витаютъ около него и поютъ ему: «Радуйся!». Новости Дня страдаютъ аглицкой болѣзнью. Питаніе отвратительное. Русскія Вѣдомости сохнутъ и сохнутъ отъ большого ума, Курьеръ опустился окончательно...

Пишите мнѣ про Тосну, про Вашихъ псовъ, про почту гдѣ Апель подрался съ кошкой!.. Все ли около Вашего дома торчитъ заводъ съ прокоптѣвшей трубой и все ли Тосна запружена баржами? Одно у Васъ несносно—это многолюдство...

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Отъ Васъ жду письма. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я сообщалъ Вамъ свой новый адресъ. На случай потери сообщаю еще разъ:

Садовая—Кудрино, д. Корнѣева.

Воображаю, какъ холодно и сыро ѣздить теперь на пароходѣ! Хорошо еще, что водка не дорога... На «Георгіѣ» очень вкусна и дешева солонина.

Кланяйтесь всѣмъ редакціоннымъ и конторскимъ. За симъ жму руку и пребываю

Вашъ А. Чеховъ.

1886 г. Октября 23. Но увы! послано только 27-го!

Добрѣйшій

Николай Александровичъ!

Первымъ долгомъ про П. Я былъ у него и бесѣдовалъ про боговъ, луну и про все то, что не подъ стать нашей хмурой эпохѣ. Послѣ долгой бесѣды, уснащаемой отрыжкою Фефелы и подчиваніемъ, я пришелъ къ конечному и прочному заключенію, что онъ поэтъ siu generis, что онъ можетъ быть только П... Перекроить его, заставить писать на иныя темы такъ же трудно, какъ заставить его потолстѣть. Боги вошли ему въ плоть и кровь, онъ сроднился съ ними, любитъ ихъ, все же остальное считаетъ пошлостью, не достойною его пера. По своему онъ правъ и разубѣждать его—напрасный трудъ.

Далѣе, по моему, нѣтъ надобности изъ П. дѣлать другого человѣка. Поэтъ онъ оригинальный и не смотря на однообразіе стоитъ гораздо выше и читается охотнѣе, чѣмъ десятки поэтиковъ, жующихъ злобу дня.

Судя по письму Билибина, мой гонораръ повелъ къ недоразумѣнію (конторскому). Спѣшу сообщить, что я получилъ его.

Отъ Худекова ни слуху, ни духу. Очевидно, надъ моимъ сотрудничествомъ въ Пет. Газ. поставленъ крестъ. Такъ тому и быть.

Получилъ приглашеніе отъ Всем. Иллюстраціи. Буду туда строчить. Ничего не знаете про сей журналъ и его порядки? Предлагаютъ по 10 коп.

Здоровье мое лучше, карманъ же по прежнему въ чахоткѣ...

Когда прослышите, что Григоровичъ вернулся изъ-за границы, будьте добры увѣдомьте...

Получилъ отъ Ѳедорова, издающаго въ Питерѣ «Дешевую библіотеку», приглашеніе прислать что-нибудь. Кто сей Ѳедоровъ? И что я могу послать ему? Вы опытнѣе меня, научите, какъ отвѣтить...

Въ концѣ октября ждемъ Васъ. П. почти сосѣдъ мой, такъ что Вамъ не придется дѣлать длинныхъ концовъ. Отъ меня же всюду близко.

Я послалъ Вамъ разсказъ «Бука», но кажется неудачный, по крайней мѣрѣ гораздо худшій Вашего «Праздничнаго», который Вамъ чертовски удался. Очень хорошій разсказъ. Одна есть въ немъ фраза, портящая общій тонъ, это—слова городового: «въ соблазнъ вводишь казеннаго человѣка»: чувствуется натяжка и выдуманность. Мужичонка картиненъ и я себѣ рисую его.

Кланяется Вамъ Агафоподъ. Николай здоровъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Л. негодуетъ за то, что Вы напечатали стихотвореніе по адресу Будильника:

— Я съ нимъ познакомился, толковалъ о враждѣ газетъ и журналовъ, онъ соглашался со мной, а самъ...

1886 г. 22-го Ноября. (Или же, если запоздаетъ Агаф. 24-го)

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Прилагаемый транспортъ послужитъ отвѣтомъ на Ваше письмо.

Вы найдете и разсказы, и мелочи, и даже небольшую корректуру поэта М., непропущенную цензурой въ Новостяхъ Дня. Поэтъ просилъ меня переслать ее Вамъ, что я и дѣлаю. На Вашъ вопль о пьянствѣ гг. Кобчика и Джока отвѣчу еще: меня поражаетъ и мутитъ эта кричащая распущенность! Не понимаю подобныхъ господъ. Тутъ день прогуляешь и то совѣсть мучаетъ, а они могутъ всю жизнь кутить.

Какъ поживаетъ дочь становаго?

Возьмите «Русскую Мысль» за октябрь и обратите вниманіе на журнальную хронику (разборъ журналовъ). Тамъ Вы увидите рецензію на разсказы, помѣщаемые въ «Природѣ и Охотѣ».

Судя по выдержкамъ, авторы талантливы, но не сознаютъ этого. Одну выдержку, гдѣ описывается дрессировка, Вы прочтете съ громаднымъ удовольствіемъ. Пишу Вамъ сіе вотъ для чего: не найдете ли Вы цѣлесообразнымъ пригласить сотрудниковъ «Природы и Охоты» работать въ Осколкахъ? Фамиліи, которыя я уже забылъ, Вы найдете въ Русской Мысли, а приглашеніе можно будетъ сдѣлать черезъ редакцію Охоты. Свѣжіе люди! Вообще, я думаю, не слѣдуетъ никѣмъ пренебрегать.

Мать, сестра и братья кланяются Вамъ.

Прощайте и будьте здравы.

Вашъ Чеховъ.

86 г. 24 Декабря.

Прежде всего, по христіанскому обычаю, добрѣйшій Николай Александровичъ, поздравляю Васъ, и Ваше семейство съ праздникомъ и съ наступающимъ новымъ годомъ. Совокупно съ поздравленіемъ шлю массу пожеланій. Желаю денегъ, жирныхъ индюковъ, породистыхъ щенятъ, маленькаго живота, остроумныхъ прозаиковъ и грамотныхъ поэтовъ.

За декабрь я послалъ Вамъ 3 разсказа и 3 письма. Получили? Вообще петербуржцы въ высшей степени не аккуратный народъ: не отвѣчаютъ на письма. Не мѣшало бы Вамъ брать примѣръ съ москвичей.

Въ настоящее время я изображаю изъ себя человѣка оболдѣлаго и замученнаго. Три недѣли выжималъ изъ себя святочный разсказъ для Новаго Времени, пять разъ начиналъ, столько же разъ зачеркивалъ, плевалъ, рвалъ, металъ, бранился и кончилъ тѣмъ, что опоздалъ и послалъ Суворину плохую тянучку, которая вѣроятно полетитъ въ трубу. Такъ мучился, что и тысячи цѣлковыхъ гонорара мало... Сегодня у меня мать именинница, я отдыхаю и не вѣрю своимъ глазамъ, что я отдыхаю.

Читалъ разсказъ новаго сотрудника Кулакова. Мнѣ кажется, онъ можетъ писать и ужъ достаточно насобачился. Не понравилось мнѣ, что онъ дебютировалъ съ пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяныхъ словечекъ—есть нѣкотораго рода цинизмъ. Нѣтъ ничего легче, какъ выѣзжать на пьяныхъ...

Видались съ Агафоподомъ?

Отчего это Вы меня печатаете въ нижнемъ этажѣ, въ фельетонѣ? Мнѣ это лестно, хотя съ другой стороны... въ прежніе годы такая честь мнѣ всякій разъ обходилась въ

2—3 рубля, такъ какъ Викторъ Викторычъ почему-то фельетонные разсказы разсчитывалъ по 7 коп.

Кстати: будьте благодѣтелемъ, распорядитесь, чтобы я получилъ свой гонораръ не позже 31-го декабря. Честное слово, я нищъ.

Весь декабрь не работалъ у Суворина и теперь не знаю, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ. Извините, что нарушаю законы Вашей бухгалтеріи, но... что дѣлать?

Получили отъ Николая рисунокъ?

Погода у насъ безнравственная, бленорейная. 3 градуса тепла. Санный путь перестаетъ быть саннымъ.

Прощайте и будьте здравы.

Вашъ А. Чеховъ.

87 г. 12-го Января. Татьянинъ день.

Добрѣйшій Николай Александровичъ!

Не велите казнить, но велите слово вымолвить. Три недѣли не писалъ Вамъ письма, мечтая написать оное при транспортѣ, но увы!, вижу, что приходится посылать письмо въ одиночку, вдовымъ и сирымъ... Опять я не шлю разсказа... Что сей сонъ значитъ, я и самъ не знаю... Моя голова совсѣмъ отбилась отъ рукъ и отказывается сочинительствовать... Всѣ праздники я жилился, напрягалъ мозги, пыхтѣлъ, сопѣлъ, разъ сто садился писать, но все время изъ-подъ моего «бойкаго» пера выливались, или длинноты, или кислоты, или тошноты, которыя не годятся для Осколковъ и такъ плохи, что я не рѣшался посылать ихъ Вамъ, дабы не конфузить своей фамиліи.

Въ Новое Время я не посылалъ ни одного разсказа, въ Газету кое-какъ смерекалъ 2 разсказа, и на какіе шиши я буду жить въ февралѣ, Богъ вѣсть. Вы вообще скептикъ и не вѣрите въ немощи человѣческія, но увѣряю Васъ честнѣйшимъ словомъ, вчера отъ утра до ночи, весь день я промаялся надъ разсказомъ для Осколковъ, потерялъ время и легъ спать, не написавъ странички... О лѣности или нежеланіи, не можетъ быть и рѣчи... Если Вы будете негодовать и браниться, то будете не правы. Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія!

Съ Новымъ годомъ я уже поздравлялъ Васъ. Что у Васъ новаго? Какъ идетъ подписка?

Языческаго бога я не видѣлъ съ самаго декабря.

Почему Суворинъ не напечаталъ его стиховъ, я рѣшительно не понимаю. Стихи я читалъ и онѣ мнѣ очень понравились. Простите, сейчасъ сдѣлалъ кляксу; въ чернильницѣ

завелись у меня коховскія запятыя, бациллы и микрококки свившія тамъ цѣлое гнѣздо...

Праздники въ Москвѣ прошли шумно. По крайней мѣрѣ я не имѣлъ ни одного покойнаго дня: гости, съѣздъ врачей, длинные разговоры и проч... Все время мой кабинетъ брался приступомъ, чѣмъ я отчасти и объясняю свои неудачи на литературномъ поприщѣ.

Между прочимъ былъ у меня Л. Г. Повидимому, это очень порядочный человѣкъ. Онъ молчаливъ, какъ Викторъ Викторовичъ, но и сквозь молчаніе иногда можно бываетъ разглядѣть человѣка.

Если увидите Буйлова, то не забудьте сказать ему, чтобы онъ выслалъ мнѣ Газету съ перваго №. Я не получаю.

Напрасно Осколки отвѣчали Наблюдателю. Отвѣчать, пожалуй, можно только съ рекламными цѣлями, но заступаться и защищаться—не совсѣмъ ловко.

Теперь о щекотливомъ. Счетъ дружбы не портитъ, а посему беру на себя смѣлость написать нижеслѣдующее: Въ виду того, что для «Осколковъ» я начинаю терять цѣну, какъ постоянный, исправный и аккуратный сотрудникъ, въ виду того, что даже въ разгаръ литературной энергіи мнѣ приходится пропускать по 1—2 № почти въ каждомъ мѣсяцѣ, было бы справедливымъ упразднить добавочныя. Не правда ли? Согласитесь со мной и сдѣлайте подобающее распоряженіе. Я буду работать по прежнему, стараясь не пропускать ни одной недѣли, но не могу ручаться, что случаи оболдѣванія уже пе будутъ повторяться. Будутъ и волки сыты, и овцы цѣлы, когда останется одна только построчная плата; я же не понесу убытка, если эта плата будетъ регулирована...

Ждемъ Васъ и Прасковью Никифоровну къ 17-му. Помните, что 17-го въ часъ дня у меня пирогъ.

А за симъ будьте здоровы.

Жму руку.

Вашъ А. Чеховъ.

PS. Въ видахъ экономіи, въ посылаемыхъ мною телеграммахъ фразу «Разсказъ не будетъ», я замѣняю однимъ словомъ «нѣтъ». По сему если получите телеграмму «Нѣтъ. Чеховъ», то это будетъ значитъ, что разсказъ не написанъ. Пишите.

21 марта 87 г.

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Сегодня въ субботу вечеромъ я посылаю курьерскимъ разсказъ въ Газету; кстати надумалъ написать и Вамъ не столько ради словопренія, сколько ради успокоенія Вашихъ бушующихъ нервовъ. Сообщаю Вашимъ «неврамъ» что завтра я обязательно сяду за разсказъ для Осколковъ и вышлю его заказнымъ, такъ что получите Вы его во вторникъ къ вечеру. Не сумлѣвайтесь. На всякій случай я не посылаю Будильнику приготовленный для него «Монологъ кота»; сейчасъ переименую въ монологѣ московскія мѣста на питерскія и спрячу его для Васъ. Стало быть, что-нибудь да вышлю. Для разсказа тема имѣется, такъ что засяду на готовое. Итакъ—будьте покойны.

31-го я ѣду обязательно. До отъѣзда я еще буду писать Вамъ, но и теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ попросить Васъ усиленно писать мнѣ письма на югъ. Пишите мнѣ, не считаясь визитами и не дожидаясь моего отвѣта, а за это я Вамъ буду подробно описывать свое путешествіе, которое по всей вѣроятности выйдетъ страннымъ и дикимъ. Живя въ пустыняхъ и степяхъ, бесѣдуя со звѣрями, я вѣроятно буду сильно скучать по цивилизаціи, а потому Вы поймете цѣну писемъ. Непремѣнно пишите.

Вѣроятно, я простудился въ дорогѣ. Насморкъ, общая слабость, одурѣніе и шумъ въ лѣвомъ ухѣ, должно быть вслѣдствіе катарра лѣвой Евстахіевой трубы. Писать трудно. Больше лежу и лежа читаю. Температура нормальна, аппетитъ хорошъ... Поймите болѣзнь! Никакая медицина не разберетъ.

Погода у насъ мерзкая. Идутъ снѣгъ и дождь, ѣздятъ въ саняхъ и на пролеткахъ, темно и холодно... Самъ чортъ не разберетъ, въ чемъ дѣло.

Вчера узналъ, что бывшій городской голова Третьяковъ велѣлъ купить для себя 2 экз. моей книги. Значитъ, по немножку продается...

Свой южный адресъ сообщу во благовременіи, а пока будьте здоровы и невредимы. Поклонъ Вашимъ.

Вашъ А. Чеховъ.

5 май 87 г.

Вчера, добрѣйшій Николай Александровичъ, ѣздилъ я въ почтовое отдѣленіе въ Ивановку (23 версты) и получилъ тамъ 2 Вашихъ письма: одно, адресованное Вами въ Крестную, другое, пересланное мнѣ изъ Таганрога. Почта здѣсь почитается роскошью, а посему почтовыхъ учрежденій немного, да и тѣ сидятъ безъ дѣла... Чтобы получить письмо, или газету, надо ждать оказіи, а нарочно за корреспонденціей тутъ никто не ѣздитъ. Если будете часто ѣздить зря, т. е. за газетами, то Вы рискуете прослыть бездѣльникомъ, вольнодумцемъ и соціалистомъ.

Вы напрасно сердитесь на мое молчаніе. Радъ бы писать, да почты нѣтъ. И послалъ я Вамъ не одно письмо какъ Вы пишете, а два: одно въ Питеръ, а другое въ село Ивановское.

Сейчасъ я ѣду въ Славянскъ, а оттуда въ Святыя горы, гдѣ пробуду 3—4 дня въ постѣ и молитвѣ. Изъ Святыхъ горъ въ Таганрогъ...

Ужасно: у меня 53 рубля—только. Приходится обрѣзывать себѣ крылья и облизываться тамъ, гдѣ слѣдовало бы ѣсть. Ѣзжу теперь въ III классѣ и какъ только у меня останется въ карманѣ 20 р., тотчасъ же попру обратно въ въ Москву, чтобы не пойти по міру.

Ахъ, будь у меня лишнихъ 200 — 300 руб., показалъ бы я Кузькину мать! Я бы весь міръ изъѣздилъ! Гонораръ изъ Пет. Газ. идетъ въ Москву семьѣ. Возлагаю большія надежды на осколочный гонораръ, который просилъ В. В-ча выслать мнѣ въ Таганрогъ.

Жилъ я послѣднее время въ Донской Швейцаріи, въ центрѣ такъ называемаго Донецкаго кряжа: горы, балки, лѣсочки, рѣчушки и степь, степь, степь... Жилъ я у отставного

хорунжаго, обитающаго на своемъ участкѣ вдали отъ людей. Кормили меня супомъ изъ гуся, клали спать на деревянный диванъ, будили стрѣльбой изъ ружей (въ куръ и гусей, которыхъ здѣсь не рѣжутъ, а стрѣляютъ) и визгомъ наказуемыхъ собакъ, но тѣмъ не менѣе жилось мнѣ превосходно. Впечатлѣній тьма. Поживи В. В. со мной одинъ день, онъ или удралъ бы, или же вообразилъ бы себя гдѣ-нибудь въ Сингапурѣ, или Бразиліи. Вообще я доволенъ своей поѣздкой. Непріятно только безденежье. Невѣроятно, но вѣрно: я выѣхалъ изъ Москвы съ 150 рубл.

Прощайте. Подана лошадь. О геморроѣ потомъ. Сегодня я въ дорогѣ буду до ночи.

Вашъ А. Чеховъ.

Почтеніе Вашимъ.

11 августа 87 г.

Вчера получилъ я Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ, и пишу отвѣтъ сегодня, чтобы отправить его съ нарочнымъ въ Воскресенскъ 12-го, откуда оно пойдетъ въ Питеръ 13-го. Нарочный ѣздитъ въ городъ почти ежедневно, но почта ходитъ и получается не всякій день. Приходится посылать статьи и срочныя письма или съ нарочнымъ на станцію къ почтовому поѣзду (1 р. 25 коп.), или же отсылать съ оказіей въ Москву — тутъ вы найдете объясненіе московскаго штемпеля на моемъ послѣднемъ транспортѣ.

Билибинъ писалъ, что 7-го Вы будете въ Клину, но я не ждалъ Васъ, такъ какъ 7-го былъ проливной дождь и ямщикъ съ Васъ содралъ бы кожу. Изъ Бабкина я не выѣзжалъ отъ 1-го іюля (вѣрнѣе отъ середины іюля), до сегодня, если не считать поѣздокъ въ Звенигородъ и въ окрестности. Выѣду я изъ него въ Москву къ 1 сентября. Если пріѣдете, буду очень радъ и доволенъ, ибо, во-первыхъ, я въ долгу у Васъ за гостепріимство и, во-вторыхъ, скучаю безъ людей.

Я посылаю разсказы на имя Билибина на основаніи Вашего распоряженія, сдѣланнаго въ прошломъ году и не измѣненнаго въ этомъ году. Для меня рѣшительно все равно, каковъ бы адресъ ни былъ, лишь бы разсказы доходили въ срокъ.

Затменіе не удалось. Было облачно и туманно. Наблюдалъ дворню и куръ: занимательно и поучительно. Потемки, очень внушительныя, продолжались съ минуту. Утро прошло весело и кончилось простудой.

Лѣто у насъ было гнусное. Рѣдкій день проходилъ безъ дождя. Помнится только одна жаркая недѣля, все-же остальное время приходилось носить осеннее пальто и спать подъ

одѣяломъ. Урожай на ягоды необычайный. До сихъ поръ никакъ не можемъ одолѣть крыжовника и малину. Жрешь до отвала. Грибовъ не было, но въ августѣ появились. Ежедневно хожу съ братомъ и приношу множество. Бѣлыхъ грибовъ очень мало. Огурцы плохи и дороги. 60 коп. мѣра.

Г. гостилъ у меня и обѣщалъ еще побывать. Это весьма мирный коллежскій ассесоръ, не имѣющій ничего дерзкаго и нахальнаго, а напротивъ смирный и добродушный. Мнѣ не приходилось бесѣдовать съ нимъ объ его отношеніяхъ къ Осколкамъ, а потому объяснить дерзость его писемъ не берусь. Скажу только, что лично мнѣ онъ представляется человѣкомъ хорошимъ, порядочнымъ во всѣхъ смыслахъ и полезнымъ для Осколковъ. Не помѣщать его неудобно, потому что для журнала онъ нуженъ, и къ тому же дерзничанье, т. е. воинственный тонъ писемъ, я полагаю, не можетъ служить поводомъ къ разрыву отношеній чисто оффиціальныхъ. А этотъ тонъ совершенно естествененъ и въ порядкѣ вещей. Сотрудника, какъ бы онъ ни былъ малъ, нельзя обезличивать. Если Вы признаете за собой редакторское право сокращать и не помѣщать статьи, то почему не признать за сотрудникомъ права протеста?

Едва ли въ этомъ году я попаду въ Ивановское. Погода плохая и денегъ совсѣмъ нѣтъ. Боюсь, что останусь долженъ за дачу.

Судя по объявленію въ Нов. Вр.. моя суворинская книжка вышла 9 дней назадъ, но о ней я не имѣю никакихъ слуховъ, хотя за изданіемъ слѣдитъ Александръ. Конецъ Вашей Акулины я читалъ урывками, ибо нить романа была утеряна мною во время поѣздки на югъ. Жалѣю, что не могу сказать Вамъ своего мнѣнія и тѣмъ отплатить за лестный отзывъ о моихъ послѣднихъ разсказахъ. Въ урывкахъ, которыя я помню, Трифону и Акулинѣ приданы Вами черты тра-

гизма, мѣстами удачно и въ мѣру, но боюсь, что Ак. и Тр. въ концѣ романа не будутъ похожи на тѣхъ, которыя были въ началѣ. Надо удивляться Вашей способности писать большія вещи газетно, частями, и памяти Вашей... Неужто Вы не забываете того, что писали мѣсяцъ тому назадъ? Неужели когда пишете конецъ, то читаете начало? Я бы не могъ такъ.

Вы фыркали, когда читали о любовныхъ похожденіяхъ Осколочнаго Феба и о его побѣдахъ... Чтожъ, очень можетъ быть! Судебная медицина указываетъ примѣры, гдѣ не только Фебы, но даже шестирукіе и одноглазые феномены, внушавшіе окружающимъ ужасъ и состраданіе, любили и бывали любимы... Пошлите письмо Феба Мержеевскому.

Скажите откровенно: Вамъ еще не надоѣло редактировать Осколки? Будь я на Вашемъ мѣстѣ, забросилъ бы все къ чортовой матери, положилъ бы денежки въ боковой карманъ и махнулъ бы въ кругосвѣтное плаваніе. Природа на Сингапурѣ выше всякой критики, а кто не любитъ Таитянокъ, тотъ не знаетъ еще, что значитъ блаженство. Жизнь коротка, въ столицѣ она скучна и сѣра... надо пользоваться. Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

2 сентября 87 г.

Сегодня, добрѣйшій Николай Александровичъ, я переѣхалъ въ Москву. Адресъ прошлогодній: Кудринское, Садовая, д. Корнѣева.

Деньги получилъ какъ разъ во время, за что посылаю Вамъ merci.

Рисунокъ Лебедева я не понялъ, согласенъ, но насчетъ Эрберовской кувалды позвольте не согласиться. Для такого журнала, какъ Осколки, реализмъ долженъ исчерпываться въ надписи, а рисунки должны быть возможно изящнѣе, да-съ. Некрасивое къ тому же нисколько не реальнѣе красиваго; въ третьихъ, не то, что въ кафешантанѣ, но даже въ рублевомъ злачномъ мѣстѣ не всѣ имѣютъ такую кувалдистую корпуленцію, какъ въ эрб. рисункѣ; въ четвертыхъ, если хотите, изящная проститутка скорѣе вызоветъ въ читателѣ сочувствіе и состраданіе, чѣмъ грязная... Короче, я не знаю ни одного основанія, въ силу котораго было бы полезно и умѣстно изображать дѣйствительность непремѣнно въ наихудшемъ ея видѣ: вѣдь Осколки—легкое чтеніе!

Дебютъ новыхъ силъ слѣдуетъ привѣтствовать, обставляя его всяческими поддержками и уступками—это мое давнишнее мнѣніе, которое я и теперь подчеркиваю; но, согласитесь, дебютъ г. Юргенсона ничего бы не утерялъ, если бы его рисунокъ не былъ заглавнымъ и крашенымъ; тоже слѣдуетъ сказать и о рисункахъ Брунова. Во-вторыхъ, редакція, по моему мнѣнію, должна утилизировать молодыя силы сначала на мелочахъ. Насколько помню, Эрберъ начиналъ нормально, т. е. съ маленькаго, а Чемодановъ съ ребусовъ...

Насчетъ объявленія литературнаго состава, его оживленія и проч. мы уже раньше говорили и переписывались. Вы пишете, что мы старые сотрудники жуемъ старье. Нѣтъ, мы

остались такими же, какими и были, ибо измѣнить своихъ литературныхъ физіономій мы не можемъ—потому и кажется, что мы жуемъ старье. Благодаря слишкомъ частой работѣ мы надоѣли не публикѣ, которая мѣняется, а самимъ себѣ; пройдетъ еще пять лѣтъ и мы опротивѣемъ, но только самимъ себѣ. Я думаю, что отъ наплыва новыхъ силъ публика выграетъ мало, но мы выиграли бы много; мы пріобрѣли бы право писать такъ, какъ намъ хочется, что болѣе походило бы на литературу, чѣмъ теперешняя поденщина, и мы болѣе были бы довольны собою, чѣмъ теперь.

Я лично охотно писалъ бы въ Осколки не болѣе 1—2 разъ въ мѣсяцъ и непремѣнно юмористическое; такъ какъ повидимому Г. и Е. уже начинаютъ по немногу замѣнять меня, то я такъ и буду поступать.

Необходимо старымъ сотрудникамъ зануздать себя и глядѣть въ оба также и для того, чтобы «не соблазнить и единаго отъ малыхъ сихъ». Поденная, съ плеча срубленная работа старыхъ сотрудниковъ замѣтно развращаетъ молодыхъ и начинающихъ, которые, какъ Вамъ извѣстно, слишкомъ склонны къ подражанію.

Впрочемъ, эта тема неисчерпаема и больше годится для разговора, чѣмъ для письма. Прощайте. Семья благодаритъ за поклонъ.

Вашъ А. Чеховъ.

87 г. 4 Ноября.

Простите, добрѣйшій Николай Александровичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо. Моя пьеса, сверхъ ожиданія—чтобъ ей пусто было!—такъ заѣздила и утомила меня, что я потерялъ способность оріентироваться во времени, сбился съ колеи и, вѣроятно, скоро стану психопатомъ.

Написать ее было не трудно, но постановка требуетъ не только траты на извозчиковъ и времени, но и массы нервной работы. Судите сами: 1) въ Москвѣ нѣтъ ни одного искренняго человѣка, который умѣлъ бы говорить правду; 2) актеры капризны, самолюбивы; наполовину необразованны, самонадѣянны, другъ друга терпѣть не могутъ и какой-нибудь N готовъ душу продать нечистому, чтобы его товарищу Z не досталась хорошая роль. 3) К. — купецъ и ему нуженъ не успѣхъ артистовъ и пьесы, а полный сборъ. 4) Женщинъ въ его труппѣ нѣтъ и у меня 2 прекрасныя женскія роли погибаютъ ни за понюшку табаку.

5) Изъ мужского персонала только Давыдовъ и Кисилевскій будутъ на своихъ мѣстахъ, а остальные выйдутъ безцвѣтными.

6) Послѣ того, какъ я заключилъ условіе съ К., мнѣ дали знать, что Малый театръ (казенный) былъ бы радъ взять мою пьесу. 7) По мнѣнію Давыдова, которому я вѣрю, моя пьеса лучше всѣхъ пьесъ, написанныхъ въ текущій сезонъ, но она неминуемо провалится, благодаря труппѣ.

8) Хотѣлъ вчера взять свою пьесу назадъ, но К. задрыгалъ ногами и руками...

Еще хватило бы на 20 пунктовъ, но довольно и восьми. Можете теперь судить, каково положеніе «начинающаго драматурга», который ни съ того, ни съ сего полѣзъ въ чужія сани и занялся не своимъ дѣломъ.

Утѣшаюсь только тѣмъ, что Давыдовъ и Киселевскій будутъ блестящи. Давыдовъ съ восторгомъ занялся своею ролью.

Отъ К. я возьму не 50 р. за представленіе, какъ Вы совѣтовали, а больше: 8% съ валового сбора, т. е. по 2% съ акта. Таково условіе.

Читателю Осколковъ будетъ гораздо пріятнѣе получить въ премію книгу, чѣмъ дешевую олеографію. Я рядъ, что Вы даете именно книгу, какъ я Вамъ во время оно совѣтовалъ. Но дѣло въ томъ, что на книгѣ-преміи легче осрамиться, чѣмъ на олеографіи. Если бумага будетъ дешевая, типографская краска двадцатирублевая, рисунки плохонькіе и обложка не изящная, то Осколкамъ и лично Вамъ не поздоровится.

Дайте книжку тоньше, но изящнѣе.

Нынѣшняя публика входитъ во вкусъ и начинаетъ понимать... Потому-то братья Вернеры, изящно и французисто издающіе свои книжонки, распродаютъ свои изданія меньше, чѣмъ въ 2 мѣсяца. Это я не утрирую...

Я *убѣжденъ*, что если-бъ я издалъ одинъ томъ Вашихъ разсказовъ такъ, какъ думаю, то это изданіе пошло бы гораздо скорѣе, чѣмъ всѣ Вернеровскія...

Пьеса моя будетъ впервые даваться между 19 и 27 ноября. Стало быть, въ Питерѣ я буду около начала декабря и поговорю съ Вами подробно.

Прѣснову не давайте изданій. Это одинъ изъ самыхъ не популярныхъ и сѣрыхъ книгопродавцевъ. Публика не знаетъ ни Ступина, ни Прѣснова, ни Салаева, продающаго спеціально учебники. Она (я говорю объ интеллигенціи и среднемъ читающемъ классѣ) вѣдаетъ только Суворина, Глазунова, Вольфа, Васильева, Мамонтова, Карбасникова и отчасти Смирнова.

Что новаго въ Питерѣ? Я получилъ отъ Билибина письмо, изъ котораго узналъ, что онъ нынѣ здоровъ. У него, по всѣмъ видимостямъ, былъ мышечный ревматизмъ, (односторонній lumbago). Онъ простудился. Когда будете видѣть его плохо одѣтымъ (плохо, т. е. не тепло), то журите его безъ церемоніи; если же онъ будетъ кашлять, то рекомендуйте ему сидѣть дома. У него не надежный habitus. Достаточно легкой простуды, чтобы свалился.

Поклонитесь Прасковьи Никифоровнѣ и св. Өедору-молчальнику. Прощайте.

Вашъ А. Чеховъ.

87 г. Ноября 15.

Простите, добрѣйшій Николай Александровичъ, и на сей разъ я не посылаю разсказа. Погодите, въ четвергъ идетъ моя пьеса, послѣ нея я опять сяду за столъ и буду строчить аккуратно. Ваши строки относительно постановки пьесъ повергли меня въ недоумѣніе. Вы пишете: «Авторъ постановкѣ только мѣшаетъ, стѣсняетъ актеровъ и въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ только глупыя указанія». На сіе отвѣчу Вамъ сице: 1) авторъ хозяинъ пьесы, а не актеры; 2) вездѣ распредѣленіе ролей лежитъ на обязанности автора, если таковой не отсутствуетъ; 3) до сихъ поръ *всѣ* мои указанія шли на пользу и дѣлалось такъ, какъ я указывалъ; 4) сами актеры просятъ указаній; 5) параллельно съ моей пьесой въ Маломъ театрѣ репетуется новая пьеса Шпажинскаго, который *три* раза мѣнялъ мебель и заставлялъ казну три раза платить деньги за обстановку. И т. д. Если свести автора къ нолю, то получится чертъ знаетъ что... Вспомните-ка, какъ Гоголь бѣсился, когда ставили его пьесу!

Развѣ онъ не правъ?

Вы пишете, что съ Вами согласенъ Суворинъ. Удивляюсь. Недавно Суворинъ писалъ мнѣ: «приструньте актеровъ» и давалъ совѣты, касающіеся этого приструниванія.

Во всякомъ случаѣ спасибо Вамъ за тему: буду писать Суворину и подниму въ письмѣ вопросъ о предѣлахъ авторской компетенціи...

Далѣе Вы пишете: «бросьте Вы къ чертовой матери Вашу пьесу»... Око за око: бросьте Вы къ матери Ваше кредитное общество! Бросить пьесу—значитъ бросить надежду на гешефтъ.

Однако Вамъ надоѣло мое брюзжанье, а посему перейдемъ къ текущимъ вопросамъ.

«Невинныя рѣчи» напечатаны *всѣ* на одинаковой бумагѣ.

Въ Питеръ я пріѣду къ декабрю.

О многомъ потолкуемъ.

Не знаю, что отвѣтить Вамъ на Ваше замѣчаніе о Давыдовѣ. Можетъ быть, Вы и правы. Я сужу о немъ не столько по личному впечатлѣнію, сколько по рекомендаціи Суворина, который писалъ мнѣ: «Давыдову вѣрьте».

Поклонъ Прасковьи Никифоровнѣ и св. Өедору. Моя семья всякій разъ шлетъ Вамъ поклоны, но я, простите, забываю писать объ этомъ.

Когда мы будемъ обѣдать у Тѣстова? Пріѣзжайте.

Вашъ А. Чеховъ.

1887 г. 27 Декабря.

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Если отъ виноватаго можно принять поздравленіе съ праздникомъ, то поздравляю Васъ и желаю всяческихъ благъ земныхъ, небесныхъ и литературныхъ. Виноватъ передъ Вами по самое горло и искренно сознаю это. Обѣшаніе я далъ Вамъ, темы есть, но писать не могъ. До Рождества я не садился писать, ибо думалъ, что мои разсказы Вамъ не особенно нужны: я помнилъ, что въ редакціонной комнатѣ при Билибинѣ, на мое обѣщаніе прислать святочные разсказы Вы отвѣтили мнѣ какъ-то уклончиво и неопредѣленно. Получивъ же на праздникахъ Ваше письмо, я сѣлъ писать и написалъ такую чепуху, которую посовѣстился посылать. Вы пишите, что для Васъ все равно, каковъ бы ни былъ разсказъ, но я не раздѣляю этого взгляда. Quod licet Sovi non licet bovi. Что простится Вамъ и П., людямъ, сдѣлавшимъ свое дѣло, а потому имѣющимъ право иногда понебрежничать, то не простится начинающему писакѣ.

Во всякомъ случаѣ, Вы на сей разъ не сердитесь и войдите въ мое положеніе.

Отчего Вы не даете анонса въ Нов. Времени о Вашей книгѣ? Вы пошлите сказать, чтобы по понедѣльникамъ дѣлали анонсъ. Уже пора даже въ томъ случаѣ, если книга еще не начинала печататься. Еще разъ повторяю: за изданіемъ слѣдите сами, ибо Суворинъ при всемъ своемъ желаніи угодить авторамъ не можетъ бывать въ типографіи. Пожалуста, чтобъ бумага и обложка были поизящнѣй. Вы не признаете этого, но хоть разъ въ жизни попробуйте... Не будьте упрямы. Изданіе Вернера «Невинныя рѣчи» идетъ хорошо, благодаря только тому, что издано не шаблонно.

Спѣлись ли со Щегловымъ? Это большой юмористъ. Прочтите его разсказъ въ рожд. № Нов. Времени и Вы убѣдитесь въ этомъ. Пригласите и Баранцевича.

Разъ въ 2 мѣсяца его можно давать, хотя онъ и не юмористъ.

Видѣлъ Г. и говорилъ ему насчетъ семьи. Смѣется.

Въ моей тугоподвижности, съ какою я работаю у Васъ, ради Создателя не усмотрите злого умысла, не подумайте, что я отлыниваю отъ Осколковъ. Ни-ни! Осколки—моя купель, а Вы—мой крестный батька.

Просковьи Никифоровнѣ и Ѳедѣ поклонъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ. Прощайте, не сердитесь и будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

24 февраля 88 г.

Отвѣчаю, добрѣйшій Николай Александровичъ, на Ваше письмо по пунктамъ:

1) Ваше сѣтованіе на то, что я не подаю о себѣ вѣсточки, подлежитъ кассаціи: дней 5 — 6 тому назадъ я послалъ Вамъ письмо.

2) Въ Питерѣ я пробылъ около половины мѣсяца; вернувшись, живу уже въ Москвѣ почти мѣсяцъ и за все это время ниразу не видѣлся съ П. Откуда же ему извѣстно, что я истекаю кровью, хандрю и боюсь сойти съ ума? Все это плодъ фантазіи поэта, сильно приправленной винными парами. Кровохарканья, Богъ миловалъ, у меня не было съ самаго Питера *). О хандрѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ я веселъ больше, чѣмъ нужно. Денегъ у меня достаточно, весна скоро, состояніе духа отмѣнное. Работаю много, ибо спѣшу покончить съ работой непремѣнно къ апрѣлю, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ расчитываю выѣхать на югъ. Причинъ, которыя заставили бы меня бояться скораго умопомѣшательства, нѣтъ, ибо водки по цѣлымъ днямъ я не трескаю, спиритизмомъ не занимаюсь, поэта П. не читаю и бездѣлью не предаюсь.

3) Посылаю фотографію, гдѣ я чернѣе и серьезнѣе, чѣмъ есмь на самомъ дѣлѣ. Лучшей фотографіи у меня не имѣется. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, а за желаніе имѣть у себя мою рожу—большое merci. Польщенъ.

4) Въ посланномъ мною письмѣ я просилъ кромѣ книги еще кума пожарнаго.

Кланяюсь Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ А. Чеховъ.

Я купилъ себѣ выигрышный билетъ. 1-го марта выиграю 75000.

*) Было, но чуть-чуть.

7 марта 88 г.

Спѣшу отвѣтить на Ваше письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ. Я жду Васъ въ четвергъ Въ 11½ часовъ. Я приготовлю завтракъ, каковой и приглашаю Васъ раздѣлить со мной... Отъ меня поѣдемъ, куда нужно. А главное потолкуемъ.

У меня есть фракъ, но нѣтъ охоты и умѣнья читать. Я не въ состояніи одной минуты почитать вслухъ, тѣмъ паче публично: сохнетъ горло и кружится голова. Итакъ — читать я не буду. Прошу прощенія у Васъ и у В. В. Комарова, и увѣренъ, что Вы не будете въ претензіи, тѣмъ болѣе, что мое отсутствіе не испортитъ вечера.

Пахнетъ кислой капустой и покаяніемъ.

Грузинскій въ Москвѣ. Я скажу ему, чтобы онъ былъ у меня въ четвергъ къ 12 часамъ. Онъ будетъ радъ познакомиться съ Вами.

Почтеніе Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. До свиданья.

Вашъ А. Чеховъ.

10 апрѣля 1889 г.

Добрѣйшій Николай Александровичъ, поздравляю Васъ съ праздникомъ и въ отвѣтъ на Ваше поздравленіе восклицаю: воистину воскресъ. Желаю всего хорошаго.

250 рублевъ я получилъ и благодарю. Кстати о «Пестрыхъ разсказахъ». Будьте добры распорядиться, чтобы Анна Ивановна отправила наложеннымъ платежомъ 5 экземпляровъ «Пестрыхъ разсказовъ» по адресу: «г. Ростовъ на Дону, книжный магазинъ Ѳедора Степановича Романовича, Московская улица». Скидка 30%.

Весну и праздники встрѣтилъ я невесело. Мой художникъ около 25 марта заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, формою сравнительно легкой, но осложнившейся верхушечнымъ процессомъ. Тифозная температура зашалила и въ послѣдніе 5—6 дней перешла въ ту зловѣщую, которой я всегда такъ боялся, когда лѣчилъ тификовъ съ конституціей моего художника. Притупленіе въ правой верхушкѣ, выше и ниже ключицы, хрипы слышатся въ двухъ мѣстахъ соотвѣтственно двумъ гнѣздамъ. Похуданіе.

Вотъ Вамъ сюрпризъ! Перевезъ больного къ себѣ и начиняю теперь его всякою дрянью. Надо бы въ Крымъ, но нѣтъ денегъ.

Билибинъ писалъ мнѣ, что онъ читалъ гдѣ-то, будто я ѣду въ Кіевъ ставить своего «Иванова». Да, не доставало, чтобы я скакалъ по городамъ ставить свои пьесы. Онѣ мнѣ и въ столицахъ опротивѣли. Вѣрнѣе всего, что лѣтомъ я поѣду на воды на Кавказъ, гдѣ открою лавочку и буду лѣчить литературную публику...

Ну, будьте здоровы, поѣзжайте къ себѣ на дачу, веселитесь и не унывайте. Поклонъ Прасковьѣ Никифоровнѣ и Ѳедѣ. Написалъ бы Вамъ еще, да мнѣ еще пять писемъ пи-

сать, въ томъ числѣ Суворину, которому я давно уже не писалъ.

Настроеніе у меня гнусное.

Вашъ А. Чеховъ.

11 май. Г. Сумы, Харьков. губ., усадьба А. В. Линтваревой.

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ изъ теплаго и зеленаго далека, гдѣ я уже водворился купно съ своей фамиліей. Живу я въ усадьбѣ близъ Сумъ на высокомъ берегу рѣки Псла (притокъ Днѣпра). Рѣка широкая и глубокая; рыбы въ ней столько, что если бы пустить сюда Вашего бородатаго Тимофея, то онъ сбѣсился бы и забылъ, что служилъ когда-то у графа Строганова.

Вокругъ въ бѣлыхъ хатахъ живутъ хохлы. Народъ все сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Мужики здѣсь не продаютъ ни масла, ни молока, ни яицъ, а ѣдятъ все сами — признакъ хорошій. Нищихъ нѣтъ. Пьяныхъ я еще не видѣлъ, а крѣпкое слово слышится очень рѣдко, да и то въ формѣ болѣе или менѣе художественной. Помѣщики—хозяева, у которыхъ я обѣдаю, люди хорошіе и веселые.

Очень жалѣю, что Вы почти на все лѣто остаетесь сиротой. Одному на дачѣ скучновато, особливо если кругомъ нѣтъ знакомыхъ, которые симпатичны.

Катаетесь ли Вы на лодкѣ? Прекрасная гимнастика! Я ежедневно катаюсь на лодкѣ и съ каждымъ разомъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что работа веслами упражняетъ мышцы рукъ и туловища, отчасти ногъ и шеи, и что такимъ образомъ эта гимнастика приближается къ общей.

Съ Сатиромъ и Нимфой у меня произошелъ досадный казусъ. Еще до Вашего пріѣзда въ Москву взялъ у меня книгу переплетчикъ (работающій для училища брата); взялъ, запилъ и доставилъ только на Ѳоминой недѣлѣ. Прочесть я не успѣлъ, хотя мнѣ очень хотѣлось покритиковать Васъ. Я читалъ романъ въ газетѣ, помню и купца, и Акулину, и дьяволящую Катерину, и адвоката, и Пантелея, помню завязку и развязку; но знанія дѣйствующихъ лицъ и содер-

жанія романа недостаточно для того, чтобы смѣть сужденіе имѣть. Люди въ романѣ живые, но вѣдь для романа этого недостаточно. Нужно еще знать, какъ Вы справились съ архитектурой. Вообще меня очень интересуютъ Ваши большія вещи и я читаю ихъ съ большимъ любопытствомъ. Стукинъ и Хрустальниковъ, по моему мнѣнію, очень хорошая вещь, гораздо лучше тѣхъ романовъ, которые пекутся бабами, Мачтетомъ и проч. Стукинъ лучше «Рабы» Баранцевича... Главное Ваше достоинство въ большихъ вещахъ—отсутствіе претензій и великолѣпный разговорный языкъ. Главный недостатокъ—Вы любите повторяться и въ каждой большой вещи Пантелеи и Катерины такъ много говорятъ объ одномъ и томъ же, что читатель нѣсколько утомляется. Засимъ, еще одно достоинство: чѣмъ проще фабула, тѣмъ лучше, а Ваши фабулы просты, жизненны и не вычурны. На вашемъ мѣстѣ я написалъ бы маленькій романъ изъ купеческой жизни во вкусѣ Островскаго; описалъ бы обыкновенную любовь и семейную жизнь безъ злодѣевъ и ангеловъ, безъ адвокатовъ и дьяволицъ; взялъ бы я сюжетомъ жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самомъ дѣлѣ, и изобразилъ бы «купеческое счастье», какъ Помяловскій изобразилъ мѣщанское. Жизнь русскаго торговаго человѣка цѣльнѣе, полезнѣе, умнѣе и типичнѣе, чѣмъ жизни нытиковъ и пыжиковъ, которыхъ рисуютъ Альбовъ, Баранцевичъ, Муравлинъ и проч. Однако я заболтался. Будьте здравы. Поклонъ Вашимъ... Пишите.

Вашъ А. Чеховъ.

1890 г. 31 Марта.

Христосъ воскресъ, добрѣйшій Николай Александровичъ! Поздравляю Васъ съ праздникомъ и разговѣвши. Желаю Вамъ здравія, спасенія, во всемъ благого поспѣшенія, а главное—чтобы изобиліе благъ земныхъ на Вашей праздничной трапезѣ не повлекло бы за собой послѣдствій, предусмотрѣнныхъ медициною въ отдѣлѣ желудочно-кишечныхъ заболѣваній. Да хранитъ небо гостей Вашихъ!

Скоро я отправляюсь въ путь. Жду вскрытія Камы. Увидимся мы съ Вами въ декабрѣ, а пока прошу нэ поминать лихомъ меня грѣшнаго. Буду Вамъ писать изрѣдка въ надеждѣ, что Вы не оставите меня безъ Вашихъ писемъ. Въ изгнаніи я буду подобенъ богатому Лазарю, для котораго перстъ, просунутый изъ другого свѣта, служитъ отрадою, о письмахъ же и говорить нечего. На Сахалинѣ я проживу не меньше двухъ мѣсяцевъ. Можете вообразить ту скуку, какую я буду испытывать по вечерамъ. Свои сахалинскіе, японскіе, китайскіе и индѣйскіе адреса сообщу и буду сообщать своевременно.

Какая однако весна! Вчера я соблазнился и поѣхалъ въ Нескучный садъ. Такъ какъ весь февраль и мартъ я просидѣлъ дома безвыходно и не замѣтилъ перехода отъ зимы къ веснѣ, то въ Нескучномъ мнѣ показалось, какъ будто я изъ сугроба попалъ прямо на островъ Таити. Погода отличная и, къ сожалѣнію, нѣтъ дождей. Боюсь, какъ бы это весеннее бездождіе не разразилось чѣмъ-нибудь въ родѣ брюшного тифа.

Когда въ почвѣ происходятъ всякіе процессы гніенія и проч., то важно въ санитарномъ отношеніи, чтобы пары загрязненной почвы, содержащей въ себѣ зародыши болѣзней, были наполнены водою и чтобы такимъ образомъ мс-

ханически было заграждено сообщеніе этихъ зародышей съ атмосфернымъ воздухомъ.

Обѣщано мнѣ было, что я къ апрѣлю покончу счеты за Пестрые разсказы. Но до сихъ поръ я не получалъ ни счетовъ, ни отвѣтовъ на свои письма. А на Пестрые разсказы въ разсужденіи своего путешествія я сильно разсчитывалъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ трудно будетъ выѣхать, прежде чѣмъ я не урегулирую свои денежныя отношенія.

Говорятъ, что Билибинъ получилъ командировку на Кавказъ. Правда-ли? Очень радъ.

Пока въ Москвѣ все обстоитъ благополучно. Слухи о повсемѣстной въ Москвѣ поркѣ сильно преувеличены.

Низко кланяюсь Прасковьи Никифоровнѣ, Ѳедѣ и Спиридону Матвѣевичу.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте насъ грѣшныхъ.

Вашъ А. Чеховъ.

5 Іюнь 1890 г. Иркутскъ.

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Шлю Вамъ душевный привѣтъ изъ Иркутска, изъ нѣдръ Сибирскихъ. Пріѣхалъ я въ Иркутскъ вчера ночью и оченъ радъ, что пріѣхалъ, такъ какъ замучился въ дорогѣ и соскучился по роднымъ и знакомымъ, которымъ давно уже не писалъ. Ну-съ, о чемъ же интересномъ написать Вамъ? Начну съ того, что дорога необыкновенно длинна. Отъ Тюмени до Иркутска я сдѣлалъ на лошадяхъ болѣе трехъ тысячъ верстъ. Отъ Тюмени до Томска воевалъ съ холодомъ и съ разливами рѣкъ; холода были ужасные, на Вознесенье стоялъ морозъ и шелъ снѣгъ, такъ что полушубокъ и валенки пришлось снять только въ Томскѣ въ гостинницѣ. Что же касается разливовъ, то это казнь египетская. Рѣки выступили изъ береговъ и на десятки верстъ заливали луга, а съ ними и дороги; то и дѣло приходилось мѣнять экипажъ на лодку, лодки же не давались даромъ—хорошая обходилась пуда крови, такъ какъ нужно было по цѣлымъ суткамъ сидѣть на берегу подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ и ждать, ждать... Отъ Томска до Красноярска отчаянная война съ невылазною грязью. Боже мой, даже вспомнить жутко! Сколько разъ приходилось починять свою повозку, шагать пѣшкомъ, ругаться, вылѣзать изъ повозки, опять влѣзать и т. д.; случалось, что отъ станціи до станціи ѣхалъ я 6—10 часовъ, и на починку повозки требовалось 10—15 часовъ каждый разъ. Отъ Красноярска до Иркутска страшнѣйшая жара и пыль. Ко всему этому прибавьте голодуху, пыль въ носу, слипающіеся отъ безсонницы глаза, вѣчный страхъ, что у повозки (она у меня собственная) сломается что-нибудь, и скуку... Но тѣмъ не менѣе все-таки я доволенъ и благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силу и возмож-

ность пуститься въ это путешествіе... Многое я видѣлъ и многое пережилъ, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не какъ для литератора, а просто какъ для человѣка. Енисей, тайга, станціи, ямщики, дикая природа, дичь, физическія мучительства, причиняемыя дорожными неудобствами, наслажденія, получаемыя отъ отдыха—все вмѣстѣ взятое такъ хорошо, что и описать не могу. Ужъ одно то, что я больше мѣсяца день и ночь былъ на чистомъ воздухѣ—любопытно и здорово; цѣлый мѣсяцъ ежедневно я видѣлъ восходъ солнца отъ ночи и до конца.

Отсюда ѣду на Байкалъ, потомъ въ Читу, Срѣтенскъ, гдѣ мѣняю лошадей на пароходъ, и плыву по Амуру до своей цѣли. Не спѣшу, ибо желаю быть на Сахалинѣ не раньше 1-го іюля.

Если бы вздумали написать мнѣ, то вотъ Вамъ мой адресъ: Александровскій постъ на о. Сахалинѣ. Почта на Сахалинъ идетъ черезъ Сибирь ежедневно.

Вы спрашивали меня въ послѣднемъ письмѣ, почему за деньгами (Пестрые разсказы) я обратился къ Голике, а не къ Вамъ. Помилуйте, сударь мой, вѣдь Вы раньше писали и говорили мнѣ, чтобы я обращался за деньгами именно къ Голике, а не къ Вамъ. Впрочемъ, это все равно. Будьте здоровы, счастливы, покойны. Какова-то у Васъ погода?

Почтеніе Прасковьи Никифоровнѣ и Өедѣ. До свиданья.

Вашъ Homo Sachaliensis.

А. Чеховъ.

Дорога черезъ Сибирь вполнѣ безопасна. Грабежей не бываетъ.

1890 г. 20 Іюня Горбица.

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Пишу Вамъ сіе, приближаясь къ Горбицѣ, одной изъ казацкихъ станицъ на берегу Шилки, притока Амура.

Вотъ куда меня занесло! Плыву по Амуру.

Изъ Иркутска я послалъ Вамъ письмо. Получили-ли? Съ того времени прошло больше недѣли, впродолженіе которой я переплылъ Байкалъ и проѣхалъ Забайкалье.

Байкалъ удивителенъ и не даромъ сибиряки величаютъ его не озеромъ, а моремъ. Вода прозрачна необыкновенно, такъ что видно сквозь нее, какъ сквозь воздухъ; цвѣтъ у нея нѣжно-бирюзовый, пріятный для глаза. Берега гористые, покрытые лѣсами; кругомъ дичь непроглядная, безпросвѣтная. Изобиліе медвѣдей, дикихъ козъ и всякой дикой всячины, которая занимается тѣмъ, что живетъ въ тайгѣ и закусываетъ другъ другомъ. Прожилъ я на берегу Байкала двое сутокъ.

Когда плылъ, было тихо и жарко.

Забайкалье великолѣпно. Это смѣсь Швейцаріи, Дона и Финляндіи.

Проѣхалъ я на лошадяхъ болѣе 4000 верстъ. Путешествіе было вполнѣ благополучное. Все время былъ здоровъ и изъ всего багажа потерялъ только перочинный ножъ. Дай Богъ всякому такъ ѣздить. Путь вполнѣ безопасный и всѣ эти разсказы про бѣглыхъ, про ночныя нападенія и проч. не что иное, какъ сказки, преданія о давно минувшемъ. Револьверъ совершенно лишняя вещь. Теперь я сижу въ каютѣ перваго класса и чувствую себя въ Европѣ. Такое у меня настроеніе, какъ будто я экзаменъ выдержалъ.

Свистокъ. Это Горбица. Ну, до свиданья, будьте здоровы благополучны. Если успѣю, то опущу это письмо въ

ящикъ, если же нѣтъ, то погожу до Покровской станицы, гдѣ я буду завтра. Почта съ Амура идетъ рѣдко, чуть-ли не 3 раза въ мѣсяцъ.

Привѣтъ Прасковьи Никифоровнѣ и Ѳедѣ.

Вашъ А. Чеховъ.

Берега у Шилки красивые, точно декорація, но увы! чувствуется что-то гнетущее отъ этого сплошного безлюдья. Точно клѣтка безъ птицы.

1890 г. 27 Декабря.

И Васъ тѣмъ же концомъ по боку, добрѣйшій Николай Александровичъ: поздравляю и желаю еще 53 раза отпраздновать Рождество.

Отъѣздъ мой въ Петербургъ отложенъ на неопредѣленное время. Причина тому—скандалъ, происходящій въ моемъ нутрѣ. Со дня моего пріѣзда домой у меня началась такъ называемая перемежающаяся дѣятельность сердца, или, какъ я привыкъ называть сію болѣзнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на нѣсколько секундъ, при чемъ ѳщущается въ груди присутствіе резиноваго мячика; это бываетъ каждый вечеръ, по утрамъ легче. Стоять и лежать могу, сидѣть непріятно. Обдумавъ зрѣло, рѣшилъ: уѣхать на 5—7 дней въ деревню, и какъ только морозъ ослабѣетъ, поѣду. Морозъ 22 градуса.

Изъ деревни пріѣду на день въ Москву, а отсюда махну въ Питеръ.

Если сегодня, или завтра увижу Л., то буду уговаривать его ѣхать въ Петербургъ. Отчего ему не ѣхать. Есть и время, и деньги, и здоровъ какъ быкъ. Слѣдовало бы и П. вытащить изъ его уксуснаго гнѣзда.

Будьте здоровы. Почтеніе Апелю Апеличу и прочимъ сукинымъ сынамъ: Рогулькѣ, таксамъ и тому дворняжкѣ, что по двору бѣгаетъ.

Вашъ А. Чеховъ.

31 мартъ 1892 г. Ст. Лопасня Моск.-Курск. дор.

Здравствуйте, добрѣйшій Николай Александровичъ! Меня извѣстили, что Вы возвратились изъ заграницы, и вотъ я спѣшу написать Вамъ, чтобы поскорѣе получить отъ Васъ обѣщанныхъ таксовъ. Сіи собаки мнѣ весьма теперь нужны, такъ какъ я живу уже не въ городѣ, а въ собственномъ имѣніи, которое я благопріобрѣлъ въ долгъ. 213 дес. земли, изъ нихъ больше 100 д. плохого лѣсу, домъ, садъ и проч. Процентовъ въ годъ платить 480 р. Отъ станціи 9 верстъ, отъ Москвы 2$^1/_2$ часа ѣзды.

Такъ когда же позволите получить таксовъ? Если они уже произошли на свѣтъ, то пошлите ихъ Мих. Алекс. Суворину (Эртелевъ пер.) въ контрагентство, какъ я уже говорилъ Вамъ; Суворинъ пришлетъ мнѣ ихъ съ кондукторомъ. Кстати: не забудьте, посылая таксовъ, дать отъ себя записочку, что вотъ де таксы посылаются въ Москву, близъ Тріумфальныхъ воротъ, Міусское училище, Ив. Павл. Чехову для передачи мнѣ. Только пожалуйста, чтобы таксы не были дѣвочками. Пусть одинъ будетъ мальчикомъ, а другой—дѣвочкой.

На лонѣ природы вспомнилъ я старину и написалъ разсказъ и двѣ мелочишки въ осколочномъ духѣ. Написалъ и бросилъ въ столъ. Какъ-нибудь соберусь съ духомъ, напишу еще нѣсколько штучекъ и пришлю оптомъ.

Въ какихъ мѣстахъ Вы были заграницею? Какая тамъ погода? Эхъ, хорошо бы проѣхаться, да денегъ нѣтъ.

Когда будете въ Москвѣ, милости просимъ ко мнѣ на Лопасню. Ходитъ шесть поѣздовъ, и сообщеніе весьма удобное.

Адресъ для писемъ: Ст. Лопасня М.-К. дороги.

Для телеграммъ: Лопасня. Заказныхъ и денежныхъ писемъ посылать нельзя, такъ какъ они уходятъ въ Серпуховъ

въ ближайшее ко мнѣ почтовое отдѣленіе. А въ Серпуховѣ я буду бывать не чаще одного раза въ 6 мѣсяцевъ.

Самое нехорошее въ моемъ имѣніи это изобиліе земли. Похожъ я теперь на издателя, у котораго 50 тысячъ подписчиковъ и нѣтъ денегъ на бумагу для газеты.

Такъ какъ это письмо Вы получите на Пасхѣ или наканунѣ, то Христосъ воскресъ! Желаю Вамъ всего хорошаго. Пишите, не забывайте захудалыхъ помѣщиковъ.

Вашъ А. Чеховъ.

8 іюнь 1892 г. Ст. Лопасня.

Письмо Ваше получилъ, добрѣйшій Николай Александровичъ. Надо полагать, что Мих. Суворинъ теперь у себя въ имѣніи въ Псковской губ. и что добиться отъ него истины почти невозможно. Сегодня я напишу брату Александру. Если онъ пріѣдетъ ко мнѣ, то лучшей оказіи не придумаешь. Буде понадобятся для собакъ цѣпочки и ошейники, то пожалуйста купите ихъ сами, а потомъ сочтемся. Александръ не съумѣетъ купить, такъ же, какъ и я, ибо намъ никогда еще не приходилось возить собакъ. А видѣть у себя таксовъ я жажду и алчу.

Да, ветеринарія находится еще у насъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Иной разъ посмотришь въ рецептъ и только руками разведешь. Белладона, свинцовый сахаръ, сѣрный цвѣтъ и тому подобная чепуха, прописываемая по старымъ скотскимъ лечебникамъ. Лечебникъ, изданный Посредникомъ для народа, положительно никуда негоденъ. Отсталость ужасная.

У насъ нѣтъ дождей и жарко. Томимся. Рожь прекрасная, но яровые плачутъ. Поливка огородовъ замучала и мою фамилію и прислугу. Странно, у Васъ не цвѣла еще яблоня, а у меня уже краснѣютъ вишни, висятъ яблоки величиной въ три копѣйки, поспѣваютъ клубника и крыжовникъ. Ягодъ въ этомъ году будетъ тьма тьмущая. Одной клубники соберемъ, пожалуй, нѣсколько пудовъ. А куда ее дѣвать?

Книги, о которыхъ Вы писали мнѣ, у насъ есть. Со Шредеромъ я познакомился еще на Сахалинѣ, когда постигалъ мѣстное сельское хозяйство. Но вотъ бѣда, некогда заняться садомъ! Надо бы осмотрѣть каждое деревцо, но я пишу, работники въ полѣ, сестра съ огородомъ, мать по хозяйству... А когда я бываю свободенъ, меня требуютъ или въ поле, или къ плотникамъ, или въ огородъ, или же всѣ лопаты

заняты и нечѣмъ окопать деревья. Занялся я спиливаніемъ сухихъ фруктовыхъ деревьевъ и сучьевъ, но провозился дня три и бросилъ. Старыя деревья клонятся къ землѣ—того и гляди, упадутъ; сливы, прямо въ цвѣту лежали на землѣ и приходилось рубить ихъ, ибо не было спасенія. Надо бы вилы для подпорокъ, но въ лѣсъ некому ѣхать. Подождемъ августа, тогда будетъ посвободнѣе.

Я заказалъ къ осени 100 кустовъ сирени и 50 деревъ Владимірской вишни. Въ томъ мѣстѣ, которое я теперь огородилъ фундаментальной рѣшеткой и которое служитъ продолженіемъ нашего сада, прійдется посадить не менѣе 700 деревъ. Выйдетъ садъ превосходный и лѣтъ черезъ 8 — 10 мои наслѣдники будутъ имѣть съ него хорошій доходъ. Въ будущемъ году заведу пасѣку.

Гречка у меня превосходная, а пчелъ нѣтъ.

Благодарилъ ли я Васъ за книги? Я ихъ давно уже получилъ. Простите, я невѣжливый человѣкъ, не высылаю Вамъ своихъ книгъ... Утѣшаю себя мыслью, что пришлю ихъ Вамъ всѣ сразу.

Александръ меня удивилъ. Выпустилъ Исторію пожарнаго дѣла. Это очень хорошо. Онъ и ко мнѣ обращался насчетъ сынишки, я обѣщалъ навести справки, но въ моемъ архивѣ такая масса писемъ, что подступить страшно.

Низко кланяюсь Вашимъ и желаю теплой, сухой погоды. Будьте здоровы и благополучны.

Вашъ А. Чеховъ.

9 апрѣля 1900 г.

Христосъ воскресъ, многоуважаемый и дорогой Николай Александровичъ! Спѣшу поздравить Васъ съ сорокалѣтіемъ Вашей литературной дѣятельности и пожелать Вамъ всего хорошаго! Дай Вамъ Богъ здоровья—это главное, а остальное само приложится, какъ Вами завоеванное и давно заслуженное.

Прасковью Никифоровну поздравляю и отъ души желаю ей всего лучшаго. Съ истиннымъ уваженіемъ Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Чеховъ.

Послѣ Вашего юбилея буду писать Вамъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Сегодня читать Вамъ некогда, а мнѣ писать — не здоровится.

2007084346